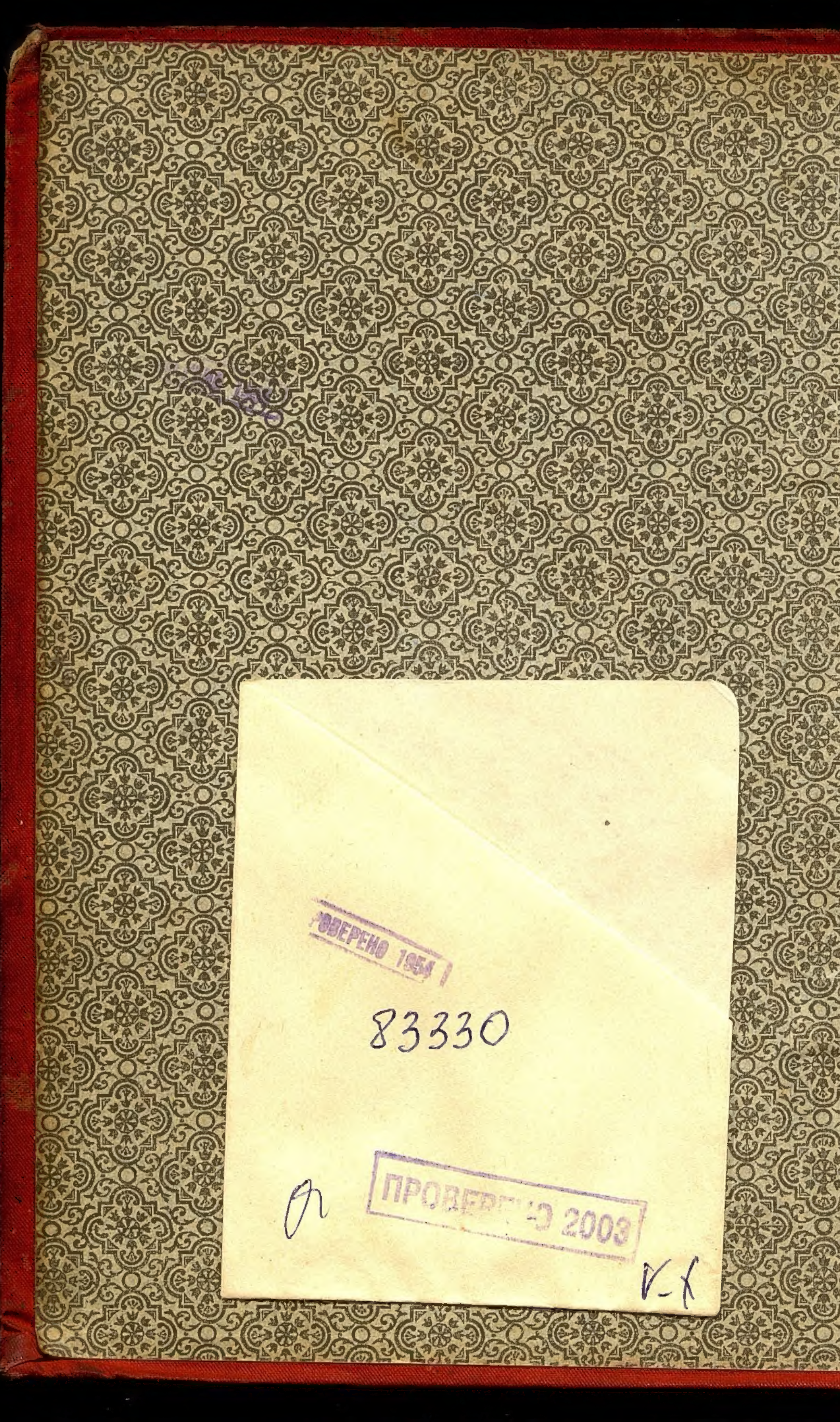
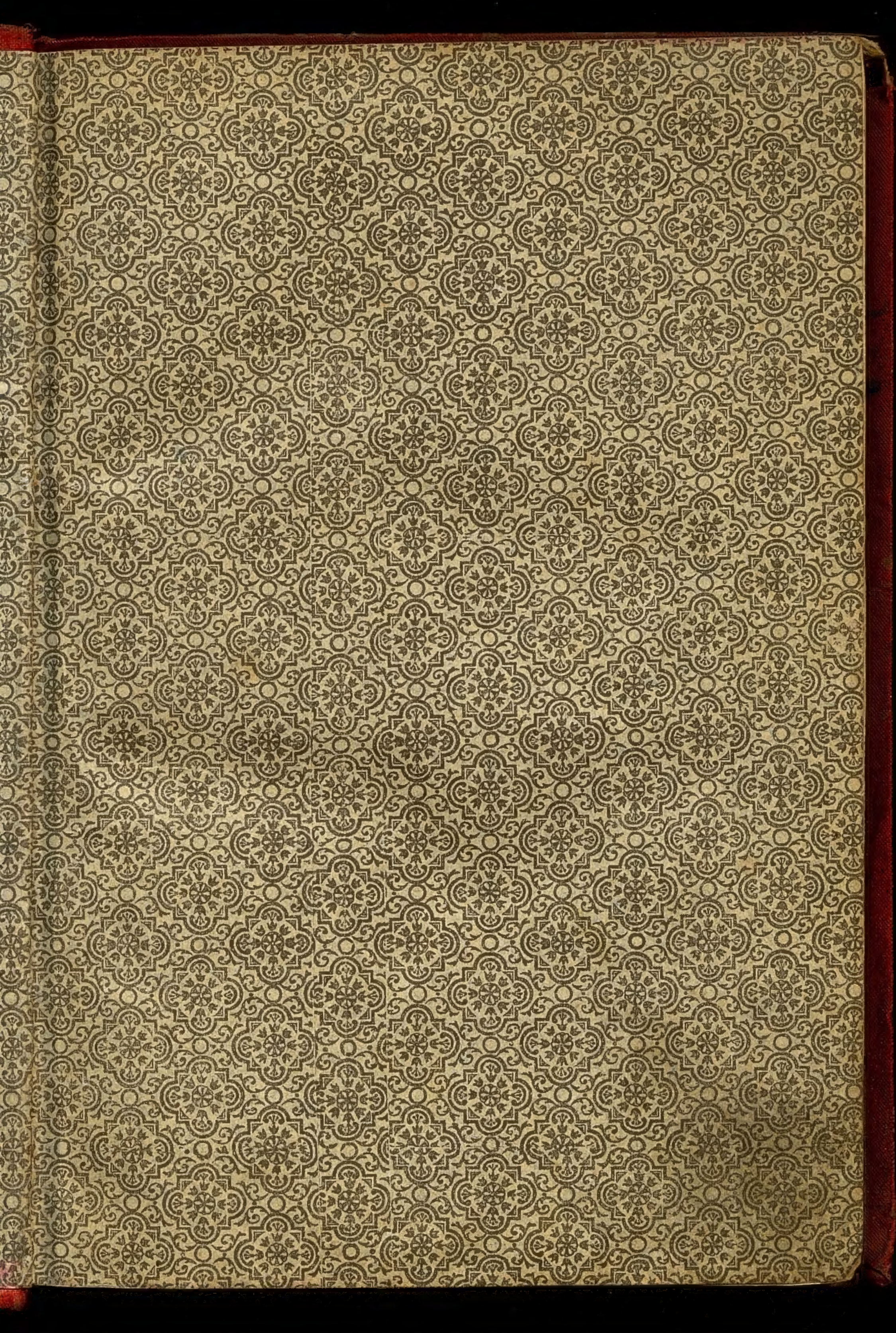
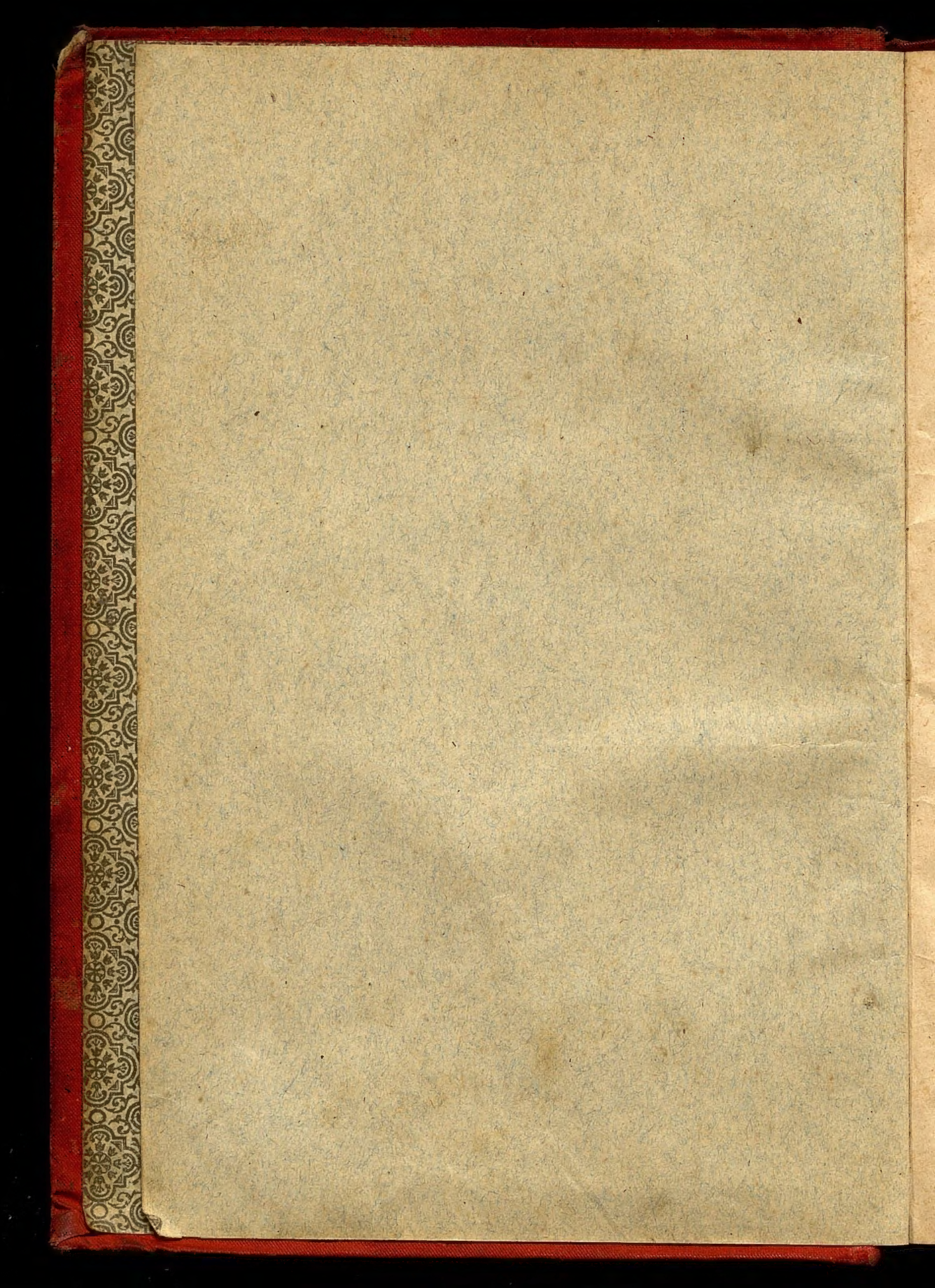

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

СОКРАЩЕННАЯ

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

СОСТАВИЛА

Александра Ишимова

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія къ употребленію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ видѣ учебнаго руководства.

СЪ КАРТИНКАМИ, ГРАВИРОВАННЫМИ НА ДЕРЕВѢ.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, № 12
1879

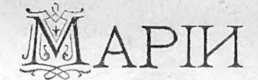
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 13 Декабря 1878 года.

Ея Императорскому Высочеству

Государынѣ

Великой Княгинѣ

Цесаревнѣ

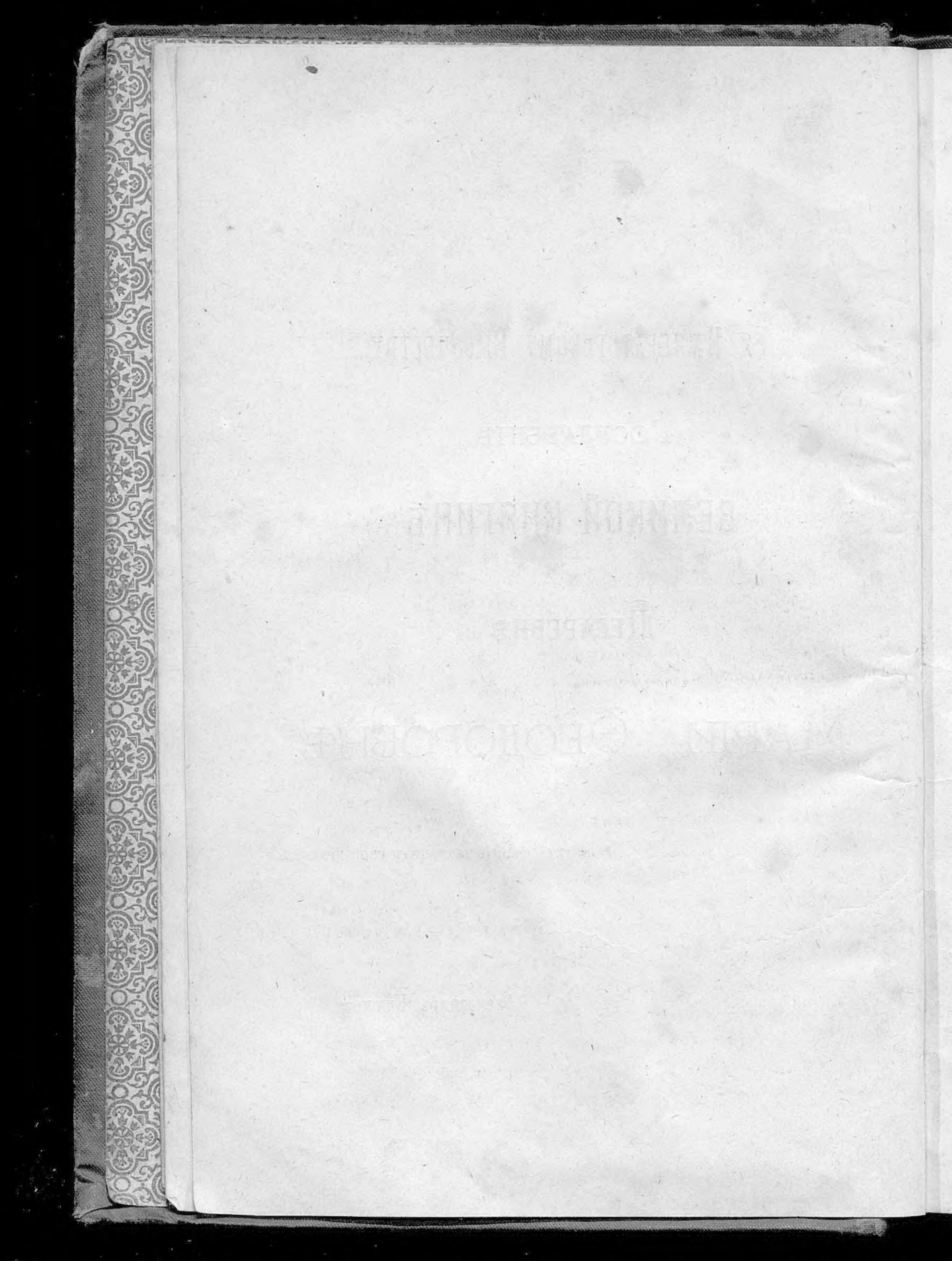

Маріи Ѳеодоровнѣ

имѣетъ счастіе посвятить свой трудъ

всепокорнѣйшая и преданнѣйшая

Александра Ишимова.

СОКРАЩЕННАЯ РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ основанія государства до принятія христіанской вѣры Св. Владиміромъ.

Съ 862 до 988 (126 лѣтъ).

I.

Первые обитатели земли Русской.

Государство наше, безпримѣрное по своему пространству, представляетъ въ Европейской части своей, гдѣ было его начало, обширную равнину, окруженную пятью морями: Сѣвернымъ, Балтійскимъ, Чернымъ, Азовскимъ и Каспійскимъ. По этой равнинѣ, имѣющей только на срединѣ своей нѣкоторыя возвышенности, легко было проходить и кочевать разнымъ племенамъ, особливо въ эпоху великихъ переселеній народовъ въ первые вѣка христіанства. Такъ проходили тутъ и Скиѳы, и Сарматы, и Готѳы, и Гунны, и Авары. Послѣдніе три народа недолго оставались здѣсь и ушли далѣе на западъ; Скиѳы же и Сарматы вѣроятно кочевали по землѣ нашей долѣе другихъ народовъ, потому что памятниками ихъ остались до сихъ поръ курганы, покрывающіе почти всю южную

полосу Россіи, извѣстные подъ названіемъ *Скиѳскихъ могилъ.* Но ошибочно было бы принимать Скиѳовъ и Сарматовъ за предковъ нашихъ, потому что когда броженіе кочевыхъ народовъ кончилось, на обширной равнинѣ нашей оказалось только три осѣдлыхъ народа: Славяне, Литовцы и Финны.

Славяне были главными изъ нихъ по своей многочисленности и по тому обширному пространству, которое они занимали на землѣ нашей. Нельзя опредѣлить, когда именно они пришли сюда, но достовѣрно извѣстно, что они первоначально пришли изъ Азіи и принадлежали къ тѣмъ же Арійцамъ, отъ которыхъ произошли почти всѣ другіе народы европейскіе. Сначала часть ихъ поселилась на берегахъ Дуная, а оттуда перешла на берега Днѣпра и Днѣстра. Мало по малу они распространялись оттуда въ разныя стороны и въ половинѣ IX вѣка по Р. Х. жили уже и около озера Ильменя и на Западной Двинѣ, а къ востоку—на рѣкѣ Окѣ. И эти дунайскіе, или лучше сказать *наши* Славяне раздѣлялись также на нѣсколько племенъ, изъ которыхъ значительнѣйшими были: Кривичи, Древляне, Поляне, Радимичи, Вятичи.

Всѣ эти племена занимали средину земли нашей отъ Днѣпровскихъ береговъ до озера Ильменя; къ западу отъ нихъ, по рѣкамъ Нѣману и Западной Двинѣ, жила Литва или Литовцы, народъ также родственный Славянамъ, что доказывается сходствомъ языковъ ихъ.

Наконецъ третьи постоянные обитатели земли нашей въ IX вѣкѣ—Финны—были самыми близкими сосѣдями Славянъ, къ сѣверу и сѣверовостоку. Этотъ народъ, такъ же какъ и Славяне, раздѣлялся на многія племена. Главныя изъ нихъ были: *Чудь* въ Эстоніи около Чудскаго озера; *Ямь* — въ Финляндіи; *Весь* — на Бѣломъ озерѣ; *Мурома* — на рѣкѣ Окѣ; *Пермь*—въ нашей нынѣшней Пермской губерніи. Финскія племена представляли рѣзкую противоположность съ Славянами. Славяне были сильны, бойки, красивы, съ темными волосами и румянымъ цвѣтомъ лица. Финны же, напротивъ того, блѣдны, некрасивы, неповоротливы, съ свѣт-

лыми волосами и такими же глазами, отчего Славяне и называли ихъ иногда *Чудью бѣлоглазою*.

Кромѣ этихъ трехъ народовъ, на пространствѣ Европейской Россіи жили еще по берегамъ Волги, въ нынѣшней Казанской губерніи, полуосѣдлый народъ турецкаго племени—*Болгары*, а по Дону и на Крымскомъ полуостровѣ—*Козары*. Козары были народъ смѣшанный изъ различныхъ племенъ: у нихъ были и христіане, и магометане, и язычники, но главный начальникъ народа, называвшійся *Каганомъ*, былъ еврейскаго исповѣданія.

II.

Начало Русскаго государства.

Посреди этихъ разноплеменныхъ народовъ, обитавшихъ на землѣ нашей, является въ началѣ IX-го вѣка новый, не селившійся тамъ, но только проходившій по обширному пространству его съ сѣвера на югъ. Этотъ народъ—были Норманны, жители Швеціи, Норвегіи и Даніи, извѣстныхъ тогда подъ однимъ общимъ именемъ Скандинавіи. Такъ какъ Скандинавія лежала на сѣверѣ Европы, то жителей ея и называли Норманнами, т. е. *сѣверными людьми*. Но Славяне звали ихъ по-своему—*Варягами*.

Норманны дѣлали много зла въ Европѣ. Такъ какъ въ землѣ ихъ, бѣдной хлѣбомъ, трудно было жителямъ доставать все, что̀ нужно для пропитанія, то они и не любили оставаться дома, выѣзжать же оттуда было имъ удобно: такъ какъ Скандинавія почти со всѣхъ сторонъ окружена моремъ, то они съ дѣтства привыкали къ нему и были потомъ отличными моряками, смѣло пускавшимися на судахъ своихъ по разнымъ морямъ. Не вывозя никакихъ товаровъ изъ бѣдной земли своей, а между тѣмъ желая разбогатѣть, они нападали на чужіе берега, отнимали у жителей ихъ все, что̀ могли отнять, и кромѣ того еще налагали на нихъ дань.

Такимъ образомъ они сдѣлались страшны многимъ европейскимъ государствамъ, и въ IX вѣкѣ показались и въ нашей землѣ.

Первыя, подпавшія здѣсь подъ власть ихъ, были финскія племена, жившія на берегахъ Финскаго залива. Отсюда не трудно было имъ добраться и до Славянскихъ земель, тѣмъ болѣе, что мимо нихъ лежалъ давно извѣстный водный путь въ богатую Грецію, до которой Норманны уже доходили въ своихъ морскихъ разъѣздахъ. Этотъ водный путь, проходившій чрезъ все пространство славянскихъ земель отъ сѣвера на югъ, былъ самый близкій къ Скандинавіи. Начинаясь у Финскаго залива, онъ шелъ рѣкою Невою, Ладожскимъ озеромъ, рѣкою Волховомъ, озеромъ Ильменемъ и рѣкою Ловатью. Отсюда надобно было перетаскивать лодки на рукахъ до верховьевъ Днѣпра, впадающаго въ Черное море, по которому уже легко было дойти до Царьграда, столицы Греческой имперіи.

И такъ, пользуясь этимъ путемъ, Норманны или — какъ называютъ ихъ въ нашихъ лѣтописяхъ—Варяги познакомились съ Славянами, и можетъ быть покорили ихъ своей власти, что и не трудно было сдѣлать по причинѣ отдѣльныхъ селеній славянскихъ, разбросанныхъ на большихъ пространствахъ и разъединенныхъ ссорами.

Однакоже древнѣйшій и достовѣрнѣйшій лѣтописецъ нашъ— Несторъ разсказываетъ, что Славяне не всегда платили дань Варягамъ, что случалось имъ иногда, соединившись вмѣстѣ съ сосѣдями своими, Финнами, вести войну съ Варягами, и даже однажды они совсѣмъ прогнали ихъ изъ земли своей, но по своей несчастной склонности къ спорамъ и привычкѣ жить отдѣльными племенами безъ всякихъ законовъ, кромѣ своего *вѣча* — т. е. народнаго собранія, на которое народъ сходился разсуждать о дѣлахъ своихъ — Славяне не могли устроить у себя правильнаго образа правленія и должны были рѣшиться просить себѣ правителя у чужаго народа, у тѣхъ же Варяговъ, которымъ прежде платили дань. Лѣтописецъ сохранилъ даже самыя слова славянскихъ пословъ Ва-

рягамъ: «Земля наша велика и богата, а порядка въ ней нѣтъ; приходите княжить и владѣть нами». Такая удивительная просьба народа независимаго и всегда чувствовавшаго свою силу, можетъ быть объяснена только сильными внутренними безпорядками, какіе происходили тогда у Сла-

Рюрикъ и Славяне.

вянъ, невозможностію ихъ выбрать съ общаго согласія государя изъ своихъ соотечественниковъ и тою живѣйшею заботливостію о благосостояніи общественномъ, которая можетъ заставить людей желать даже чужой власти для прекращенія ужасовъ безначалія.

Три брата изъ князей варяжскихъ, племени Русь, приняли предложеніе Славянъ и вмѣстѣ съ дружинами и родственниками своими отправились въ землю ихъ, въ 862 году. Старшій, *Рюрикъ*, поселился въ Новгородѣ, въ главномъ городѣ сѣверныхъ или новгородскихъ Славянъ; второй, *Синеусъ* — на берегу Бѣлаго озера, а третій, *Труворъ* — въ нынѣшней Псковской губерніи, въ городѣ Изборскѣ. Отъ этихъ князей изъ народа *Варяго-Русь* и земля наша начала называться *Русью*.

Новѣйшіе историки много трудились надъ тѣмъ, чтобы узнать, какой именно народъ была эта Русь, и одни считаютъ его Финнами, другіе—Литовцами, третьи—Славянами изъ Помераніи, но вѣрнѣе всего они, судя по именамъ первыхъ князей нашихъ, принадлежали къ племени, родственному съ Норманнами или Скандинавами и по всѣмъ вѣроятностямъ изъ шведской области *Рослагена*, которая и теперь существуетъ подъ этимъ именемъ близъ Стокгольма, и которую въ то время Славяне и Финны называли *Русью*.

III.

Первые государи Русскіе.

Вскорѣ послѣ того, какъ у сѣверныхъ Славянъ общими усиліями ихъ и варяжскихъ князей основалось Русское государство, и на югѣ у днѣпровскихъ Славянъ явилось также новое Варяжское княжество: два князя или просто два единоземца Рюрика—*Аскольдъ* и *Диръ*, по своей норманнской охотѣ къ завоеваніямъ, не остались съ нимъ сидѣть праздно въ Новгородѣ, но отправились далѣе на югъ славянскихъ земель, отняли у Полянъ городокъ ихъ *Кіевъ*, освободили ихъ отъ дани, какую они платили Козарамъ, и сдѣлались государями ихъ, какъ Рюрикъ и братья его были у сѣверныхъ Славянъ.

Третье Варяжское княжество около того же времени основано было Варягами въ Полоцкѣ у Славянъ, жившихъ по берегамъ Западной Двины. Княземъ этого новаго владѣнія былъ *Рогвольдъ.*

Главный изъ этихъ варяжскихъ государей, Рюрикъ, вскорѣ сдѣлался владѣтелемъ всей Новгородской области; оба брата его скончались черезъ два года послѣ прибытія ихъ къ Славянамъ. Рюрикъ построилъ нѣсколько новыхъ городовъ *), помѣстилъ въ каждомъ—отряды дружины своей для защиты жителей отъ непріятелей и въ то же время для того, чтобы сами жители не возставали противъ власти призванныхъ ими князей, какъ это было уже однажды въ Новгородѣ.

Спустя семнадцать лѣтъ, именно въ 879 году, Рюрикъ скончался и наслѣдникомъ его, за малолѣтствомъ сына его Игоря былъ родственникъ его *Олегъ.* Необыкновенно умный, смѣлый, предпріимчивый Олегъ положилъ первое основаніе той славѣ, которой потомъ суждено было достигнуть молодому государству: онъ соединилъ въ одно всѣ варяжскія княжества. Умертвивъ хитростію Аскольда и Дира, отнялъ у нихъ Кіевъ, какъ владѣніе, принадлежавшее наслѣднику Рюрика, Игорю, и узнавъ всѣ выгоды мѣстности Кіева въ сравненіи съ холодною и болотистою страною Новгорода, перенесъ туда столицу государства и назвалъ Кіевъ *матерью городовъ русскихъ.*

Кромѣ этой важной побѣды надъ единоплеменниками своими и справедливаго присоединенія основаннаго ими княжества къ Руси, Олегъ прославился еще покореніемъ многихъ другихъ племенъ славянскихъ, жившихъ по берегамъ того воднаго пути, по которому онъ шелъ до Кіева: Сѣверянъ, Радимичей и Древлянъ. Но всего этого было еще мало для завоевательнаго духа Олегова: онъ пошелъ далѣе по знакомому Варягамъ водному пути въ Грецію, тѣмъ болѣе, что изъ Кіева этотъ путь былъ уже не такъ далекъ; дошелъ до Царьграда

*) *Городомъ* называлось селеніе, *огороженное* со всѣхъ сторонъ.

или Византіи, навелъ на нее такой страхъ, что византійскій императоръ согласился заплатить Русскому князю дорогой выкупъ, состоявшій изъ золота, шелковыхъ тканей и греческихъ винъ: однимъ словомъ, въ 33 года правленія Олега народъ видѣлъ такъ много славныхъ и счастливыхъ дѣлъ его, что, дивясь имъ, назвалъ его *Вѣщимъ*, т. е. *мудрымъ* и *прозорливымъ*.

Въ 912 году онъ умеръ отъ укушенія змѣи и наслѣдникомъ его сдѣлался Игорь, сынъ Рюрика.

Княженіе этого князя, хотя столько же продолжительное какъ и Олегово, не имѣло и тѣни его славы, и было замѣчательно только одними неудачами и несчастіями князя. Многія славянскія племена, и особенно Древляне, возмущались противъ него, а въ то время, когда онъ ходилъ усмирять ихъ, нападали на владѣнія его новые, опасные враги—орды дикихъ Печенѣговъ, въ первый разъ появившіяся въ южной Россіи изъ степей уральскихъ. Не одинъ разъ надобно было Игорю усмирять ихъ, и эти усмиренія по большой части были неудачны, такъ же какъ и походъ его на Византію. Онъ уже не вывозилъ оттуда, какъ Олегъ, драгоцѣнностей греческихъ, и договоръ, заключенный Игоремъ съ Греками послѣ одного изъ такихъ походовъ, замѣчателенъ только тѣмъ, что подтвержденъ былъ клятвой Игоря и его воиновъ въ Кіевѣ, куда пріѣзжали для того послы греческіе. Въ дружинѣ княжеской были тогда между язычниками и христіане. Язычники вмѣстѣ съ княземъ своимъ давали клятву свою предъ идоломъ главнаго бога своего Перуна, а христіане присягали въ соборной церкви Св. Иліи.

Вскорѣ послѣ этого греческаго похода Игорь отправился снова противъ Древлянъ за данью, которую они отказывались платить ему, и былъ убитъ ими въ 945 году.

Сынъ и наслѣдникъ его, Святославъ, былъ еще малолѣтенъ, но за него управляла государствомъ мать его, княгиня Ольга, соединявшая въ себѣ всѣ качества умной и рѣдкой государыни, особливо судя по тому состоянію, въ какомъ была

тогда русская женщина, и еще болѣе по тому обстоятельству, что она сдѣлалась супругою Игоря изъ простой поселянки, случайно встрѣченной имъ на охотѣ *). Какъ правительница, она исполняла свои обязанности съ чрезвычайною отчетливостію: вполнѣ постигая, какъ важно для благосостоянія народа правосудіе, она вмѣстѣ съ опытными совѣтниками и пол-

Ольга и Игорь.

ководцами объѣзжала свои области, сама творила въ нихъ судъ и расправу и особенно наблюдала за правильнымъ распредѣленіемъ дани, какая налагалась на покоренныя племена.

*) Преданіе говоритъ, что это было на берегу рѣки, черезъ которую Игорю надобно было переѣхать, и что перевощицею была, какъ и въ наше время бываетъ иногда въ деревняхъ, дѣвушка—Ольга.

Но важнѣе всего въ жизни этой государыни было то, что она, окруженная язычниками и будучи сама язычницей, поняла сердцемъ и умомъ святыя истины вѣры христіанской, и желая вполнѣ просвѣтиться ими, ѣздила въ Царьградъ, гдѣ изучила вѣру греческую и торжественно приняла ее въ 957 году.

Въ это время Святославъ уже достигъ такихъ лѣтъ, что самъ управлялъ государствомъ. Воинственный, суровый этотъ князь былъ во всѣхъ отношеніяхъ совершеннымъ представителемъ древнихъ славянскихъ героевъ. Лѣтописецъ нашъ разсказываетъ, что онъ ходилъ на непріятелей съ быстротою барса и притомъ объявлялъ имъ напередъ, что *идетъ на нихъ*; въ походахъ спалъ на землѣ, даже безъ шатра; войлокъ былъ его постелью, сѣдло—подушкой, грубое мясо дикихъ звѣрей—его пищею, простая вода—питьемъ. Государю съ такими свойствами и привычками, и съ дружиною, во всемъ похожею на него, трудно было думать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ войнъ и завоеваній. И Святославъ именно такъ и провелъ почти все время своего княженія. Онъ началъ побѣды свои покореніемъ Вятичей, единственнаго славянскаго племени, оставшагося непокореннымъ послѣ Олега. Потомъ онъ пошелъ на Козаръ; хотѣвшихъ-было защищать Вятичей, платившихъ имъ дань, и покорилъ своей области и этотъ народъ. Слухъ о силѣ и храбрости Святослава дошелъ до византійскаго императора Никифора и онъ просилъ его помощи противъ дунайскихъ болгаръ. Русскій князь оказавъ эту помощь, завоевалъ себѣ всю Болгарію, которая такъ нравилась ему, что онъ хотѣлъ даже перенесть столицу свою изъ Кіева туда; но преемникъ императора Никифора, Іоаннъ Цимисхій, боясь такого сосѣда, какъ Святославъ, потребовалъ, чтобы онъ оставилъ Болгарію. Святославъ не согласился на это; и тогда Цимисхій напалъ на него съ многочисленнымъ войскомъ, и русскій князь послѣ самой героической борьбы, при крѣпости Доростолѣ (нынѣшней Силистріи),—борьбы, въ которой, по словамъ лѣтописца, бились даже жен-

щины славянскія подлѣ мужей своихъ, Святославъ долженъ былъ согласиться на миръ. При заключеніи его оба государя свидѣлись на берегу Дуная. Византійскіе историки описываютъ это любопытное свиданіе: Іоаннъ въ блестящихъ латахъ

Святославъ при Доростолѣ.

и съ многочисленною и богато-одѣтою свитою подъѣхалъ къ берегу на конѣ. Святославъ приплылъ къ тому же берегу въ лодкѣ, гребя самъ веслами наравнѣ съ другими гребцами. Простая бѣлая одежда его не имѣла никакихъ украшеній, но

суровый видъ его былъ такъ важенъ, что Іоаннъ, какъ бы почувствовавъ невольное уваженіе къ русскому князю, сошелъ съ лошади. Святославъ же, не выходя изъ лодки, поговорилъ съ нимъ немного и отъѣхалъ отъ берега.

Во время частыхъ походовъ Святослава то въ любимую имъ Болгарію, то противъ другихъ народовъ, Кіевъ подвергался набѣгамъ дикихъ Печенѣговъ, которымъ Святославъ жестоко отмщалъ за дерзость и далеко прогонялъ въ дикія степи ихъ. За то и они ненавидили его и въ свою очередь старались всѣми силами отмщать ему. Удобный къ тому случай представился имъ тогда, когда они услышали о неудачахъ его въ Болгаріи и о возвращеніи его оттуда съ малымъ остаткомъ войска. Они собрались многочисленною ордою у Днѣпровскихъ пороговъ ожидать его, и дождавшись, напали на небольшой отрядъ и истребили его вмѣстѣ съ самимъ княземъ. Это случилось въ 972 году.

IV.

Первое раздѣленіе Руси и крещеніе Владиміра.

Святославъ, отправляясь въ послѣдній разъ въ Болгарію, раздѣлилъ государство между тремя сыновьями своими. Старшему, Ярополку, отдалъ Кіевъ; Олегу—Древлянскую землю, а младшему, Владиміру—Новгородъ. Это раздѣленіе было первымъ государственнымъ несчастіемъ Руси: братья перессорились. Сначала Ярополкъ пошелъ на Олега, который и погибъ въ этой междоусобной борьбѣ и удѣлъ его достался старшему брату. Владиміръ, узнавъ объ этомъ, сильно желалъ отмстить Ярополку за погибшаго брата и, не надѣясь на однѣ собственныя силы, отправился за-море, просить помощи у Варяговъ. Они дали ему войско, съ которымъ онъ пошелъ прежде на полоцкаго князя Рогвольда за то, что онъ отказалъ ему въ рукѣ своей дочери Рогнѣды. Завоевавъ его кня-

жество, умертвивъ Рогвольда и двухъ сыновей его, Владиміръ взялъ себѣ въ жены Рогнѣду, не смотря на то, что въ это время она была уже невѣстою Ярополка, и потомъ овладѣлъ Кіевомъ. Вскорѣ потомъ, по приказанію Владиміра, убитъ былъ Ярополкъ, и такимъ образомъ всѣ русскія области снова соединились подъ властію одного князя.

Владиміръ во многомъ походилъ на отца своего: та же воинственность, та же суровость и мстительность нрава и потому таже непреклонность къ принятію христіанской вѣры, какою отвѣчалъ и Святославъ на всѣ увѣщанія святой матери своей. Владиміръ былъ еще болѣе усерднымъ язычникомъ, нежели отецъ его: по его приказанію поставлены были въ Кіевѣ и Новгородѣ деревянные истуканы славянскаго бога молніи и грома—Перуна, которому приносились въ жертву живые люди и въ числѣ ихъ были однажды два христіанина. Кромѣ того, сколько жестокостей, истинно языческихъ совершено было Владиміромъ въ молодости противъ брата, противъ невѣсты его Рогнѣды и всего семейства ея! Повидимому незьзя было и ожидать, чтобы такое безжалостное сердце могло тронуться ученіемъ любви и милосердія; но Богу угодно было, чтобы Владиміръ сдѣлался просвѣтителемъ народа своего, и вотъ сердце его измѣняется, и онъ, дотолѣ недоступный къ божественнымъ истинамъ христіанской религіи, покоряется вліянію греческихъ священниковъ, которыхъ въ то время было уже довольно много въ Кіевѣ, и получаетъ отвращеніе отъ идолопоклонства. Не желая однакоже необдуманно принять новую вѣру, Владиміръ отправляетъ пословъ въ разныя земли для испытанія различныхъ религій. Послы возвращаются съ извѣстіемъ, что нигдѣ не видѣли они богослуженія лучше и святѣе византійскаго, и тогда русскій князь рѣшается принять вѣру изъ Греціи. Однако же мысль—смиренно просить ее у грековъ еще не согласовалась тогда съ остаткомъ языческой горделивости Владиміра, тѣмъ болѣе, что въ это самое время онъ велъ войну съ греками и уже осаждалъ богатый городъ ихъ Корсунь или Херсонесъ

Таврическій. Когда этотъ городъ сдался, Владиміръ, какъ побѣдитель, послалъ сказать императорамъ Василію и Константину, что онъ проситъ руки сестры ихъ, царевны Анны; въ случаѣ же отказа—придетъ самъ съ войскомъ и возьметъ Византію, какъ взялъ Корсунь. Императоры, которыхъ подданные не разъ испытали уже силу князей варяжскихъ и русскихъ, не могли отказать просьбѣ Владиміра, но потребовали только, чтобы онъ крестился въ вѣру ихъ и для того вмѣстѣ съ сестрою прислали ему и священниковъ. И вотъ здѣсь-то, въ этомъ знаменитомъ Херсонесѣ Греческомъ, въ двухъ верстахъ отъ нынѣшняго Севастополя, совершилось въ 988 году драгоцѣннѣйшее для народа русскаго событіе: вступленіе его изъ язычества въ благодатный свѣтъ христіанства.

Обрученіе и вѣнчаніе великаго князя съ царевною совершены были тотчасъ послѣ крещенія его *).

---

*) Между развалинами древняго Херсонеса есть остатки стѣнъ крещальнаго храма и посреди нихъ даже тотъ самый водоемъ, который, служилъ купелью при крещеніи св. князя Владиміра. Эти драгоцѣнности, чудесно сохранившіяся до нашего времени, будутъ теперь по Высочайшей волѣ Августѣйшаго Государя нашего сохранены до позднѣйшаго потомства Русскихъ, потому что надъ ними сооружается съ 1861 года великолѣпный храмъ во имя святаго Просвѣтителя земли Русской. Пожертвованія на сооруженіе его собираются со всѣхъ концовъ Россіи, и слѣдовательно можно надѣяться, что усердіе 80-ти милліоннаго населенія воздвигнетъ памятникъ, во всѣхъ отношеніяхъ достойный того великаго событія въ исторіи русскаго народа, которое ему предназначено увѣковѣчить.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Отъ принятія христіанской вѣры до нашествія татаръ.

Съ 988 до 1237 года (249 лѣтъ).

I.

Владиміръ и сынъ его Ярославъ I.

Владиміръ возвратясь въ Кіевъ, приказалъ прежде всего истребить всѣхъ идоловъ, а потомъ объявить Кіевлянамъ, чтобы всѣ они на другой день шли на берегъ Днѣпра креститься въ новую вѣру. И вотъ открылось невиданное ни въ какомъ другомъ государствѣ зрѣлище: народъ, съ ужасомъ смотрѣвшій накапунѣ на истребленіе прежнихъ боговъ своихъ, покорно шелъ на слѣдующій день креститься въ другую вѣру въ полномъ убѣжденіи, что она хороша, потому что государь и всѣ приближенные къ нему бояре приняли ее. Въ этой удивительной покорности народа, какъ и во многихъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ вступленіе предковъ нашихъ въ христіанство, нельзя не видѣть особеннаго дѣйствія благодати Божіей: государь, ревностный язычникъ, вдругъ получаетъ отвращеніе отъ вѣры своей и желаетъ перемѣнить ее; послы его, такіе же язычники какъ онъ,

никѣмъ не наставляемые, одинаково смотрѣвшіе на всѣ вѣроисповѣданія, какъ бы по инстинкту безошибочно отдаютъ преимущество вѣрѣ православной; наконецъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ тѣмъ, въ IX вѣкѣ, именно въ томъ вѣкѣ, когда основано было государство Русское, двое святыхъ братьевъ, уроженцы греческаго города Солуня, Кириллъ и Меѳодій, какъ бы предчувствуя будущее великое значеніе языка славянскаго, изобрѣтаютъ для него буквы и переводятъ для многочисленныхъ племенъ славянскихъ книги Св. Писанія *). Безъ этого перевода невозможно было бы

*) Кириллъ и Меѳодій назначены были Провидѣніемъ для просвѣщенія народовъ языческихъ и особенно славянскихъ. Сначала они по порученію греческаго императора просвѣщали христіанскою вѣрою Козаровъ, жившихъ на юго-востокѣ нынѣшней Россіи и просившихъ у Грековъ учителей для просвѣщенія ихъ вѣрою христіанскою. Оба брата провели довольно времени въ Корсуни и выучились тамъ языку козарскому. Когда они возвратились изъ земли козарской, императоръ предложилъ имъ отправиться въ земли славянскія, и именно въ Моравію и Паннонію, откуда пріѣхали также послы съ просьбою объ учителяхъ вѣры греческой. Кириллъ, узнавъ, что Славяне не имѣютъ еще азбуки, очень затруднялся, какъ учить народъ, не имѣя возможности заставить его читать. И вотъ онъ изъ любви къ Богу и бѣднымъ, непросвѣщеннымъ людямъ, намѣревается потрудиться для нихъ во славу Божію, налагаетъ на себя 40-дневный постъ и, заключившись въ своей кельѣ, занимается составленіемъ славянской азбуки. Составивъ ее, св. Кириллъ приступаетъ тотчасъ же къ переводу Евангелія на славянскій языкъ. Замѣчательно для насъ, Русскихъ, что великое дѣло этого перевода св. Кирилла кончается, и онъ и братъ его съ благословеніемъ греческихъ патріарховъ и государя отправляются для проповѣди въ славянскія земли, именно въ годъ основанія Русскаго государства — въ 862 году. Если припомнимъ, что около того же времени сдѣланы были папою разныя измѣненія въ ученіи православной вѣры, и оттого началось уже раздѣленіе между церквами Греческою и Римскою, то призваніе св. Кирилла и Меѳодія быть просвѣтителями славянскихъ народовъ именно во время основанія величайшаго изъ государствъ славянскихъ,—дѣлается еще знаменательнѣе: въ совершеніи этихъ событій такъ близко одно къ другому, не ясно ли представляется уму какъ бы опредѣленіе свыше, чтобы славянскія племена были хранителями православія, начинавшаго именно въ это время терпѣть гоненія отъ латинства. Многіе изъ Славянъ, подвергшись чуждому владычеству, не сберегли священной драгоцѣнности, ввѣренной храненію ихъ; да поможетъ же Господь въ этомъ святомъ дѣлѣ намъ, Русскимъ — единственному самостоятельному народу изъ всѣхъ православныхъ Славянъ.

просвѣтить Владиміра и народъ его: греческаго языка, на которомъ писаны были книги Св. Писанія у Грековъ, русскіе Славяне не знали, и слѣдовательно не могли понимать ихъ. Благодаря славянскому переводу ихъ, христіанское уче-

Крещеніе русскаго народа.

ніе начало быстро распространяться по всѣмъ русскимъ областямъ. Священники греческіе, по приказанію Владиміра, отправлялись изъ Кіева по водному пути до самаго Новгорода, гдѣ на берегахъ рѣки Волхова повторилось то же тро-

гательное и необыкновенное зрѣлище, которое происходило на берегахъ Днѣпра: съ тѣмъ же усердіемъ, какъ въ Кіевѣ, народъ и здѣсь шелъ креститься по волѣ государя, и хотя случалось, что иные изъ отчаянныхъ язычниковъ противились крещенію, но это сопротивленіе было непродолжительно и можно было по всей справедливости сказать, что ни однимъ народомъ христіанство не было принято съ такою единодушною готовностію, какъ русскимъ. Только въ отдаленныхъ областяхъ, лежавшихъ въ сторонѣ отъ воднаго пути и потому позже другихъ видѣвшихъ въ средѣ своей проповѣдниковъ вѣры христіанской, принятіе ея было замедлено. Съ своей стороны Владиміръ, справедливо названный впослѣдствіи нашею церковію—*Святымъ и Равноапостольнымъ*, употреблялъ всѣ усилія къ просвѣщенію своихъ подданныхъ: строилъ во всѣхъ городахъ церкви; заводилъ училища для приготовленія будущихъ пастырей церкви; во многія мѣста, близкія къ Кіеву, наприм. на Волынь, ѣздилъ самъ съ священниками для крещенія народа. Кромѣ всего этого, чудесная перемѣна, совершившаяся послѣ крещенія въ сердцѣ и характерѣ Владиміра, можно сказать даже совершенное перерожденіе его изъ жестокаго язычника въ милосердаго христіанина, было лучшимъ доказательствомъ святости новаго вѣроученія, которое потому не могло не привлекать къ себѣ народа. Милосердіе Владиміра было такъ велико, что онъ, прежде неумолимый даже къ родному брату, теперь не рѣшался осуждать на смерть самыхъ преступниковъ, и наказывалъ ихъ только денежною пенею, которая называлась *вирою*. О новыхъ завоеваніяхъ онъ также не думалъ болѣе и старался только защищать границы государства своего отъ набѣговъ кочевыхъ народовъ; для того онъ строилъ новые города и поселялъ въ нихъ воиновъ, извѣстныхъ своею храбростію. Имъ поручалось оберегать границы отъ дикарей. Они, конечно, усердно исполняли приказанія государя, и оттого въ княженіе великаго князя Владиміра I-го прославилось много храбрыхъ витязей, которыхъ называли *богаты-*

рями. Извѣстнѣйшіе изъ нихъ были: Илья Муромецъ, Янъ Усмовичъ, Добрыня Новгородскій. Владиміръ очень любилъ какъ ихъ, такъ и вообще всю дружину свою, и для нея не жалѣлъ ничего. Онъ давалъ имъ богатые пиры, но въ то же время не забывалъ и простаго народа, который также пировалъ на княжескомъ дворѣ его. Кромѣ того тамъ раздавали бѣднымъ богатыя милостыни, а больнымъ, которые не могли выходить изъ домовъ своихъ, развозили по городу отъ великаго князя медъ, квасъ и съѣстные припасы. За то какъ и народъ любилъ такого добраго государя: онъ называлъ его не иначе, какъ *Краснымъ Солнышкомъ* своимъ и это названіе, такъ хорошо выражавшее всю привязанность подданныхъ къ государю, осталось до сихъ поръ въ старинныхъ пѣсняхъ русскихъ.

Владиміръ скончался 15 іюля 1015 года. У него осталось двѣнадцать сыновей. Всѣ они имѣли уже свои удѣлы, данные имъ отцемъ еще во время малолѣтства ихъ. Впрочемъ *малолѣтними* они не считались уже съ того дня, какъ минетъ имъ четыре года, и въ знакъ того—въ этотъ день рожденія *мальчику подстригали въ первый разъ волосы и сажали его на коня.* Этотъ обрядъ назывался *Постригами* и праздновался очень торжественно, особенно въ Великокняжескомъ семействѣ.

Послѣ постригъ маленькій князь могъ уже получить въ управленіе свой удѣлъ, но разумѣется за него управлялъ дядька, или какъ называли тогда—*пѣстунъ* его. При такомъ порядкѣ раздѣла и управленія Руси нельзя было и ожидать, чтобы не было несогласій между князьями. Старшій сынъ и наслѣдникъ Кіевскаго престола, или, какъ тогда говорили—*стола*, Святополкъ Владиміровичъ тотчасъ по смерти Владиміра подослалъ злодѣевъ убить двухъ самыхъ младшихъ братьевъ своихъ: Бориса — князя Ростовскаго, и Глѣба — князя Муромскаго. Они оба были любимцами отца и народа, и оттого казались опасными новому великому князю. Этихъ двухъ убійствъ было еще мало для злобнаго Святополка:

чрезъ нѣсколько времени онъ убилъ и третьяго брата—Святослава, князя Древлянскаго, и собирался умертвить и всѣхъ

Постриги маленькаго князя.

другихъ князей, чтобы сдѣлаться единовластнымъ правителемъ Руси. Но явился мститель за убитыхъ братьевъ—Яро-

славъ, князь Новгородскій. Онъ такъ же, какъ и отецъ его, привелъ себѣ на помощь Варяговъ, и соединивъ ихъ съ своимъ новгородскимъ войскомъ, разбилъ Святополка у города Любеча. Однакожъ Святополкъ не пришелъ оттого въ уныніе: онъ былъ женатъ на дочери Польскаго короля Болеслава и потому убѣжалъ къ тестю просить его помощи. Болеславъ самъ пришелъ помогать зятю, и соединенными силами они разбили Ярослава. Ярославъ хотѣлъ было опять отправиться къ Варягамъ за новою помощью, но Новгородцы увѣрили своего князя, что онъ можетъ обойтись безъ чужой помощи и, набравъ у себя свѣжее войско, пошли опять на Святополка. На этотъ разъ имъ удалось окончательно побѣдить его при рѣчкѣ Альтѣ, на томъ самомъ полѣ, гдѣ убитъ былъ Борисъ. Болеславъ еще до этого рѣшительнаго сраженія поссорился съ зятемъ и ушелъ отъ него съ войскомъ своимъ въ Польшу, такъ что Святополку и уйти было уже некуда. Онъ пропалъ безъ вѣсти. За всѣ злодѣянія его противъ братьевъ народъ прозвалъ его *Окаяннымъ*.

Ярославъ, сдѣлавшійся теперь старшимъ изъ всѣхъ сыновей Владиміра, по праву сѣлъ на престолъ Кіевскій. Изъ всѣхъ другихъ братьевъ его вскорѣ остался въ живыхъ только одинъ Мстиславъ, получившій себѣ въ удѣлъ отдаленную область Тмутараканскую, лежавшую на берегу Азовскаго моря. Это былъ князь, славившійся своими воинскими подвигами и даже страшный для сосѣднихъ съ областію его народовъ кавказскихъ. Лѣтописецъ нашъ разсказываетъ, что онъ имѣлъ поединокъ съ однимъ изъ кавказскихъ богатырей Редедею и, побѣдивъ этого Редедю, рѣшилъ тѣмъ войну съ народомъ его. Такіе поединки были въ обычаѣ въ древнія времена и у насъ на Руси, и ими-то отличались многіе богатыри наши въ княженіе св. Владиміра. Вотъ и Мстиславъ Владиміровичъ, вѣроятно наглядѣвшись въ дѣтствѣ на богатырскіе подвиги ихъ, полюбилъ и самъ такую славу. Онъ не далъ брату Ярославу завладѣть всѣми удѣлами умершихъ братьевъ и велъ съ нимъ войну до тѣхъ поръ, пока побѣ-

дилъ его у города Листвена, въ нынѣшней Черниговской губерніи. Но великодушный отъ природы Мстиславъ не хотѣлъ противозаконно отнимать Кіевскій столъ у старшаго брата и требовалъ у него только увеличенія своей Тмутараканской области. Ярославъ охотно согласился на это и отдалъ ему всѣ земли, лежавшія на востокъ отъ Днѣпра; себѣ же оставилъ все то, что было на западъ отъ той же рѣки. Это раздѣленіе Руси подъ управленіемъ двухъ братьевъ продолжалось десять лѣтъ до кончины Мстислава, который не оставилъ дѣтей, и потому всѣ русскія области снова соединились въ одно цѣлое подъ властію Ярослава.

Первымъ дѣломъ этого знаменитаго князя,—дѣломъ, доказавшимъ его воинскія способности, было отраженіе отъ границъ государства его—Печенѣговъ, которые такъ напуганы были его храбрымъ войскомъ, что съ того времени кончили свои опустошительные набѣги на русскія области. Потомъ Ярославъ считалъ долгомъ своимъ возвратить отъ Поляковъ завоеванную ими при Святополкѣ Галицію, что онъ и исполнилъ со славою, но тѣмъ и окончилъ свои военные подвиги. Богобоязненный, умный, справедливый Ярославъ старался не столько о завоеваніяхъ и побѣдахъ, сколько о счастіи народа своего, и какъ онъ зналъ, что нельзя быть счастливымъ безъ вѣры въ Іисуса Христа и просвѣщенія, то и желалъ, чтобы подданные его были прежде всего христіанами, и для того велѣлъ переводить многія духовныя книги съ греческаго языка на славянскій; даже списывалъ самъ иныя изъ нихъ для народнаго употребленія; заводилъ училища въ городахъ; уговаривалъ подданныхъ своихъ отдавать туда дѣтей; вызывалъ изъ иностранныхъ государствъ художниковъ для украшенія церквей и дворцовъ кіевскихъ, построилъ два новыхъ города: Ярославль и Юрьевъ *) (нынѣшній Дерптъ); собралъ

*) *Ярославль* названъ былъ въ память языческаго, а *Юрьевъ*—въ память христіанскаго имени князя: Ярослава при крещеніи назвали *Юріемъ*.

всѣ законы, по которымъ предки его управляли Русскою землею и приказалъ написать ихъ: это была первая книга законовъ русскихъ, извѣстная подъ именемъ: *Русской Правды*. Однимъ словомъ, слава Ярослава была такъ велика, что и отдаленные государи уважали его и многіе изъ нихъ были въ родствѣ съ нимъ. Французскій король Генрихъ I-й былъ женатъ на его дочери, княжнѣ Аннѣ; другая дочь его была за королемъ Венгерскимъ, а третья—за Гаральдомъ Смѣлымъ, принцемъ Норвежскимъ, который впослѣдствіи былъ королемъ Норвежскимъ.

Ярославъ, повидимому, не стремился еще къ сохраненію единства земли своей, или по понятіямъ того времени—не постигалъ еще всей важности этого единства для государства; какъ бы то ни было, только, умирая въ 1054 году, онъ опять раздѣлилъ свои области пятерымъ сыновьямъ своимъ.

II.

Ссоры князей и примиритель ихъ, Владиміръ Мономахъ.

Распоряженія Ярослава въ отношеніи наслѣдства его сохранены были лѣтописцемъ нашимъ въ слѣдующихъ собственныхъ словахъ духовнаго завѣщанія великаго князя: «Кіевъ и Новгородъ я поручаю старшему сыну моему *Изяславу*, котораго вы почитайте такъ же, какъ меня, потому что онъ будетъ вамъ вмѣсто отца. *Святославу* даю волость Черниговскую, *Всеволоду* — Переяславскую, *Игорю*—Владиміро-Волынскую, а *Вячеславу*—Смоленскую. Если будете жить въ мирѣ, то Богъ будетъ за васъ и покоритъ вамъ враговъ вашихъ. Если же возненавидите другъ друга, и начнете жить между собою въ браняхъ и распряхъ, то сами погибнете и погубите землю своихъ отцовъ и дѣдовъ, которую они стяжали великими трудами». Къ старшему сыну Изяславу было

особенное прибавленіе: «Если же кто вздумаетъ обидѣть своего брата, то ты помогай обиженному».

Изъ этихъ словъ завѣщанія можно видѣть, что, передавая сыновьямъ свои области, Ярославъ не объяснилъ точнымъ образомъ правъ старшаго брата въ отношеніи къ младшимъ и обязанностей къ нему младшихъ, и о почтеніи къ великому князю братьевъ и объ его защитѣ обиженнымъ князьямъ сказано было очень неопредѣленно, и потому неудивительно, что послѣ кончины каждаго великаго князя между родичами его были ссоры и несогласія: то старшему казалось, что младшіе братья не довольно почтительны къ нему, то младшіе роптали, что великій князь любитъ больше своихъ дѣтей, нежели братьевъ; однимъ словомъ, спорамъ и неудовольствіямъ не было конца, особливо если иные изъ князей были горды, другіе непокорны, третьи властолюбивы и несправедливы. Такъ случилось и послѣ кончины Ярослава. Изъ пятерыхъ сыновей его старшій, Изяславъ, былъ великимъ княземъ, другіе же четверо удѣльными князьями. Сначала жили они всѣ довольно дружно, и общими силами даже ходили на новыхъ враговъ, появившихся въ то время въ южныхъ степяхъ нашихъ—Половцевъ. Этотъ кочевой народъ показался вскорѣ послѣ того, какъ кончились набѣги Печенѣговъ; оттого историки и полагаютъ, что Половцы заняли мѣста ихъ въ степяхъ нашихъ. Въ первый разъ они разбили соединенное войско князей нашихъ подъ начальствомъ великаго князя Изяслава. Кіевляне собрали новое войско и просили вести его противъ Половцевъ. Изяславъ, по недостатку-ли храбрости или по какой другой причинѣ отказался. Кіевляне выгнали его за это. Онъ ушелъ въ Польшу къ своему родственнику, королю Болеславу. Кіевляне рѣшили на своемъ вѣчѣ, что они возьмутъ въ предводители Полоцкаго князя *Всеслава* *), посаженнаго Изяславомъ въ темницу за

*) Всеславъ былъ внукъ Изяслава, старшаго сына Владиміра отъ Рогнѣды, Полоцкой княжны, которому и отдано было Полоцкое княжество въ отдѣльное владѣніе отъ другихъ князей.

то, что онъ искалъ великокняжескаго престола, какъ внукъ св. Владиміра отъ старшаго сына; но это исканіе было несправедливо: былъ законъ, что сынъ такого отца, который не былъ великимъ княземъ, не могъ и наслѣдовать великокняжества, а Полоцкіе князья имѣли, по распоряженію св. Владиміра, отдѣльное княжество и ни одинъ изъ нихъ не былъ великимъ княземъ, слѣдовательно Всеславъ несправедливо спорилъ съ Изяславомъ. Кіевляне ошиблись однакожъ, взявъ его въ предводители своего войска противъ Половцевъ: онъ очень радъ былъ, что по этому случаю они освободили его изъ темницы, и тихонько убѣжалъ въ свой родной Полоцкъ. Тогда Кіевляне не знали что имъ дѣлать: боялись и нападенія Половцевъ, боялись и возвращенія великаго князя съ Поляками для наказанія ихъ за то, что они выпустили Всеслава. Въ этомъ трудномъ положеніи они опять созвали свое вѣче и рѣшили на немъ послать къ братьямъ великаго князя съ просьбою защитить ихъ и отъ Поляковъ, и отъ великаго князя и отъ Половцевъ. Они велѣли посламъ сказать князьямъ такъ: «Если не поможете намъ, то мы зажжемъ городъ и уйдемъ въ Греческую землю».

Два брата Изяслава—Святославъ и Всеволодъ—чтобы помочь Кіевлянамъ взялись уговорить его не водить Ляховъ, т. е. Поляковъ, на Кіевъ, и Изяславъ обѣщалъ не мстить своимъ подданнымъ, но не сдержалъ обѣщанія, и сынъ его жестоко наказалъ многихъ гражданъ за освобожденіе Всеслава. Это опять поссорило Изяслава и съ братьями и съ народомъ, такъ что онъ опять долженъ былъ оставить Кіевъ и уйти въ Германію; великое же княжество досталось старшему по немъ брату Святославу. Когда Святославъ умеръ, Изяславъ рѣшился возвратиться въ отечество и снова сѣлъ на Кіевскій престолъ, но не надолго: противъ него возстали племянники его, сыновья Святослава, которымъ онъ не хотѣлъ дать удѣловъ, и въ сраженіи съ ними онъ былъ убитъ въ 1077 году.

Въ это время изъ всѣхъ сыновей Ярослава оставался въ живыхъ одинъ Всеволодъ. По принятому обычаю, онъ, какъ

старшій въ родѣ, вступилъ на великокняжескій престолъ. Въ княженіе Всеволода, добраго и слабаго, ссоры между князьями не только не уменьшаются, но съ размноженіемъ князей еще болѣе увеличиваются. У каждаго изъ пяти сыновей Ярослава были дѣти. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ были: у Изяслава—*Святополкъ;* у Святослава—*Олегъ* и *Давидъ*; у Всеволода—*Владиміръ;* у Игоря—*Давидъ*; у Вячеслава—*Борисъ* и еще два внука Ярослава отъ шестаго сына его Ростислава, умершаго еще при жизни отца — *Володарь* и *Василько*. Такимъ образомъ вмѣсто прежнихъ трехъ князей—Изяслава, Святослава и Всеволода—спорившихъ между собою о великомъ княженіи, являются теперь восемь, съ своими различными требованіями и природною неуступчивостію другъ другу! Безчисленны были бы страданія русской земли отъ этихъ споровъ, если бы у великаго князя Всеволода не было сына, лучшаго изъ князей того времени, котораго современники называли *образцомъ князей*, знаменитаго Владиміра Мономаха *). Онъ былъ главнымъ помощникомъ отца своего во все время его княженія; можно было сказать по справедливости, что онъ служилъ ему и своею храбростію и своимъ умомъ: безпрестанно надобно было ему то наказывать за непослушаніе однихъ двоюродныхъ братьевъ своихъ, то мирить другихъ, то бояться третьихъ. Опаснѣйшимъ врагомъ и соперникомъ его былъ Олегъ Святославичъ, князь Тмутараканскій. Живя въ княжествѣ своемъ, близь степей, гдѣ кочевали дикіе Половцы, и считая эту отдаленную область какъ бы ссылкою, Олегъ, первый изъ князей русскихъ началъ нанимать своихъ злыхъ сосѣдей, чтобы вмѣстѣ съ ними разорять отечество подъ предлогомъ, что дяди обидѣли его и дали ему не ту область, какая слѣдовала ему, какъ сыну великаго князя. Въ одной изъ такихъ битвъ и былъ

---

*) *Мономахъ* на греческомъ языкѣ значитъ *единоборецъ*. Греческій императоръ Константинъ назывался *Мономахомъ* и можетъ быть въ честь его дано было это прозваніе самому достойному изъ князей Русскихъ, родственныхъ императорамъ Греческимъ.

убитъ дядя его Изяславъ. При Всеволодѣ онъ присмирѣлъ: любовь народа къ этому доброму, хотя и слабому князю, и особенно любовь къ сыну его Мономаху удерживала Олега отъ явной войны за наслѣдство, но тайно онъ не переста-

Владиміръ Мономахъ.

валъ приготовляться къ ней и выжидалъ удобнаго случая къ ея открытію. За то во время этого наружнаго спокойствія главнаго врага своего Владиміръ долженъ былъ бороться съ другими. Послѣ смерти отца его, Всеволода, Кіевляне хотѣли

имѣть его великимъ княземъ своимъ, но благородный и миролюбивый Мономахъ объявилъ, что никакъ не пойдетъ противъ обычая предковъ и не отниметъ великаго княжества у старшаго двоюроднаго брата своего Святополка Изяславича, и Кіевляне должны были согласиться съ волею Мономаха и принять на престолъ свой Святополка—князя, ничѣмъ не походившаго на князя-любимца ихъ, Владиміра. Властолюбивый, жадный, трусливый и въ то же время любившій хвалиться своею храбростію, Святополкъ съ самаго начала своего княженія навлекъ несчастіе на свое отечество необдуманными походами противъ Половцевъ, которые два раза разбили все набранное имъ войско. Слѣдствія этого пораженія были еще несчастнѣе: Олегъ Святославичъ воспользовался общимъ уныніемъ князей и народа и съ тѣми же Половцами, которые еще не успѣли нарадоваться побѣдѣ своей, напалъ онъ на Черниговъ, гдѣ княжилъ Мономахъ. Этотъ великодушный князь для избѣжанія кровопролитія уступилъ Олегу свою Черниговскую область и остался только въ Переяславлѣ, но это не удовлетворило жаднаго Олега: онъ пошелъ еще воевать съ сыновьями Мономаха въ землю Ростовскую. Изъ другихъ князей иные были противъ него, другіе—за него, такъ что для прекращенія споровъ и ссоръ ихъ Мономахъ не могъ придумать другаго средства, какъ уговорить великаго князя созвать всѣхъ князей на общій съѣздъ, чтобы всѣмъ вмѣстѣ обдумать, какъ прекратить безпорядки. Съѣздъ назначили въ городѣ Любечѣ. Олегъ согласился также пріѣхать туда. И вотъ на этомъ съѣздѣ князья рѣшили, чтобы каждый владѣлъ тѣмъ, чѣмъ владѣлъ отецъ его. По этому распоряженію Святополкъ остался великимъ княземъ въ Кіевѣ; Мономахъ — въ Переяславлѣ, Смоленскѣ и Ростовѣ; сынъ его Мстиславъ—въ Новгородѣ; Олегъ и родные братья его получили Черниговъ, Рязань, Муромъ и Тмутаракань; княжество Владиміро-Волынское раздѣлили на двѣ части: одну, Волынь, отдали Давиду Игоревичу, а другую, Галицію или Червонную Русь—двумъ братьямъ Володарю и Васильку Ростиславичамъ.

Всѣ князья помирились, утвердили крестнымъ цѣлованіемъ свое рѣшеніе и остались довольны своими удѣлами, кромѣ одного Давида Игоревича. Ему досадно было, что не отдали ему всей области Владиміро-Волынской. Кромѣ того, отъ природы злой и завистливый, онъ не любилъ Василька за то, что этотъ молодой князь отличался умомъ, храбростію и многими другими прекрасными качествами, привлекавшими къ нему общее вниманіе. Всегда недоброжелательный къ другимъ, Давидъ думалъ, что и другіе всегда замышляли что-нибудь противъ него, и потому Василько съ своею отважностію и умомъ былъ для него не только ненавистенъ, но даже страшенъ: ему казалось, что онъ отниметъ у него со временемъ его удѣлъ на Волыни. Съ такими черными мыслями онъ прямо изъ Любеча отправился не домой, но въ Кіевъ, къ великому князю, напугалъ и его небывалыми замыслами Василька не только противъ него, но даже противъ самаго великаго князя, и Святополкъ, никогда не отличавшійся обдуманностію своихъ поступковъ, согласился, чтобы въ его собственномъ дворцѣ схватили бѣднаго Василька и выдали злому Давиду, который увезъ его въ свою область и тамъ приказалъ ослѣпить. Несчастному князю вырѣзали глаза.

Такое страшное злодѣяніе, совершонное тотчасъ послѣ присяги, данной передъ Богомъ, не могло не привести въ негодованіе всѣхъ другихъ князей, и въ особенности лучшаго изъ нихъ — Мономаха. Въ этомъ случаѣ согласны были съ нимъ и враги его—Олегъ и Давидъ Святославичи, и вотъ они всѣ трое соединенными силами пошли на Святополка, какъ участника въ злодѣяніи безсовѣстнаго Давида Игоревича. Но мачиха Мономахова и митрополитъ уговорили ихъ не ссориться съ великимъ княземъ и наказать только главнаго злодѣя Давида. Для разсужденія объ этомъ наказаніи назначенъ былъ другой съѣздъ князей, въ городѣ Витичевѣ близъ Кіева, гдѣ рѣшено было отнять у Давида удѣлъ его Владиміро-Волынскій и отдать его сыну Святополкову. И на этомъ

съѣздѣ душею всего и главнымъ примирителемъ былъ опять Мономахъ. Но этотъ князь миролюбивый, когда надобно было въ совѣтѣ князей улаживать неурядицы ихъ, былъ совершенно другаго нрава, когда дѣло шло о врагахъ Руси: тутъ онъ первый говорилъ, что надобно соединенными силами стеречь границы отъ набѣговъ Половцевъ и даже предупреждать эти набѣги дружными нападеніями на этихъ злыхъ враговъ, что и было исполнено вскорѣ послѣ Витичевскаго съѣзда, когда всѣ князья успокоились. Два похода ихъ съ въ степи Донскія подъ предводительствомъ Мономаха были такъ удачны, что Половцы принуждены были далеко отойти отъ границъ русскихъ и долго не смѣли тревожить ихъ. Всею славою этихъ походовъ князья и войско были обязаны Мономаху. Народъ зналъ это и при всякомъ случаѣ старался показать благодарность и особенную любовь свою къ Владиміру. Эта любовь была наконецъ такъ велика, что когда великій князь Святополкъ умеръ, Кіевляне объявили, что они не хотятъ имѣть другаго князя, кромѣ Мономаха. Сначала Владиміръ отказывался, потому что и теперь, какъ и въ первый разъ, когда ему предлагали великое княженіе, были ближайшіе, нежели онъ, наслѣдники: Олегъ Святославичъ и братья его, дѣти старшаго Владимірова дяди; но Кіевляне прислали пословъ сказать Мономаху, что если онъ не согласится княжить у нихъ, то будетъ въ Кіевѣ большая бѣда и Владиміру надобно будетъ отвѣчать за все Богу. Эта настойчивость Кіевлянъ заставила его согласиться. Никто изъ князей не спорилъ съ волею народа, даже самъ Олегъ и братья его молчали, и потому Владиміръ Мономахъ совершенно спокойно началъ свое княженіе, продолжавшееся, къ общему сожалѣнію всѣхъ русскихъ людей, не болѣе 12-ти лѣтъ. И въ старости онъ продолжалъ отличаться храбростію: еще разъ усмирилъ Половцевъ и двухъ новыхъ народовъ, появившихся на Руси: Торковъ и Берендѣевъ. Съ его времени эти грубые дикари уже не были такъ страшны для Русскихъ. Многіе изъ нихъ покорились Владиміру и поселились на

берегу Днѣпра. Ихъ называли предки наши *Каракалпаками* или *Черными клобуками*. Это названіе произошло отъ черныхъ бараньихъ шапокъ, которыя они носили.

Кромѣ побѣдъ надъ народами чуждыми и надъ непокорными князьями удѣльными, Мономахъ славился и другими дѣлами. Онъ старался улучшать законы, строилъ церкви и общественные дома, обводилъ каменными стѣнами старые города, строилъ новые. Въ числѣ послѣднихъ былъ на рѣкѣ Клязьмѣ городъ *Владиміръ*, основанный въ Суздальской области и названный *Залѣсскимъ*, для отличія его отъ Владиміра *Волынскаго*.

Замѣчательно духовное завѣщаніе или поученіе Владиміра Мономаха, написанное имъ въ наставленіе сыновьямъ своимъ. Онъ разсказываетъ имъ о неутомимой дѣятельности, въ которой онъ провелъ всю жизнь свою, и убѣждаетъ ихъ къ такой же. Отсюда узнаемъ мы, что онъ всякій день вставалъ до свѣта и начиналъ день молитвою въ церкви. Потомъ садился думать съ дружиною или судить народъ. Узнаемъ также, что онъ старался дѣлать все самъ, не полагаясь на другихъ; что самъ онъ смотрѣлъ и за церковію, и за божественнымъ служеніемъ въ ней, и за домашнимъ порядкомъ. Всѣхъ походовъ его было 83; съ Половцами заключилъ онъ девятнадцать мирныхъ договоровъ и взялъ въ плѣнъ болѣе ста лучшихъ князей ихъ. Въ числѣ прочихъ наставленій, слѣдующія особенно выражаютъ благочестивыя и добрыя чувства знаменитѣйшаго изъ древнихъ князей нашихъ: «О, дѣти! Хвалите Бога! Любите также людей. Не постъ, не монашество спасетъ васъ, но благодѣянія. Не забывайте бѣдныхъ: кормите ихъ и помните, что все, что вы имѣете, принадлежитъ Богу и поручено вамъ только на время. Будьте отцами сиротъ, судите вдовицъ сами; не давайте сильнымъ обижать слабыхъ», и проч.

III.

Олеговичи и Мономаховичи и разореніе Кіева.

Владиміръ Мономахъ скончался въ 1125 году. Всѣ знали, что онъ сидѣлъ на великокняжескомъ столѣ не по праву старшинства, но по любви народа. Эта любовь была такъ велика, что и послѣ смерти его никто не думалъ спорить, когда великимъ княземъ сдѣлался сынъ его Мстиславъ, а не князь изъ старшаго рода Олега Святославича. Правда, что трудно было начать споръ съ Мстиславомъ: онъ во многомъ походилъ на отца своего, и былъ также любимъ народомъ. Зная умъ и твердость его характера, всѣ князья охотно повиновались ему, и когда случилось однажды, что Полоцкіе князья вздумали не послушаться его и не пойти вмѣстѣ съ нимъ на усмиреніе Половцевъ, то Мстиславъ поступилъ съ ними, какъ съ измѣнниками отечества, взялъ ихъ всѣхъ въ плѣнъ и, отославъ въ изгнаніе въ Грецію, отдалъ Полоцкъ сыну своему Изяславу. Эта область была новымъ увеличеніемъ владѣній, принадлежавшихъ роду Мономаха, который и безъ того былъ самымъ богатымъ изъ всѣхъ другихъ родовъ княжескихъ. Кромѣ Мстислава, у Владиміра было еще четыре сына: *Ярополкъ*, княжившій въ Переяславлѣ, *Вячеславъ* — въ Туровѣ, *Андрей*—на Волыни, *Юрій*—въ Ростовѣ и Суздалѣ. У самаго Мстислава были уже два взрослыхъ сына, изъ которыхъ одинъ—*Всеволодъ* посланъ былъ отцомъ княжить въ Новгородъ, а другой—*Ростиславъ* въ Смоленскъ. Такимъ образомъ всѣ лучшія области принадлежали дѣтямъ Мономаха, но главная сила ихъ заключалась не въ обширныхъ владѣніяхъ ихъ, а въ томъ единодушіи и братской любви, которыя соединяли всѣхъ ихъ. Это счастливое согласіе въ семействахъ княжескихъ имѣло благотворное вліяніе и на состояніе областей ихъ: все было спокойно въ нихъ. Но къ несчастію, княженіе умнаго и мужественнаго Мстислава продолжалось не болѣе семи лѣтъ:

онъ скончался въ 1132 году, и съ вступленіемъ на великокняжескій престолъ брата его, Ярополка Владиміровича, неимѣвшаго и половины достоинствъ его, все перемѣнилось: сначала, пользуясь слабостію великаго князя, сыновья Олега Святославича заговорили о томъ, что они законные наслѣдники Кіевскаго престола, и дѣйствовали такъ удачно, что послѣ смерти Ярополка, случившейся въ 1139 году, старшій изъ нихъ, Всеволодъ Олеговичъ выгналъ изъ Кіева наслѣдника Ярополкова, брата его Вячеслава Владиміровича, и владѣлъ великимъ княженіемъ лѣтъ шесть до самой кончины своей. Но Кіевляне не любили Олеговичей, потому что еще помнили, какъ отецъ ихъ, Олегъ, во время ссоръ своихъ съ Мономахомъ первый навелъ на русскія земли дикія орды Половцевъ. Сверхъ того Олеговичи не отличались такими блестящими качествами, какъ дѣти и внуки Мономаха, и потому Кіевляне съ неудовольствіемъ переносили княженіе Всеволода Олеговича, и послѣ смерти его объявили, что никакъ не хотятъ повиноваться назначенному имъ наслѣднику, брату его Игорю Олеговичу, и избираютъ себѣ княземъ внука Мономахова, Изяслава Мстиславича, князя Волынскаго, соединявшаго въ себѣ всѣ достоинства дѣда и отца. Послѣ этого объявленія всѣ Олеговичи были выгнаны изъ Кіева, а Игорь взятъ въ плѣнъ и потомъ заключенъ въ монастырь. Усмиривъ этихъ родовыхъ враговъ своихъ, Изяславъ не могъ однакоже княжить спокойно въ Кіевѣ, потому что тогда начались несогласія между самими Мономаховичами: дяди Изяслава были недовольны тѣмъ, что онъ, какъ племянникъ, несправедливо завладѣлъ великокняжескимъ престоломъ, принадлежавшимъ по закону—имъ. Особенно одинъ изъ нихъ, Юрій Владиміровичъ Ростовскій, прозванный *Долгорукимъ*, никакъ не соглашался признать племянника великимъ княземъ и началъ съ нимъ войну, во время которой два раза выгонялъ Изяслава изъ Кіева; но Изяславъ, неуступавшій дядѣ въ воинскихъ способностяхъ, умѣлъ каждый разъ опять возвращать себѣ великое княжество, и наконецъ, чтобы прекратить домогательства

Юрія, призвалъ княжить въ Кіевъ самаго старшаго дядю своего, Вячеслава Владиміровича и, прося прощенія, сознался передъ нимъ, что несправедливо занялъ мимо него—старшій столъ. Старый Вячеславъ, довольный честію, отданною ему племянникомъ, носилъ только имя великаго князя, но все управленіе отдалъ въ руки Изяслава. Юрій, конечно, не былъ доволенъ хитростію Изяслава, и настоятельно требовалъ, чтобы Вячеславъ княжилъ одинъ, и не получая на то согласія ни Вячеслава, ни Изяслава, продолжалъ войну съ помощью Галицкаго князя, Владимірка Володаревича. У Изяслава былъ также хорошій помощникъ — венгерскій король Гейза, женатый на сестрѣ его, и эта борьба дяди съ племянникомъ продолжалась до самой смерти Изяслава Мстиславича, случившейся въ 1154 году. Вячеславъ еще жилъ въ это время и по смерти Изяслава принялъ себѣ въ помощники другаго брата Изяслава—Ростислава, князя Смоленскаго. Ростиславъ ни имѣвшій ни ума, ни храбрости брата своего, не долго управлялъ Кіевомъ, потому что Вячеславъ вскорѣ потомъ умеръ, и слабый Ростиславъ долженъ былъ уступить великое княжество двоюродному брату Всеволода Олеговича—Изяславу Давидовичу. Но и этому князю не удалось остаться долго въ Кіевѣ: онъ выгнанъ былъ оттуда Юріемъ Долгорукимъ, который наконецъ уже совершенно овладѣлъ Кіевомъ и княжилъ въ немъ до самой смерти своей, въ 1157 году.

Теперь старшимъ въ родѣ Мономаха оставался Ростиславъ Мстиславичъ, но добрый и уступчивый, онъ не спорилъ съ Изяславомъ Давидовичемъ, который опять явился съ своими требованіями на старшій столъ, и съ полною увѣренностію, что кромѣ Ростислава никто не посмѣетъ противорѣчить ему, вступилъ на престолъ. Но онъ ошибся: Волынскій князь Мстиславъ Изяславичъ, сынъ знаменитаго великаго князя Изяслава Мстиславича, вступился за дядю Ростислава, пришелъ съ войскомъ къ Кіеву, выгналъ оттуда Изяслава Давидовича и возвратилъ престолъ Ростиславу. Когда же

Ростиславъ скончался, великимъ княземъ сдѣлался Мстиславъ Изяславичъ, но съ вступленіемъ его на престолъ Кіевскій началась снова война между дядею и племянникомъ: Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, сынъ Юрія Долгорукаго, объявилъ свои права на великое княженіе. Это былъ князь особенно замѣчательный изъ всѣхъ потомковъ Мономаха, жившихъ до его времени: рожденный и воспитанный на сѣверѣ, въ то время когда отецъ его былъ еще княземъ Ростовскимъ и Суздальскимъ, Андрей не любилъ Кіева, какъ причину вѣчныхъ споровъ княжескихъ, и не стремился къ нему, какъ къ старшему столу, что̀ было обыкновеннымъ стремленіемъ всѣхъ другихъ князей; но понявъ прежде нихъ, что всѣ бѣдствія Руси, всѣ безпорядки и неустройства е́я происходили отъ ея разрозненныхъ частей, Андрей первый созналъ весь вредъ удѣльной системы и необходимость единодержавія для утвержденія силы и прочности государства.

Это сознаніе рѣшило его на борьбу съ старымъ порядкомъ вещей и первымъ дѣйствіемъ этой борьбы было нерасположеніе его къ Кіеву и мысль о другой столицѣ, гдѣ было бы удобнѣе заводить новый порядокъ. Такою столицею избралъ онъ Владиміръ-Залѣсскій, построенный знаменитымъ дѣдомъ его Мономахомъ. Какъ городъ новый, онъ имѣлъ въ себѣ мало прежняго, стариннаго устройства городовъ нашихъ, и, что̀ было всего удобнѣе для намѣреній Андрея, не имѣлъ вѣча, на которомъ жители сами рѣшали дѣла свои, иногда даже противъ воли своихъ князей. Такое самоуправство явно противорѣчило бы понятіямъ Андрея объ единодержавіи, и потому не только Кіевъ, но и другіе старшіе города русскіе—Новгородъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Ростовъ, Суздаль не могли остановить на себѣ выбора его. Къ тому же Владиміръ всегда былъ его любимымъ городомъ, особливо съ тѣхъ поръ, какъ въ 12-ти верстахъ отъ него, въ селѣ Боголюбовѣ, набожный князь построилъ монастырь въ честь чудо-

творной иконы Божіей Матери Пирогощей *), единственнаго сокровища вывезеннаго имъ изъ Кіева еще въ то время, когда онъ былъ тамъ въ княженіе отца и противъ воли его уѣхалъ оттуда, отказавшись отъ удѣловъ на югѣ. Съ того времени Андрей почти не выѣзжалъ изъ Владиміра и Боголюбова и вѣроятно отъ того получилъ и названіе *Боголюбскаго*. Изъ этого — по тогдашнимъ понятіямъ — дальняго сѣвера Андрей смотрѣлъ на все происходившее въ южныхъ княжествахъ; на безпрестанные переходы Кіева отъ одного князя къ другому и на все то, что терпѣлъ народъ при этихъ переходахъ, и болѣе и болѣе утверждался въ своихъ новыхъ намѣреніяхъ. Онъ приступилъ къ исполненію ихъ тогда, когда Мстиславъ Изяславичъ, овладѣвъ Кіевомъ поссорился со многими южными князьями. Это время разъединенія великаго князя со многими удѣльными князьями было, по мнѣнію Андрея, самымъ удобнымъ къ уничтоженію верховной власти Кіева надъ другими княжествами, и онъ рѣшился воспользоваться имъ: созвалъ всѣхъ недовольныхъ князей—а число ихъ простиралось до одиннадцати— и, соединивъ войска ихъ съ своимъ собственнымъ, отправилъ къ Кіеву эту огромную силу съ повелѣніемъ не щадить города. Такое жестокое повелѣніе доказывало до какой степени всѣ мысли Андрея заняты были только однимъ намѣреніемъ уничтожить значеніе Кіева: это намѣреніе заглушало въ немъ всѣ чувства состраданія къ городу, который назывался *матерью городовъ русскихъ*; сердце его не дрогнуло отъ ужаса даже и тогда, когда онъ получилъ извѣстіе, что повелѣніе его было исполнено: Кіевъ взятъ приступомъ и страшно разграбленъ. Андрей не подумалъ утѣшить разоренныхъ Кіевлянъ даже и теперь, когда они сдѣлались его

---

*) *Пирогощи* было имя греческаго купца, привезшаго эту икону изъ Константинополя. Говорятъ, что она написана евангелистомъ Лукою. Теперь находится она въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ и называется *Владимірскою*.

подданными: не поѣхалъ туда, какъ дѣлали всѣ прежніе великіе князья, но къ новому оскорбленію жителей древняго княжества перенесъ столицу въ Владиміръ, гдѣ и остался жить по прежнему, а Кіевъ, какъ удѣльный городъ, отдалъ младшему брату своему Глѣбу. Это несчастіе Кіева случилось въ 1169 году.

IV.

Междоусобія князей на сѣверѣ и югѣ и оттого разстройство во всѣхъ областяхъ Руси.

Всѣ важнѣйшія событія Руси происходили до сихъ поръ на югѣ ея; вся государственная сила ея устраивалась тамъ, и оттуда уже разливалась по всѣмъ другимъ областямъ ея. Съ вступленіемъ на великое княженіе Андрея Боголюбскаго этотъ порядокъ совершенно измѣняется: южная Россія, съ паденіемъ Кіева, теряетъ всю свою древнюю важность для государства; мѣсто ея занимаетъ сѣверная и даетъ всему новый видъ и новое значеніе. Главная перемѣна, конечно, заключалась въ новомъ образѣ мыслей великаго князя и въ твердомъ намѣреніи его осуществить замышляемый ими новый порядокъ въ государствѣ. Вслѣдъ за перенесеніемъ столицы въ городъ новый — этимъ первымъ шагомъ *самовластца*, какъ называетъ его лѣтописецъ, Андрей продолжаетъ слѣдовать своему плану единодержавія: не только не даетъ удѣловъ сыновьямъ своимъ, но и изгоняетъ изъ своего княжества младшихъ братьевъ и племянниковъ своихъ отъ старшаго брата Ростислава; выгоняетъ и старыхъ бояръ отцовскихъ, приверженцовъ прежняго порядка, и своимъ обращеніемъ и съ ними и съ самыми князьями доказываетъ, что его понятія о повиновеніи великому князю не ограничиваются родственнымъ послушаніемъ младшихъ къ старшему, но доходятъ уже до полной подчиненности поддан-

ныхъ къ государю. Этимъ, конечно, были очень недовольны младшіе князья, и особенно одинъ изъ нихъ, самый смѣлый и храбрый, Мстиславъ Ростиславичъ, ожидавшій только удобнаго случая показать свое неудовольствіе великому князю. Этотъ случай вскорѣ представился: онъ и братья его получили отъ Андрея въ свое владѣніе кіевскіе города послѣ смерти брата Андреева, Глѣба. Спустя нѣсколько времени доходитъ до Андрея слухъ, неизвѣстно справедливый или ложный, что будто Глѣбъ умеръ не своею смертію, но былъ отравленъ кіевскими боярами. Великій князь требуетъ у Ростиславичей выдачи бояръ, на которыхъ падаютъ его подозрѣнія. Мстиславъ Ростиславичъ не только отказывается исполнить это требованіе, но еще черезъ посланника велитъ сказать великому князю: «Мы признали тебя старшимъ; а ты сталъ обходиться съ нами не какъ съ князьями, а какъ съ подручниками: такъ Богъ насъ разсудитъ!» Такія слова, переданныя въ точности посланникомъ, приняты были Андреемъ за величайшее оскорбленіе и въ отмщеніе за него онъ послалъ опять сильное войско къ Кіеву. Но Ростиславичи не испугались этого войска; Мстиславъ не допустилъ его даже и до Кіева, и прогналъ еще отъ Вышгорода, а между тѣмъ во Владимірѣ бояре, недовольные необыкновенною строгостію великаго князя, сговорились убить его и совершили это злодѣяніе въ 1174 году, въ селѣ Боголюбовѣ.

Кончина Андрея прибавила къ междоусобіямъ князей новый родъ споровъ между городами Ростовомъ и Владиміромъ. Старый Ростовъ и вмѣстѣ съ нимъ Суздаль съ завистію смотрѣли на то, что новый Владиміръ, бывшій прежде младшимъ городомъ или «пригородомъ», вдругъ сдѣлался городомъ великокняжескимъ. Какъ скоро Андрея не стало, Ростовцы спѣшили воспользоваться общимъ смятеніемъ, произведеннымъ неожиданною кончиною великаго князя, и объявили на вѣчѣ своемъ, что не желаютъ имѣть великимъ княземъ ни сына его Юрія, ни родныхъ братьевъ его, но выбираютъ себѣ племянниковъ его, Ростиславичей. Къ этому рѣ-

шенію Ростовцы прибавляли слѣдующія обидныя слова для Владимірцевъ: «Владимірцы наши холопы и каменьщики: пожжемъ ихъ городъ, и опять поставимъ тамъ своего посадника.» Владимірцы, получивъ извѣстіе объ избраніи Ростиславичей и боясь подъ властію ихъ лишиться своего старшинства между княжествами, избрали себѣ княземъ законнаго наслѣдника великаго княженія — Михаила Юрьевича и тѣмъ подали случай къ новой войнѣ дяди съ племянниками. Семь недѣль Ростиславичи осаждали Михаила во Владимірѣ и наконецъ заставили его уступить имъ престолъ. По желанію народа, братья раздѣлили области великаго княжества: старшій, Мстиславъ, взялъ себѣ Ростовъ, младшій Ярополкъ—Владиміръ. Но не долго продолжалось торжество ихъ: дурное правленіе Ярополка скоро вывело изъ терпѣнія Владимірцевъ. По молодости своей, онъ слушался во всемъ одного изъ южныхъ князей—Глѣба Святославича Рязанскаго, женатаго на сестрѣ его, а этотъ князь, набравъ дружину для зятя въ южной Руси, дѣлалъ вмѣстѣ съ нею что хотѣлъ во Владимірѣ, и дерзость его и товарищей его дошла наконецъ до того, что они вмѣстѣ съ великимъ княземъ грабили драгоцѣнности изъ богатой церкви Богородицы, построенной Андреемъ Боголюбскимъ. Видя все это, Владимірцы просили не одинъ разъ помощи у Ростовцевъ, но тѣ хотя и обѣщали помощь, но, по прежней зависти къ Владиміру, не исполняли своихъ обѣщаній, и тѣмъ принудили Владимірцевъ снова обратиться къ Михаилу: они умоляли его избавить ихъ отъ Ярополка, и Михаилъ, хотя больной въ это время, не могъ отказать просьбѣ народа и велѣлъ нести себя на носилкахъ во Владиміръ. Съ нимъ былъ братъ его Всеволодъ Юрьевичъ, съ помощію котораго онъ побѣдилъ войско, высланное противъ него Ярополкомъ, и потомъ изгналъ не только Ярополка и Глѣба изъ Владиміра, но даже и Мстислава изъ Ростова. Все успокоилось. Михаилъ сѣлъ княжить въ Владимірѣ, Всеволода посадилъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Прошло не болѣе года послѣ этого успокоенія въ областяхъ

сѣверной Руси, какъ болѣзненный Михаилъ Юрьевичъ скончался въ 1176 году и на престолъ его вступилъ Всеволодъ. Владимірцы и Переяславцы тотчасъ присягнули ему и даже дѣтямъ его, чего до сихъ поръ никогда не бывало, но непокорные Ростовцы опять вздумали вызывать къ себѣ прежняго князя своего Мстислава Ростиславича, прозваннаго *Храбрымъ*. На этотъ разъ однакоже храбрость его не помогла ему: онъ побѣжденъ былъ Всеволодомъ и съ этого времени Ростовъ долженъ былъ навсегда присмирѣть и уступить свое старшинство Владиміру. Но у Мстислава Ростиславича былъ сынъ, еще болѣе храбрый и смѣлый. Мстиславъ Мстиславичъ, прозванный *Удалымъ*, и вотъ чрезъ нѣсколько времени онъ выступаетъ на борьбу съ Всеволодомъ III, и эти оба князя, лучшіе изъ всѣхъ тогдашнихъ князей, могли справедливо назваться представителями двухъ различныхъ силъ, дѣйствовавшихъ тогда на Руси. Всеволодъ, названный по многочисленному семейству своему *Большимъ гнѣздомъ*, былъ образцемъ князей сѣверныхъ: съ тѣми же мыслями, какъ и братъ его, Андрей Боголюбскій, онъ постоянно стремился къ той же цѣли — увеличивать сколько возможно свои владѣнія и не раздроблять ихъ на части. Мстиславъ, напротивъ того, былъ образцемъ прежнихъ южнорусскихъ князей: не думая ни объ единовластіи, ни объ увеличеніи владѣній своихъ, онъ любилъ только славу военную и пользовался ею для защиты слабыхъ отъ сильныхъ. Въ тѣ смутныя времена общаго разстройства въ областяхъ Руси Мстиславъ Удалой былъ благодѣтельнымъ геніемъ для всѣхъ тѣхъ княжествъ, которыя наиболѣе страдали отъ безпорядковъ: онъ являлся вездѣ, гдѣ только просили его о помощи, и вездѣ оказывалъ ее тѣмъ, кого обижали. Такъ вступился онъ и за Новгородцевъ, которые, пользуясь отдаленностію своей области отъ пребыванія великихъ князей и тѣми льготами и преимуществами, какія изстари были даны имъ Ярославомъ Великимъ, привыкли къ самоуправленію до того, что иногда даже не повиновались князю, который по-

сылался къ нимъ отъ великаго князя, и сами своевольно избирали себѣ другаго. Богатства, которыя они легко наживали благодаря обширной торговлѣ своей по водному пути съ нѣмецкими (ганзейскими) городами, и сильное войско, которое они могли всегда выставлять противъ враговъ своихъ, доставляли имъ всѣ средства безнаказанно пользоваться своею силою. Безпорядки, такъ часто происходившіе между князьями Руси и заставлявшіе нѣкоторыхъ изъ нихъ прибѣгать за помощію къ Новгородцамъ, болѣе и болѣе увеличивали значеніе ихъ и утверждали ихъ въ гордомъ мнѣніи о себѣ. Они уже давно называли область свою *Великимъ Новгородомъ* и сложивъ себѣ пословицу: «*Кто противъ Бога и Великаго Новгорода?*» не считали никого равнымъ себѣ. Конечно съ такими мыслями Новгородцамъ трудно было покоряться строгимъ понятіямъ Андрея Боголюбскаго и Всеволода III-го о подчиненности подданныхъ къ государю многія требованія этихъ двухъ великихъ князей могли казаться имъ несправедливыми и стѣснительными, и чтобы освободиться отъ нихъ, они не разъ прибѣгали къ тогдашнему общему защитнику всѣхъ утѣсненныхъ, Мстиславу Удалому. Онъ каждый разъ помогалъ имъ и въ дѣлахъ ихъ съ Всеволодомъ, отъ власти котораго онъ даже совсѣмъ освободилъ ихъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда Новгородцы не могли справиться съ народами, подвластными имъ: это были финскія племена, населявшія земли, простиравшіяся отъ Новгорода къ сѣверу до береговъ Бѣлаго моря, къ западу—до Финскаго залива. Въ нашихъ нынѣшнихъ Остъ-Зейскихъ губерніяхъ, между Финскимъ заливомъ и Западною Двиною, жили въ тѣ времена Эсты (чудское племя), также подвластные Новгороду. Эти обширныя владѣнія доказывали, что Новгородцы справедливо называли область свою *Великимъ Новгородомъ*; но за то трудно было имъ управлять всѣмъ тѣмъ, что̀ было подъ ихъ властію, особливо съ тѣхъ поръ, какъ въ сосѣдство къ данникамъ ихъ, Эстамъ, поселились нѣмецкіе монахи-миссіонеры, задумавшіе обращать въ христі-

анскую вѣру Литовцевъ и Чудь, жившихъ также въ Прибалтійскомъ краѣ, поюжнѣе отъ Эстовъ и зависѣвшихъ отъ Полоцкихъ князей. Германскіе купцы, торговавшіе съ Новго-

Рыцари нѣмецкіе и Эсты.

родомъ и съ землями, подвластными ему, вѣроятно разнесли въ отечествѣ своемъ славу объ удобствахъ торговли въ Прибалтійской странѣ, о тихомъ и миролюбивомъ нравѣ жителей

ея язычниковъ, и вотъ Нѣмцы рѣшились просвѣщать ихъ и Бременскій архіепископъ прислалъ для того въ половинѣ XII-го вѣка монаха Мейнгарда. Этотъ Мейнгардъ не столько убѣжденіями, которыхъ не могли понимать Литовцы и Эсты, незнавшіе нѣмецкаго языка, сколько силою обращалъ ихъ въ христіанство, строилъ церкви и въ награду за свое усердіе сдѣланъ былъ первымъ епископомъ Ливоніи и мало по малу забиралъ въ свои руки всю власть надъ страною. Однакожъ жители ея, не смотря на свое миролюбіе, не могли выносить всѣхъ притѣсненій, какія дѣлали имъ просвѣтители ихъ, и, соединивъ свои силы, возстали на нихъ. Тогда епископъ Альбертъ Буксгёвденъ выпросилъ у папы позволеніе основать духовный рыцарскій *орденъ Меченосцевъ* и съ этими новыми рыцарями отправился на берега Двины и уже вооруженною рукою принялся крестить бѣдныхъ туземцевъ, которые съ тѣхъ поръ уже не могли спорить съ Нѣмцами. Полоцкіе князья были слишкомъ слабы, чтобы защитить жителей области, принадлежавшей имъ, и рыцари, пользуясь этою слабостію, захватывали болѣе и болѣе земель ихъ и въ 1200 году построили городъ Ригу, а потомъ взяли себѣ и нашъ городъ Юрьевъ или нынѣшній Дерптъ, построенный Ярославомъ, и городъ Колывань (нынѣшній Ревель) въ Эстоніи; однимъ словомъ, они завладѣли всѣмъ пространствомъ, которое мы называемъ теперь Остъ-Зейскимъ краемъ, настроили тамъ укрѣпленныхъ замковъ и всѣхъ природныхъ жителей, Литовцевъ и Ливовъ, сдѣлали своими крѣпостными людьми. Вотъ съ такими-то сильными и несправедливыми сосѣдями были у Новгородцевъ иногда споры, въ которыхъ Мстиславъ Удалой помогалъ имъ, но особенно они были обязаны ему тогда, когда послѣ смерти Всеволода, случившейся въ 1212 году, начались ссоры между сыновьями его. Княземъ Новгородскимъ былъ третій сынъ его и зять Мстислава, Ярославъ Всеволодовичъ, князь суровый и корыстолюбивый. Онъ безъ жалости притѣснялъ богатыхъ бояръ и купцовъ новгородскихъ и однажды, разсердясь на всѣхъ жителей Нов-

города, уѣхалъ въ пригородъ новгородскій Торжокъ и оттуда не допускалъ въ Новгородъ подвоза съѣстныхъ припасовъ. Мстиславъ, услышавъ о такихъ дѣлахъ зятя, явился опять на защиту Новгородцевъ. Но Ярославъ не послушался убѣжденій его и пошелъ даже войною на тестя. Можетъ быть онъ не рѣшился бы на такую смѣлость одинъ, но у него былъ сильный помощникъ: братъ его Юрій, несправедливо завладѣвшій великокняжескимъ престоломъ въ обиду старшаго брата Константина, княжившаго въ это время въ Ростовѣ. Такимъ образомъ Мстиславу пришлось на этотъ разъ усмирять двухъ несправедливыхъ князей и защищать обиженныхъ Новгородцевъ и князя Константина Всеволодовича. Съ обыкновеннымъ ему успѣхомъ онъ исполнилъ эту трудную задачу. Соединивъ свое новгородское войско съ Константиновымъ, онъ разбилъ войско Юрія и Ярослава на берегахъ рѣки Липицы, въ землѣ Суздальской, и слѣдствіемъ этой побѣды было то, что Юрій долженъ былъ уступить великое княженіе Константину, а Ярославъ свое Новгородское княжество—Мстиславу Удалому, который особенно любилъ Новгородъ, какъ мѣсто своего рожденія. Отецъ его Мстиславъ Ростиславичъ былъ въ молодости своей также княземъ Новгородскимъ и даже погребенъ въ тамошнемъ Софійскомъ соборѣ. Но не болѣе двухъ лѣтъ посчастливилось Новгородцамъ пожить подъ благотворнымъ правленіемъ Удалаго: безпорядки въ южныхъ областяхъ Руси заставили его разстаться съ Новгородцами и поспѣшить на помощь къ другимъ соотечественникамъ его. Вотъ какъ прощался онъ съ Новгородомъ: «Кланяюсь св. Софіи *), гробу отца моего и вамъ, Новгородцы. Иду добывать Галичъ отъ Венгровъ, а васъ не забуду!»

Княжество Галицкое или Червонная Русь въ самомъ дѣлѣ подпало тогда подъ власть чуждыхъ народовъ и болѣе всѣхъ

*) Въ Новгородѣ была главная церковь во имя св. Софіи, Премудрости Божіей. Она существуетъ тамъ и донынѣ.

другихъ областей нуждалось въ помощи Мстислава, хотя, по справедливости сказать, и въ другихъ областяхъ южно-русскихъ во все время 37 лѣтняго княженія Всеволода III, занимавшагося только сѣверомъ, происходило много безпорядковъ; но Галиція уже совершенно погибала, и потому Мстиславъ отправился изъ Новгорода прямо туда. Простираясь по берегамъ верховьевъ Днѣстра и Прута, Галиція составляла нѣкогда часть Волыни и на Любецкомъ съѣздѣ отдана была Васильку и Володарю Ростиславичамъ.

У Володаря былъ сынъ Владимірко, князь хитрый и властолюбивый. Онъ построилъ на Днѣстрѣ городъ Галичъ и умѣлъ завладѣть всею Червонною Русью. Сынъ его Ярославъ Осмомыслъ возвеличилъ еще болѣе свое княжество, заботясь объ его внутреннемъ устройствѣ и благосостояніи *). Но къ сожалѣнію, съ смертію Осмосмысла счастіе Галицкаго княжества кончилось: сынъ его, вовсе не походившій на отца, умеръ бездѣтнымъ, а бояре галицкіе, по примѣру бояръ сосѣднихъ съ ними Венгріи и Польши, гдѣ это сословіе пользовалось большею властію,—дѣлали что́ хотѣли въ осиротѣвшемъ княжествѣ, пока не прибылъ туда сынъ знаменитаго Мстислава Изяславича Волынскаго, Романъ Мстиславичъ, который, сколько по родству, а еще болѣе по наслѣдственнымъ, прекраснымъ способностямъ этой линіи Мономаховичей, утвердился въ Галиціи. Но эти природныя способности его затмѣвались необыкновенною жестокостію его нрава. Усмиряя непокорныхъ бояръ галицкихъ, онъ безпощадно казнилъ ихъ, и когда другія князья упрекали его въ этой жестокости, онъ обыкновенно отвѣчалъ: «Не раздавивъ пчелъ, нельзя ѣсть меду».

---

*) Въ извѣстномъ поэтическомъ сказаніи „*Слово о полку Игоревѣ*“ есть прекрасное описаніе тогдашняго могущества Ярослава-Осмомысла; „Ты, Ярославъ, высоко сидишь на своемъ златокованномъ престолѣ и желѣзными полками своими подпираешь горы Карпатскія, затворяешь ворота Дуная, заступаешь путь королю Венгерскому, отворяешь по волѣ ворота Кіеву и далеко мечешь своими стрѣлами“.

Воюя безпрестанно то съ Половцами, то съ Литвою, то съ Поляками, Романъ такъ прославился своими завоеваніями, что волынскіе историки называютъ его *Великимъ* и *Самодержцемъ всей Руси*. Можетъ быть со временемъ онъ и въ самомъ дѣлѣ заслужилъ бы такія названія, если бы прожилъ долѣе, но онъ вскорѣ былъ убитъ въ сраженіи съ Поляками. Послѣ него остались два малолѣтнихъ сына: Даніилъ и Василько, которыхъ своевольные бояре выгнали изъ княжества, и звали на престолъ Романа то одного, то другаго изъ сосѣднихъ государей. Отъ этого, конечно, началась борьба за Галицію между князьями Русскими, Венгерскими и Польскими. Всѣ страшные безпорядки, оттого происходившіе, продолжались до тѣхъ поръ, пока не прибылъ на помощь къ притѣсненному народу Мстиславъ Удалой. Онъ прогналъ Венгровъ, уже завладѣвшихъ-было наслѣдствомъ Романа, и самъ сѣлъ на престолъ Галицкій, а впослѣдствіи выдалъ дочь свою за Даніила Романовича—князя, отличавшагося какъ благородствомъ мыслей, такъ твердостію характера. Но боярамъ галицкимъ, привыкшимъ къ своеволію, не могъ нравиться такой князь, и потому они старались ссорить Мстислава съ зятемъ и наконецъ уговорили его выдать другую дочь за Венгерскаго королевича и въ приданое ей дать Галичь. Такое несправедливое распоряженіе снова встревожило и разстроило только-что устроенное княжество подъ твердымъ правленіемъ Мстислава, но эта тревога показалась вскорѣ ничтожною передъ тою, какая распространилась по всѣмъ княжествамъ русскимъ при страшномъ извѣстіи о новыхъ, никогда невиданныхъ врагахъ—о Татарахъ, идущихъ на Русскихъ!

V.

Нашествіе Татаръ и внутреннее состояніе Руси, въ какомъ застало ее это бѣдствіе.

Въ Азіи, къ югу отъ нашего Иркутска, въ такъ называемой Татаріи Китайской, кочевали издавна дикія орды

двухъ одноплеменныхъ народовъ: Монголовъ и Татаръ. Подъ управленіемъ своихъ хановъ или князей, эти орды, отличавшіяся своею дикостію и безчеловѣчіемъ, безпрестанно воевали между собою до тѣхъ поръ, пока въ началѣ XIII вѣка явился между монгольскими ханами одинъ такой, который своею воинственностію и своими жестокостями одержалъ верхъ надъ всѣми другими и соединилъ подъ своею властію всѣ орды обоихъ народовъ. Это былъ Темучинъ, названный *Чингисъ-Ханомъ*, т. е. *великимъ ханомъ*. Достигнувъ такой необыкновенной между дикарями власти и силы, Чингисъ-Ханъ задумалъ покорить весь міръ, и для того послалъ въ 1223 году своихъ полководцевъ къ сѣверо-западу отъ своихъ владѣній съ повелѣніемъ покорить всѣ народы, какіе встрѣтятся имъ на томъ пути, гдѣ обыкновенно ходили изъ Азіи толпы варваровъ на грабительства въ Европѣ, т. е. по степямъ между Уральскими горами и Каспійскимъ моремъ. Всѣ сосѣднія азіатскія государства, испуганныя звѣрствомъ, какимъ сопровождалось нашествіе этихъ безчеловѣчныхъ побѣдителей, покорились имъ, какъ небесной карѣ, которой невозможно было противиться.

Въ 1224 году Татары, покоривъ народы, жившіе около Каспійскаго моря и Кавказскихъ горъ, пошли далѣе въ земли Половецкія и начали разореніе ихъ. Одинъ изъ Половецкихъ хановъ, Котянъ, тесть Мстислава Удалаго *) бѣжалъ за помощію къ Русскимъ князьямъ, и сказалъ имъ: «Сегодня отняли нашу землю, а завтра возьмутъ вашу, если не поможете намъ». Мстиславъ, всегда готовый на помощь слабыхъ, и на этотъ разъ горячо взялся за дѣло: созвалъ южныхъ князей на совѣтъ въ Кіевъ и уговорилъ ихъ идти на неизвѣстныхъ дотолѣ враговъ прежде, нежели они сами придутъ къ нимъ. По всегдашнимъ ссорамъ, раздѣлявшимъ князей, сѣверные не были призваны на совѣтъ, и южные не

*) Русскіе князья нерѣдко женились на княжнахъ Половецкихъ, разумѣется съ условіемъ, что невѣсты принимали христіанскую вѣру.

спросивъ даже согласія тогдашняго великаго князя Юрія II-го на походъ свой, собрали сильное войско и подъ предводительствомъ трехъ южныхъ князей: Мстислава Удалаго Галицкаго, Мстислава Кіевскаго и Мстислава Черниговскаго отправились за Днѣпръ отыскивать страшныхъ враговъ. На берегу рѣчки Калки (нынѣшній Калецъ), впадающей въ Азовское море, они встрѣтили ихъ. Мстиславъ Удалой, полагаясь на свою храбрость, первый началъ битву, не предупредивъ другихъ князей. Такое недружное нападеніе, конечно, не могло кончиться хорошо. Татары по одиночкѣ разбили всѣ три соединенныя войска. Мстиславу не помогла ни его собственная храбрость, ни геройское мужество зятя его, Даніила Романовича Волынскаго, который также былъ въ этомъ несчастномъ походѣ. Пораженіе было такое ужасное, какого Русскіе никогда прежде не испытывали: погибло шесть князей и семьдесятъ богатырей! Татары бѣжали за остаткомъ русскаго войска до береговъ Днѣпра, но далѣе не пошли и, возвратившись въ свои азіатскія степи, какъ будто совсѣмъ исчезли съ лица земли. Русскіе болѣе двѣнадцати лѣтъ ничего не слышали о нихъ, и по какой-то удивительной безпечности почти позабыли о страшныхъ врагахъ, и вмѣсто того, чтобы соединенными силами приготовиться къ оборонѣ въ случаѣ новаго появленія ихъ, князья занялись опять своими спорами, а примирителя ихъ, Мстислава Удалаго, уже не было на свѣтѣ. Послѣ страшнаго пораженія при Калкѣ онъ совершенно упалъ духомъ и въ уныніи прожилъ не болѣе четырехъ лѣтъ. Послѣ его смерти, случившейся въ 1228 году, снова начались войны за Галицкое княжество: законный наслѣдникъ его, Даніилъ Романовичъ, долженъ былъ съ бою брать наслѣдство свое. Два раза отнимали его Венгры; въ третій разъ—князь Михаилъ Черниговскій, и когда Даніилъ мужествомъ и твердостію своею побѣдилъ этихъ враговъ, то началась у него новая борьба съ своевольными боярами галицкими, изъ которыхъ иные переходили на сторону непріятелей его, другіе замышляли даже убить его.

Въ Кіевѣ продолжались по прежнему споры между Мономаховичами и Олеговичами. На сѣверѣ самый предпріимчивый и отважный изъ князей, Ярославъ Всеволодовичъ Переяславскій, примирившись съ Новгородцами, которые снова выбрали его княземъ своимъ, явился съ полками своими и въ Кіевъ, и уже овладѣлъ было имъ, какъ вдругъ въ 1236 году разнеслась страшная вѣсть по всѣмъ княжествамъ русскимъ о новомъ появленіи Татаръ.

Предводители новаго нашествія были теперь не простые полководцы Чингисъ-Хана, уже умершаго въ 1227 году, но племянникъ новаго хана, сына Чингисъ-Ханова, Угедея—Батый, получившій отъ дяди въ свое владѣніе страну между Ураломъ и Днѣпромъ, бывшую прежде областью Половцевъ. Батый, по примѣру Чингисъ-Хана, вообразившій себя владыкою всего міра, набралъ 300,000 войска и пошелъ громить земли, лежавшія подлѣ владѣній его. Началось съ Камской Болгаріи, которую опустошалъ онъ въ теченіе 1236 года, а въ слѣдующемъ 1237 явился и въ нашей Рязанской области. Первое требованіе дикихъ завоевателей состояло въ томъ, чтобы Рязанскіе князья дали имъ десятую часть всего, что имѣли. Князья съ своею обычною храбростію и самонадѣянностію отвѣчали: «Пока мы живы, ничего не дадимъ; если же не будетъ насъ, тогда все возьмите!»

Послѣ такого смѣлаго отвѣта князьямъ слѣдовало бы забыть несогласія свои, думать объ одномъ спасеніи отечества и всѣми соединенными силами ударить на враговъ, но они и теперь не сдѣлали этого: они безчеловѣчно отказывали другъ другу въ помощи и за то пострадали ужасно!

Рязань, напрасно ожидавшая защиты отъ великаго князя Юрія, погибла первая. Татары ворвались въ городъ послѣ отчаяннаго пяти-дневнаго сопротивленія жителей, убивали безъ милосердія всѣхъ встрѣчавшихся имъ людей: они не пощадили ни князя, ни супруги, ни матери его. Разоривъ потомъ всѣ города рязанскіе, они разбили у Коломны высланное противъ нихъ великокняжеское войско, сожгли Ко-

ломну, потомъ Москву и 2-го февраля 1238 года пришли къ Владиміру. Великаго князя въ это время не было тамъ; онъ набиралъ войско по берегамъ Волги. Жители Владиміра рѣшились защищаться до послѣдней крайности, но что̀ значили усилія ихъ противъ трехсотъ-тысячнаго самаго звѣрскаго войска?.. Чрезъ пять дней Владиміръ былъ взятъ приступомъ и сожженъ, при чемъ погибло все семейство великокняжеское, затворившееся въ церкви Богоматери вмѣстѣ съ епископомъ и множествомъ приближенныхъ къ нимъ людей. Изъ Владиміра Татары разошлись по всей Суздальской области и опустошили четырнадцать городовъ ея.

Въ мартѣ мѣсяцѣ они встрѣтились на берегахъ рѣчки Сити съ великимъ княземъ, который, набравъ войско, шелъ противъ нихъ, но въ первой же битвѣ былъ побѣжденъ и убитъ. Отсюда Батый, подвигаясь все къ западу, взялъ Торжокъ и, не доходя 100 верстъ до Новгорода, остановился и можетъ быть боясь, что съ началомъ весны разольются рѣки и растаютъ болота, которыхъ и теперь еще много въ Новогородской губерніи, поворотилъ назадъ, къ сторонѣ Калуги. Въ этой области прославился геройскимъ мужествомъ городокъ Козельскъ: цѣлыя семь недѣль Татары осаждали крѣпость его и не прежде взошли на валъ, какъ разбивъ стѣны особенными орудіями. Но и на валу Козельцы бились съ ними до послѣдней крайности, положили на мѣстѣ 4000 Татаръ и легли на убитыхъ враговъ. Татары дивились такой храбрости и съ досады на нее назвали Козельскъ *злымъ* городомъ, а изъ жителей не оставили въ живыхъ ни одного человѣка. Послѣ злодѣйствъ въ Козельскѣ, Батый оставилъ наконецъ Русь и ушелъ въ землю Половецкую.

Услышавъ объ этомъ уходѣ, оставшіеся въ живыхъ князья и жители сѣверо-восточныхъ опустошенныхъ областей вздохнули свободнѣе: несчастные надѣялись, что ужасные враги опять на долго исчезнутъ, но эта надежда была напрасна: черезъ годъ же—въ 1239 году—Батый явился съ своими безчеловѣчными ордами въ южную Русь, сжегъ въ ней нѣ-

сколько городовъ и въ 1240 подошелъ къ стѣнамъ Кіева, который въ это время былъ во владѣніи Галицкаго князя Даніила Романовича. Находясь въ Галичѣ, Даніилъ поручилъ защиту древней столицы Русской одному изъ лучшихъ бояръ своихъ, боярину Дмитрію, но, не смотря на все необыкновенное мужество этого храбраго военачальника и на отчаянное сопротивленіе жителей, Кіевъ былъ взятъ и разоренъ безпощадно. Бояринъ Дмитрій взятъ былъ въ плѣнъ и за свою храбрость удостоенъ милостію Батыя: онъ держалъ его при себѣ и даже иногда принималъ отъ него совѣты въ дѣлахъ, касавшихся до войны и походовъ его. Такимъ образомъ удалось Дмитрію оказать важную услугу своему несчастному отечеству: когда Батый, разоривъ Волынь, откуда Даніилъ бѣжалъ въ Венгрію, сбирался опустошать сосѣдніе съ Волынью города русскіе, Дмитрій сказалъ ему: «Полно тебѣ воевать здѣсь, пора идти на Венгровъ; если же еще станешь медлить, то тамъ земля сильная, соберутся и не пустятъ тебя въ нее». Батый послушался и изъ Волыни отправился за горы Карпатскія: опустошилъ Венгрію, Силезію, Моравію, но тутъ долженъ былъ остановиться: Чехи, Богемцы и Австрійцы такъ храбро защищались, что не удалось ему пройти далѣе и надобно было возвратиться назадъ. Онъ ушелъ въ свои Прикаспійскія степи. Здѣсь основалъ онъ свое царство, называвшееся Золотой или Кипчакской ордой и простиравшееся отъ Урала до устьевъ Дуная. Столицею его былъ городокъ Сарай, построенный Батыемъ при рѣкѣ Ахтубѣ, рукавѣ Волги. Отсюда разсылалъ ханъ Золотой орды свои повелѣнія покореннымъ народамъ. Отдаленные изъ нихъ, какъ напр. Венгры, Силезцы, Моравы и другіе могли не признавать его власти надъ собою, но сосѣднія русскія княжества были не въ силахъ свергнуть съ себя этой власти, потому что близость разстояній всегда давала Татарамъ возможность возобновлять свои опустошительныя нашествія при малѣйшемъ покушеніи покореннаго народа къ возвращенію свободы. И такъ Русская земля должна была покориться власти

Татаръ, должна была сдѣлатьса данницею ихъ. Взглянемъ же теперь, въ какомъ состояніи было внутреннее устройство ея въ это тяжкое время, когда она подверглась этому страшному бѣдствію, и на какой степени образованности стояло русское общество въ эпоху переворота, который надолго остановилъ дальнѣйшее развитіе этой образованности.

Въ первыя времена послѣ основанія государства, когда оно еще только устраивалось, жители его извѣстны были по названіемъ племенъ, къ которымъ принадлежали, но съ XII-го вѣка эти названія Кривичей, Полянъ, Древлянъ, Чуди, Мери и проч. начинаютъ исчезать и вмѣсто нихъ являются названія жителей по областямъ: Кіевляне, Суздальцы, Новгородцы и проч. области же получаютъ названія отъ главнаго или стольнаго города. Всѣ эти области были отдѣльными княжествами, и каждая изъ нихъ имѣла своего князя; но какъ всѣ эти князья происходили изъ одного Рюрикова рода, то владѣнія ихъ, какъ ни были раздѣлены между собою, составляли одну землю и жители ихъ считали себя однимъ народомъ русскимъ. Мысль объ этомъ единствѣ была необходимымъ слѣдствіемъ того, что князья владѣли землею сообща и при кончинѣ каждаго великаго князя почти всѣ удѣльные князья мѣняли свои княжества, приближаясь по старшинству къ главному престолу Кіевскому. Этотъ престолъ постоянно былъ предметомъ вниманія и желаній какъ близкихъ, такъ и отдаленныхъ отъ него князей; самые споры за обладаніе имъ служили только къ укрѣпленію понятій ихъ объ единствѣ земли и отечества ихъ.

Власть князя въ его княжествѣ была неограниченна. Онъ былъ и главнымъ начальникомъ войска и главнымъ судьею; самый судъ производился на его дворѣ. Доходы его состояли изъ податей, сбиравшихся со всѣхъ жителей его области; изъ пошлинъ съ разныхъ товаровъ и съ виноватыхъ по дѣламъ суднымъ. Кромѣ того, много дохода собиралось въ пользу князя разными произведеніями земли по селеніямъ, принадлежавшимъ ему. Тамъ нарочно для этого сбора строи-

лись княжескіе дворы, откуда уже все собранное отправлялось въ стольный городъ князя: мука, крупа, медъ, мѣхи, даже мѣдь и желѣзо, однимъ словомъ все, что получалось съ княжеской земли. Необыкновенное обиліе съѣстныхъ припасовъ, сбиравшихся на этихъ княжескихъ дворахъ, было причиною тѣхъ частыхъ пировъ, какими князь угощалъ своихъ приближенныхъ и особенно свою дружину. Эта дружина состояла изъ самыхъ близкихъ людей къ князю: съ нею онъ совѣтовался о всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ своихъ; изъ нея выбиралъ начальниковъ въ города и воеводъ для полковъ; однимъ словомъ, отношенія между княземъ и дружиною его были такъ тѣсны, что даже достоинства князя иногда оцѣнивались по тому много или мало любилъ онъ дружину свою. По старинному обычаю говорилось, что *хорошій князь не долженъ щадить ничего для дружины своей.* Она раздѣлялась на двѣ части: на *старшую*, которая состояла изъ боляръ или бояръ, совѣтниковъ или думцевъ князя, и на *младшую*—въ которой были молодые люди, еще мало служившіе; ихъ называли *гридями*. Къ дружинѣ же принадлежала также и прислуга князя—отроки, дѣтскіе, простые дворяне. Войско набиралось изъ остальныхъ жителей, городскихъ и сельскихъ, и раздѣлялось на *пять* полковъ: большой полкъ, два крыла—правое и лѣвое, передовой полкъ и сторожевой, которому поручалось наблюдать за непріятелемъ.

Главными и самыми богатыми городами русскими были: Кіевъ, Новгородъ, Смоленскъ и Полоцкъ, построенные по тому водному пути между Балтійскимъ и Чернымъ морями, по которому производилась торговля сѣверной Европы съ Константинополемъ и разными азіятскими странами. Кіевъ болѣе всего торговалъ съ Греціею; Новгородъ—съ скандинавскими и германскими народами.

По благочестію предковъ нашихъ богатство городовъ ихъ заключалось преимущественно въ многочисленности церквей, въ которыя они отдавали лучшія драгоцѣнности свои и часто даже жертвовали всѣмъ состояніемъ своимъ. Но это можно

было сказать болѣе объ южныхъ, нежели о сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ областяхъ Руси, отдаленныхъ отъ Кіева огромнымъ пространствомъ, покрытымъ по большей части лѣсами и болотами. Трудно было проповѣдникамъ христіанства достигать туда и потому населеніе тамошнее еще долго оставалось въ тьмѣ жалкихъ суевѣрій язычества. Тамъ еще часто являлись волхвы и удерживали народъ отъ крещенія въ новую вѣру, а крещеныхъ уже—возмущали противъ нея. Такъ однажды въ Новгородѣ одинъ злой волхвъ поставилъ противъ епископа почти весь народъ, повѣрившій обманщику, что онъ знаетъ все въ будущемъ и можетъ ходить по водѣ, какъ по-суху. Одна только находчивость князя управлявшаго тогда Новгородомъ, спасла жителей отъ обмана: онъ подошелъ къ волхву во время самой жаркой рѣчи его о своемъ могуществѣ и разрубилъ ему голову топоромъ. Народъ увидѣлъ безсиліе волхва защитить себя и обратился съ раскаяніемъ къ епископу.

Христіанство особенно процвѣтало въ Кіевѣ, гдѣ славились своимъ благочестіемъ и истинно-христіанскими добродѣтелями монахи Печерскаго монастыря, основаннаго св. Антоніемъ. Родившись въ городѣ Любечѣ, св. Антоній постригся на Аѳонской горѣ и поселился въ одной изъ кіевскихъ пещеръ въ княженіе Изяслава Ярославича. Слава о святой жизни его привлекла много подвижниковъ въ новый монастырь, и между ними одного богатаго юношу Ѳеодосія, промѣнявшаго во всемъ обильный домъ родительскій—на суровую жизнь монастырскую. Послѣ кончины св. Антонія сдѣлавшись игуменомъ Печерскаго монастыря, Ѳеодосій продолжалъ своими подвигами то прославленіе христіанства, которое началъ святой предшественникъ его. Смотря на все то, что́ дѣлалъ св. Ѳеодосій, нельзя было самымъ упорнымъ язычникамъ не признать превосходства и силы религіи, одушевлявшей его: защитникъ всѣхъ притѣсненныхъ, прибѣгавшихъ къ нему, утѣшитель страждущихъ, помощникъ бѣдныхъ, онъ находилъ еще время ходить за больными, писать

поученія монахамъ и князьямъ, изустными же бесѣдами съ Евреями объяснять имъ заблужденія вѣры ихъ. Всегда и во всемъ дѣйствуя съ успѣхомъ, любимый и благословляемый всѣми, кто имѣлъ счастіе приближаться къ нему, этотъ знаменитый служитель Христовъ былъ въ тоже время смиреннѣйшимъ инокомъ своей обители. Такіе вѣроучители не могли не имѣть и достойныхъ себя учениковъ и вслѣдъ за ними являются въ Печерской обители новые проповѣдники христіанства, новые ревнители благочестія. Ихъ проповѣди и другія духовныя сочиненія распространяютъ въ народѣ понятія объ истинной вѣрѣ и служатъ основаніемъ перваго, вполнѣ религіознаго просвѣщенія нашихъ предковъ. Къ числу этихъ духовныхъ писателей принадлежатъ и первые лѣтописцы наши, и древнѣйшій изъ нихъ, преподобный Несторъ и много другихъ, писавшихъ погодныя записки о событіяхъ на Руси и сборники, составленные изъ разныхъ лѣтописей. Кромѣ того писались еще духовными лицами поученія для князей и поученія, которыя говорили архіереи для всего народа въ церквахъ. Церковь наша въ это время зависѣла еще отъ патріарха Константинопольскаго, который присылалъ въ нее митрополитовъ— Грековъ. Только при Ярославѣ 1-мъ русскіе епископы рѣшились своимъ соборомъ поставить митрополита русскаго Илларіона. Послѣ того патріархъ Константинопольскій хотя и присылалъ своихъ митрополитовъ, но уже съ согласія великаго князя. Митрополитъ же поставлялъ епископовъ во всѣ епархіи, но также съ согласія той области, куда посылался епископъ.

Домашняя жизнь Русскихъ того времени носила на себѣ также отпечатокъ той религіозности, которая составляла основаніе всего просвѣщенія ихъ. Знатные и незнатные люди обоего пола были искренно набожны и благочестивы *), по-

*) Примѣромъ тому могъ особенно служить князь черниговскій Святославъ Давидовичъ, принявшій не только санъ монашества, но и исполнявшій въ монастырѣ всѣ работы простыхъ монаховъ: рубилъ дрова, ходилъ за больными, былъ сторожемъ у воротъ монастырскихъ и проч.

чтительны къ родителямъ и вообще ко всѣмъ старшимъ; усердно молились дома и въ церкви, строго наблюдали посты и всѣ другія установленія церкви, были глубоко преданы государю, какъ власти происходящей отъ Бога; любили отечество какъ страну заключавшую въ себѣ все, что было дорого для нихъ съ дѣтства, но эти добрыя отъ природы чувства къ верховной власти и родинѣ не могли имѣть надлежащаго развитія, потому что несогласія князей раздѣляли государство на части и съ перемѣною великаго князя власть государя переходила иногда къ князю, совершенно чуждому его предшественнику и слѣдовательно всѣмъ тѣмъ людямъ, которые окружали его. Это разъединеніе частей государства особенно обнаружилось въ послѣднее пятидесятилѣтіе передъ нашествіемъ Татаръ и было—можно сказать навѣрное—причиною неслыханныхъ успѣховъ ихъ въ покореніи Руси. Но этотъ жестокій урокъ еще не довольно вразумилъ князей: мы увидимъ, что ссоры ихъ не скоро прекратятся даже и тогда, когда начнется безотрадная жизнь ихъ подъ властію безчеловѣчныхъ побѣдителей, и будутъ служить только средствомъ къ бо́льшему и бо́льшему порабощенію ихъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Отъ нашествія Татаръ до освобожденія отъ ига ихъ при Іоаннѣ III.

Отъ 1237 до 1480 года (243 года).

I.

Александръ Невскій и Даніилъ Галицкій.

Наслѣдникомъ великаго князя Юрія, убитаго Татарами при рѣкѣ Сити, былъ къ счастію Руси тотъ изъ братьевъ его, который отличался твердостію характера,—Ярославъ Всеволодовичъ. Онъ, пріѣхавъ во Владиміръ, не пришелъ въ отчаяніе отъ страшнаго зрѣлища, какое представилъ ему этотъ опустошенный городъ, но тотчасъ занялся всѣмъ тѣмъ, что могло ободрить и утѣшить несчастное населеніе, оставшееся въ живыхъ послѣ погрома. Онъ похоронилъ мертвыхъ, лежавшихъ грудами въ церквахъ и на улицахъ, и собралъ къ къ себѣ живыхъ, разбѣжавшихся отъ страха въ разныя стороны. Вполнѣ понимая, что для Русскихъ не было возможности бороться съ татарскою силою, и что только одна покорность ей можетъ доставить имъ спокойствіе и спасеніе отъ новыхъ опустошеній, Ярославъ во все продолженіе сво-

его 8-ми-лѣтняго княженія исполнялъ все, что возлагали на него трудныя обязанности государя-христіанина, подвластнаго грубому хану-язычнику. Не одинъ разъ ѣздилъ онъ въ орду къ Батыю, въ его столицу Сарай, и наконецъ принужденъ былъ для пользы подданныхъ своихъ ѣхать и къ великому хану въ Татарію, и на возвратномъ пути оттуда скончался въ 1246 году.

Въ то время, когда отецъ съ такимъ самоотверженіемъ служилъ отечеству, лучшій изъ сыновей его, князь Александръ Ярославичъ княжилъ еще со славою прежнихъ князей Русскихъ въ Новгородѣ. Пользуясь несчастнымъ состояніемъ государства, покореннаго Татарами, враги со всѣхъ сторонъ нападали на области его. Псковъ и Новгородъ почти въ одно время терпѣли отъ Шведовъ, Литовцевъ и Ливонскихъ рыцарей. Сначала Шведы, по наущенію папы, пришли во владѣнія ихъ съ намѣреніемъ обращать жителей въ католическую вѣру и въ то же время завладѣть Ладогою. Они вошли уже на судахъ своихъ по Невѣ въ самыя владѣнія Новгородцевъ. Войско ихъ было гораздо многочисленнѣе Русскаго, такъ что Новгородцы испугались, но не испугался храбрый Александръ Ярославичъ. Это былъ князь необыкновенно благочестивый, любящій Бога и надѣющійся на Него, а такіе люди никогда не унываютъ, какія бы несчастія ни случились съ ними. Прежде всего они всегда прибѣгаютъ къ молитвѣ. Такъ сдѣлалъ и князь Александръ: вмѣстѣ съ народомъ онъ идетъ въ церковь и помолившись тамъ съ усердіемъ истиннаго Христіанина, говоритъ къ войску своему «Насъ немного, а врагъ силенъ, но Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ. Идите съ вашимъ Княземъ!» Воодушевленный такимъ образомъ надеждою на помощь Божію князь Александръ Ярославичъ встрѣтилъ шведовъ на Невѣ 15 іюля 1240 года, разбилъ все ихъ войско, а одинъ изъ новгородскихъ гражданъ, по имени Миша, потопилъ почти всѣ суда ихъ, такъ что они ушли только на двухъ, на которыхъ положены были тѣла убитыхъ начальниковъ ихъ. За эту славную побѣду князь Александръ получилъ

названіе *Невскаго*, и въ слѣдующемъ же 1241 году одержалъ также важную побѣду надъ нѣмецкими рыцарями, пришедшими завоевать Новгородскія земли и уже овладѣвшими Псковомъ. Сраженіе происходило на льду Чудскаго озера и оттого въ лѣтописи называется *ледовымъ побоищемъ*. Оно усмирило непрі-

Св, Александръ Невскій.

ятелей до того, что они отказались отъ всего завоеваннаго ими. Также успѣшно бился онъ съ Литовцами, которые грабили новгородскія селенія: три раза онъ побѣждалъ и прогонялъ ихъ отъ границъ новгородскихъ. Въ сношеніяхъ съ Татарами онъ поступалъ съ такимъ же самоотверженіемъ, какъ и отецъ его:

необыкновенно храбрый со всѣми другими врагами отечества, онъ сдерживалъ себя и старался удерживать своихъ подданныхъ отъ всякаго сопротивленія Татарамъ, съ которыми нельзя было бороться. Кромѣ того для бóльшаго спокойствія Русскихъ онъ старался сближаться съ ханами, и для того, еще будучи княземъ Новгородскимъ ѣздилъ въ орду. Слава его побѣдъ надъ войсками трехъ народовъ, скромность, соединенная съ этою славою, благоразуміе во всѣхъ поступкахъ доставили ему любовь и уваженіе даже между Татарами. Ханъ, послѣ смерти Ярослава, утвердилъ его на столѣ Кіевскомъ и Новгородскомъ, а когда въ 1252 году братъ его Андрей Ярославичъ выгнанъ былъ изъ Владиміра Татарами, то ханъ и этотъ великокняжескій столъ отдалъ Александру Невскому.

Сдѣлавшись великимъ княземъ, Александръ продолжалъ дѣйствовать въ томъ же духѣ: болѣе всего заботился онъ о сохраненіи мира съ Татарами. А забота эта соединялась съ большими трудностями: Татары, наложивъ дань на всѣ покоренныя области русскія, часто пріѣзжали собирать ее. Для этого надобно было сдѣлать перепись всему народу. Въ первый разъ это сдѣлано было еще при Ярославѣ. Во второй разъ пріѣхали татарскіе баскаки или чиновники при Александрѣ. Они сосчитали всѣхъ жителей и поставили надъ ними десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и темниковъ, которые должны были собирать дань. Почти во всѣхъ областяхъ необходимость заставила покориться этому распоряженію Татаръ, одни Новгородцы не хотѣли и слышать о такой переписи. Великій князь Александръ уговорилъ ихъ согласиться. Потомъ въ городахъ Ростовѣ, Владимірѣ, Суздалѣ, Переяславлѣ и Ярославлѣ жители были выведены изъ терпѣнія притѣсненіями татарскихъ сборщиковъ дани и выгнали ихъ. За эту дерзость ханъ уже послалъ свое войско для новаго разоренія Руси, но и на этотъ разъ великодушный Александръ спасъ своихъ подданныхъ отъ новыхъ несчастій: онъ поѣхалъ въ четвертый разъ въ орду и успѣлъ объяснить хану дѣло такъ, что тотъ велѣлъ войску возвратиться назадъ. Но это былъ уже послѣдній подвигъ его для пользы русской

земли: возвращаясь отъ хана, онъ скончался въ Городцѣ-Волжскомъ 23 ноября 1263 года. Вся жизнь его, всецѣло посвященная на великое служеніе отечеству и вѣрѣ православной, за которую онъ бился съ Шведами и Нѣмцами, доставила ему безсмертную славу въ Россіи. Церковь же наша достойно причислила его къ лику святыхъ.

Въ то самое время, когда св. Александръ Невскій былъ такимъ образомъ представителемъ лучшаго изъ князей сѣверной Руси, въ южныхъ областяхъ ея, почти совершенно опустошенныхъ Татарами, былъ еще уголокъ, сохранившійся отъ общаго разрушенія, былъ еще князь, котораго можно было назвать образцомъ князей южно-русскихъ. Этотъ уголокъ было—княжество Галицкое, этотъ князь—Даніилъ Романовичъ. Испытавъ много несчастій въ ранней молодости и проведя всю жизнь въ борьбѣ съ различными врагами, онъ такъ окрѣпъ духомъ, такъ привыкъ не унывать отъ неудачъ, что немногіе изъ князей могли сравняться съ нимъ мужествомъ и твердостію характера. Въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ много сходства съ знаменитымъ современникомъ своимъ Александромъ Невскимъ. Но это сходство терялось отъ различія натуръ ихъ—южной и сѣверной: Александръ, столько же храбрый и воинственный, какъ Даніилъ, умѣрялъ свою храбрость разсудительностію, и потому, сознавая невозможность борьбы съ Татарами, умѣлъ покорностію власти ихъ спасать своихъ подданныхъ отъ новыхъ нашествій враговъ и доставлять имъ возможное спокойствіе. Не такъ поступалъ пылкій южный князь: будучи принужденъ, какъ и другіе князья, явиться по зову Батыя въ Сарай, Даніилъ не могъ избавиться и всѣхъ тѣхъ униженій, съ какими соединялось представленіе князей къ хану: они должны были становиться передъ нимъ на колѣни, кланяться ему до земли и пить кумысъ. Горделивому князю южному, пылкому и нетерпѣливому, невозможно было исполнить все это и не возъимѣть въ душѣ твердаго намѣренія свергнуть унизительное иго. Но какъ сдѣлать это? Гдѣ искать союзниковъ? Между русскими князь-

ями ихъ не было, кромѣ роднаго его брата Василька, владѣвшаго Волынью; но чтоже значили ихъ силы противъ силъ татарскихъ? И вотъ, по необходимости надобно было обратиться къ сосѣдямъ съ другой стороны: Австрійцамъ, Венграмъ и Полякамъ; но это все государства католическія, которыя безъ дозволенія папы не пошли бы на зовъ его въ крестовый походъ противъ враговъ христіанства, а папа, конечно, не согласился бы оказать ему эту помощь иначе, какъ съ условіемъ присоединенія православной церкви Русской къ католической. Даніилъ въ пылу ненависти своей къ Татарамъ думалъ уже согласиться и на это, и вошелъ уже въ сношенія съ папою. Обрадованный папа прежде всего наградилъ Даніила и за одно намѣреніе: назвавъ его *королемъ*, прислалъ корону и потомъ разослалъ по всѣмъ католическимъ государствамъ посланіе о томъ, что непремѣнно надобно идти въ походъ противъ Татаръ; но какъ никто не послушался его, то и Даніилъ одумался; уклонился отъ всѣхъ начатыхъ переговоровъ съ папою и оставилъ при себѣ только титулъ короля Галицкаго. Но твердое намѣреніе его свергнуть иго татарское оттого не ослабѣло и повидимому получило новую силу, потому что онъ рѣшился сдѣлать это одними собственными силами, и для того началъ строить укрѣпленія въ тѣхъ городахъ своихъ, гдѣ только можно было противиться волѣ татарскихъ воеводъ и баскаковъ. Разумѣется объ этомъ вскорѣ узналъ ханъ и новое войско его явилось для усмиренія Галицкаго короля. Даніилъ радовался, что это усмиреніе кончилось только тѣмъ, что онъ долженъ былъ разрушать построенныя имъ укрѣпленія. Такимъ образомъ и у него исчезла надежда на освобожденіе отъ Татаръ, и глубоко огорченный этимъ, онъ можетъ быть впалъ бы въ совершенное уныніе, если бы силы и мужество его не понадобилось въ другой сторонѣ отечества его. Съ тѣхъ поръ, какъ всѣ княжества были почти совсѣмъ уничтожены Татарами, сосѣдняя съ Галичемъ Литва, подъ управленіемъ смѣлаго и жестокаго князя своего Миндовга, начала усиливаться и за-

хватывать себѣ земли русскихъ областей. Такъ напалъ онъ и на владѣнія Даніиловы. Но Даніилъ скоро заставилъ его отойти отъ нихъ безъ всякаго успѣха. То же самое испыталъ отъ него сынъ Миндовга, Воишелкъ, и цѣлый народъ, сосѣдній съ Литовцами, Ятвяги. Въ послѣдствіи слава о подвигахъ Даніила была такъ велика, что многія изъ государствъ сосѣднихъ съ Галиціею, искали союза съ нимъ. Они удивлялись не однимъ военнымъ дѣламъ его, но и его умѣнью распоряжаться дѣлами гражданскими. Онъ старался исправлять все, чтó было разрушено Татарами: возобновлялъ города, помогалъ разореннымъ купцамъ въ торговлѣ ихъ, но сдѣлалъ одну ошибку: чтобы скорѣе увеличить число жителей въ городахъ своихъ, онъ позволилъ селиться въ нихъ разнымъ чужестранцамъ—Нѣмцамъ, Полякамъ, Армянамъ и даже Евреямъ. Разумѣется, это смѣшанное населеніе не могло имѣть той сильной любви къ отечеству, какая нужна была для возвращенія ему независимости отъ Татаръ, и Даніилъ сошелъ въ могилу съ этою безотрадною мыслію. Не смотря на все свое благоразуміе, онъ раздѣлилъ свои земли между тремя сыновьями своими: Львомъ, Мстиславомъ и Шварномъ. Ни одинъ изъ этихъ трехъ князей не имѣлъ ни храбрости, ни правительственныхъ достоинствъ отца своего, и потому они не умѣли не только собрать около Галича всѣ другія югозападныя области, но и удержать за собою собственное княжество; въ 1315 году Литовскій князь Гединимъ уже завладѣлъ Волынью и Кіевомъ, и принялъ титулъ *великаго князя всея Руси.* Королевство же Галицкое по смерти въ 1340 году послѣдняго потомка короля Даніила захвачено было королемъ Польскимъ Казимиромъ Великимъ. Такъ пользуясь безсиліемъ Руси при Татарахъ, Литва и Польша въ первый разъ отняли отъ нея лучшія ея южныя и юго-западныя области.

II.

Русь сѣверо-восточная до временъ великаго князя Московскаго Іоанна Калиты.

Если до сихъ поръ сѣверо-восточная Русь, изнывая подъ властію Татаръ, могла еще съ завистію смотрѣть на состояніе юго-западной половины ея, то теперь, подъ властію Польши и Литвы, это состояніе послѣдней сдѣлалось еще бѣдственнѣе судьбы сѣверо-восточныхъ областей. Татары не притѣсняли вѣры православной, можно было сказать даже, что, несмотря на дикость свою, они уважали ее: на духовенство русское они никогда не налагали дани и потому не подвергали его даже и переписи. Напротивъ того въ областяхъ Галицкихъ, подпавшихъ власти Поляковъ, православная вѣра первая испытала жестокія гоненія: католичество преслѣдовало ее и, гдѣ только можно было, совсѣмъ истребляло. Литовскіе князья съ начала владычества своего надъ западными областями показывали также уваженіе не только къ вѣрѣ православной, въ которую многіе изъ нихъ даже крестились, но и къ другимъ гражданскимъ учрежденіямъ русскимъ. Когда же въ послѣдствіи и Литва должна была покориться Польшѣ, Литовцы, и особенно православные изъ нихъ, подпали такому же гоненію, какъ и Русскіе, и тогда-то состояніе юго-западной половины Руси сдѣлалось невыносимо и жители ея съ надеждою смотрѣли только на сѣверо-востокъ Руси, откуда предчувствовалось имъ спасеніе. Но мы должны возвратиться къ тому времени, когда эта надежда еще весьма мало оправдывалась, къ тому времени, когда послѣ кончины Александра Невскаго княжили на великомъ столѣ одинъ за другимъ два брата его: Ярославъ и Василій Ярославичи, и княженія ихъ не отличались ничѣмъ особеннымъ, кромѣ борьбы Новгорода и Пскова съ Литвою и Нѣмцами, борьбы замѣчательной тѣмъ, что княземъ Псковскимъ, прославившимся своею храбростію и благородствомъ характера, былъ въ это время одинъ изъ литовскихъ князей, Довмонтъ. Онъ бѣжалъ изъ

Литвы по случаю междоусобій у тамошнихъ князей, принялъ вѣру православную во Псковѣ и пользовался такимъ уваженіемъ Псковитянъ, что они избрали его своимъ княземъ и были обязаны ему многими славными побѣдами надъ Нѣмцами и Литовцами.

Въ 1276 году умеръ великій князь Василій Ярославичъ и Русская земля подвергается новымъ бѣдствіямъ отъ споровъ за великое княжество двухъ сыновей Невскаго, старшаго Димитрія и младшаго по немъ Андрея Александровичей. Подъ дикою властію Татаръ права старшинства между князьями болѣе и болѣе слабѣютъ; каждый изъ нихъ думаетъ только о томъ, какъ бы усилить собственное княжество и помѣшать усилиться другому. Такого рода несогласія были и между братьями Александра Невскаго; сынъ же его Андрей рѣшился уже явно отнимать великокняжескій столъ у брата Димитрія и, не останавливаясь ни передъ какими средствами, отправился въ орду съ богатыми дарами хану. Татары любили болѣе всего деньги и всегда считали лучшимъ изъ князей того, который былъ богаче другихъ. Такимъ образомъ Андрею Александровичу не трудно было получить отъ хана не только ярлыкъ или грамоту на великій столъ, но даже и войско на случай, если-бы Димитрію вздумалось противиться ему. Димитрій однакоже не могъ думать о сопротивленіи: онъ бѣжалъ за море Балтійское, а Татары все-таки не прежде возвратились въ свои степи, какъ разоривъ всѣ области, мимо которыхъ проходили. Но Андрей не долго посидѣлъ на несправедливо-захваченномъ престолѣ: Димитрій возвратился съ наемнымъ войскомъ и выгналъ его изъ Владиміра. Андрей опять бросился за помощью въ орду, но, къ несчастію его, у Татаръ въ это время происходили собственныя междоусобія: на берегахъ Чернаго моря основалась подъ начальствомъ хана Ногая, новая, непріятельская Золотой, орда Ногайская. Димитрій Александровичъ на этотъ разъ отправился къ этому новому хану, и не ошибся: Ногай поддержалъ его, далъ ему войско, и Андрей долженъ былъ уступить брату. Эта уступка, однакоже, была не надолго: только до тѣхъ поръ, пока онъ съѣздилъ въ

Золотую орду и привелъ оттуда опять новое войско, которое помогло ему окончательно утвердиться на великомъ княжествѣ. Побѣжденный Димитрій вскорѣ скончался, —это было въ 1294 г. Но князь, поступившій такъ несправедливо противъ брата и такъ безжалостно отдававшій народъ на разореніе Татарамъ, не могъ доставить подданнымъ своимъ спокойствія и счастія. Какъ скоро онъ утвердился на престолѣ великокняжескомъ, начались споры между другими князьями: одни были за него, но большая часть противъ него, и такъ продолжалось во все десятилѣтнее княженіе его. Изъ всѣхъ князей-противниковъ его—Андрей особенно преслѣдовалъ младшаго брата своего Даніила Александровича Московскаго.

Москва, о которой лѣтописецъ упоминаетъ въ первый разъ въ 1147 году, была маленькимъ городкомъ, основаннымъ Юріемъ Долгорукимъ на мѣстѣ селенія одного изъ его бояръ, Степана Кучки. Этотъ Кучка чѣмъ-то прогнѣвалъ Юрія и за то былъ казненъ и помѣстье его взято въ казну. Мѣстоположеніе его на берегу небольшой рѣки Москвы понравилось Юрію и потому онъ основалъ тутъ городокъ и назвалъ его по имени рѣки— Москвою. Долго Москва была неважнымъ городомъ Суздальской области и управляли ею не князья, а намѣстники ихъ. Такою досталась она въ удѣлъ князя Даніила Александровича. Умный и дѣятельный, онъ первый изъ князей началъ жить въ Москвѣ и думать объ ея украшеніи и усиленіи. Въ этомъ былъ усерднымъ помощникомъ ему племянникъ его, Іоаннъ Димитріевичъ, князь Переяславскій. Умирая бездѣтнымъ, онъ и по смерти хотѣлъ помогать любимому дядѣ и отказалъ ему свой удѣлъ, а въ немъ городъ Переяславль-Залѣсскій былъ однимъ изъ лучшихъ и самыхъ старинныхъ городовъ сѣверной Руси. Такимъ образомъ маленькое княжество Московское очень усилилось, особливо когда черезъ нѣсколько времени Даніилъ Александровичъ присоединилъ къ нему и одинъ изъ старинныхъ городовъ Рязанской области, Коломну, отнятую имъ по случаю какого-то спора: этого-то усиленія и боялся великій князь Андрей, и всѣми силами противился ему, но напрасно. Послѣ смерти

Даніила, основателя Московскаго княжества, сынъ его Юрій продолжаетъ дѣйствовать въ томъ же духѣ, и еще при жизни Андрея прибавляетъ къ своему княженію городъ Смоленскаго княжества Можайскъ; послѣ же смерти Андрея Юрій уже чувствуетъ себя столько сильнымъ, что хочетъ завладѣть и великокняжескимъ столомъ, принадлежавшимъ по праву старшинства князю Тверскому Михаилу Ярославичу, старшему племяннику Александра Невскаго. Но прежнее право старшинства уже совершенно потеряло свою силу въ это время: князья считали даже долгомъ своимъ стараться объ усиленіи собственнаго княжества и потому несправедливое намѣреніе Московскаго князя не удивляло другихъ князей. За рѣшеніемъ спора соперники поѣхали въ орду. Михаилъ Тверской далъ хану болѣе денегъ, нежели Юрій, и великокняжескій столъ остался за нимъ. Юрій принужденъ былъ уступить, и сдѣлалъ это по наружности, но внутренно остался при своемъ намѣреніи и не упускалъ ни одного случая вредить Тверскому княжеству; Московское же княжество свое усиливалъ онъ тѣмъ, что не давалъ никакихъ удѣловъ изъ него даже роднымъ братьямъ своимъ, а великому князю вредилъ тѣмъ, что помогалъ Новгородцамъ въ ссорахъ ихъ съ Михаиломъ. Новгородцы, прося Юрія защитить ихъ отъ притѣсненій Тверскаго князя, уговорили его даже переѣхать къ нимъ въ Новгородъ. Въ это время наступилъ 1313 годъ и въ ордѣ сдѣлалась важная перемѣна: умеръ ханъ Тохта. Наслѣдникомъ его сдѣлался племянникъ его, молодой ханъ Узбекъ Михаилу надобно было ѣхать къ новому хану и получить отъ него подтвержденіе, т. е. новый ярлыкъ на великокняжескій столъ. Онъ возвратился съ успѣхомъ изъ орды, гдѣ вѣроятно жаловался на непокорныхъ ему Новгородцевъ и защитника ихъ, Юрія Московскаго, потому что тотчасъ по возвращеніи Михаила пришло Юрію повелѣніе хана—явиться въ орду. Онъ поѣхалъ, прожилъ тамъ довольно долго, чтобы сблизиться съ молодымъ Узбекомъ, и такъ успѣлъ въ этомъ намѣреніи, что ханъ не только искренно полюбилъ его, но даже отдалъ за него сестру свою Кончаку, названную въ крещеніи *Агаѳіею.*

Съ этого времени борьба князей Московскаго съ Тверскимъ представляетъ самыя жестокія, даже кровавыя сцены. Михаилъ, мужественно защищая свое старшинство, не уступаетъ Юрію даже и тогда, когда тотъ возвращается ханскимъ зятемъ. Во время этой войны ихъ, жена Юрія попадается въ плѣнъ къ Михаилу и потомъ умираетъ въ Твери. Юрій воспользовался этою смертію, чтобы оклеветать Михаила въ отравленіи ея передъ Узбекомъ, который вызываетъ въ орду Михаила, и невинный князь умираетъ тамъ среди самыхъ ужасныхъ страданій, заслуживъ по справедливости названіе *Мученика* и *Святаго*. Это случилось въ 1319 году. Юрій получилъ великокняжескій столъ, но борьба между Москвою и Тверью тѣмъ не кончилась. Мстителемъ за Михаила явился старшій сынъ его Димитрій, прозванный *Грозныя Очи*. Онъ поѣхалъ въ орду искать суда на Юрія. Юрій, узнавъ объ этомъ, и самъ отправился туда. Враги встрѣтились въ шатрѣ хана, и Димитрій въ глазахъ его убилъ Юрія, за что́ и самъ былъ казненъ по приказанію Узбека. Великокняжескій престолъ отданъ былъ брату Димитрія—Александру Михайловичу Тверскому; въ Московскомъ же княжествѣ наслѣдникомъ Юрія былъ братъ его Іоаннъ Даниловичъ. Эти оба князя продолжали непримиримую борьбу Москвы и Твери.

Александръ Михайловичъ своимъ легкомысліемъ и самонадѣянностію испортилъ дѣло Твери: одинъ изъ пословъ ханскихъ, по имени Чолханъ, пріѣхалъ въ Тверь за сборомъ дани. И самъ онъ и свита его по обыкновенію притѣсняли жителей. Вмѣсто того, чтобы уговаривать Тверитянъ покоряться необходимости и переносить обиды для избавленія себя отъ другихъ бо́льшихъ, Александръ Михайловичь самъ подстрекалъ ихъ къ мщенію Татарамъ и довелъ до того, что они зажгли домъ, въ которомъ жило посольство, и всѣ Татары погибли въ пожарѣ. Гнѣвъ Узбека былъ ужасенъ, и имъ умѣлъ воспользоваться Московскій князь Іоаннъ Даніиловичъ. Онъ поѣхалъ въ орду, и скоро возвратился оттуда съ войскомъ, даннымъ ему для наказанія тверскихъ мятежниковъ. Княжество ихъ было почти совсѣмъ опустошено; князь Александръ Михайловичъ прежде убѣжалъ въ Псковъ, и

тамъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, а потомъ казненъ въ ордѣ; великокняжескій же престолъ отъ него перешелъ къ Іоанну Московскому,

Первый Московскій великій князь справедливо названъ былъ и *первымъ собирателемъ Русской земли*. Твердый характеромъ, разсудительный, бережливый Іоаннъ Даніиловичь, прозванный *Калитою* [1]), умѣлъ пользоваться обстоятельствами, благопріятными для усиленія его княжества и всѣмъ тѣмъ, что́ уже сдѣлано было для этого усиленія Даніиломъ и Юріемъ. Съ своей стороны онъ прибавилъ многое къ увеличенію важности значенія Москвы хорошимъ управленіемъ ея, тишиною и порядкомъ, какими пользовались ея жители въ его княженіе, и особенно тѣмъ, что онъ умѣлъ пріобрѣсти расположеніе къ себѣ всѣми уважаемаго митрополита Петра, который часто ѣздилъ въ Москву изъ Владиміра, куда митрополиты переселились послѣ разоренія Кіева. Когда же митрополитъ Петръ скончался въ Москвѣ и приказалъ похоронить себя въ ней, то преемникъ его, митрополитъ Ѳеогностъ, не желая разстаться съ гробницею святаго служителя Божія, перенесъ и митрополичій престолъ въ Москву. Это перенесеніе доставило большія выгоды Москвѣ: благоговѣніе, какое набожные предки наши всегда чувствовали къ своему верховному святителю, привлекало къ нему лучшихъ людей изъ всѣхъ сословій, не говоря уже о тѣхъ лицахъ, которыя по разнымъ дѣламъ имѣли нужды до митрополита и такимъ образомъ присутствіе его въ Москвѣ не могло не имѣть вліянія на улучшеніе и обогащеніе ея. Что касается до богатства всего Московскаго княжества, то Іоаннъ Калита много увеличилъ его поборами съ Новгородцевъ, которыхъ онъ не разъ защищалъ отъ притѣсненій Тверскихъ великихъ князей, и за то требовалъ съ нихъ денегъ, и эти требованія увеличились съ тѣхъ поръ, какъ по низложеніи Твер-

---

*) Слово *калита* значило *мѣшокъ денежный*. Вѣроятно такое прозваніе дано было Іоанну потому, что онъ былъ богатъ и всегда имѣлъ при себѣ мѣшокъ съ деньгами для раздачи бѣднымъ.

скихъ князей великокняжескій столъ достался Іоанну. Въ случаѣ отказа Новгородцевъ платить требуемую дань, Іоаннъ посылалъ къ нимъ войско свое и приказывалъ или силою отбирать ее или строить на земляхъ Новгородскихъ городки или слободы, и такимъ образомъ болѣе и болѣе распространялъ владѣнія Московскаго княжества.

III.

Наслѣдники Калиты и битва Куликовская

Въ 1341 году умеръ Іоаннъ Калита и старшій сынъ его Симеонъ безъ труда получилъ изъ орды ярлыкъ на великое княженіе, потому что былъ богаче всѣхъ другихъ князей и ярлыкъ его былъ значительнѣе всѣхъ прежнихъ; въ немъ сказано было, что «всѣ князья русскіе даются подъ руки Симеона». Это доказываетъ, что князья уже не пользовались одинаковыми правами съ великимъ княземъ, какъ бывало прежде, но были подчинены ему. Вѣроятно Симеонъ и обращался съ ними съ большею важностію, потому что они прозвали его *Гордымъ*. Ханы поддерживали въ немъ эту важность, осыпая его своими милостями въ каждый пріѣздъ его въ орду, а онъ въ двѣнадцатилѣтнее княженіе свое ѣздилъ туда пять разъ. Они помогли ему и въ борьбѣ съ опаснѣйшимъ въ то время врагомъ его: Литовскимъ княземъ Ольгердомъ. Это былъ сынъ Гедимина, захватившаго западныя области Руси и назвавшаго себя *великимъ княземъ Литовскимъ и всея Руси*. Ольгердъ задумалъ уже завоевать и восточныя, и какъ онъ былъ умнѣйшій и дѣятельнѣйшій изъ князей Литовскихъ, то можно было опасаться, что онъ приведетъ въ исполненіе свои замыслы. Къ счастію Россіи, онъ придумалъ обратиться за помощью къ хану, который всегда былъ хорошо расположенъ къ Симеону, и потому не только не согласился на просьбу Ольгерда, но даже и посла его выдалъ Симеону. Этотъ посолъ былъ родной братъ Ольгерда,

слѣдовательно Литовскому князю пришлось не войною идти на Симеона, но просить у него мира. Можетъ быть Ольгердъ не отказался бы такъ скоро отъ своихъ замысловъ, если бы его самаго не тревожили въ это время опасные враги: нѣмецкіе рыцари, часто нападавшіе на его западныя владѣнія.

Дѣла съ Новгородцами у Симеона шли также удачно. Онъ усмирялъ непокорство ихъ и заставлялъ дорого платить за него. Новгородцамъ также трудно было бороться съ великимъ княземъ: на нихъ опять напалъ Шведскій король съ намѣреніемъ крестить ихъ въ вѣру католическую. Противъ этого сильнаго врага Новгородцы имѣли усердныхъ помощниковъ въ Псковитянахъ, которые за эту помощь получили отъ Новгорода много новыхъ правъ: Псковъ, прежній пригородъ Новгорода, сдѣлался въ это время почти независимымъ отъ него.

Спокойно и важно прошло для Москвы княженіе Симеона Гордаго. Въ 1353 году онъ скончался отъ моровой язвы, извѣстной въ лѣтописяхъ подъ именемъ *Черной смерти*. Не имѣя дѣтей, онъ назначилъ наслѣдникомъ брата своего Іоанна. Ханъ подтвердилъ это назначеніе, хотя и являлся противникъ новому великому князю: одинъ изъ Суздальскихъ князей, Константинъ Васильевичъ, добивавшійся великокняжескаго стола безъ всякаго права родоваго, но только по праву смѣлости и силы. У Констонтина Васильевича было много той и другой, потому что Новгородцы, недовольные Московскими князьми, поддерживали его и хлопотали за него въ ордѣ, но безъ всякаго успѣха: Іоаннъ былъ богаче и сильнѣе и Суздальскаго князя и Новгородцевъ, и потому остался великимъ княземъ. Онъ былъ нрава кроткаго. Ко всѣмъ милостивый, Іоаннъ слабо управлялъ бы дѣлами государственными, если бы у него не было мудраго совѣтника въ тогдашнемъ митрополитѣ Алексіи и хорошихъ помощниковъ въ старыхъ боярахъ. Въ духовной грамотѣ своей великій князь Симеонъ и завѣщалъ брату слушаться владыки, митрополита Алексія и старыхъ бояръ, «которые отцу и имъ добра желали».

Іоаннъ свято исполнилъ это приказаніе брата и шестилѣтнее княженіе его было счастливо для Русскихъ. Но за то послѣ кончины его, въ 1359 году, тотчасъ начались безпокойства: оба сына его Димитрій и Іоаннъ, были еще дѣтьми; хлопотать о наслѣдствѣ въ ордѣ было некому и потому ханъ отдалъ великое княжество Владимірское—Суздальскому князю Димитрію Константиновичу. Но митрополитъ Алексій, уважаемый за святую жизнь свою самими Татарами, и старые бояре московскіе, вѣрно служившіе Іоанну, защищали права сына его, 11-ти-лѣтняго Димитрія, и употребили всѣ силы, чтобы достать ему ярлыкъ на великое княжество. Они успѣли въ томъ, хотя въ это время были большія смуты въ ордѣ и она снова раздѣлилась между двумя ханами Абдуломъ и Мюридомъ, которые наперекоръ другъ другу поддерживали то Димитрія Московскаго, то Димитрія Суздальскаго, и потому нѣсколько разъ эти оба князя вели между собою войны, въ которыхъ одиннадцатилѣтній Димитрій Московскій принималъ личное участіе. Онъ и младшій братъ его Іоаннъ, и такой же малютка, двоюродный братъ ихъ, Владиміръ Андреевичъ, садились на коней и, окруженные боярами, выступали въ походъ съ московскими полками. Не одинъ разъ Димитрій Суздальскій долженъ былъ уступать храбрости этихъ полковъ и не прежде, какъ чрезъ нѣсколько лѣтъ борьба кончилась тѣмъ, что Суздальскій князь уступилъ великое княжество молодому Димитрію и даже отдалъ за него дочь свою.

Воинственное начало княженія Димитрія было какъ бы предвѣстіемъ тѣхъ безпрестанныхъ войнъ, какія пришлось ему вести во все продолженіе его жизни. Вскорѣ послѣ мира съ Суздальскимъ княземъ, Димитрій вступился за него въ ссорѣ его съ братомъ Борисомъ, княземъ Нижегородскимъ. Димитрій усмирилъ Бориса и заставилъ его отдать Суздальскому князю Нижній-Новгородъ.

Едва окончилось это междоусобіе, какъ на великаго князя поднимаются два сильные врага: Михаилъ Александровичъ,

князь Тверской, и Олегъ Рязанскій. Боясь возвышенія Москвы надъ всѣми другими княжествами, они то явно, то тайно стараются вредить Димитрію. Михаилъ даже возобновляетъ прежній споръ князей Тверскихъ съ Московскими за великое княженіе. У него былъ сильный помощникъ: великій князь Литовскій Ольгердъ, женатый на сестрѣ его Іуліаніи Александровнѣ. Ольгердъ отличался всегда неожиданностію своихъ нападеній: никто никогда не зналъ куда онъ идетъ походомъ и, нападая такимъ образомъ врасплохъ на непріятелей, онъ захватилъ много земель у сосѣдей своихъ. Такъ сдѣлано было и первое нападеніе его на Димитрія въ Москвѣ, и потому не удивительно было, что Московскій князь не успѣлъ собрать войска и спасся въ каменномъ Кремлѣ, только что оконченномъ имъ. Ольгерду не удалось овладѣть Кремлемъ, но за то онъ разорилъ всѣ окрестности Москвы и заставилъ Димитрія возвратить Михаилу всѣ земли и селенія Тверскія, которыя были уже отданы Москвѣ. Но такая принужденная уступка сдѣлана была не надолго: Ольгерду надобно было поспѣшить уходомъ изъ Россіи, потому что на его собственныя владѣнія напали Нѣмцы, и великій князь, собравъ снова войско, взялъ назадъ уступленное. Михаилъ однакоже не отказался отъ своихъ замысловъ и еще два раза приводилъ Ольгерда разорять земли Русскія. Въ послѣдній разъ Димитрій, собравъ сильное войско, заставилъ Ольгерда бѣжать и заключилъ съ нимъ перемиріе. Тогда Михаилъ обратился за помощію въ орду, но и тамъ не было ему удачи. Московскій князь уже не боялся орды, съ каждымъ годомъ слабѣвшей отъ междоусобій: онъ поѣхалъ туда самъ, задарилъ всѣхъ кого нужно было дарить, и получилъ ярлыкъ на великое княжество Владимірское, незадолго передъ тѣмъ отданное Татарами Михаилу. Михаилъ и теперь не хотѣлъ уступить, и еще разъ пытался уговорить и хановъ и Ольгерда на войну съ Димитріемъ, но ни орда, ни Литва не послушались его, а между тѣмъ Димитрій осадилъ его въ Твери и заставилъ его заключить миръ на всей своей волѣ: князь Твер-

скій, оставляя при себѣ титулъ великаго князя, обязывался считать себя младшимъ братомъ великаго князя Московскаго; обязывался помогать ему во всѣхъ войнахъ его, биться за него и съ Татарами точно такъ же, какъ съ другими народами, отказаться отъ союза съ Литвою и также воевать и съ нею, если это будетъ нужно для великаго князя.

Это удачное окончаніе борьбы, продолжавшейся такъ долго, побѣда надъ такимъ сильнымъ врагомъ, какимъ былъ Ольгердъ, привычка съ дѣтства къ жизни воинственной и наконецъ постепенный упадокъ орды отъ безконечныхъ междоусобій хановъ ея, все это вмѣстѣ легко довело Димитрія до мысли, что уже настало время начать освобожденіе земли Русской отъ унизительнаго ига. Онъ началъ нападеніемъ на страну, ближайшую къ Россіи изъ владѣній татарскихъ, на Камскую Болгарію, въ которой одинъ изъ хановъ основалъ богатый городъ *Казань* для отдыха баскаковъ ихъ, ѣздившихъ въ Россію за данью. Два болгарскіе владѣтели были покорены Димитріемъ, заплатили ему 5000 рублей дани и обязались и впредь быть данниками великаго князя.

Такая смѣлость одного изъ русскихъ князей удивила и раздражила Татаръ. Мамай, одинъ изъ главныхъ полководцевъ ихъ, завладѣвшій по слабости хановъ почти всею властію въ ордѣ, послалъ сильное войско наказать дерзкаго князя. Димитрій пошелъ на встрѣчу этому войску и въ Рязанской области, на берегахъ рѣки Вожи, разбилъ его совершенно. Мамай, приведенный въ бѣшенство, рѣшился напомнить Россіи время первыхъ нашествій Татаръ. Два года собиралъ онъ многочисленное войско свое, искалъ союзниковъ, и нашелъ ихъ въ двухъ князьяхъ: въ Ягайлѣ Литовскомъ, сынѣ незадолго передъ тѣмъ умершаго Ольгерда, и въ Олегѣ Рязанскомъ, который давно былъ *непримиримымъ* врагомъ князя Московскаго. Но Димитрій, мужественный и предусмотрительный, не испугался этихъ соединенныхъ противъ него враговъ: два года и онъ собиралъ всѣ силы своего Московскаго княжества и другихъ князей, подручныхъ ему, и на-

путствуемый благословеніями великаго молитвенника за Россію, св. Сергія, исполненный надежды на помощь Божію правому дѣлу его, онъ спѣшилъ отправиться въ походъ, чтобы предупредить соединеніе Литовскаго войска съ Татарскимъ. Съ этою цѣлію онъ спѣшилъ переправиться и черезъ Донъ, за которымъ стоялъ Мамай съ своими полками, и тамъ, на обширномъ 10-ти-верстномъ полѣ Куликовскомъ, на берегу рѣчки Непрядвы, впадающей въ Донъ, совершилась 8-го сентября 1380 года та славная битва Куликовская, которая положила основаніе освобожденію Русской земли отъ татарскаго ига. Конечно, освобожденіе не послѣдовало тотчасъ за этою побѣдою, доставившею Димитрію названіе *Донскаго*: ханамъ и послѣ нея удавалось еще тревожить и разорять русскія области, но они поступали теперь совсѣмъ иначе, нежели прежде. Удостовѣрясь въ силѣ и могуществѣ Русскихъ, они поняли, что время безусловной покорности имъ побѣжденнаго народа прошло, и потому старались теперь нападать на Московскаго князя врасплохъ. Такъ сдѣлалъ и ханъ Тохтамышъ, завладѣвшій Золотою ордою послѣ Мамая, прогнаннаго имъ. Онъ черезъ два года послѣ пораженія Куликовскаго явился неожиданно съ многочисленнымъ войскомъ на границахъ Московскаго княжества, и прежде нежели Димитрій, находившійся въ это время въ сѣверныхъ областяхъ для набора войска *), успѣлъ встрѣтить его, Тохтамышъ разорилъ Москву и поспѣшилъ уйти, услышавъ о приближеніи Димитрія. Это поспѣшное удаленіе доказывало, какъ измѣнились отношенія между князьями и Татарами: прежніе самовластные повелители князей бѣгутъ теперь отъ встрѣчи съ ними. Виновникомъ этой перемѣны былъ безспорно Димитрій, который во все продолженіе своего тридцатилѣтняго

---

*) Какъ трудно было Димитрію сдѣлать этотъ наборъ, доказываютъ слова лѣтописи о состояніи Россіи послѣ Куликовской битвы. „Оскудѣла вся земля Русская воеводами, и слугами и всякимъ воинствомъ, отъ этого былъ страхъ большой на всей Русской землѣ.“

княженія можно сказать не покидалъ оружія. Лучшимъ помощникомъ его въ войнѣ и мирѣ, послѣ ранней кончины роднаго брата его, былъ двоюродный братъ, князь Владиміръ Андреевичъ. Какъ начальникъ засаднаго войска во время Куликовской битвы, онъ своимъ смѣлымъ нападеніемъ на Татаръ въ концѣ сраженія много способствовалъ побѣдѣ Димитрія, за что тогда же получилъ названіе *Храбраго.*

Князь Владиміръ Андреевичъ прославился также тѣмъ великодушіемъ, съ которымъ онъ для прекращенія княжескихъ междоусобій, обязался письменнымъ договоромъ не искать ни Московскаго, ни Владимірскаго княжества и служить не только Димитрію, но и сыну — наслѣднику его. Это была первая, письменная грамота, отмѣнявшая древнее право старшинства дяди надъ племянникомъ, и передававшая это старшинство племяннику.

Въ 1389 году, къ неописанной горести народа, скончался Димитрій, не болѣе 40 лѣтъ отъ роду. Духовнымъ завѣщаніемъ онъ назначилъ 17-ти лѣтняго сына своего Василія наслѣдникомъ не только Московскаго княжества, но и великаго княжества Владимірскаго, которое называетъ уже *своею отчиною.*

IV.

Наслѣдники Донскаго и междоусобія ихъ.

Ханъ Тохтамышъ не только тотчасъ же утвердилъ Василія Димитріевича на Московскомъ престолѣ, но вскорѣ потомъ далъ ему ярлыкъ и на княжество Нижегородское. Князь Нижегородскій Борисъ Константиновичъ, двоюродный дѣдъ великаго князя, хотѣлъ-было противиться этому распоряженію хана, но собственные бояре его измѣнили ему и явно перешли на сторону великаго князя. Вообще съ усиленіемъ Московскаго княжества бояре удѣльныхъ княжествъ охотно

оставляли своихъ князей и переходили въ службу богатаго князя Московскаго и тѣмъ болѣе и болѣе усиливали его значеніе. Василій Димитріевичъ былъ особенно счастливъ въ отношеніи увеличенія Москвы: кромѣ княжества Нижегородскаго, пріобрѣтеннаго имъ безъ малѣйшаго кровопролитія, онъ успѣлъ утвердить свою власть и надъ богатымъ Псковомъ, который долго былъ подъ вліяніемъ Литвы, и до такой степени, что даже призывалъ оттуда князей для управленія у себя, но со времени Василія Димитріевича обязался принимать князей только отъ великаго князя Московскаго. Это было важное пріобрѣтеніе для Москвы, потому что Литовскіе князья, захватывая одну за другою западныя области Руси, употребляли всѣ силы, чтобы оторвать отъ нея Псковъ и Новгородъ.

Къ счастливымъ событіямъ княженія Василія Димитріевича относится и спасеніе Москвы отъ нашествія новаго Монгольскаго хана, завоевателя Тамерлана, который, разбивъ Тохтамыша, вошелъ въ Русскія области и, опустошая все, что встрѣчалось ему на пути, дошелъ до города Ельца *). Василій Димитріевичъ съ первымъ извѣстіемъ о междоусобіяхъ въ ордѣ, началъ приготовлять большое войско и выступилъ съ нимъ на границы своего княжества, на берега рѣки Оки. Видя страхъ и уныніе народа въ Москвѣ, особенно въ то время, когда онъ выступалъ изъ нея съ полками, великій князь приказалъ для утѣшенія и ободренія Москвитянъ принести изъ Владиміра чудотворный образъ Божіей Матери, глубоко чтимый Русскими со временъ Андрея Боголюбскаго, привезшаго его изъ Кіева. Набожный народъ усердно молился въ ожиданіи небесной помощи и съ приближеніемъ священной процессіи изъ Владиміра встрѣтилъ ее за городомъ, на Кучковомъ полѣ. Вмѣстѣ съ народомъ былъ митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ московскимъ, и семейство великаго князя, и князь Владиміръ Андреевичъ, защитѣ котораго по-

*) Въ нынѣшней Орловской губерніи.

ручена была Москва. Эта торжественная встрѣча надолго осталась въ памяти народной. При видѣ образа всѣ встрѣчавшіе упали на колѣни и со слезами говорили: «Матерь Божія! спаси землю Русскую!» Твердая вѣра давала имъ надежду на спасеніе, и эта надежда ихъ оправдалась чудомъ, котораго достоинъ былъ народъ вѣрующій: въ самый день и даже въ самый часъ этой встрѣчи, Тамерланъ, простоявшій около двухъ недѣль въ городѣ Ельцѣ, воротился назадъ и вышелъ изъ Россіи! Это было 26-го августа 1395 года. Съ того времени образъ оставленъ былъ въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ и составляетъ донынѣ драгоцѣннѣйшую святыню его. Великій князь приказалъ построить монастырь на самомъ мѣстѣ встрѣчи, и назвалъ его *Срѣтенскимъ* *), а память чудеснаго событія 26 го августа установилъ праздновать на вѣчныя времена въ этотъ день.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того Татары, досадуя на великаго князя за явное пренебреженіе власти ихъ, доходившее до того, что онъ не платилъ даже слѣдующей имъ дани,—снова явились въ окрестностяхъ Москвы подъ начальствомъ стараго князя ихъ Эдигея, управлявшаго тогда всѣми дѣлами въ ордѣ, полной смутъ и безначалія. Эдигей, какъ старикъ, помнившій покорность прежнихъ князей ханамъ, съ негодованіемъ смотрѣлъ на поступки Василія Димитріевича, и рѣшился наказать его, но не смѣя идти на него открытою войною, подошелъ къ Москвѣ врасплохъ, покорилъ ее и, взявъ 3000 рублей дани, удалился, потому что получилъ извѣстіе о новыхъ безпорядкахъ въ ордѣ. Любопытна грамота, которую Эдигей послѣ этого нашествія прислалъ къ великому князю. Въ ней, между прочими упреками князю за непокорство хану, сказано было: «Прежде ваша земля была вѣрнымъ улусомъ хана, а ты совсѣмъ перестала ѣздить въ орду; пословъ и гостей ординскихъ у васъ въ Москвѣ не чествуютъ болѣе, и проч.».

*) Этотъ монастырь существуетъ до сихъ поръ подъ тѣмъ же названіемъ.

Кромѣ стараго Эдигея, Василій Димитріевичъ имѣлъ еще другаго сильнаго врага въ великомъ князѣ Литовскомъ Витовтѣ. Этотъ смѣлый и воинственный князь, племянникъ Ольгерда, завладѣлъ Литвою вскорѣ послѣ того, какъ законный наслѣдникъ престола ея, сынъ Ольгерда, Ягайло, сдѣлался мужемъ королевы Польской, Ядвиги, и за то обязался принять католическую вѣру и заставить принять ее весь народъ свой, т. е. всѣ литовскія и завоеванныя Литвою русскія области, и такимъ образомъ соединить Литву съ Польшею. Такое намѣреніе могло нравиться Полякамъ и Ягайлѣ, какъ новому королю ихъ, но оно было нестерпимо для всѣхъ прежнихъ подданныхъ его, по большей части православныхъ, и потому Витовту, двоюродному брату Ягайла, не трудно было своимъ вліяніемъ довести Литовцевъ до того, что они черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ насильственнаго соединенія своего съ Польшею снова отдѣлились отъ нея и избрали своимъ великимъ княземъ Витовта. Ягайло, любившій спокойную и безпечную жизнь въ новой столицѣ своей, польскомъ городѣ Краковѣ, не спорилъ съ избраннымъ государемъ Литовскимъ и хотѣлъ только, чтобы онъ былъ въ зависимости отъ Польши. Витовтъ согласился, замышляя не только свергнуть со временемъ эту зависимость но даже добиться королевскаго титула: названіе *великаго князя* казалось уже мало для его честолюбиваго и завоевательнаго духа. Счастливо окончивъ борьбу съ Польшею, Витовтъ, по примѣру прежнихъ литовскихъ князей, старался о распространеніи границъ своихъ и на востокѣ, т. е. о завоеваніи сосѣднихъ русскихъ областей, не смотря на то, что родная дочь его, княжна Софія Витовтовна была замужемъ за великимъ княземъ Василіемъ Димитріевичемъ. Скоро завладѣвъ Смоленскомъ, онъ собирался уже завладѣть Псковомъ, Новгородомъ, и даже самою Москвою. Всѣ эти завоеванія казались ему легкими, особенно съ тѣхъ поръ, какъ подъ его покровительствомъ жилъ въ Литвѣ убѣжавшій изъ орды ханъ Тохтамышъ, которому Витовтъ обѣщалъ завоевать Зо-

лотую орду, съ условіемъ получить отъ него Москву. Къ счастію Россіи эти честолюбивые замыслы не осуществились: за покровительство Тохтамышу Витовтъ наказанъ былъ въ 1399 году Эдигеемъ, разбившимъ его на берегахъ рѣки Ворсклы, а за Псковъ и Новгородъ вступился великій князь, собравшій противъ тестя большое войско, которое удержало отъ явной войны Витовта, дѣйствовавшаго всегда съ благоразуміемъ и осторожностію. Этими двумя качествами отличался и великій князь, и потому борьба между тестемъ и зятемъ не дошла до рѣшительной войны и мирными переговорами утверждена была рѣка Угра границею между московскими и литовскими владѣніями. Миръ, установившійся тогда между обоими государями, не прерывался уже до самой кончины Василія Димитріевича, въ 1425 году. Чтобъ оградить отъ нарушенія его и сына-наслѣдника своего, малолѣтняго князя Василія Васильевича, великій князь, по своей предусмотрительной политикѣ, назначилъ Витовта опекуномъ къ малюткѣ. Главною же опекуншею и правительницею оставалась мать его, умная княгиня Софья Витовтовна. Однакоже, не смотря на сильную защиту дѣда и матери, малолѣтній наслѣдникъ встрѣтилъ соперника себѣ при самомъ началѣ своего княженія: это былъ родной дядя его, братъ Василія Димитріевича, князь Костромскаго Галича, Юрій Димитріевичъ. Какъ братъ умершаго великаго князя онъ считалъ себя по старинному праву законнымъ наслѣдникомъ престола и никакъ не хотѣлъ уступить его племяннику, но, не имѣя войска, не могъ силою выгнать его изъ Москвы, и потому въ безполезныхъ для него спорахъ прошло нѣсколько лѣтъ, пока оба соперника согласились ѣхать въ орду и представить споръ свой рѣшенію хана. При молодомъ Василіи Васильевичѣ былъ ловкій и усердный къ нему бояринъ Иванъ Димитріевичъ Всеволожскій. Онъ умѣлъ склонить хана въ пользу своего князя и къ досадѣ Юрія—Василій былъ утвержденъ великимъ княземъ. Но Юрій не покорился этому рѣшенію, и, не споря противъ воли хана явно, не переставалъ тайно

стараться о томъ, чтобы свергнуть Василья Васильевича, и успѣлъ въ томъ благодаря несогласію и ссорамъ, дотолѣ небывалымъ въ семействѣ московскихъ князей. Главною виновницею ихъ была гордая княгиня Софія Витовтовна. Когда бояринъ Всеволожскій хлопоталъ въ ордѣ за молодаго князя своего, ему обѣщано было, что Василій Васильевичъ, возвратясь въ Москву, женится на его дочери. Но Софія Витовтовна по гордости своей не допустила сына исполнить это обѣщаніе и заставила его жениться на княжнѣ Маріи Ярославовнѣ, внукѣ Владиміра Андреевича. Обиженный бояринъ бросилъ службу у великаго князя и, сдѣлавшись непримиримымъ врагомъ его, перешелъ къ князю Юрію. Здѣсь онъ старался всѣми силами возстановить противъ великаго князя и самого Юрія, и двухъ сыновей его, Ваислія Косаго и Димитрія Шемяку, которые вскорѣ еще болѣе раздражены были противъ Василія Васильевича оскорбленіемъ, нанесеннымъ имъ Софіею Витовтовною на свадебномъ пиру великаго князя. Такимъ образомъ ссоры между московскими князьями поддерживались въ теченіе двадцати лѣтъ, въ продолженіе которыхъ на престолѣ московскомъ былъ то Василій Васильевичъ, то дядя его Юрій Димитріевичъ, то двоюродныя братья его, сыновья Юрія. И надобно сказать, что необыкновенная жестокость отличала эти междоусобія. Сначала ослѣпленъ былъ по приказанію великаго князя попавшійся въ плѣнъ князь Василій Косой; потомъ, когда братъ его, Димитрій Шемяка, завладѣлъ на нѣсколько времени престоломъ, и великій князь подвергся такой же участи. По совершеніи этой мести за брата, Шемяка послалъ слѣпаго или, какъ называли его, *темнаго* Василья Васильевича въ Угличь. Но онъ недолго пробылъ тамъ: приверженцы, которыхъ было у него много и между князьями и между боярами, заботились о его освобожденіи. Новый порядокъ престолонаслѣдія успѣлъ уже утвердиться и съ самаго начала несогласій въ семействѣ княжескомъ всѣ считали Василія Васильевича, какъ сына великаго князя, законнымъ наслѣдникомъ престола, а домогательства дяди его

Юрія—совершенно несправедливыми; всѣ называли его *чужимъ* княземъ, а Василія—*прирожденнымъ великимъ княземъ*. По смерти же Юрія тѣмъ болѣе чужими казались сыновья его, которые и по дурнымъ качествамъ своимъ не могли внушить привязанности къ себѣ ни боярамъ, ни народу. И такъ общее расположеніе къ Василію Темному заставило Шемяку освободить его изъ ссылки въ Угличъ и дать ему въ удѣлъ Вологду. Какъ же скоро Василій получилъ свободу, приверженцы его собрались къ нему толпами, а князья Тверской и Серпуховской привели для защиты его свои войска. Шемяка, испугавшись этихъ соединенныхъ силъ, ушелъ въ Каргополь и, не вступая даже въ сраженіе съ Василіемъ Темнымъ, отказался отъ великаго княженія. Однакожъ тайно онъ долго еще старался возбуждать въ разныхъ княжествахъ неудовольствіе на великаго князя и поднимать на него враговъ, такъ что наконецъ духовенство вступилось за Василія Васильевича и посылало Шемякѣ увѣщательныя грамоты, чтобы онъ отказался отъ своихъ незаконныхъ требованій и помнилъ клятву, данную великому князю при заключеніи мира; въ противномъ же случаѣ грозило отлученіемъ отъ церкви и дѣйствительно вскорѣ потомъ исполнило угрозу. Но все это мало дѣйствовало на непокорнаго князя, и до самой смерти своей, случившейся въ 1453 году въ Новгородѣ, онъ остался врагомъ великаго князя и народнаго спокойствія. Галичскій удѣлъ его присоединенъ былъ къ Москвѣ, такъ же какъ и удѣлъ усерднѣйшаго помощника его, князя Можайскаго, который, не имѣя силъ идти противъ великаго князя, убѣжалъ въ Литву. Такимъ образомъ Московское княжество, не смотря на двадцати-лѣтнее междоусобіе и на слѣпоту государя своего, продолжало усиливаться и въ концѣ княженія Василія Васильевича всѣ удѣлы московскіе, исключая одного Верейскаго, принадлежавшаго любимому изъ двоюродныхъ братьевъ великаго князя, Михаилу Андреевичу, были уничтожены. Кромѣ того Московское княжество еще увеличилось добровольнымъ при-

соединеніемъ къ нему князей Рязанскаго, Пронскаго, Новосильскаго, Одоевскаго и Воротынскаго, долго колебавшихся между Москвою и Литвою: при Витовтѣ всѣ эти князья уже вступили въ службу литовскую, но по смерти Витовта и послѣдовавшаго за тѣмъ ослабленія Литвы—они всѣ опять перешли къ Москвѣ.

Въ то же время присоединились къ Москвѣ, или лучше сказать поступили въ службу великаго князя многіе царевичи и мурзы татарскіе, недовольные безпорядками, происходившими въ Золотой ордѣ, которая при Василіи Васильевичѣ окончательно распалась на два ханства или на два царства: Казанское и Крымское. Татары съ этихъ двухъ новыхъ владѣній, часто дѣлали набѣги на сосѣднія съ ними русскія области и потому великому князю очень выгодно было принимать въ службу свою недовольныхъ царевичей и мурзъ съ толпами приверженцевъ ихъ. Василій Васильевичъ селилъ ихъ на своихъ юго-восточныхъ границахъ, даже отдавалъ на содержаніе, или, какъ тогда говорили, на *кормленіе* ихъ большія помѣстья, а иногда и цѣлые города съ условіемъ, чтобы они защищали границы русскія и по первому зову являлись на помощь къ великому князю. Кромѣ этихъ, такъ называемыхъ служебныхъ царевичей съ татарскими отрядами ихъ, были у Василія Васильевича еще другіе вѣрные защитники границъ: *казаки*, о которыхъ упоминается въ первый разъ въ лѣтописяхъ того времени. *Казаками* назывались у Татаръ легко-вооруженные воины низшаго класса. Отъ безпрестанныхъ сношеній съ Татарами въ языкъ нашъ перешло много словъ татарскихъ, въ томъ числѣ и это военное названіе. Отряды казаковъ первоначально учреждены были въ южныхъ пограничныхъ городахъ русскихъ для наблюденія въ степяхъ за Татарами. Эти первые казаки назывались *городовыми*. Но былъ еще другой родъ казаковъ. Это были русскіе же люди, любившіе жить по своей волѣ, хвалившіеся своимъ удальствомъ и потому неохотно остававшіеся дома. Они бросали свои семьи и уходили въ степь,

гдѣ, собравшись въ одну толпу, жили сначала одними разбоями; впослѣдствіи же, когда число ихъ очень увеличилось, у нихъ образовались независимыя военныя общины. У каждой такой общины было свое *вѣче* или *кругъ*, на которомъ рѣшались всѣ дѣла и избирались предводители, называвшіеся атаманами. Эта вольная жизнь въ плодородныхъ степяхъ, которыми такъ богатъ югъ Россіи, удачныя схватки съ толпами Татаръ, кочевавшихъ въ нихъ; съ купеческими караванами, проходившими довольно часто по степямъ, и выгоды, пріобрѣтаемыя отъ этихъ легкихъ побѣдъ, увлекали въ казачество многихъ: люди, недовольные чѣмъ-либо дома, бѣдняки, неумѣвшіе доставать себѣ пропитанія ни въ городѣ, ни въ деревнѣ, холопы, притѣсняемые господами своими, всѣ при первой возможности бѣжали къ степнымъ казакамъ и начинали жить тамъ совсѣмъ другою жизнію. Такъ казачество болѣе и болѣе распространялось на границахъ русскихъ областей и было очень полезно для нихъ тѣмъ, что отгоняло орды татарскія далѣе и далѣе въ степи, и такимъ образомъ помогало съ своей стороны тѣмъ мѣрамъ, какія предпринимались московскими князьями для окончательнаго освобожденія государства своего отъ ига татарскаго.

V.

Іоаннъ III, самодержецъ всея Руси.

Это освобожденіе совершилось наконецъ при Іоаннѣ III, сынѣ и наслѣдникѣ Василія Васильевича, скончавшагося въ 1462 году. Іоаннъ, казалось, предназначенъ былъ Провидѣніемъ довершить все, что́ было обдумано и начато предусмотрительнѣйшими изъ предковъ его въ отношеніи собиранія земли Русской. Онъ воспользовался всѣмъ, что́ было приготовлено ими, и соединялъ къ себѣ всѣ лучшія качества ихъ: твердый и бережливый какъ Калита, храбрый и предпріимчи-

вый какъ Димитрій Донской, разсудительный и осторожный какъ дѣдъ его, Василій Димитріевичъ,—Іоаннъ могъ по справедливости назваться лучшимъ изъ князей сѣверной Руси. Кромѣ того, обстоятельства, въ которыхъ онъ находился во все время его княженія, какъ нельзя болѣе благопріятствовали утвержденію его единодержавной власти надъ Русью: орда уничтожилась сама собою отъ междоусобій хановъ ея; короли Польскіе, завладѣвшіе и Литвою, не могли ничѣмъ препятствовать усиленію Москвы, потому что были сами безпрестанно озабочены спорами между Польшею и Литвою, которая сильно старалась возвратить свою независимость. Такимъ образомъ, не боясь ничего со стороны этихъ двухъ главныхъ враговъ своихъ, Іоаннъ могъ съ увѣренностію, не спѣша, приступить къ покоренію другихъ, менѣе опасныхъ.

Прежде всего онъ счелъ нужнымъ утвердить власть свою надъ Новгородомъ, который боясь, что вольность его совершенно уничтожится подъ властію московскихъ князей, часто наказывавшихъ его повольниковъ *) за грабежи и разбои, замышлялъ уже покориться Литовскому князю съ условіемъ остаться при своемъ прежнемъ вѣчевомъ правленіи, на что́ король Польскій Казиміръ охотно соглашался. Но въ самомъ Новгородѣ не всѣ соглашались на это подданство Литвѣ и соединенной съ нею Польшѣ: было много людей, которые считали такое подданство католическому королю грѣхомъ и измѣною православной вѣрѣ, оттого граждане новгородскіе раздѣлились на двѣ стороны: литовскую и московскую. Къ литовской принадлежали всѣ богатые и вліятельные люди, въ томъ числѣ и сыновья умершаго посадника Исаака Борецкаго съ матерью ихъ Мароою, необыкновенною женщиною по твердости характера и смѣлости поступковъ: она управляла не только своими сы-

---

*) Такъ назывались вольныя дружины Новгородцевъ, состоявшія по большей части изъ молодежи и отправлявшіяся въ разныя стороны за добычей. Чаще всего они ходили по Волгѣ и грабили города и селенія на берегахъ ея. Такъ однажды они разорили Кострому и Нижній-Новгородъ.

новьями, изъ которыхъ одинъ былъ посадникомъ, но и всѣмъ Новгородомъ. По ея вліянію Новгородцы отправили пословъ къ Казиміру съ просьбою о покровительствѣ его, а между тѣмъ московскихъ намѣстниковъ не слушались и даже не платили пошлинъ, слѣдовавшихъ въ казну великокняжескую. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ отправился къ Новгороду съ войскомъ. Новгородцы послали просить помощи у короля Польскаго, но онъ не прислалъ ея, и московское войско разбило новгородское на берегахъ рѣки Шелони. Побѣдители взяли множество плѣнныхъ, въ томъ числѣ и сына Маѳы, посадника. Іоаннъ казнилъ его, а съ Новгородцевъ взялъ 15,500 рублей дани и кромѣ того обѣщаніе не отдаваться ни Литвѣ, ни Польшѣ. Это было въ 1471 году. Прошло лѣтъ семь послѣ того, а въ Новгородѣ продолжались безпорядки: жители, раздѣлявшіеся на богатыхъ и бѣдныхъ, на бояръ и простыхъ людей, безпрестанно ссорились между собою, и чья сторона была сильнѣе, та самовластно управлялась съ врагами своими, и въ этихъ междоусобіяхъ погибло множество невинныхъ гражданъ. Обиженные просили защиты великаго князя, и такія просьбы безпрестанно приносились ему то отъ одной стороны, то отъ другой, смотря потому, чья сторона была слабѣе и терпѣла притѣсненія отъ сильной. Іоаннъ въ 1478 году рѣшился положить конецъ этимъ безпорядкамъ и, отмѣнивъ всѣ льготы и преимущества, которыми со временъ Ярослава I-го Новгородцы такъ дурно умѣли пользоваться, присоединилъ Новгородъ къ Москвѣ на одинаковыхъ правахъ со всѣми другими городами Руси. Вотъ какими словами объявилъ онъ Новгородцамъ эту волю свою въ отвѣтъ на вопросъ ихъ о томъ, какъ великій князь хотѣлъ жаловать свою отчину: «Хотимъ государства въ великомъ Новгородѣ такого же, какое у насъ въ Москвѣ; вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть, а государство все намъ держать». Лучшая часть новгородскихъ гражданъ, сознавая весь вредъ, происходившій отъ самоуправства вольнаго города, согласилась на требованія Іоанна, а за нею и всѣ остальные граждане. Общая присяга

великому князю, какъ полновластному государю, происходила 13 го января 1478 года. Вслѣдъ за тѣмъ приведены были въ подданство Московскаго государя и всѣ другіе города и селенія, зависѣвшіе отъ великаго Новгорода, но позже всѣхъ, и именно не прежде какъ въ 1489 году, отдаленнѣйшая изъ колоній новгородскихъ, Вятка, которая, надѣясь на эту отдаленность, хотѣла было удержать за собою свою независимость, но была усмирена однимъ изъ лучшихъ полководцевъ Іоаннова времени, княземъ Даніиломъ Щеня.

Изъ прежнихъ самостоятельныхъ князей, имѣвшихъ даже титулъ *великаго князя*, въ это время оставалось только двое: Рязанскій и Тверской, но первый былъ малолѣтній князь Иванъ, внукъ Іоанна по сестрѣ, которая была бабкою и опекуншею малютки, и жила съ нимъ и съ матерью всегда въ Москвѣ въ совершенной зависимости отъ великаго князя. Тверской же князь, Михаилъ Борисовичъ, послѣ многихъ лѣтъ совершеннаго согласія съ Іоанномъ, вздумалъ неизвѣстно по какимъ причинамъ войти въ дружбу съ королемъ Казиміромъ. Сношенія ихъ открылись. Іоаннъ наказалъ Михаила Тверскаго разореніемъ его области, послѣ чего князь Тверскій упросилъ его помириться съ нимъ; но когда впослѣдствіи Михаилъ снова завелъ переговоры съ Казиміромъ, Іоаннъ рѣшился наказать его примѣрно и для того началъ собираться въ походъ подъ Тверь. Михаилъ испугался, убѣжалъ къ Литву, и Тверь присягнула Московскому князю въ 1485 году. Около того же времени присоединился къ Москвѣ и послѣдній удѣлъ ея—Верейскій, принадлежавшій правнуку Димитрія Донскаго, молодому князю Василью Михайловичу. По какой-то ничтожной причинѣ случилась ссора у великаго князя съ Василіемъ Михайловичемъ, который, не имѣя силъ вступить въ неравную борьбу, убѣжалъ также въ Литву и за эту измѣну отечеству Іоаннъ присоединилъ удѣлъ его къ Москвѣ.

Такъ все способствовало распространенію и возвышенію государства Московскаго при Іоаннѣ. Великій князь несчастливъ

былъ только въ семейной жизни: въ 1467 году онъ лишился молодой супруги своей Маріи Борисовны, дочери Тверскаго великаго князя, но и тутъ судьба послала ему неожиданное утѣшеніе. Спустя года два послѣ смерти Маріи папа Павелъ II

Пріемъ царевны Софіи Русскими.

предложилъ ему въ невѣсты Греческую царевну Софію, дочь брата послѣдняго императора Греческаго Константина Палеолога, убитаго Турками при взятіи Константинополя. Съ того вре-

мени отецъ Софіи, Ѳома Палеологъ съ семействомъ своимъ жилъ въ Римѣ, и послѣ смерти его остались подъ покровительствомъ папы дочь и двое сыновей его. Папа, всегда помышлявшій о распространеціи своей власти и католицизма, вѣроятно думалъ имѣть чрезъ царевну вліяніе на Московское государство и потому предложилъ руку ея великому князю. Іоаннъ согласился, и въ 1472 году царевна пріѣхала въ Москву и сдѣлалась великою княгинею *). Ее провожалъ одинъ изъ кардиналовъ римскихъ. Хитрыя намѣренія папы не замедлили обнаружиться: вскорѣ послѣ свадьбы великаго князя кардиналъ началъ доказывать митрополиту, что римско-католическая вѣра лучше вѣры греческой, и что для русской церкви необходимо соединиться съ римскою. Митрополитъ назначилъ одного изъ своихъ книжниковъ, Никиту Поповича, вести споръ съ кардиналомъ, и Никита такъ хорошо исполнилъ свое дѣло, что кардиналъ долженъ былъ уступить. Чрезъ великую же княгиню Софію, очень твердую въ православіи, также трудно было католику имѣть какое-либо вліяніе на новое отечество ея и потому всѣ замыслы папы разрушились и кардиналъ возвратился къ нему безъ всякаго успѣха. Вліяніе Софіи Ѳоминичны было обращено совсѣмъ въ другую сторону: она съ неудовольствіемъ смотрѣла на то, что супругъ ея былъ все еще данникомъ Татарскаго хана, что окружавшіе его князья, какъ родственники его, не показывали къ нему того уваженія, какое должны имѣть подданные къ государю, и что бояре еще пользовались стариннымъ правомъ — въ случаѣ нежеланія служить одному князю, переходить къ другому. Софія старалась измѣнить все это, и совершенно успѣла въ томъ. Іоанъ III по внушенію ея нетолько пересталъ платить дань Татарамъ, но и при отказѣ своемъ по-

*) Историки того времени разсказываютъ съ какою радостію и съ какимъ усердіемъ встрѣчали Русскіе царевну на границѣ земли своей, которая начиналась тогда въ Псковской области. Такъ какъ имъ надобно было встрѣтить ее и потомъ везти по Чудскому озеру, то для того приготовлены были красивыя суда, разукрашенныя флагами и лентами. Кромѣ того поднесены были царевнѣ богатые дары.

казалъ явное презрѣніе къ хану: по татарскому обычаю князья Русскіе должны были съ особенною честію принимать пословъ Татарскихъ, которые привозили съ собою *басьму*, т. е. бюстъ или болванъ хана. Для слушанія Ханскихъ грамотъ князья должны были подстилать мѣхъ подъ

Іоаннъ III.

ноги того, кто читаетъ имъ грамату и въ самомъ униженномъ видѣ слушать ее. Іоаннъ III не только не исполнилъ, этого унизительнаго обряда но даже бросилъ басьму на землю и сказалъ: «Объяви это хану: что здѣлалось съ его *басьмою* то будетъ и съ нимъ, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ!»

Въ наказаніе за такую дерзость ханъ Золотой орды, Ахматъ приходилъ съ войскомъ своимъ въ 1472 году со сто-

роны рѣки Оки, а въ 1480-мъ со стороны рѣки Угры, но оба эти нашествія не сдѣлали большаго вреда Іоанну и Ахматъ въ оба раза, не доходя до Москвы, возвращался въ свои степи, гдѣ въ 1481 году и убитъ былъ ханомъ враждебной ему орды Тюменской—Ивакомъ. Съ его смертію почти кончилось существованіе Золотой орды: сыновья его были такъ безсильны, что не могли и думать о нападеніи на Московскаго князя и черезъ нѣсколько лѣтъ погибли въ борьбѣ съ Крымскимъ ханомъ, который былъ уже не врагомъ Іоанна, но усерднымъ почитателемъ и союзникомъ его.

Такимъ образомъ горделивая великая княгиня Софія была вполнѣ удовольствована: супругъ ея уже не былъ данникомъ Татаръ и по уничтоженіи самостоятельности всѣхъ другихъ княжествъ русскихъ уже принялъ титулъ *самодержца всея Руси*. Подъ вліяніемъ Софіи, привыкшей съ дѣтства къ обычаямъ двора императорскаго, и отношенія Іоанна къ князьямъ и боярамъ его много измѣнились: онъ держалъ себя гораздо важнѣе и отдаленнѣе отъ нихъ, такъ что многіе, недовольные этою перемѣною, называли его *Грознымъ*; другіе даже возненавидѣли Софію за гордость и явно показали эту ненависть, когда возникъ споръ о томъ, кто будетъ наслѣдникомъ престола: у Іоанна кромѣ Василія, сына отъ Софіи, былъ еще сынъ Іоаннъ отъ первой супруги его Маріи, объявленный соправителемъ великаго князя подъ именемъ *Іоанна младшаго*. Онъ былъ уже женатъ на дочери Молдавскаго господаря, княжнѣ Еленѣ; но чрезъ два года послѣ свадьбы скончался, оставивъ малютку—сына Димитрія, нѣжно любимаго дѣдомъ. Такъ какъ права престолонаслѣдія не были еще положительно утверждены закономъ, то невольно возникали сомнѣнія о томъ, кто будетъ наслѣдникомъ Іоанна: сынъ или внукъ? И когда Димитрій достигъ 15-ти лѣтняго возраста, дворъ раздѣлился на двѣ партіи: одни бояре были за сына и мать его, великую княгиню Софію, другіе за внука и мать его, не менѣе Софіи честолюбивую княгиню Елену. Сначала приверженцы послѣдней одержали верхъ: наговорили на Софію, что будто-бы она

замышляетъ отравить Димитрія, и Іоаннъ, повѣривъ клеветѣ, отдалилъ отъ себя Софію и сына Василія, объявилъ наслѣдникомъ своимъ Димитрія и даже короновалъ его въ Успенскомъ соборѣ великимъ княземъ и самодержцемъ всея Руси. Это было первое коронованіе государя русскаго, совершонное въ этой церкви. Но чрезъ годъ клевета открылась и участи Софіи подверглась Елена: она была заключена въ темницу вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, гдѣ они оба и скончались впослѣдствіи, а наслѣдникомъ престола объявленъ былъ Василій.

Достигая все большаго и большаго значенія и самостоятельности во внутренномъ устройствѣ государства своего, Іоаннъ III пользовался особеннымъ уваженіемъ и извнѣ отъ чужестранныхъ государей, съ которыми сношенія Руси со времени татарскаго владычества надъ нею почти совсѣмъ прекратились. Не говоря уже о бракѣ Іоанна съ Греческою царевною, которымъ возобновились эти сношенія, многіе другіе владѣтели европейскіе искали родственныхъ союзовъ съ великимъ княземъ Московскимъ: сынъ его Іоаннъ былъ женатъ на дочери господаря Молдавскаго, дочь его Елена была замужемъ за Александромъ, великимъ княземъ литовскимъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи и королемъ польскимъ. Кромѣ того, къ Іоанну пріѣзжалъ посолъ отъ Римскаго Императора Фридерика III съ просьбою о помощи въ случаѣ, если король Польскій вздумаетъ воевать Венгрію, принадлежавшую императору, и съ предложеніемъ выдать княжну Θеодосію, дочь великаго князя, за племянника императорскаго, маркграфа Баденскаго. Іоаннъ не только не принялъ за величайшую себѣ честь это предложеніе, но даже отвѣчалъ, что союзъ съ маркграфомъ недовольно знаменитъ для государя Русскаго, брата древнихъ царей Греческихъ. Но этотъ отвѣтъ сдѣланъ былъ такъ учтиво, что посолъ выѣхалъ изъ Москвы безъ всякаго неудовольствія и вслѣдъ за нимъ Іоаннъ отправилъ отъ себя къ императору посломъ грека Траханіота, также съ увѣреніямъ въ дружествѣ и съ богатыми подарками.

Послѣдніе годы славнаго княженія Іоаннова замѣчательны были войною съ Литвою. Несогласія начались еще задолго до

брака княжны Елены съ Александромъ Литовскимъ, ссорами пограничныхъ князей русскихъ, изъ которыхъ иные зависѣли отъ Москвы, другіе отъ Литвы. Многіе изъ послѣднихъ, преслѣдуемые въ Литвѣ за вѣру православную и принуждаемые къ католичеству, переходили къ Москвѣ, а Литва не отдавала городовъ и волостей ихъ. Іоаннъ же требовалъ ихъ, и говорилъ, что не только эти пограничныя владѣнія, но и всѣ области западной Руси принадлежатъ ему, какъ древнее достояніе предка его, св. Владиміра. Союзникъ его, Крымскій ханъ Менгли-Гирей всегда готовъ былъ поддерживать его, и потому Литва не только не могла начать явной войны, но даже искала мира съ Іоанномъ, и для того—послѣ смерти Казиміра и раздѣла Польши и Литвы между двумя сыновьями его Альбрехтомъ и Александромъ—сама предложила ему бракъ между дочерью его Еленою и Александромъ. Іоаннъ согласился на это предложеніе только по заключеніи мира съ Александромъ на *всей своей волѣ*, т. е. ему возвращены были всѣ города и земли перешедшихъ въ подданство его князей, и при этомъ случаѣ въ договорной грамотѣ съ иностраннымъ государемъ Московскій князь въ первый разъ названъ былъ *государемъ всея Руси*. Это очень не понравилось князьямъ литовскимъ, которые несправедливо присвоивали себѣ этотъ титулъ.

Но бракъ Александра съ княжною Московскою, бывшій слѣдствіемъ этого перемирія, не надолго прекратилъ неудовольствія между Россіей и Литвою. Александръ не хотѣлъ исполнить всѣхъ условій, какія принялъ на себя при свадьбѣ, напр. не хотѣлъ устроить для Елены во дворцѣ своемъ православной церкви, не хотѣлъ оставить при ней московскихъ бояръ. Это сильно раздражало Іоанна противъ зятя, а въ то время и Александръ приходилъ въ негодованіе оттого, что опять начались переходы князей русскихъ изъ Литвы къ Москвѣ. Городовъ и волостей, принадлежавшихъ этимъ князьямъ, было еще больше, нежели у прежнихъ, и потому тѣмъ труднѣе было для Литовскаго князя соглашаться на отпаденіе ихъ отъ него, а Московскому—на вторичное лишеніе ихъ, и такимъ

образомъ война началась 14 іюля 1500 года, продолжалась около трехъ лѣтъ и со славою для великаго князя кончилась 25 марта 1503 года перемиріемъ на шесть лѣтъ. Іоаннъ возвратилъ въ свое владѣніе всѣ города и земли князей, перешедшихъ къ нему.

Счастливо окончивъ такимъ образомъ и эту войну, Іоаннъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ томъ же 1503 году пораженъ былъ глубоко горестью: скончалась знаменитая супруга его Софія и съ того времени здоровье его начало замѣтно разстроиваться; но онъ продолжалъ неутомимо заниматься дѣлами государственными до самаго дня кончины своей—27-го октября 1505 года. Кромѣ наслѣдника престола Василія, Іоаннъ имѣлъ еще четырехъ сыновей, въ удѣлы которыхъ также назначилъ въ духовномъ завѣщаніи своемъ нѣсколько городовъ: но эти удѣлы были незначителяны въ сравненіи съ наслѣдствомъ Василія, и кромѣ того поставлено было уже закономъ въ томъ же завѣщаніи, чтобы всѣ выморочные удѣлы шли великому князю и не дѣлились другимъ братьямъ его. Для утвержденія порядка престолонаслѣдія Іоаннъ еще при жизни своей обязалъ втораго сына своего, Юрія, не искать наслѣдства въ случаѣ смерти Василія и признавать тогда великимъ княземъ сына Васильева.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Отъ кончины Іоанна III до избранія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

Съ 1505 до 1603 года (98 лѣтъ).

I.

Василій Іоанновичъ и сынъ его Іоаннъ IV.

Историки называютъ Василія Іоановича *послѣднимъ собирателемъ земли Русской*, потому что при немъ присоединены были къ Москвѣ остальныя княжества Руси, еще пользовавшіяся до того нѣкоторою самостоятельностію. Это были: Псковъ, Рязань и два княжества Сѣверскія. Надобно сказать къ славѣ великаго князя, что эти присоединенія сдѣланы были безъ всякихъ войнъ и кровопролитія.

Василій, воспитанный матерью въ понятіяхъ двора императорскаго, велъ себя въ отношеніи бояръ и службы князей еще недоступнѣе нежели отецъ его, которымъ они были уже чрезвычайно недовольны. Мало вниманія обращалъ онъ на желанія и совѣты ихъ, не любилъ ни малѣйшаго противорѣчія и хотя отдавалъ дѣла на обсужденія тогдашней думѣ боярской,

но рѣшалъ ихъ безъ бояръ въ своей комнатѣ съ одними приближенными къ себѣ людьми, изъ которыхъ главнымъ лицомъ былъ дворецкій Шигона Поджогинъ. Видя это самовластное правленіе, иностранные путешественники, бывшіе въ Москвѣ въ княженіе Василія, называли его *самымъ неограниченнымъ государемъ* въ цѣломъ свѣтѣ. Такой государь, конечно, не могъ позволить подданнымъ своимъ какихъ-либо противорѣчій его намѣстникамъ; изъ Пскова же безпрестанно приходили къ нему извѣстія о томъ, что граждане, опираясь на свое вѣче, не слушались намѣстниковъ и дѣло дошло до того, что великій князь рѣшился покончить съ безпокойнымъ городомъ. Онъ поѣхалъ въ Новгородъ и оттуда послалъ сказать Псковитянамъ: «Если хотите прожить въ старинѣ то должны исполнить двѣ мои воли: чтобы у васъ вѣче не было и колоколъ вѣчевой былъ бы снятъ, да быть у васъ двоимъ моимъ намѣстникамъ; иначе много у меня силы готовой и крововопролитіе взыщется на тѣхъ, кто государевой воли не исполнитъ.» Послѣ цѣлаго дня и цѣлой ночи, проведенныхъ въ разсужденіяхъ и слезахъ, Псковитяне отвѣчали великому князю: «Воленъ Богъ да государь въ городѣ Псковѣ, въ насъ и въ колоколѣ нашемъ: мы на государя рукъ поднять не хотимъ.» На другой же день 13-го января 1510 года снятъ былъ колоколъ у соборной церкви въ Псковѣ и отвезенъ въ Новгородъ къ великому князю. Для скорѣйшаго же усмиренія людей недовольныхъ въ городѣ переведено была триста лучшихъ семействъ изъ Пскова въ Москву и столько же купеческихъ семействъ изъ московскихъ городовъ въ Псковъ.

Присоединеніе Рязани совершилось еще скорѣе. Князь ея, хотя и носилъ титулъ *великаго*, но еще ребенкомъ отданъ былъ умирающемъ отцомъ на руки Іоанну III и воспитывался при дворѣ его. Достигнувъ совершенныхъ лѣтъ, онъ недоволенъ былъ своимъ зависимымъ положеніемъ и вздумалъ было хлопотать о возвращеніи себѣ прежняго значенія; для того началъ онъ переговариваться съ врагами великаго князя: Крымскимъ ханомъ и Литвою, и когда Василій открылъ эти

сношенія, Рязанскій князь убѣжалъ въ Литву, и тѣмъ далъ великому князю право наказать его за измѣну присоединеніемъ княжества его къ Москвѣ. Такимъ же образомъ и владѣнія двухъ Сѣверскихъ князей, потомковъ Шемяки и Можайскаго, состоявшія со временъ Іоанна III подъ зависимостію Москвы, присоединены были къ Московскому княжеству.

Неограниченная власть, какою пользовался Василій Іоанновичъ, доказывалась еще событіемъ, дотолѣ небывалымъ въ семейной жизни великихъ князей. Не имѣя дѣтей отъ супруги своей Соломониды Сабуровой и не желая, чтобы престолъ по кончинѣ его достался кому-либо изъ братьевъ его, по его мнѣнію неспособныхъ къ правленію, онъ, съ разрѣшенія преданнаго ему митрополита Даніила, развелся съ Соломонидою, постриженною въ монашество, и женился на племянницѣ Литовскаго князя Михаила Глинскаго, княжнѣ Еленѣ Васильевнѣ Глинской. Многіе изъ духовенства и бояръ считали такой поступокъ Василія незаконнымъ и за то пострадали. Въ этомъ числѣ изъ духовныхъ былъ ученнѣйшій изъ монаховъ того времени, Максимъ Грекъ, присланный съ Аѳонской горы по просьбѣ самого Василія для исправленія старыхъ переводовъ церковныхъ книгъ, и другой изъ монаховъ Вассіанъ, бывшій князь Патрикѣевъ, постриженный въ монашество Іоанномъ III за участіе въ заговорѣ противъ великой княгини Софіи Ѳоминичны. Вассіанъ также отличался своимъ умомъ и ученостію, и былъ друженъ съ Максимомъ Грекомъ. Оба они извѣстны въ лѣтописяхъ нашихъ еще тѣмъ, что когда при Іоаннѣ III, по поводу множества помѣстьевъ, отданныхъ монастырямъ на поминъ души, возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть населенными имѣніями?— Вассіанъ и Максимъ постоянно утверждали, что не слѣдуетъ, что монахи должны жить въ пустыняхъ и кормиться своими трудами; но какъ между духовенствомъ было много противниковъ этого мнѣнія, то Іоаннъ оставилъ дѣло нерѣшеннымъ и при Василіи оно не возобновлялось, потому что главные участники въ немъ, Вассіанъ и Максимъ, за свое противо-

рѣчіе разводу и второму супружеству великаго князя были сосланы въ отдаленные монастыри.

Внѣшнія дѣла при Василіи Іоанновичѣ шли, хотя съ большими затрудненіями, но не менѣе удачно, какъ и внутреннія. Съ Литвою была два раза война: въ первый разъ вскорѣ послѣ кончины зятя Василіева, короля Александра, умершаго бездѣтнымъ, отчего великій князь хотѣлъ было хлопотать черезъ сестру свою, королеву Елену, о соединеніи Литвы съ Московскою Русью, но Поляки предупредили его и назначили королемъ Польши и великимъ княземъ Литвы—брата Александрова, Сигизмунда 1-го. Этимъ назначеніемъ не были довольны многіе изъ Литовцевъ и особенно любимецъ покойнаго короля, князь Михаилъ Глинскій, искусный полководецъ и образованнѣйшій изъ людей того времени. Милости къ нему Александра навлекли на него злобу многихъ завистниковъ и враговъ, которые оклеветали его передъ Сигизмундомъ. Раздраженный Глинскій обратился къ Московскому князю, и Василій, надѣясь воспользоваться смутами между Литвою и Польшею, обѣщалъ Глинскому помогать противъ всѣхъ враговъ его. Это было причиной первой войны его съ Литвою въ 1507 году, скоро окончившейся миромъ, по которому Сигизмундъ уступилъ Василію въ вѣчное владѣніе всѣ земли, возвращенныя отъ Литвы Іоанномъ Ш-мъ, и позволилъ безнаказанно выѣхать Глинскому и всѣмъ приверженцамъ его изъ Литвы въ Москву. Но Глинскій не былъ удовлетворенъ такимъ миромъ, по которому онъ ничего не выигрывалъ и еще терялъ всѣ свои богатыя владѣнія въ Литвѣ, и потому онъ снова возбуждаетъ въ Василіи надежду къ возвращенію другихъ русскихъ областей, захваченныхъ литовскими князьями. Новая война начинается въ 1512 году подъ предлогомъ, что Сигизмундъ старался поднять крымскихъ Татаръ на Москву. Василій прежде всего осадилъ Смоленскъ, и встрѣтилъ столько затрудненій при этомъ крѣпкомъ городѣ, что не прежде какъ черезъ два года, и именно въ 1514 году, могъ возвратить Русскимъ этотъ древній городъ ихъ. При этомъ случаѣ от-

крылись честолюбивыя намѣренія Глинскаго и невѣрность его: онъ надѣялся, что великій князь отдастъ ему Смоленскъ, но, обманувшись въ этой надеждѣ, вздумалъ опять передаться Польскому королю. Однакоже Василій во-время узналъ объ этой измѣнѣ и приказалъ схватить его и отвести въ Москву, гдѣ онъ и заключенъ былъ въ темницу. Между тѣмъ война съ Сигизмундомъ продолжалась еще болѣе семи лѣтъ и только въ 1522 году кончилась перемиріемъ, по которому Смоленскъ остался за Московскимъ княземъ.

Василію Іоанновичу тѣмъ труднѣе было вести эту войну съ Литвою, что Польскій король дѣйствительно возстановлялъ крымскихъ Татаръ противъ Россіи, посылалъ имъ съ этою цѣлію богатые подарки и такимъ образомъ въ короткое время совершенно перемѣнилъ отношенія между Москвою и Крымомъ. При Іоаннѣ III Крымскій ханъ Менгли-Гирей былъ лучшимъ союзникомъ Москвы и много помогъ конечному освобожденію ея отъ ига татарскаго. Теперь, хотя онъ былъ еще живъ, но устарѣвъ, сдѣлался уже неспособенъ къ управленію; окружавшіе его сыновья и родственники не слушались его и не могли называться иначе, какъ разбойниками, которые брали охотно подарки и отъ Польскаго короля и отъ Московскаго князя, обѣщали тому и другому помощь свою и ничего не дѣлали, или еще хуже: нападали то на русскія, то на литовскія и польскія владѣнія и разоряли ихъ. Особенно хотѣлось имъ завладѣть Казанью, когда въ 1518 году умеръ преданный Москвѣ ханъ Магметъ-Аминь, не оставивъ наслѣдниковъ. Съ тѣмъ поръ, какъ Магметъ-Аминь, спасаясь отъ преслѣдованій брата, прибѣгнулъ къ покровительству Іоанна III, и его помощи обязанъ былъ престоломъ своимъ, ханъ Казанскій считался подручникомъ великаго князя, отъ воли котораго зависѣло назначеніе новаго хана послѣ смерти Магметъ-Аминя. Но Крымскіе ханы старались всѣми силами освободить Казань отъ этой подчиненности Москвѣ и какъ скоро умеръ Менгли-Гирей, сынъ и наслѣдникъ его Мегметъ-Гирей отправился съ войскомъ къ Казани, выгналъ оттуда хана

Шигъ-Алея, присланнаго туда великимъ княземъ, и посадилъ тамъ ханомъ брата ствоего, Саипъ-Гирея. Эти два брата дружно принялись было разорять русскія земли. Саипъ-Гирей опустошилъ уже области Нижегородскую и Владимірскую, но тѣмъ и кончились успѣхи его: войска великаго князя вскорѣ выгнали его изъ Казани и ханомъ Казанскимъ присланъ былъ изъ Москвы одинъ изъ служебныхъ татарскихъ князей—Епалей, братъ Шигъ-Алея.

Въ 1533 году умеръ Василій Іоанновичъ послѣ 28-милѣтняго княженія, которое по справедливости можно было назвать какъ бы продолженіемъ княженія отца его, — такъ многое было довершено имъ изъ начатаго Іоанномъ,—но за то совершенно противоположное время настало послѣ кончины Василія. Наслѣдникомъ его былъ трехлѣтній ребенокъ, у котораго опекуншею и правительницею государства была молодая княгиня изъ народа Литовскаго, нелюбившаго Русскихъ, изъ семейства Глинскихъ, памятныхъ только измѣнами и непостоянствомъ. Правда, что въ духовной великаго князя приказано было ей управлять государствомъ не одной, но съ думою боярскою, состоявшею изъ братьевъ Василія Іоанновича, Юрія и Андрея, и двадцати знатнѣйшихъ бояръ; но это приказаніе не исполнялось. Главнымъ бояриномъ въ думѣ государственной, не смотря на старыхъ и почтенныхъ князей, былъ молодой князь Иванъ Ѳедоровичъ Телепневъ-Оболенскій, имѣвшій важный чинъ *конюшаго боярина*. Его одного слушала правительница, ему одному позволяла дѣлать все, что находилъ онъ нужнымъ для государства. Власть его была такъ велика, что даже родной дядя Елены, князь Михаилъ Глинскій, освобожденный изъ заключенія послѣ женитьбы великаго князя на его племянницѣ и пользовавшійся довѣріемъ при дворѣ, былъ снова посаженъ въ темницу и вскорѣ потомъ умерщвленъ въ ней за то только, что осмѣлился напомнить племянницѣ ея обязанности правительницы и матери государя!

Послѣ такой жестокости Елены съ ближайшимъ родствен-

никомъ ея можно представить, что̀ было съ другими совѣтниками думы. Они не смѣли разсуждать сами ни о чемъ, но должны были только исполнять то, чего желалъ князь Оболенскій.

Такъ съ самаго начала его правленія ему показался опаснымъ старшій дядя маленькаго государя, князь Юрій Іоанновичъ и по приказанію Елены невинный князь былъ посаженъ въ темницу и вскорѣ умеръ тамъ отъ голода. Чрезъ нѣсколько времени подвергся той же участи и младшій братъ его, Андрей Іоанновичъ, князь Старицкій. Всѣ вѣрные ему бояре, вздумавшіе было защищать его, были безжалостно умерщвлены, и около тридцати человѣкъ изъ нихъ были, какъ измѣнники, повѣшены по дорогѣ Новгородской. Неизвѣстно, до чего дошли бы ужасы правленія Елены, если бы оно было продолжительнѣе: но черезъ четыре года она скончалась, и по случаю малолѣтства государя, которому было въ это время не болѣе семи лѣтъ, правленіе перешло въ руки бояръ, но къ несчастію, оно оттого не улучшилось. Изъ знатнѣйшихъ бояръ московскихъ первое мѣсто занимали въ то время князья Шуйскіе, потомки князей Нижегородскихъ. Соперниками нихъ—были князья Бѣльскіе, происходившіе отъ князей Литовскихъ, перешедшихъ въ Россію отъ преслѣдованій католиковъ. Но Шуйскіе были сильнѣе и потому одержали верхъ и пользовались своею властію около шести лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока Іоанну исполнилось тринадцать лѣтъ. До того времени бояре, управлявшіе государствомъ, не обращали почти никакого вниманія на ребенка, будущаго повелителя ихъ: честолюбивые и своекорыстные, они думали только о своихъ собственныхъ выгодахъ, о преслѣдованіи враговъ своей партіи и, уничтожая одни другихъ, смотря по тому какой партіи доставалась власть, они вовсе не заботились о воспитаніи малолѣтняго государя, который одаренъ былъ прекрасными способностями и необыкновенно-пылкою и впечатлительною природою. Такой ребенокъ болѣе нежели какой-либо другой требовалъ самыхъ заботливыхъ попеченій, самаго нравствен-

наго воспитанія. Вмѣсто того Іоаннъ, предоставленный самому себѣ, видѣлъ самые безнравственные поступки, самыя звѣрскія жестокости, въ глазахъ его совершаемыя людьми, которымъ поручено было правленіе. За многихъ несчастныхъ жертвъ этого чудовищнаго беззаконія маленькій государь самъ умолялъ безжалостныхъ правителей, но они не трогались ни просьбами, ни даже слезами его. Такимъ образомъ отняли у него любимую мамку его, сестру князя Оболенскаго, и заключили ее въ тюрьму вмѣстѣ съ братомъ ея; кромѣ того отняли у него многихъ другихъ изъ приближенныхъ къ нему людей, къ которымъ онъ былъ особенно привязанъ: однимъ словомъ, безразсудные бояре-правители какъ будто старались раздражать и ожесточать дѣтское сердце Іоанна и успѣли въ томъ до такой степени, что, достигнувъ 13-ти лѣтняго возраста, онъ вдругъ явилъ себя достойнымъ воспитанникомъ ихъ. Правителемъ въ это время былъ Андрей Шуйскій. Преслѣдуя всѣхъ, кто казался чѣмъ-либо опаснымъ для его властолюбія, Шуйскій съ досадою смотрѣлъ на молодаго боярина Ѳедора Воронцова, который умѣлъ понравиться маленькому государю. Шуйскій до того боялся вліянія Воронцова, что рѣшился напасть на него въ глазахъ самого Іоанна. Заступничество великаго князя могло спасти любимца его только отъ смерти, но не спасло отъ ссылки, въ которую онъ тогда же былъ посланъ. Съ этого дня въ душѣ Іоанна затаилась страшная злоба на Шуйскаго; но наученный дурными примѣрами, онъ скрылъ ее съ намѣреніемъ напасть на Шуйскаго въ расплохъ. И подлинно, вскорѣ послѣ разлуки съ Воронцовымъ, Іоаннъ, уже понимавшій свое значеніе государя, вдругъ велѣлъ схватить и убить Шуйскаго. Легкость, съ которою было исполнено это приказаніе, доказала молодому государю, что онъ уже можетъ пользоваться своею властію и съ того времени онъ не выпускалъ ее изъ рукъ своихъ. Тутъ-то увидѣли бояре всѣ страшныя слѣдствія той безпечности, въ которой оставлялось воспитаніе наслѣдника престола. Пріученный къ зрѣлищу жестокостей, какія произ-

водились предъ нимъ самими боярами, раздраженный на нихъ за страданія и смерть людей, любимыхъ имъ, часто оскорбляемый неуваженіемъ къ сану его, молодой государь такъ долго таилъ въ себѣ безсильную злобу и ненавистъ, что сердце его, казалось, сдѣлалось неспособно къ тѣмъ чувствамъ добра и сострадапія, которыя въ неиспорченной природѣ человѣка составляютъ неотъемлемую принадлежность дѣтства. Сначала онъ находилъ удовольствіе въ мученіи животныхъ, бросая собачекъ, кроликовъ и другихъ маленькихъ звѣрьковъ на растерзаніе медвѣдямъ, а потомъ уже этихъ медвѣдей пускали и на бѣдныхъ людей, которые проходили мимо оконъ великаго князя, забавлявшагося такимъ образомъ. Со времени казни Шуйскаго эти забавы приняли другой характеръ и предметами ихъ сдѣлались уже расправы и казни надъ родственниками и приверженцами Шуйскаго; но и тутъ опять главными виновниками зла были новые бояре-правители, родные дяди Іоанна по матери, князья Глинскіе, наводившіе его на эти жестокости. Впрочемъ, боясь власти бояръ, великій князь не охотно поддавался вліянію ихъ и думалъ болѣе всего о томъ, какъ бы прочнѣе утвердить свою собственную власть, и для того, спустя три года, когда ему исполнилось 16 лѣтъ, уже короновался и къ названію великаго князя принялъ еще титулъ *царя*, выражавшій понятіе о бо́льшей власти, нежели какую имѣли предки его. Вскорѣ послѣ коронованія молодой царь женился. По обычаю тѣхъ временъ, для выбора супруги царя привезены были ко двору его въ Москву молодыя дѣвицы изъ семействъ знатныхъ бояръ; изъ нихъ избрана была Іоанномъ Анастасія Романовна, дочь умершаго боярина Романа Юрьевича Захарьина, бывшаго окольничимъ при Іоаннѣ III. Первая царица Русская была прекрасна и благодѣтельна. Іоаннъ горячо любилъ ее и подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ ея уже начало смягчаться его ожесточенное сердце, какъ чрезъ три мѣсяца послѣ свадьбы случилось происшествіе, которое довершило перемѣну къ лучшему въ жизни и правѣ государя.

Часто бывали пожары въ Москвѣ, сотоявшей почти изъ одних деревянныхъ домовъ, построенныхъ тѣсно и безъ всякаго плана, но никогда не бывало такого, какой случился въ iюнѣ 1547 года. Горѣли дворцы, церкви, домы и вмѣстѣ съ ними сгорѣло множество людей. Оставшiеся въ живыхъ *выли какъ дикiе звѣри*—сказано въ лѣтописи. И посреди этого ужаснаго бѣдствiя никто не помогалъ имъ, никто не утѣшалъ ихъ! Iоаннъ, братъ его, князь Юрiй Васильевочъ, всѣ родственники ихъ и первые бояре уѣхали въ село Воробьево, недалеко отъ Москвы. Недовольные рѣшились воспользоваться этимъ случаемъ. Главные непрiятели всѣхъ были Глинскiе, и бояре, ненавидѣвшiе ихъ за близость къ царю, распустили слухъ, что они подожгли Москву и чернь бросилась на домы ихъ и, убивъ одного изъ дядей государя, князя Юрiя Глинскаго, побѣжала за братомъ его княземъ Михаиломъ, въ Воробьево и требовали выдачи его у самого царя. Iоаннъ велѣлъ схватить главныхъ мятежниковъ и казнить ихъ. Это усмирило всѣхъ, но страшный пожаръ и соединенный съ нимъ мятежъ народа сдѣлали сильное впечатлѣнiе на молодаго государя. Это впечатлѣнiе еще болѣе усилено было однимъ изъ придворныхъ священниковъ, о. Сильвестромъ, который въ это самое время осмѣлился напомнить царю объ его обязанностяхъ къ народу и о томъ, какъ дурно онъ исполняетъ ихъ, не заботясь самъ о дѣлахъ государственныхъ и предоставляя все своимъ любимцамъ. Iоаннъ не только не оскорбился этимъ напоминанiемъ, но принялъ его какъ бы ниспосланнымъ къ нему отъ самого Бога, и съ этого самого дня все измѣнилось въ немъ. Прежняя безпечность о дѣлахъ государственныхъ замѣнилась неутомимостiю въ занятiяхъ ими; прежнiя жестокости къ поддашнымъ—необыкновенною заботливостiю о нихъ; прежнiя грубыя и безправственныя забавы—удовольствiями семейной жизни и бесѣдою съ людьми, вполнѣ достойными довѣренности государя. Главными изъ нихъ были двое: священникъ Сильвестръ и одинъ изъ царскихъ спальниковъ, Алексѣй

Адашевъ. Такимъ образомъ въ обществѣ этихъ двухъ умныхъ совѣтниковъ и добродѣтельной супруги протекли тринадцать лучшихъ лѣтъ жизни Іоанна, такихъ лѣтъ, которыя показали, какъ велики были душевныя и умственныя способности его, и слѣдовательно какъ безжалостно погублены были тѣ и другія дурными попечителями его несчастнаго дѣтства. Въ доказательство довольно разсказать одинъ случай изъ тогдашней его жизни.

Когда глаза молодого государя открылись на все зло, какое проистекало отъ его невниманія къ своимъ обязанностямъ, совѣсть его считала необходимымъ покаяться всенародно въ винѣ своей. Для того онъ приказалъ пріѣхать въ Москву людямъ выборнымъ изъ всѣхъ городовъ. Они съѣхались, и вотъ въ одно воскресенье, послѣ обѣдни, Іоаннъ вышелъ изъ Кремля со всѣмъ духовенствомъ, боярами и войскомъ на Красную площадь, гдѣ было *Лобное мѣсто* *), и съ этого мѣста началъ говорить митрополиту и народу о томъ, какъ несчастно было его малолѣтство для него самого и для народа отъ дурнаго управленія бояръ; какъ много несправедливостей сдѣлано было въ это время и какъ мало онъ заботился о томъ, чтобы остановить ихъ; какъ наконецъ одумался и рѣшился самъ управлять государствомъ. Въ заключеніе рѣчи молодой царь поклонился на всѣ стороны и сказалъ: «Люди Божіи и намъ данные! умоляю вашу вѣру къ Нему и любовь къ намъ: будьте великодушны! Нельзя исправить *прошедшаго* зла! Я могу только впередъ спасать васъ отъ притѣсненій. Забудьте, чего ужъ нѣтъ и не будетъ. Соединимся всѣ любовію христіанскою! Съ этого дня я вашъ судія и защитникъ!»

Чего нельзя было ожидать отъ такого государя, который въ 17 лѣтъ и при всемъ дурномъ воспитаніи своемъ имѣлъ столько величія и благородства? И въ теченіе всего насту-

---

*) Такъ называлось возвышеніе и теперь существующее на этой площади.

пившаго теперь тринадцати-лѣтняго періода времени онъ по истинѣ оправдывалъ всѣ ожиданія, какія поданы были этою необыкновенною рѣчью къ народу. Слушаясь во всемъ наставленій благочестиваго Сильвестра, неутомимо занимаясь дѣлами государственными съ умнымъ и добродѣтельнымъ помощ-

Въѣздъ Іоанна IV-го въ Казань 2-го октября 1552 года.

никовъ своимъ Адашевымъ, Іоаннъ былъ постоянно предметомъ любви и благодарности своихъ подданныхъ. Прежде всего онъ принялся за улучшеніе законодательства: разсмотрѣвъ и пополнивъ прежній судебникъ своего дѣда, издалъ въ 1550 году новый. Въ 1551 созвалъ церковный соборъ и

поручилъ ему обдумать средства къ прекращенiю безпорядковъ церковныхъ.

Занятiя внутренними дѣлами не мѣшали дѣятельному государю наблюдать за внѣшними врагами, какими въ это время особенно были Казанскiе Татары. Крымскiе ханы все еще продолжали дѣйствовать на Казань: имъ хотѣлось отклонить Казанцевъ отъ подчиненности Москвѣ, и потому они старались возмущать ихъ противъ хана Шигъ-Алея, присланнаго къ нимъ изъ Москвы. Желая положить конецъ этимъ безпорядкамъ, Iоаннъ рѣшился идти съ войскомъ къ Казани и послѣ продолжительной осады взялъ ее приступомъ 2-го октября 1552 года. Эта побѣда доставила молодому государю необыкновенную славу какъ первое завоеванiе отъ Татаръ, такъ долго и такъ жестоко притѣснявшихъ Русскихъ. Спустя два года, въ 1554 году, эта слава еще болѣе увеличилась покоренiемъ втораго татарскаго царства: Астраханскаго. Сначала Астраханскiе Татары платили только дань Московскому царю; а въ 1556 году они были окончительно присоединены къ Москвѣ, и ими управляли уже Московскiе воеводы

Вслѣдъ за покоренiемъ Астрахани начали присоединяться къ Россiи многiе народцы въ Прикавказьѣ, притѣсняемые сильными Крымскими Татарами. Iоаннъ, счастливый во всѣхъ предпрiятiяхъ своихъ въ то время, могъ бы вступить въ борьбу и съ этими послѣдними врагами Россiи изъ татарскаго племени, но какъ они были данниками Турцiи, и слѣдовательно могли надѣяться на защиту ея, а Турцiя была тогда государствомъ страшнымъ для всей Европы, то Iоаннъ благоразумно удерживался отъ явной войны съ Крымцами. Для защиты отъ нихъ южныхъ границъ своихъ онъ посылалъ только легкiе отряды войскъ, къ которымъ присоединился вскорѣ и начальникъ Малороссiйскихъ казаковъ, князь Дмитрiй Вишневецкiй, перешедшiй отъ Литовскаго князя къ Московскому.

Съ такимъ же успѣхомъ, какъ на востокѣ, Iоаннъ велъ дѣла свои и на западѣ, на который онъ обращалъ еще болѣе вниманiя, потому что постигалъ всю важность просвѣ-

щенія для подданныхъ своихъ; просвѣщеніе же это могло прійти къ нимъ только изъ государствъ Европейскихъ, отъ которыхъ Московское отдѣлено было чужими владѣніями, враждебными ему. Источникомъ вражды была мысль, что Россія, и безъ того уже сильная, пріобрѣтетъ съ просвѣщеніемъ еще болѣе могущества. Особенно боялись этого Ливонцы, несправедливо владѣвшіе народомъ и землями, принадлежавшими нѣкогда къ Новгородской области. И они доказали свои непріязненныя чувства такимъ поступкомъ, который по всей справедливости возбудилъ сильное негодованіе Іоанна. Еще въ 1547 году онъ поручилъ одному Саксонцу, по имени Шлитте, набрать въ Германіи для Москвы разныхъ ученыхъ и ремесленниковъ. Шлитте исполнилъ порученіе молодаго государя, набралъ болѣе ста человѣкъ и уже пріѣхалъ съ ними въ Любекъ, но правительство Ливонскаго ордена успѣло представить Нѣмецкому императору Карлу V всю опасность, какая можетъ произойти отъ просвѣщенія Московскаго государства для сосѣдей его, и Карлъ отдалъ повелѣніе не выпускать Шлитте изъ Любека. Несчастный посаженъ былъ въ тюрьму, а всѣ испуганные спутники его спѣшили разойтиться въ разныя стороны. Іоаннъ, занятый въ то время войною съ Казанью и Астраханью, не могъ тогда же отплатить Ливонцамъ за такое низкое дѣло, но тѣмъ болѣе чувствовалъ необходимость возвратить Россіи, для безпрепятственнаго соединенія съ Европою, принадлежавшіе ей балтійскіе берега, и при первой возможности напомнилъ Ордену о дани, которую рыцари обязались платить по стариннымъ договорамъ съ русскими великими князьями. Орденъ не исполнилъ его справедливаго требованія и царь началъ войну въ 1558 году и съ такимъ успѣхомъ, что въ короткое время взято было войсками его около двадцати ливонскихъ городовъ, въ томъ числѣ Нарва, Нейгаузъ, Дерптъ или древній Юрьевъ, основанный еще Ярославомъ I. Это были успѣхи, заключившіе счастливый тринадцати-лѣтній періодъ царствованія Іоанна IV. Въ 1559 году Ливонское

правительство обратилось за помощью къ Польскому королю Сигизмунду II Августу, который радъ былъ случаю идти противъ Россіи и вскорѣ соединилъ свое войско съ ливонскимъ. Это соединеніе не устрашило бы храбрыхъ полководцевъ Іоанна, если бы въ немъ самомъ не произошло снова перемѣны, и на этотъ разъ—самой несчастной. Начало ея, ни для кого не замѣтное, произошло еще въ 1553 году, когда молодой государь вскорѣ послѣ славнаго казанскаго похода заболѣлъ такъ опасно, что, думая видѣть приближеніе смерти, желалъ, чтобы двоюродный братъ его, Владиміръ Андреевичъ и бояре присягнули сыну его, младенцу Димитрію. Ни Владиміръ Андреевичъ, ни нѣкоторые изъ бояръ не захотѣли этого, говоря, что во время малолѣтства государева будутъ управлять всѣмъ родственники царицы, Романовы; другіе же бояре, преданные Іоанну и семейству его, заспорили съ ними, и какъ это происходило въ ближней комнатѣ подлѣ спальни государя, то весь споръ слышенъ былъ больному Іоанну, такъ же какъ и то, что Сильверстъ и отецъ Алексѣя Адашева, Ѳедоръ Адашевъ, приняли сторону князя Владиміра Андреевича. Можно представить себѣ, какъ тяжело было это открытіе для слабаго, почти умирающаго государя, но онъ выздоровѣлъ и рѣшился никому не давать знать о томъ, что онъ слышалъ. Можетъ быть необыкновенныя силы души его и помогли бы ему исполнить это намѣреніе, но къ несчастію былъ человѣкъ, который измѣнилъ совершенно образъ мыслей его. Это былъ Коломенскій епископъ Вассіанъ изгнанный изъ Москвы по проискамъ бояръ еще въ княженіе Василія Іоановича. Іоаннъ видѣлся съ нимъ въ то время, когда по выздоровленіи ѣздилъ на богомолье въ Бѣлозерскій Кирилловъ монастырь. Ожесточенный на бояръ Вассіанъ внушилъ государю мысль, что для удержанія бояръ въ повиновеніи не должно имѣть совѣтниковъ умнѣе себя. Такой совѣтъ понравился Іоанну, въ душѣ котораго таилось уже неудовольствіе на двухъ главныхъ совѣтниковъ его, священника Сильвестра и Адашева, и съ этихъ поръ онъ уже сталъ

обращать менѣе вниманія на совѣты ихъ, а потомъ и совсѣмъ отдалилъ ихъ отъ себя: Сильвестръ сосланъ былъ въ монастырь Соловецкій; Адашевъ отправленъ воеводою въ Дерптъ, гдѣ и умеръ.

Вскорѣ послѣ удаленія этихъ двухъ опытныхъ совѣтниковъ Іоаннъ лишился и послѣдней нравственной опоры своей: въ 1560 году скончалась царица Анастасія Романовна. Горесть Іоанна о потери обожаемой супруги доходила до отчаянія. Оставшись въ совершенномъ одиночествѣ, безъ умныхъ совѣтниковъ, которые могли бы удержать его пробудившіяся страсти, онъ далъ полную волю своему необузданному характеру, и не довѣряя никому, подозрѣвая многочисленныхъ приверженцевъ Адашева и Сильвестра даже въ отравленіи царицы, онъ безжалостно ссылалъ и казнилъ ихъ. Такая ужасная перемѣна въ государѣ поколебала вѣрность къ нему многихъ бояръ: спасаясь отъ незаслуженныхъ казней, они начали переходить отъ него въ Литву и Польшу, и эти переходы или лучше сказать измѣны отечеству случились именно въ то время, когда оно особенно нуждалось въ вѣрномъ войскѣ: когда въ войнѣ Ливонской приняли участіе Поляки. Въ числѣ измѣнниковъ былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ вельможъ того времени: князь Андрей Михайловичъ Курбскій. Будучи однимъ изъ преданнѣйшихъ друзей Сильвестра и Адашева, онъ глубоко оскорбленъ былъ несправедливостями Іоанна и, уѣзжая въ Литву, написалъ къ нему письмо, полное упрековъ не только за себя, но и за всѣхъ своихъ сторонниковъ. Царь, раздраженный и измѣною Курбскаго и его посланіемъ, не зналъ уже мѣры своему гнѣву, особливо съ тѣхъ поръ, когда дошло до него извѣстіе, что король Польскій избралъ Курбскаго предводителемъ своихъ войскъ противъ Москвы. Не имѣя возможности наказать измѣнника, Іоаннъ обратилъ свое мщеніе на людей, окружавшихъ его. Въ несчастномъ раздраженіи своемъ, которое въ новѣйшія времена можетъ быть справедливо признано было бы разстройствомъ разсудка, царь подозрѣвалъ всѣхъ въ

измѣнѣ, и чтобы обезопасить себя отъ мнимыхъ враговъ, вздумалъ въ концѣ 1564 года, ничего не объявляя народу, переѣхать изъ Москвы въ Александровскую слободу *) со всѣмъ семействомъ и съ приближенными своими. Черезъ мѣсяцъ послѣ переѣзда онъ написалъ къ митрополиту, что оставляетъ престолъ, не желая сносить долѣе измѣны вельможъ и заступничества духовенства за измѣнниковъ. Народъ, не постигавшій возможности жить безъ царя, глубоко чтимаго имъ, какъ помазанника Божія, пришелъ въ отчаяніе и умолялъ Іоанна не покидать царства. Раздраженный государь согласился остаться, но съ условіемъ, чтобы ему не препятствовали казнить враговъ его, какъ онъ захочетъ, и совершенно отдѣлить себя отъ тѣхъ, кто казался ему подозрительнымъ. Для этого онъ избралъ себѣ особенныхъ тѣлохранителей изъ молодыхъ дворянъ, которыхъ назвалъ *опричниками.* Вступая въ эту дружину тѣлохранителей, опричники клялись оставить отца и мать и повиноваться только одному государю. За то онъ награждалъ ихъ богатыми помѣстьями и позволялъ имъ буйствовать и безъ суда наказывать всѣхъ, кого вздумается имъ подозрѣвать въ измѣнѣ государю. Эти страшные дружинники обыкновенно ѣздили верхомъ; къ сѣдламъ ихъ привязывались метлы и собачьи головы, въ знакъ того, что они *грызутъ* злодѣевъ царскихъ и *выметаютъ* измѣну изъ Русской земли. На содержаніе ихъ отдѣлена была часть Москвы и двадцать городовъ, которые были приписаны къ опричнинѣ, а все остальное государство сдѣлалось какъ бы отдѣльнымъ, названо *земщиною* и поручено управленію старыхъ земскихъ бояръ. Іоаннъ желалъ выказать эту отдѣльность до того, что впослѣдствіи поставилъ начальникомъ надъ земскими боярами крещенаго Касимовскаго хана Симеона Бекбулатовича и назвалъ его

---

*) Теперь городъ Александровъ въ Владимірской губерніи, 156 верстъ отъ Москвы.

великимъ княземъ всея Руси, а себя—только *Московскимъ государемъ*. Но это странное назначеніе, доказывавшее какъ нельзя лучше разстройство разсудка царя, существовало недолго: опричники же злодѣйствовали цѣлыя семь лѣтъ, и въ это время погубили такъ много лучшихъ бояръ, прежнихъ опытныхъ совѣтниковъ и полководцевъ государя, что вскорѣ Іоаннъ остался почти одинъ съ своими недостойными любимцами, съ своею ужасною дружиною. Между тѣмъ враги, окружавшіе Россію и съ завистію смотрѣвшіе на ея возраставшее могущество, съ радостію узнавъ о перемѣнѣ, происшедшей въ Москвѣ, и о неизбѣжномъ оттого разстройствѣ во всѣхъ частяхъ ея государственнаго управленія, спѣшили воспользоваться имъ и почти со всѣхъ сторонъ напали на государство, котораго прежде боялись. Поляки еще въ 1559 году вступили въ союзъ съ Ливонцами противъ Россіи; однакожъ, не смотря на это соединеніе, Русскіе еще продолжали побѣждать и въ 1563 году даже взяли отъ нихъ Полоцкъ, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ русскихъ; но со времени учрежденія опричнины дѣла пошли со всѣмъ иначе: лучшихъ воеводъ у Іоанна не стало, а у Поляковъ напротивъ того, по смерти Сигизмунда II-го, не оставившаго наслѣдниковъ, сдѣлалось правленіе избирательное и въ короли избранъ былъ знаменитый военными достоинствами Трансильванскій воевода Стефанъ Баторій. Вступая на престолъ Литовско-Польскій, Баторій обѣжалъ возвратить области, завоеванныя Московскимъ государемъ, и исполнилъ свое обѣщаніе: взялъ Полоцкъ, Велижъ, Усвятъ, Великія Луки, крѣпость Островъ и остановился только у Пскова, гдѣ воеводою былъ храбрый князь Иванъ Петровичъ Шуйскій. Его мужеству Псковъ обязанъ былъ своимъ спасеніемъ: Баторій никакими усиліями не могъ взять его. Эта заслуга Шуйскаго была тѣмъ важнѣе для государства, что въ тоже время Іоаннъ долженъ былъ вести войну съ Шведами, у которыхъ Ревельцы просили помощи противъ Московскаго царя. Полководецъ шведскій Делагарди взялъ уже назадъ почти всѣ города, завое-

ванные Іоанномъ въ Ливоніи: Нарву, Иванъ-городъ, Ямъ, Копорье. Такъ со всѣхъ сторонъ видна была слабость Россіи. Испуганный и раздраженный ею, Іоаннъ уничтожилъ опричнину, и не зная, гдѣ искать помощи противъ враговъ своихъ, обратился къ папѣ Григорію XIII, который, обрадовавшись этому случаю, тотчасъ же отправилъ къ Іоанну іезуита Антонія Поссевина съ порученіемъ убѣдить царя Московскаго—принять католичество и только въ такомъ случаѣ обѣщать ему помощь. Царь не поддался однакожъ на эти убѣжденія, и за то Поссевинъ, бывшій посредникомъ при заключеніи мира между Іоанномъ и Баторіемъ, постарался устроить такъ, что всѣ выгоды этого мира были на сторонѣ Баторія. Іоаннъ долженъ былъ уступить ему всѣ свои завоеванія въ Ливоніи и даже Полоцкъ. Вскорѣ послѣ того заключено было перемиріе и со Шведами, которымъ также уступлены были всѣ русскіе города, взятые незадолго до того Іоанномъ. Эти неудачи погрузили Іоанна въ мрачное уныніе, которое вскорѣ еще усилилось отъ страшнаго горя, постигшаго несчастнаго царя: по случаю унизительнаго для Россіи мира съ Баторіемъ, старшій и любимый сынъ Іоанна, также Іоаннъ, не желая этого мира, поспорилъ съ отцемъ. Царь такъ разсердился, что въ гнѣвѣ своемъ всегда необузданномъ, ударилъ сына своимъ желѣзнымъ костылемъ. Ударъ былъ такъ силенъ, что молодой царевичъ тутъ же упалъ безъ чувствъ и чрезъ нѣсколько дней скончался. Іоаннъ былъ въ отчаяніи: онъ принималъ это несчастіе за наказаніе Божіе, посланное ему за его жестокости и потому трудно было ему утѣшиться. Кромѣ того, излишества всякого рода, которымъ предавался онъ въ теченіе всей своей жизни, не могли также не имѣть вліянія на его здоровье и не довести его до преждевременной кончины: онъ прожилъ не болѣе двухъ лѣтъ послѣ смерти сына и скончался 18-го марта 1584 года. Послѣднее унылое время его жизни оживилось нѣсколько новымъ и важнымъ пріобрѣтеніемъ на востокѣ: покореніемъ Сибири. Это было владѣніе Сибирскаго хана Ку-

чума, который изъ-за Уральскихъ горъ часто дѣлалъ набѣги на земли Московскаго государства, лежавшія по сю сторону Уральскихъ горъ.

Обширныя пространства этихъ пустынныхъ земель давали Московскимъ царямъ возможность уступать ихъ во владѣніе такихъ людей, которые брались населять и оберегать ихъ отъ варваровъ. Въ числѣ такихъ землевладѣльцевъ богатѣйшими были промышленники и торговые люди Строгановы, которые выпросивъ у Іоанна IV-го большіе простиравшіеся почти на 150 верстъ участки земли по рѣкѣ Камѣ, завели тамъ селенія, развели хлѣбопашество, построили городокъ для защиты отъ набѣговъ Сибирскаго хана. Для прекращенія этихъ набѣговъ Строгановы выпросили у Іоанна позволеніе снарядить на свой счетъ войско и отправить за горы Уральскія, на завоеваніе Кучумова городка Сибири. Войско это состояло изъ людей разнаго рода, набранныхъ въ селеніяхъ ихъ, и толпы казаковъ изъ Донскихъ степей подъ начальствомъ Ермака Тимофѣева. Казаки въ это время извѣстны были своимъ разбойничествомъ по Волгѣ: получивъ отъ государя Московскаго повелѣніе оберегать границы его отъ набѣговъ Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ, они нападали иногда и на купцовъ русскихъ, и даже на суда царскія, и грабили ихъ, такъ что царь долженъ былъ высылать противъ нихъ войско, которое разбивало шайки ихъ, и попадавшіеся въ плѣнъ живыми получали достойную казнь за свои преступленія. Шайка Ермака Тимофѣева состояла изъ людей болѣе добросовѣстныхъ: они желали раскаяніемъ заслужить прощеніе и милость царскую, и потому съ радостію приняли предложеніе Строгановыхъ отправиться на завоеваніе владѣній Сибирскаго хана, вмѣстѣ съ набранными ими людьми. И этотъ отрядъ, составившій вмѣстѣ съ казаками не болѣе 840 человѣкъ, положилъ основаніе русскому владычеству надъ всею неизмѣримою страною, извѣстною теперь подъ именемъ Азіатской Россіи. Ермакъ, побѣдивъ множество трудностей въ странѣ, вовсе неизвѣстной ему,

продолжая путь свой то водою по рѣкѣ Иртышу, то сухимъ, едва проходимымъ путемъ по пустыннымъ лѣсамъ и степямъ, удачно добрался до Кучумова городка, Сибири. У Ермака было огнестрѣльное оружіе, котораго не имѣлъ Кучумъ, и потому неудивительно, что онъ не могъ защищаться въ городкѣ своемъ и принужденъ былъ бѣжать изъ него. Храбрый племянникъ его, Маметкулъ, оставшійся для защиты Сибири, также не могъ исполнить этого труднаго дѣла и долженъ былъ сдаться вмѣстѣ съ городомъ. Такимъ образомъ Ермакъ сдѣлался обладателемъ всей Сибирской земли, и тотчасъ же отправилъ въ Москву одного изъ лучшихъ товарищей своихъ, Ивана Кольцо, съ нѣсколькими отборными казаками бить челомъ царю всѣмъ Сибирскимъ царствомъ. Іоаннъ, мрачный и печальный въ то время, почувствовалъ необыкновенную радость при этомъ извѣстіи, напомнившемъ ему прежнюю славу его, щедро наградилъ казаковъ подарками и большимъ жалованьемъ, а Ермака назвалъ даже *княземъ Сибирскимъ*, и вскорѣ потомъ скончавшись, не имѣлъ уже времени узнать, какъ недолго пользовался Ермакъ столь желанною для него милостію царскою и своимъ счастіемъ. Вотъ что случилось съ нимъ вскорѣ потомъ: Ханъ Кучумъ прогнанный Ермакомъ изъ городка его Сибири занимался разбоемъ и съ своею шайкою татаръ нападалъ на купцовъ привозившихъ въ Сибирь товары свои. Ермакъ желая наказать его за эти грабежи отправился съ 50 казаками отыскивать его въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ его ожидали для нападенія на цѣлый караванъ Бухарскихъ купцовъ. Проходивъ напрасно цѣлый день, Ермакъ уже возвращался домой поздно вечеромъ, и чувствуя необыкновенную усталость расположился ночевать въ шатрахъ на берегу рѣки Иртыша. Кучумъ, узнавъ объ этомъ, напалъ съ своимъ разбойническимъ отрядомъ на сонныхъ казаковъ и всѣ они были перерѣзаны, кромѣ двухъ: одинъ изъ этихъ двухъ—былъ Ермакъ. Онъ проснулся отъ звука мечей въ то время, когда всѣ его товарищи были уже мертвые. Въ отчаяніи вскочилъ онъ, далъ еще нѣсколько

ударовъ мечемъ окружавшимъ его татарамъ и бросился въ Иртышъ, гдѣ и утонулъ.

Ермакъ.

II.

Царь Өеодоръ Іоанновичъ и Годуновъ.

Өеодоръ Іоанновичъ, сынъ и наслѣдникъ Іоанна IV от первой супруги его Анастасіи Романовны, былъ уже 27-лѣтъ,

когда скончался отецъ его; но съ дѣтства слабый здоровьемъ и характеромъ, склонный болѣе къ жизни монашеской, нежели государственной, онъ такъ явно отказывался отъ всѣхъ царскихъ заботъ, что въ первые же дни послѣ кончины Іоанна были споры между боярами: многіе изъ нихъ, боясь властолюбія ближайшаго къ Ѳеодору боярина и шурина его Бориса Годунова *), желали возвести на престолъ младшаго брата Ѳеодорова, пяти-мѣсячнаго царевича Димитрія, сына Іоаннова отъ седьмой супруги его, царицы Маріи, изъ рода Нагихъ. Но трудно было вступить въ борьбу съ умнымъ и хитрымъ Годуновымъ, для властолюбія котораго открылось обширное поприще еще съ того времени, какъ послѣ несчастной смерти старшаго сына Іоаннова наслѣдникомъ престола сдѣлался слабый Ѳеодоръ, во всемъ покорный волѣ любимой супруги своей Ирины, родной сестры Годунова. Правда, Ирина не употребляла во зло этой власти своей, потому что̀ была также доброю и кроткою женщиною, но за то братъ ея надѣялся въ полной мѣрѣ пользоваться слабостію Ѳеодора, когда онъ будетъ государемъ, и потому въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ царствованія Іоаннова приготовлялъ все, что̀ нужно было, для утвержденія будущей власти своей. Ему не трудно было и сдѣлать это, потому что, будучи съ дѣтства при дворѣ, онъ умѣлъ уклончивымъ нравомъ своимъ заслужить расположеніе къ себѣ не только Ѳеодора, но даже и грознаго отца его. Во время опричнины Борисъ былъ опричникомъ а потомъ онъ же первый подалъ Іоанну мысль уничтожить ее, и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ славу заступника невинныхъ людей передъ государемъ, раздраженнымъ противъ всѣхъ подданныхъ своихъ. Однимъ словомъ, Годуновъ умѣлъ дѣйствовать вездѣ съ успѣхомъ, и потому всѣ замыслы другихъ бояръ въ пользу маленькаго царевича Димитрія были очень скоро уничтожены,

---

*) Родъ Годуновыхъ происходилъ отъ одного татарскаго мурзы, поступившаго на службу къ Московскому князю лѣтъ за 200 до того времени.

виновные наказаны и, черезъ два мѣсяца послѣ кончины Іоанна, Ѳеодоръ уже вѣнчался на царство, но за дѣла государственныя не принимался, а предоставилъ ихъ боярской думѣ, въ которую главнымъ лицомъ посадилъ Бориса Годунова. Такимъ образомъ Годуновъ достигъ исполненія всѣхъ своихъ желаній; онъ сдѣлался полновластнымъ правителемъ государства, Ѳеодоръ же носилъ только имя царя. Четырнадцатилѣтнее царствованіе его вообще можно было назвать мирнымъ: правитель не отличался большею воинственностію, не думалъ о новыхъ завоеваніяхъ, но старался только о томъ, чтобы сохранить цѣлость государства. Впрочемъ, непродолжительная война, бывшая при немъ съ Шведами, кончилась очень удачно: русскіе города—Ямъ, Копорье, Иванъ-городъ, захваченные Шведами при Іоаннѣ IV, были возвращены при Ѳеодорѣ. Для защиты южныхъ границъ Россіи Годуновъ прибавилъ нѣсколько новыхъ крѣпостей; въ Сибири съ тою же цѣлью основалъ города: Тобольскъ, Пелымъ, Березовъ. Но однимъ изъ важнѣйшихъ распоряженій Годунова въ царствованіе Ѳеодора было прикрѣпленіе крестьянъ. Крестьяне съ первыхъ временъ Руси были *вольными землепашцами*, которые имѣли право переходить съ одного мѣста на другое и оставаться тамъ, гдѣ было для нихъ выгоднѣе. Отъ этого они часто переходили отъ одного помѣщика къ другому, иногда по собственному желанію, а иногда и потому, что богатые помѣщики переманивали ихъ отъ бѣдныхъ. Отъ этого происходили большіе безпорядки и неудобства, особенно для мелкихъ владѣльцевъ или дѣтей боярскихъ, которые составляли военное сословіе въ государствѣ: они обязаны были являться на службу по первому требованію государя, и являться не только сами на конѣ, но и приводить съ собою людей и конныхъ и вооруженныхъ. Требованія эти не казались излишними, потому что именно за эту службу государи жаловали имъ помѣстья. Но какъ же нести исправно службу тому помѣщику, отъ котораго уходили крестьяне и онъ оставался иногда на пустой необработанной землѣ! Вотъ для того, чтобы

оградить служилое сословіе отъ такого безвыходнаго положенія, правительство принуждено было запретить крестьянамъ переходить отъ одного помѣщика къ другому, и первый указъ объ этомъ данъ былъ въ 1597 году.

Второе важное нововведеніе при Ѳеодорѣ было учрежденіе патріаршества. Это было единственное государственное дѣло, въ которомъ принялъ особенное участіе набожный царь. Со времени завоеванія турками Константинополя церковь русская, по причинѣ затруднительности сношеній съ греческою, перестала быть въ зависимости отъ нея, но все-таки митрополитъ, глава нашего духовенства, былъ ниже саномъ патріарховъ греческихъ, которые подпали подъ власть невѣрныхъ. Къ такому положенію церковныхъ дѣлъ не могъ оставаться равнодушнымъ государь, посвятившій всю жизнь свою молитвамъ и служенію церкви, и потому главною заботою его была мысль сравнять свою русскую церковь, младшую изъ восточныхъ церквей, съ старшими,—и для того ей нужно было имѣть своего патріарха. Въ то самое время, какъ Ѳеодоръ занимался исключительно этимъ намѣреніемъ, въ Москву случайно прибылъ Константинопольскій патріархъ Іеремія. Обрадованный царь предложилъ ему остаться въ Россіи и быть патріархомъ всероссійскимъ. Іеремія, не зная языка русскаго, не могъ согласиться на это предложеніе, но посвятилъ въ санъ патріарха московскаго митрополита Іова.

Ѳеодоръ, вполнѣ удовлетворенный въ этомъ отношеніи, еще усерднѣе предался своимъ религіознымъ занятіямъ, и властолюбивому правителю еще спокойнѣе было вести по своей волѣ дѣла государственныя; но у него была мысль, нарушавшая его спокойствіе: у Ѳеодора Іоанновича не было дѣтей, и потому наслѣдникомъ его былъ младшій братъ, хотя удаленный отъ двора въ Угличъ, но не лишенный тѣмъ своихъ правъ на наслѣдство; воспитывавшійся подъ вліяніемъ матери, которая не могла не оскорбляться такимъ удаленіемъ, и вѣроятно не скрывала отъ сына всѣхъ несправедливостей къ нимъ правителя. Что́ же ожидало правителя

въ то время, когда обиженный царевичъ придетъ въ возрастъ и вступитъ на престолъ? А это время не могло быть очень далеко, потому что Θеодоръ былъ слабъ здоровьемъ. Вотъ что́ было безпрестанною мыслію Бориса—мыслію, лишавшею его спокойствія посреди самаго счастливаго положенія въ свѣтѣ, какъ брата царицы, пользовавшагося всею довѣренностію государя. Уже болѣе семи лѣтъ продолжалось его полновластное правленіе; уже невинный врагъ его, царевичъ Димитрій, достигъ восьмилѣтняго возраста, и народъ привыкъ видѣть въ немъ будущаго государя своего, какъ вдругъ разнеслась по государству страшная вѣсть, что царственный младенецъ убитъ тремя злодѣями *), ворвавшимися во дворецъ чрезъ подкупленную мамку его, и тотчасъ послѣ преступленія растерзанными народомъ, который сбѣжался ко дворцу по звону набатнаго колокола. Царь послалъ нѣсколько бояръ въ Угличъ изслѣдовать это дѣло; и возвратившіеся слѣдователи объявили, что царевичъ самъ зарѣзалъ себя въ припадкѣ падучей болѣзни. Не смотря на всю недобросовѣстность этого слѣдствія, полнаго противорѣчій, оно признано было вѣрнымъ, и потому несчастная мать-царица, всѣ родственники ея, Нагіе, и тѣ изъ граждан углицкихъ, которые участвовали въ наказаніи злодѣевъ, обвинены были въ убійствѣ людей невинныхъ и за то жестоко наказаны. Царица пострижена въ монахини; иные изъ обвиненныхъ казнены, другіе сосланы въ отдаленныя мѣста; у многихъ, чтобы лишить возможности разсказывать о совершившемся злодѣяніи, отрѣзаны были языки. Но всѣ эти старанія скрыть истину не помогли: въ народѣ все-таки разнесся слухъ, что Годуновъ подослалъ злодѣевъ убить царевича, чтобы присвоить себѣ наслѣдство его. Если не всѣ говорили объ этомъ явно, то почти всѣ думали такъ, кромѣ государя, который, нисколько не подозрѣвая своего шурина, продолжалъ по прежнему довѣряться ему во всемъ, и будучи послѣднимъ

*) Битяговскимъ, Качаловымъ и Волоховымъ.

потомкомъ изъ поколѣнія Рюрика, не думалъ ничѣмъ обезопасить судьбу государства по смерти своей: умирая въ январѣ 1598 года, онъ не сдѣлалъ никакого распоряженія о наслѣдникѣ престола, и когда патріархъ и бояре, окружавшіе его въ послѣднія минуты, спросили у него: «Кому приказываешь царство?» онъ отвѣчалъ: «Предоставляю все на волю Божію!»

Боясь подвергнуться ужасамъ безначалія, всѣ рѣшились присягнуть супругѣ его, царицѣ Иринѣ, но она отказалась отъ престола и, искренно удаляясь отъ всякаго величія, поспѣшила уѣхать изъ дворца въ Новодѣвичій монастырь и тамъ постриглась въ монахини. Вслѣдъ за нею уѣхалъ въ тотъ же монастырь и Борисъ, вѣроятно для того, чтобы показать народу, что онъ вовсе не желаетъ овладѣть престоломъ, но между тѣмъ приверженцы его, въ числѣ которыхъ главнымъ былъ патріархъ Іовъ, дѣйствовали за него такъ удачно, что никто не подумалъ, чтобы можно было избрать въ цари кого-либо другаго, кромѣ роднаго брата царицы. И такъ патріархъ съ духовенствомъ и съ знатнѣйшими боярами и гражданами московскими отправились въ монастырь къ Годунову съ предложеніемъ короны. Но хитрый Годуновъ не скоро согласился: чтобы утвердиться прочнѣе на престолѣ, онъ желалъ быть избранъ въ цари земскимъ соборомъ, на который должны были съѣхаться выборные люди изъ всѣхъ городовъ для избранія царя. И желаніе его исполнилось: выборные съѣхались и подъ вліяніемъ патріарха не могли избрать никого другаго, кромѣ прежняго правителя. Но и тутъ еще Годуновъ продолжалъ отказываться и, наконецъ, согласился только тогда, когда патріархъ пришелъ въ монастырь съ крестнымъ ходомъ и, войдя въ келью царицы съ высшимъ духовенствомъ и знатнѣйшими боярами, со слезами умолялъ ее благословить на царство брата.

Такимъ образомъ Годуновъ, какъ бы нехотя, принялъ престолъ, который столько лѣтъ былъ цѣлію его желаній. Но съ достиженіемъ этой цѣли началось и наказаніе его: несмотря на всѣ торжественныя упрашиванія, Борисъ очень хорошо зналъ,

что онъ обязанъ былъ возвышеніемъ своимъ настоятельности преданнаго ему патріарха; зналъ также и то, что были бояре, болѣе близкіе къ престолу, нежели онъ, и вотъ въ нечистую совѣсть его закралось подозрѣніе почти на всѣхъ бояръ: ему казалось, что всѣ злоумышляютъ на него, что всѣ хотятъ свергнуть его съ престола. Въ первые два года послѣ возшествія своего на престолъ, онъ еще скрывалъ это тревожное чувство и потому они были какъ бы продолженіемъ царствованія Θеодора и были счастливы для государства: Годуновъ вообще былъ искусенъ въ дѣлѣ правленія, но потомъ подозрительность его увеличилась, и чтобы предупредить заговоры противъ него бояръ, онъ поручилъ своимъ приверженцамъ слѣдить за людьми, по мнѣнію его опасными. Такимъ образомъ онъ распространилъ доносы, и часто безъ суда подвергалъ казни или ссылкѣ тѣхъ, на кого указывали доносители, какъ на враговъ царя. Въ числѣ многихъ несчастливцевъ, невинно пострадавшихъ въ то время, были всѣ братья Романовы, племянники царицы Анастасіи: ихъ сослали въ разные отдаленные города, а старшаго изъ нихъ, Θеодора Никитича, какъ ближайшаго къ престолу, постригли въ монахи подъ именемъ Филарета.

Къ тому унынію, которое не могло не распространиться по государству, вслѣдствіе такой подозрительности и такого мрачнаго состоянія духа царя, присоединились вскорѣ физическія бѣдствія: неурожаи въ теченіи трехъ лѣтъ и оттого страшный, до того неслыханный голодъ, и потомъ — моровое повѣтріе, отъ котораго погибло множество народа. Какъ бы не довольствуясь этими бѣдствіями, Годуновъ прибавилъ къ нимъ еще новое: запретилъ всѣмъ боярамъ принимать на службу холопей, оставшихся безъ пріюта послѣ опальныхъ господъ ихъ, казненныхъ или сосланныхъ, и толпы этихъ бѣдныхъ людей, не имѣя возможности прокормить себя особенно въ голодное время, принялись за разбойничество и разсѣялись по всѣмъ дорогамъ такъ, что подъ самою Москвою было опасно ѣздить. Противъ одного изъ главныхъ атамановъ ихъ, Хлопки Косолапа, послано было даже царское войско, которое съ трудомъ

могло справиться съ нимъ и его шайкою и представить его пойманнаго въ Москву, гдѣ онъ и былъ казненъ.

Но и изъ этихъ черныхъ дней своего царствованія Годуновъ умѣлъ извлечь пользу: зная непрочность своихъ правъ на престолъ, и боясь рано или поздно быть сверженнымъ съ него, онъ старался привлечь къ себѣ любовь народа и во время голода помогалъ ему всѣми возможными средствами: разсыпалъ щедрыя милостыни и деньгами и хлѣбомъ изъ царскихъ запасовъ, а чтобы доставить работу бѣднякамъ, начиналъ огромныя постройки. Памятникомъ этого сочувствія Бориса къ страданіямъ народа осталась въ московскомъ Кремлѣ—колокольня Ивана Великаго.

Но не долго удалось ему пользоваться плодами этой послѣдней хитрости: прежде нежели благодѣянія его успѣли заглушить въ народѣ страшную молву, постоянно соединявшую имя его съ убійствомъ царевича, какъ вдругъ новая, никѣмъ неожиданная, ужасная для Годунова вѣсть разнеслась по государству: заговорили, что царевичъ Димитрій не умеръ, но живъ и скоро явится въ Москву...

Этотъ неслыханный, непостижимый и нѣсколько лѣтъ руководимый неизвѣстно кѣмъ обманъ остается до сихъ поръ неразгаданною тайной для самой исторіи, но какъ она временемъ открываетъ все, то можно надѣяться, что и это низкое, придуманное для погибели русскаго народа дѣло выйдетъ наружу. До сихъ поръ историки разсказываютъ его такъ: въ числѣ людей, служившихъ въ домахъ знатныхъ бояръ, сосланныхъ Борисомъ, былъ одинъ бойкій и грамотный мальчикъ, сынъ галицкаго дворянина, Юрій Отрепьевъ. Послѣ ссылки бояръ-покровителей его, Отрепьевъ, не имѣя чѣмъ жить, постригся въ монахи подъ именемъ Григорья, и по своей легкомысленности переходя изъ одного монастыря въ другой, дошелъ наконецъ до Чудова, гдѣ своею смышленностію такъ понравился патріарху Іову, что онъ взялъ его къ себѣ для занятій книжнымъ письмомъ. Скитаясь по монастырямъ, онъ провелъ нѣсколько времени въ одномъ изъ Углич-

скихъ, узналъ тамъ многія подробности объ убійствѣ царевича Димитрія, узналъ отъ людей, лично знавшихъ убитаго младенца, что онъ имѣлъ съ нимъ нѣкоторое сходство въ наружности и лѣтахъ, и изъ всего узнаннаго составилъ въ смѣломъ умѣ своемъ дерзкій планъ назваться царевичемъ, будто-бы спасеннымъ, въ то время преданными ему людьми. Нѣсколько времени онъ скрывалъ въ себѣ этотъ страшный замыселъ, но когда попалъ ко двору патріарха и сдѣлался однимъ изъ приближенныхъ его, то, забывшись отъ неожиданнаго счастія, началъ хвастливо проговариваться между монахами о томъ, что будетъ когда-нибудь царемъ въ Москвѣ. Эти дерзкія рѣчи дошли до царя; но онъ не обратилъ на нихъ должнаго вниманія и приказалъ только сослать молодаго безумца въ одинъ изъ самыхъ дальнихъ монастырей. Григорій, узнавъ объ этомъ, успѣлъ убѣжать изъ Чудова монастыря, и зная, что въ польскихъ владѣніяхъ всегда найдетъ онъ лучшихъ помощниковъ всякому враждебному дѣлу противъ Россіи, отправился прямо туда. Сбросивъ монашескую одежду, онъ сначала учился нѣсколько времени латинскому языку въ школѣ города Гащи, потомъ жилъ между запорожскими казаками и наконецъ явился простымъ слугою въ домѣ польскаго вельможи, князя Адама Вишневецкаго. Здѣсь никто не замѣчаетъ въ немъ ничего особеннаго, никто не обращаетъ на него вниманія, какъ вдругъ онъ самъ объявляетъ, что онъ Московскій царевичъ Димитрій, спасенный отъ убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ.

Это чудесное спасеніе поражаетъ удивленіемъ Вишневецкаго и быстро распространяется между всѣми знакомыми ему панами. Неизвѣстно, до какой степени они повѣрили этой выдумкѣ и кто изъ нихъ первый вздумалъ воспользоваться ею, только съ первыхъ же дней открытія дерзкаго разстриги, положеніе его совершенно измѣнилось: изъ простаго слуги онъ дѣлается какъ бы настоящимъ царевичемъ. Вишневецкій окружаетъ его почти царскими почестями, увѣряетъ всѣхъ Поляковъ, что это истинный Димитрій, а одинъ изъ знатнѣйшихъ

вельможъ польскихъ, Сандомірскій воевода Юрій Мнишекъ считаетъ за счастіе, что дочь его, красавица Марина, понравилась самозванцу. Честолюбивый отецъ уже воображаетъ ее Московскою царицею и еще съ бо́льшимъ усердіемъ помогаетъ обманщику. Но лучшими помощниками его дерзкаго замысла являются польскіе ксендзы и въ особенности сильные тогда іезуиты. Всегда готовые на всякое зло противъ ненавистнаго для нихъ православія, всегда старающіеся всякими неправдами о распространеніи католичества, они съ злобною радостію спѣшатъ воспользоваться адскимъ обманомъ, какъ бы нарочно для нихъ придуманнымъ. Окруживъ самозванца сѣтями своими, они искусно руководствуютъ всѣми движеніями его; обѣщаютъ ему помощь Поляковъ, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы и онъ, въ свою очередь, обѣщалъ и самъ принять католическую вѣру и ввести ее во все государство свое. Самозванецъ не только соглашается на это, но тогда же самъ принимаетъ католичество и тѣмъ пріобрѣтаетъ покровительство и короля Польскаго Сигизмунда, и самаго папы. Но король не смѣлъ явно помогать ему противъ Годунова, съ которымъ былъ въ это время въ перемиріи, и потому не призналъ его публично Московскимъ царевичемъ, но тайно назначилъ ему ежегодное содержаніе и позволилъ польскимъ вельможамъ оказывать ему всякую помощь. Главнымъ въ этомъ дѣлѣ былъ конечно Мнишекъ, дочь котораго сдѣлалась въ это время уже невѣстою Лжедимитрія. Свадьбу отложили до того времени, когда онъ уже овладѣетъ престоломъ Московскимъ.

Мнишекъ набралъ для будущаго царя небольшое войско изъ людей праздношатающихся по землѣ Польской, но вскорѣ это войско увеличилось всѣми тѣми людьми въ Россіи, которые при первомъ извѣстіи о появленіи спасеннаго царевича съ радостію бросились на встрѣчу къ нему, когда онъ въ началѣ 1604 года явился съ своимъ польскимъ отрядомъ на границѣ русской. Зная глубокую преданность русскаго народа къ государю своему, Поляки вѣрно разсчитали, что обманъ удастся, и потому смѣло способствовали ему, а по открытіямъ но-

вѣйшихъ историковъ можно съ достовѣрностью сказать, что Поляки съ своимъ іезуитскимъ духовенствомъ не только способствовали этому темному заговору, но даже были главными двигателями его, и если Отрепьевъ подалъ первую мысль о возможности такого обмана, то они привели его въ исполненіе и может быть даже вовсе не чрезъ Отрепьева, но чрезъ другаго, своего собственнаго самозванца, котораго сами и приготовили для разыгранной имъ роли. По крайней мѣрѣ такъ заставляютъ думать теперь многія обстоятельства этого непонятнаго дѣла, мало по малу открываемыя исторіей, напримѣръ бѣгство Отрепьева въ Литву и чрезъ нѣсколько времени совершенное исчезновеніе его тамъ; потомъ возвращеніе самозванца изъ Польши, уже совершенно измѣнившимся: вмѣсто грубаго и даже дерзкаго монаха, явился молодой человѣкъ, замѣчательный своею свѣтскостію, образованностію, знаніемъ латинскаго языка, а всему этому нельзя же было научиться разстригѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ училищѣ городка Гащи. Кромѣ того было много другихъ примѣтъ, которыя явно показывали разницу между бѣглецомъ Отрепьевымъ и ложнымъ царевичемъ; но все это ускользало изъ глазъ русскихъ людей, пораженныхъ чудесностію событія, обрадованныхъ возвращеніемъ законнаго царя ихъ. Можетъ быть, еслибы этотъ обманщикъ дошелъ до Москвы при жизни Годунова, которому всего лучше извѣстно было, что убитый царевичъ не могъ быть спасеннымъ, то обманъ скорѣе открылся бы, но Годуновъ, съ самаго перваго извѣстія о томъ, что царевичъ Димитрій появился живымъ человѣкомъ въ Польшѣ, былъ пораженъ такъ сильно, что все существо его измѣнилось морально и физически: изъ милостиваго и справедливаго, какимъ онъ былъ впервые два года своего царствованія, онъ превратился въ непонятнаго тирана, который никому не довѣрялся и всѣхъ боялся. Особенно подозрительными казались ему бояре. Онъ даже считалъ Отрепьева орудіемъ, ими придуманнымъ для сверженія его съ престола, и когда всѣ усилія его уничтожить страшный для него

призракъ Димитрія оказались тщетными, и лучшіе люди въ государствѣ его какъ бы невольно покорялись этому призраку, и говорили, что у нихъ нѣтъ силъ идти противъ природнаго царя ихъ, душевное разстройство Годунова такъ разрушительно подѣйствовало на здоровье его, что не далѣе какъ черезъ годъ послѣ открытаго появленія самозванца въ Польшѣ, и именно 13-го апрѣля 1605 года, онъ скоропостижно скончался отъ кровотеченія изъ носа. Съ радостію узналъ самозванецъ объ этой внезапной смерти: онъ ожидалъ отъ нея новыхъ успѣховъ своему дѣлу.

II.

Лжедмитрій и Шуйскій.

И онъ не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ: жители Москвы, хотя и присягнули послѣ смерти Бориса сыну его, 16-ти лѣтнему Θеодору, получившему самое лучшее воспитаніе того времени, но царствованіе этого юноши, много обѣщавшаго Россіи, не продолжалось и мѣсяца: онъ послалъ начальникомъ войска противъ самозванца, любимца царя Бориса, воеводу Петра Басманова уже отличившагося защитою противъ Поляковъ Новгорода-Сѣверскаго, но и этотъ преданный Годунову бояринъ не могъ придать мужества войску, которое послѣ смерти Бориса еще болѣе ослабѣло и совершенно потеряло духъ идти противъ того, кого считало сыномъ Іоанна IV. Басмановъ въ этой крайности забылъ всѣ благодѣянія, какими осыпалъ его Борисъ, и измѣнивъ сыну его, объявилъ войску, что Димитрій есть истинный царь Россіи. Никто не противорѣчилъ этому объявленію, и всѣ полки тотчасъ же признали самозванца государемъ своимъ. Какъ скоро слухъ объ этомъ дошелъ до Москвы, явились и въ ней измѣнники, начавшіе возмущать народъ противъ Годуновыхъ, а когда къ нимъ присоединились еще прибывшіе изъ само-

званцева лагеря князья Голицынъ и Мосальскій, то вспыхнуло явное возмущеніе, во время котораго царь Θеодоръ Борисовичъ и мать его были безчеловѣчно умерщвлены, а сестра молодого царя, царевна Ксенія Борисовна, пострижена въ монахини.

Послѣ этихъ злодѣйствъ самозванецъ торжественно вступилъ въ Москву 20 іюня 1605 года. Всѣ бояре согласно признали его истиннымъ Димитріемъ, даже сама мать Димитрія, царица-монахиня Марθа, послѣ тайныхъ переговоровъ и свиданія съ самозванцемъ, назвала его сыномъ своимъ: только бояринъ Василій Ивановичъ Шуйскій, бывшій однимъ изъ слѣдователей по убіенію царевича, не противорѣча открыто новому царю, тайно говорилъ всѣмъ, что онъ—самозванецъ. Рѣчи его дошли до царя, и Шуйскаго схватили, отдали подъ судъ и приговорили къ казни; но самозванецъ помиловалъ его и перемѣнилъ казнь на ссылку, изъ которой также скоро возвратилъ его.

Это снисхожденіе Лжедмитрія къ одному изъ главнѣйшихъ враговъ его доказывало доброту сердца,—и онъ подлинно былъ добръ, находчивъ, образованъ, но его погубила привязанность ко всему иностранному, и особенно къ католичеству, къ Полякамъ и іезуитамъ. Народъ русскій, глубоко преданный православной религіи своей, съ ужасомъ смотрѣлъ, что государь его, почти совсѣмъ не бывая въ русской церкви, завелъ у себя во дворцѣ латинскую, женился на Полькѣ, Маринѣ Мнишекъ, которая, сдѣлавшись русскою государынею, и не подумала перемѣнить свою католическую вѣру на православную. Пріѣхавшіе съ нею Поляки-шляхтичи довершили то непріятное впечатлѣніе, какое производилъ дворъ самозванца на народъ московскій: они вели себя чрезвычайно гордо и дерзко, такъ что общее неудовольствіе съ каждымъ днемъ возрастало и наконецъ вспыхнуло огромнымъ заговоромъ, въ которомъ главнымъ лицомъ былъ опять князь Василій Ивановичъ Шуйскій. 17-го мая 1606 года, ровно черезъ одиннадцать мѣсяцевъ послѣ вступленія въ Москву Лже-

димитрія, рано утромъ раздался звонъ набатнаго колокола и бояре, подъ начальствомъ Шуйскаго и съ толпами народа, ворвались въ Кремль вовсе неожиданно для безпечнаго самозванца, который въ это время еще спалъ. Проснувшись отъ колокольнаго звона, онъ выслалъ своего любимаго боярина Басманова узнать, что́ такое случилось, но когда Басмановъ тотчасъ же былъ убитъ заговорщиками, самозванецъ увидѣлъ, что противиться невозможно и потому, думая спастись бѣгствомъ, прыгнулъ въ окно и сломалъ себѣ ногу. Въ этомъ безпомощномъ положеніи онъ былъ схваченъ заговорщиками и тутъ же на мѣстѣ разстрѣленъ. Народъ бросился потомъ на Поляковъ, и было убитыхъ между ними около 1500 человѣкъ; но тесть самозванца, Мнишекъ и жена его, Марина спаслись отъ ярости народной. Два дня прошло въ этомъ кровопролитіи и разсужденіяхъ о томъ, кому быть царемъ на Москвѣ. Въ чувствѣ благодарности за избавленіе отъ ложнаго царя большая часть бояръ и народъ не хотѣли имѣть царемъ никого другаго, кромѣ Шуйскаго; были однако же и такіе изъ бояръ, которые говорили, что надобно созвать выборныхъ людей изъ всѣхъ городовъ, чтобы по совѣту ихъ избрать государя, но приверженцы Шуйскаго одержали верхъ; да и самъ онъ не желалъ дожидаться собора, и потому черезъ два дня, 19-го числа того же апрѣля, онъ провозглашенъ былъ царемъ. Тогда же избранъ былъ на мѣсто прежняго патіарха Игнатія, преданнаго самозванцу, новый—казанскій митрополитъ Гермогенъ, отличавшійся строгостію своей жизни и своимъ усердіемъ къ православію.

Но несчастливо было царствованіе новаго царя. Самъ онъ не долго пользовался расположеніемъ народа, потому что, будучи избранъ на царство не земской думой, но боярами, невольно принужденъ былъ уступить имъ много правъ, какихъ они прежде не имѣли, и тѣмъ ограничить свою власть, а народъ привыкъ видѣть царя своего—государемъ самодержавнымъ. Скупость и неумѣнье его въ управленіи государственными дѣлами еще болѣе увеличили общее нерас-

положеніе къ нему. Къ тому же черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вошествія его на престолъ разнесся слухъ, что Лжедимитрій спасся, и что вмѣсто него разстрѣленъ былъ другой человѣкъ, а онъ появился опять въ Литвѣ—и опять въ сосѣднихъ съ нею городахъ русскихъ поднялось волненіе въ пользу новаго обманщика. Первыми приверженцами его оказались путивльскій воевода князь Шаховской и Иванъ Болотниковъ, человѣкъ низкаго происхожденія, но способный быть руководителемъ людей слѣпо вѣрившихъ ему. Онъ собралъ войско изъ казаковъ и бѣглыхъ крестьянъ, и, переставъ вѣрить слухамъ о появленіи разстрѣленнаго самозванца въ Литвѣ, присталъ вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ къ новому, появившемуся между казаками и называвшему себя царевичемъ Петромъ, сыномъ царя Ѳеодора Іоанновича, котораго будто-бы Годуновъ подмѣнилъ на дѣвочку Ѳеодосію, скончавшуюся у царя черезъ четыре мѣсяца послѣ рожденія. Но этой новой лжи не суждено было долго обманывать народъ: главные и лучшіе изъ сообщниковъ Болотникова—дворянинъ Прокопій Ляпуновъ и воевода Сунбуловъ, вскорѣ увидѣли низкій обманъ и возвратились къ царю, который простилъ ихъ. Войско Болотникова вскорѣ потомъ было разбито, самъ онъ и Лжепетръ казнены, а князь Шаховской—сосланъ.

Не успѣлъ Шуйскій порадоваться уничтоженію этого самозванца, какъ началъ усиливаться другой, который выдавалъ себя за убитаго Лжедимитрія. Этотъ обманщикъ, какъ покровительствуемый Польшею, былъ несравненно опаснѣе Лжепетра. Его поддерживали и Поляки, и Литовцы, и русскіе измѣнники изъ пограничныхъ съ Польшею областей нашихъ, и казаки запорожскіе и донскіе. Со всѣмъ этимъ сборнымъ войскомъ Лжедимитрій II, котораго происхожденіе осталось неизвѣстно въ исторіи, пошелъ къ Москвѣ весною 1608 года и остановился лагеремъ въ 12-ти верстахъ отъ нея, въ селѣ Тушинѣ. Начальникомъ войска своего онъ сдѣлалъ Поляка, князя Рожинскаго, который и началъ осаду Москвы, но безъ

успѣха, хотя и помогали ему знаменитые литовскіе наѣздники: Янъ Сапѣга и Лисовскій. Они оба отдѣльно отъ Рожинскаго осадили Троицкую лавру въ надеждѣ овладѣть ея сокровищами. Но Господь чудесно оградилъ драгоцѣнную святыню русскую: монахи и нѣсколько сотенъ стрѣльцовъ съ такимъ мужествомъ защищали ее въ теченіе шестнадцати мѣсяцевъ, что принудили наконецъ ожесточенныхъ враговъ своихъ снять осаду и возвратиться въ Тушино, гдѣ во все это время Лжедимитрій II жилъ настоящимъ царемъ и даже вмѣстѣ съ царицею: отряды его перехватили Марину, когда она возвращалась вмѣстѣ съ отцемъ изъ плѣна московскаго, и эта честолюбивая до низости женщина согласилась на предложеніе обманщика, или—какъ обыкновенно называли его—«вора Тушинскаго», признать его мужемъ своимъ! Это признаніе послужило къ большой пользѣ для самозванца, потому что подтверждало въ глазахъ приверженцовъ его, что онъ дѣйствительно тотъ, за кого онъ выдавалъ себя, но не доставило ложной царицѣ того почета, какого она ожидала за свое низкое согласіе: дерзкій самозванецъ обращался съ нею очень грубо, и выиграла она только то, что пожила въ полномъ изобиліи около двухъ лѣтъ.

Село Тушино, во время пребыванія тамъ самозванца, превратилось въ богатый городокъ: не считая всего того, что́ грабили разбойническіе отряды его по городамъ и окрестностямъ московскимъ, сюда посылались изъ областей, признавшихъ его царемъ, огромные обозы съ разными припасами; сюда пріѣзжали для торговыхъ выгодъ польскіе и литовскіе купцы; однимъ словомъ Тушинскій лагерь былъ такъ богатъ и многолюденъ, что вполнѣ могъ соперничать съ тогдашнею Москвою, и между боярами московскими были даже такіе низкіе люди, которые, оставляя царя Василія, переходили въ службу «вора Тушинскаго». Это правда, что, узнавъ ближе обманщика, большая часть изъ нихъ, раскаявшись, возвращалась въ Москву и получала прощеніе царя; но были и такіе, которые, тайно повторяли эти переѣзды

изъ Москвы въ Тушино и изъ Тушина опять въ Москву, и потому получили названіе *перелетовъ*.

Въ этомъ несчастномъ состояніи царя и царства является лучшимъ помощникомъ Василья Ивановича—молодой племянникъ его, князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, уже отличившійся истребленіемъ шаекъ Болотникова. Его отправляетъ царь для переговоровъ о помощи съ королемъ Шведскимъ, который, боясь, чтобы Поляки не усилились въ Россіи и такимъ образомъ не сдѣлались сосѣдями его, уже не разъ самъ предлагалъ эту помощь. Шуйскій наконецъ рѣшился воспользоваться ею, и молодой умный посланникъ удачно кончилъ переговоры: изъ Швеціи пришелъ отрядъ наемнаго войска въ 5,000 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Делагарди. Скопинъ съ своей стороны вывелъ изъ Новгорода ополченіе, набранное въ сѣверо-западныхъ областяхъ, и оба военачальника, равно отличавшіеся воинскими достоинствами, соединивъ войска свои весною 1609 года, освободили отъ власти самозванца нѣсколько сѣверныхъ городовъ и разбили Тушинцевъ въ двухъ сраженіяхъ. Это оживило унылую Москву и дало ей надежду на освобожденіе изъ осады, но прежде, нежели это освобожденіе совершилось, ей суждено было испытать новыя бѣдствія. Король Польскій Сигизмундъ, узнавъ, что Русскіе соединились съ Шведскимъ королемъ, жестокимъ врагомъ его, не хотѣлъ медлить далѣе своимъ вторженіемъ въ Россію и, нарушивъ мирный договоръ, только-что заключенный въ Москвѣ послами его, пошелъ съ войскомъ прямо къ Смоленску: и Полякамъ и Литовцамъ давно хотѣлось завладѣть этимъ городомъ. Повѣривъ словамъ пословъ своихъ,—что Русскіе не любятъ Шуйскаго и съ радостію промѣняютъ его на сына Польскаго короля, Владислава, Сигизмундъ ожидалъ, что его съ покорностію встрѣтятъ въ Смоленскѣ, но вмѣсто того Смоляне на увѣренія его,—что онъ пришелъ не для войны съ русскими людьми, а для защиты ихъ,—отвѣчали ему, что «они всѣ дали обѣщаніе умереть за православную вѣру, за святыя церкви и за царя, а королю Польскому ни за что не покорятся».

Получивъ такой отвѣтъ, Сигизмундъ началъ осаду Смоленска, прославившую геройскихъ жителей его. Со всѣмъ желаніемъ вредить Русскимъ, король, напротивъ того, помогъ имъ: безуспѣшно продолжая осаду, онъ послалъ въ Тушино приказаніе, чтобы всѣ Поляки оставили самозванца и соединились съ его войскомъ подъ Смоленскомъ. Это приказаніе взволновало весь лагерь: нѣкоторые Поляки послушались короля, другіе, напротивъ того, не хотѣли явиться къ нему и завели между собою споры. Тушинскій воръ, боясь остаться совсѣмъ безъ войска, до окончанія спора убѣжалъ, переодѣтый въ крестьянское платье, въ Калугу, куда за нимъ отправилась и Марина, также переодѣтая. Въ Тушинѣ оставался еще нѣсколько времени Рожинскій, но слухъ о приближеніи отрядовъ князя Скопина, которому все покорялось, заставилъ и его уйти оттуда въ мартѣ 1610 года, а чтобъ награбленныя богатства никому не достались, Рожинскій сжегъ весь станъ Тушинскій. Съ его уходомъ Москва освободилась отъ осады безъ сраженія и молодой князь, одержавшій въ одинъ годъ болѣе побѣдъ, нежели многимъ полководцамъ удастся одержать въ нѣсколько лѣтъ, вступилъ въ Москву, которая приняла его съ восторгомъ, какъ своего освободителя и надѣялась отъ него еще болѣе въ будущемъ. Прекрасныя качества племянника примирили Русскихъ съ нелюбимымъ дядею его, и такъ какъ у Шуйскаго не было дѣтей, то всѣ радовались, что наслѣдникомъ его будетъ не другой кто, какъ князь Скопинъ. Было много такихъ людей, которые, не дожидаясь смерти Шуйскаго, желали еще при жизни его поднести корону общему любимцу. Рязанская область явно выразила это желаніе чрезъ воеводу своего Прокопія Ляпунова еще прежде, нежели молодой князь вступилъ въ Москву, но онъ съ гнѣвомъ отвергъ это предложеніе, какъ измѣну царю, и Шуйскій не только не оцѣнилъ этого благороднаго поступка племянника, но еще сталъ подозрѣвать его въ желаніи завладѣть престоломъ. Особенно боялся этого родной братъ царя, князь Димитрій Шуйскій, считавшій себя законнымъ наслѣдникомъ престола послѣ брата.

Ненависть его къ племяннику была такъ замѣтна, что начальникъ шведскаго отряда Делагарди, любившій Скопина какъ друга, боялся видѣть его посреди этого враждебнаго двора и совѣтовалъ ему спѣшить отъѣздомъ изъ Москвы. Князь Михаилъ сбирался въ это время къ походу подъ Смоленскъ, но прежде нежели всѣ приготовленія были кончены, онъ вдругъ заболѣлъ на обѣдѣ у дяди Димитрія Шуйскаго и чрезъ нѣсколько дней скончался, унеся съ собою всѣ надежды Русскихъ въ то бѣдственное время отечества. Народъ въ отчаяніи не хотѣлъ вѣрить естественности такой внезапной кончины 24-хъ лѣтняго юноши, прибывшаго совершенно здоровымъ на обѣдъ, и приписалъ ее отравѣ. Неизвѣстно, справедливо или нѣтъ было это обвиненіе, но оно окончательно разъединило Русскихъ съ царемъ Васильемъ Ивановичемъ и всѣмъ семействомъ его. Рязанскій воевода Прокопій Ляпуновъ явно начинаетъ говорить о сверженіи его съ престола и, не зная еще кого избрать въ преемники ему, переговаривается то съ самозванцемъ, засѣвшимъ въ Калугѣ, то съ княземъ Василіемъ Голицынымъ, который считалъ себя ближайшимъ бояриномъ къ престолу. А между тѣмъ начальникомъ войска московскаго на мѣсто скончавшагося князя Скопина избранъ былъ ненавистный народу дядя его Димитрій Шуйскій, вовсе не отличавшійся военными способностями. Въ первомъ же сраженіи, 24-го іюня 1610 года онъ былъ разбитъ польскимъ войскомъ, высланнымъ на встрѣчу къ нему королемъ подъ начальствомъ гетмана Жолкѣвскаго. Послѣ этой побѣды Жолкѣвскій провозгласилъ государемъ Московскимъ сына короля Польскаго, Владислава, и пошелъ съ войскомъ своимъ прямо къ Москвѣ, гдѣ въ это время происходило страшное волненіе: Захарій Ляпуновъ, братъ рязанскаго воеводы, вмѣстѣ съ другими боярами сводили съ престола Шуйскаго. Несчастный царь уже не спорилъ съ мятежниками и согласился оставить престолъ, но для нихъ было этого мало: они силою свезли его въ Чудовъ монастырь и тамъ постригли. Тоже сдѣлали и съ его женою. Это было въ іюлѣ 1610 года.

IV.

Междуцарствіе.

Настало въ Русской землѣ такое бѣдственное время, какого она еще и не знала во все продолженіе своего существованія; самое нашествіе Татаръ не казалось такъ убійственно: и тогда при страшныхъ ханахъ были у него защитники — государи его; теперь же царя не было и оттого было вездѣ ужасное безначаліе. Къ думѣ боярской, которая составляла временное правительство до избранія новаго государя, народъ никогда не имѣлъ такой довѣренности, какъ къ своему государю-отцу. Да и нельзя было имѣть ее: между думными боярами всегда было мало согласія, а теперь, при тягостныхъ обстоятельствахъ царства, еще менѣе. Главный споръ возникъ при первомъ и важнѣйшемъ дѣлѣ, которымъ они должны были заняться—при избраніи новаго царя. Патріархъ Гермогенъ, одинъ изъ лучшихъ людей того времени, требовалъ чтобы царь избранъ былъ изъ вельможъ русскихъ и указывалъ имъ или князя Василія Васильевича Голицына или 14-тилѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова. Но бояре боялись Поляковъ, которыхъ войско стояло уже близь Москвы, и уже провозгласило царемъ королевича Владислава; боялись и Лжедимитрія, который, узнавъ о сверженіи Шуйскаго, вышелъ изъ Калуги и былъ уже съ войскомъ своимъ въ селѣ Коломенскомъ. Въ этой крайности нельзя было сзывать земскій соборъ со всѣхъ городовъ, надобно было выбирать или Тушинскаго вора или королевича. Послѣ многихъ споровъ бояре рѣшились на послѣдняго съ условіемъ, чтобы онъ принялъ православіе, и чтобы власть его была ограничена боярскою думою. Увѣдомляя о томъ начальника польскаго войска, гетмана Жолкѣвскаго, бояре просили его вступить въ Москву для защиты ея отъ самозванца. Жолкѣвскій исполнилъ эту

просьбу, вступилъ въ Москву и 27-го августа 1610 года происходила присяга московскихъ жителей Владиславу. Что же касается до условій избранія его, то гетманъ объявилъ, что для этихъ переговоровъ надобно отправить посольство къ королю Сигизмунду и постарался, чтобы въ это посольство включены были люди, опасные для Поляковъ своимъ вліяніемъ въ Москвѣ. Это были указанные патріархомъ какъ достойные престола: князь Василій Васильевичъ Голицынъ и митрополитъ Филаретъ, отецъ Михаила Θеодоровича Романова, котораго по молодости лѣтъ еще нельзя было отправить съ посольствомъ.

Такимъ образомъ все шло по желанію Поляковъ, но ненасытность и дерзость ихъ не были еще удовольствованы; король объявилъ, что онъ не можетъ согласиться, чтобы сынъ его принялъ православіе, и желаетъ быть самъ царемъ Московскимъ. Жолкѣвскій, узнавъ о такомъ рѣшеніи короля, боялся объявить его въ Москвѣ: онъ зналъ, что Русскіе никогда не согласятся на избраніе царя-иновѣрца, и потому, предвидя бунтъ, поспѣшилъ уѣхать изъ Москвы, оставивъ начальникомъ войска пана Гонсѣвскаго. Какъ умный и ловкій человѣкъ, онъ, пріѣхавъ къ королю подъ Смоленскъ, объяснялъ ему всѣ опасныя слѣдствія его отказа на условія Русскихъ, но король настаивалъ на своемъ и принуждалъ пословъ московскихъ согласиться на его требованія; но напрасны были всѣ его убѣжденія и угрозы: послы оставались равнодушны и къ милостямъ и къ гнѣву короля, и не соглашались на отмѣну ни одного изъ условій, предписанныхъ имъ патріархомъ Гермогеномъ и боярскою думою. Для примѣра твердости ихъ можно привести нѣсколько словъ изъ отвѣта думнаго дьяка Томилы Луговскаго, которому обѣщали великія милости королевскія за то, чтобы онъ поѣхалъ въ Смоленскъ и уговорилъ жителей его сдаться. «Какъ мнѣ сдѣлать это?» —говорилъ этотъ благородный человѣкъ—«и вѣчную клятву на себя навлечь? Не только Господь Богъ и люди Московскаго государства мнѣ за это не потерпятъ, и земля меня

не понесетъ. Я присланъ въ челобитчикахъ и мнѣ первому соблазнъ ввести? По Христову слову, лучше навязать себѣ камень и вринуться въ море».

Но къ несчастію не всѣ думали такъ: были и между Русскими такіе измѣнники отечеству, которые охотно пользовались милостями королевскими и уговаривали Москвитянъ согласиться на всѣ требованія короля. Однимъ изъ такихъ особенно извѣстенъ былъ Михаилъ Салтыковъ, который, засѣдая въ думѣ боярской, уговаривалъ бояръ просить Сигизмунда «пожаловать въ Москву, государство сына своего очищать и на вора Тушинскаго наступать». Можетъ быть большая часть бояръ и согласилась бы на это, такъ какъ присяга Владиславу была уже принесена, но главнымъ лицемъ въ думѣ былъ патріархъ Гермогенъ; этотъ благочестивый и строгій защитникъ православной вѣры нашей своею священною властію и своимъ геройскимъ примѣромъ удержалъ бояръ отъ малодушнаго увлеченія къ измѣнническимъ совѣтамъ Салтыкова и всѣми силами старался ободрить ихъ и народъ на твердое сопротивленіе королевскимъ намѣреніямъ. Съ такою цѣлію онъ писалъ грамоты во всѣ русскіе города, призывая всякихъ людей стать за вѣру и отечество. Эти грамоты производили свое дѣйствіе и до того отводили города отъ мысли покориться королю Польскому, что многіе изъ нихъ не только явно предпочитали ему Лжедимитрія, но даже присягали этому обманщику. Въ томъ числѣ были двѣ обширныя области: Казань и Вятка. Но къ счастію эта новая причина къ междоусобію въ областяхъ вскорѣ прекратилась: самозванецъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ приближенныхъ.

Съ смертію его русскіе отдохнули: однимъ врагомъ стало у нихъ меньше, и всѣ, боявшіеся его и потому только рѣшившіеся призывать къ себѣ на царство Владислава, могли теперь безъ страха отойти отъ королевича и собираться на защиту отечества. Вскорѣ собралось войско отъ 25 городовъ и пошло къ Москвѣ подъ начальствомъ Прокопія Ляпунова и казацкихъ атамановъ: князя Трубецкаго и Заруцкаго. Но въ это

время возрожденія силъ русскихъ тѣмъ стѣсненнѣе становилось положеніе первыхъ русскихъ людей, истинныхъ начальниковъ этого патріотическаго движенія—Филарета, Голицына и патріарха Гермогена. Первые два, не соглашаясь ни на признаніе Сигизмунда царемъ Московскимъ, ни на сдачу Смоленска, обратили на себя страшный гнѣвъ короля: нарушивъ всѣ правила чести и неприкосновенности пословъ, онъ приказалъ схватить ихъ и отправить плѣнниками въ Польшу. Съ патріархомъ же въ Москвѣ Поляки поступили еще хуже: они заключили его подъ крѣпкую стражу и потомъ уморили голодною смертію. Но эти жестокости возбуждали въ Русскихъ только болѣе и болѣе духъ сопротивленія польскому владычеству: Смоленскъ еще около двухъ мѣсяцевъ выдерживалъ осаду и, наконецъ, послѣ самой геройской защиты, принужденъ былъ уступить превосходству силъ осаждающихъ и сдался. Велика была радость Поляковъ объ этой побѣдѣ! Въ упоеніи этой радости они подумали, что съ потерею Смоленска Русскіе уже совсѣмъ покорятся власти ихъ и съ этою мыслію король отправился на сеймъ въ Варшаву и приказалъ везти туда же и плѣннаго царя Василія Шуйскаго, выданнаго Полякамъ его неблагодарными подданными. Несчастный государь былъ заключенъ въ Гостынскій замокъ, гдѣ вскорѣ потомъ и умеръ. Но въ то самое время, какъ гордые Поляки наслаждались полнымъ торжествомъ своимъ надъ Русскими, держа у себя плѣнникомъ бывшаго царя Московскаго, въ Москвѣ произошелъ вовсе неожиданный для нихъ поворотъ дѣла. Жители ея, доведенные до отчаянія взятіемъ Смоленска и всякаго рода несправедливостями, какія позволяло себѣ польское войско, стоявшее въ Москвѣ, вступили съ нимъ въ битву, прежде нежели народное ополченіе подъ начальствомъ Ляпунова, Трубецкаго и Заруцкаго успѣло прійти на помощь. Вооруженные Поляки безжалостно перерѣзали въ это время множество безоруженныхъ людей и зажгли въ разныхъ мѣстахъ городъ, такъ что онъ почти весь выгорѣлъ, исключая Кремля и Китая-города, куда

загнали ихъ Русскіе и долгое время потомъ держали въ такой крѣпкой осадѣ, что они за недостаткомъ припасовъ принуждены были наконецъ ѣсть не только кошекъ и собакъ, но даже и человѣческое мясо. Эта осада и совершенное очищеніе Москвы отъ Поляковъ вѣроятно окончены были бы въ то время, когда къ Москвѣ подошло народное ополченіе, но къ несчастію между тремя военачальниками его не было никакого единодушія. Большую часть войска составляли казаки, дерзкіе, необузданные, привыкшіе жить грабежемъ въ станѣ Тушинскаго вора. Главнымъ же изъ трехъ начальниковъ по своимъ военнымъ способностямъ и твердости воли—былъ Ляпуновъ. Онъ строго наказывалъ казаковъ за дерзости и грабежи ихъ и за то они возненавидили его. Гонсѣвскій воспользовался этою ненавистью: подослалъ въ лагерь казацкій подложное письмо, въ которомъ будто бы Ляпуновъ писалъ во всѣ города: «гдѣ поймаютъ казака—бить и топить». Не разобравъ хорошо ложность подписи подъ руку Ляпунова, не выслушавъ оправданій его, дерзкіе казаки убили этого лучшаго изъ предводителей своихъ и тѣмъ—какъ предвидѣлъ и желалъ Гонсѣвскій—привели въ совершенное разстройство собравшееся войско защитниковъ отечества. Дворяне, лишившіеся начальника своего въ Ляпуновѣ, не могли оставаться въ безопасности въ лагерѣ, гдѣ все зависѣло теперь отъ казаковъ, преслѣдовавшихъ ихъ, и потому большая часть изъ нихъ разъѣхалась по домамъ, и казаки, хотя продолжали осаду Поляковъ въ Кремлѣ и Китаѣ-городѣ, но безъ особеннаго усердія, потому что въ тоже время занимались грабежемъ окрестностей. Наконецъ, къ довершенію бѣдственнаго положенія тогдашней Россіи, Шведы завладѣли Новгородомъ. Они изъ прежнихъ союзниковъ сдѣлались врагами Русскихъ съ того времени, какъ въ Москвѣ присягнули Владиславу, и такъ какъ между воеводами новогородскими часто происходили ссоры, то Делагарди безъ труда овладѣлъ Новгородомъ и жители его тогда же согласились на предложеніе его признать царемъ Русскимъ одного изъ сыновей короля Шведскаго. Такимъ образомъ явился новый искатель престола и въ то же время въ Псков-

ской областп явился новый самозванецъ, третій Лжедимитрій. При такомъ множествѣ враговъ и разныхъ партій, при разрозненности самыхъ областей русскихъ, разнообразные элементы которыхъ соединялись дотолѣ только царскою властію, при отсутствіи этой власти, всегда священной для русскихъ людей, казалось, настала пора распаденія могущественнаго государства; но здѣсь-то, именно въ этомъ по видимому безвыходномъ положеніи, и явилась наружу та сила, которая всегда одушевляла Русскихъ и доставляла имъ побѣду надъ врагами ихъ: явилась непоколебимая вѣра ихъ въ Бога и надежда на святую помощь Его. Опасность, угрожавшая этой вѣрѣ отъ чужеземныхъ владѣтелей, и ненависть къ католичеству уничтожили несогласіе областей и соединили всѣхъ въ одномъ стремленіи защитить себя безъ чужой помощи. Первымъ призывомъ къ этому соединенію былъ священный голосъ патріарха Гермогена, а потомъ, когда его не стало, призывныя грамоты къ востанію за вѣру отцовъ писались въ Троицко-Сергіевой лаврѣ архимандритомъ Діонисіемъ и келаремъ Аврааміемъ Палицынымъ. Эти грамоты разсылались по всѣмъ городамъ и полкамъ и вездѣ возбуждали сочувствіе въ слушателяхъ, но нигдѣ не подѣйствовали онѣ такъ сильно, какъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Тамъ жилъ тотъ, кто былъ назначенъ Провидѣніемъ быть начальнымъ человѣкомъ востанія. Это былъ земскій староста или градской глава, мясной торговецъ Кузьма Мининъ-Сухорукій. Во время чтенія одной изъ троицкихъ грамотъ въ соборной церкви нижегородской, Мининъ, одушевленный пламеннымъ усердіемъ къ отечеству, воскликнулъ къ народу, бывшему въ церкви: «Вступимся за православную вѣру и поможемъ Московскому государству! Не пожалѣемъ ничего: продадимъ дома свои, заложимъ женъ и дѣтей и соберемъ казну на жалованье войску!» Все, что было въ церкви, отвѣчало на эти слова восторженнымъ восклицаніемъ: «умремъ за Русь святую!» Съ этой минуты спасеніе земли Русской было рѣшено. Не выходя изъ церкви, Нижегородцы положили собирать деньги для ратныхъ лю-

дей, которыхъ ожидали навѣрное. Но важнѣе всего было выбрать начальника этому ожидаемому войску; Мининъ помогъ и въ этомъ дѣлѣ. Въ молодости онъ самъ служилъ въ царскихъ полкахъ, и хорошо зналъ почти всѣхъ воеводъ русскихъ. Лучшимъ изъ нихъ онъ считалъ князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, и потому указалъ на него. Пожарскій жилъ въ это время въ своемъ помѣстьѣ, въ Суздальскомъ уѣздѣ, долечиваясь отъ ранъ, полученныхъ имъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ въ битвахъ съ Поляками въ Москвѣ. Онъ согласился на просьбу Нижегородцевъ быть предводителемъ ополченія ихъ, но съ тѣмъ, чтобы они выбрали завѣдывать общественною казною не другаго кого, какъ Минина, вполнѣ достойнаго этой довѣренности.

Такъ эти два выборные человѣка земли Русской положили начало устройству народнаго ополченія, къ которому тотчасъ-же начали присоединяться служилые люди изъ всѣхъ областей и городовъ. Но не смотря на все усердіе ихъ, не прежде какъ чрезъ десять мѣсяцевъ, въ августѣ 1612 года, князь Пожарскій могъ подойти къ Москвѣ, преодолѣвъ всѣ затрудненія, какія противопоставляли ему Поляки и разные измѣнники отечеству, изъ которыхъ одни держались Владислава, другіе—принца Шведскаго, а третьи—новаго Лжедимитрія. Въ числѣ послѣднихъ были казаки: они даже присягнули этому самозванцу, но какъ онъ вскорѣ былъ схваченъ и убитъ, то сторонники его разсѣялись и начали примыкать къ народному ополченію. Казаковъ надобно было принуждать къ тому силою: буйство и распущенность ихъ въ это время были такъ велики, что они затѣяли заговоръ противъ самого князя Пожарскаго, такъ что онъ едва не погибъ отъ подосланнаго убійцы. Но Богъ спасъ его и съ нимъ вмѣстѣ всю Россію. Послѣ неудавшагося заговора, большая часть казаковъ съ своимъ начальникомъ Заруцкимъ, не желая соединяться съ нижегородскимъ ополченіемъ, оставили товарищей своихъ, продолжавшихъ осаду Поляковъ въ Кремлѣ, и ушли на югъ въ свои степи. Съ Пожарскимъ

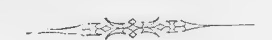
соединились только оставшіеся отряды ихъ подъ начальствомъ князя Трубецкаго, да и тѣ, въ самую рѣшительную минуту битвы ополченія съ польскимъ войскомъ, присланнымъ королемъ на помощь къ осажденнымъ, отказались отъ сраженія подъ предлогомъ, что не получили еще жалованья, и только по убѣжденію келаря Авраамія Палицына и по обѣщанію его заплатить имъ это жалованье изъ драгоцѣнностей лавры Сергіевской, они рѣшились опять вступить въ битву. Благодаря храбрости соединившагося войска, искусству князя Пожарскаго и удачному движенію Минина съ небольшимъ, но отборнымъ отрядомъ воиновъ, Русскіе одержали побѣду надъ польскимъ войскомъ и начальникъ его, гетманъ Хоткевичъ, не успѣвъ оказать помощи осажденнымъ Полякамъ, къ которымъ присланъ былъ, ушелъ въ Литву.

По уходѣ его оба начальника войска: князья Трубецкой и Пожарскій согласно управляли дѣлами, но Поляки въ Кремлѣ держались еще около трехъ мѣсяцевъ и принуждены были къ сдачѣ только ужаснѣйшимъ голодомъ 27 ноября 1612 года. Русскіе вошли уже въ очищенный отъ нихъ Кремль и торжествовали полную побѣду. Общая радость была однакоже вскорѣ нарушена извѣстіемъ, что самъ король Сигизмундъ идетъ съ войскомъ къ Москвѣ, но тревога, была напрасная: король, узнавъ, что Поляки уже сдались, воротился назадъ со всѣмъ своимъ войскомъ.

Наконецъ настало время заняться избраніемъ царя, съ которымъ кончилось бы страшное безначаліе. Разослали грамоты во всѣ города, чтобы пріѣзжали въ Москву люди выборные изъ всѣхъ сословій, честные и разумные, и прежде всего посовѣтовались бы они съ своими согражданами и съ духовенствомъ о царскомъ избраніи. Когда всѣ эти люди съѣхались въ Москву, наложенъ былъ на всѣхъ трехъ-дневный постъ, и потомъ уже начались собранія выборныхъ. Но, не смотря на все благочестіе, съ какимъ приступлено было къ этому важному дѣлу, не обошлось безъ споровъ. Только въ одномъ отношеніи были всѣ согласны: не выби-

рать изъ иностранцевъ, но непремѣнно изъ своихъ, русскихъ. Можетъ быть именно потому и были несогласія: каждому хотѣлось выбирать по своему разсужденію, а были и такія, которые сами желали быть выбранными. Вдругъ, неожиданно для всѣхъ кто-то произнесъ имя Михаила Θеодоровича Романова, еще за два года передъ тѣмъ произнесенное патріархомъ Гермогеномъ, и это имя, какъ бы какою-то чудесною силою, согласило всѣ партія. Положили, чтобы каждое сословіе подало на письмѣ свое мнѣніе, и, къ удивленію всѣхъ, всѣ эти мнѣнія снова остановились на одномъ человѣкѣ—на Михаилѣ Θеодоровичѣ. Наконецъ нѣсколько избранныхъ лицъ изъ духовенства и бояръ вышли на Красную площадь и съ Лобнаго мѣста спросили у народа: «кого онъ хочетъ въ цари?»—и весь народъ въ голосъ отвѣчалъ: «Михаила Θеодоровича Романова!»

Такъ единодушно всѣми сословіями избранъ былъ на русскій престолъ родоначальникъ дома Романовыхъ.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Отъ избранія Михаила Ѳеодоровича до Петра Великаго.

1613—1689 (76 лѣтъ).

I.

Михаилъ Ѳеодоровичъ и патріархъ Филаретъ.

Это избраніе совершилось 21 февраля 1613 года. Михаилъ Ѳеодоровичъ жилъ въ это время въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ вмѣстѣ съ матерью, монахинею Марѳою Ивановною. На земскомъ соборѣ рѣшено было отправить къ нему нѣсколько лицъ изъ высшаго духовенства и бояръ съ поднесеніемъ короны и просьбою прибыть въ Москву. Но прежде нежели посольство доѣхало до Костромы, молодой государь едва было не погибъ отъ рукъ убійцъ. Узнавъ объ избраніи его, Поляки, считая государемъ Московскимъ королевича своего Владислава, рѣшили погубить соперника его и для того отправили въ Кострому отрядъ Литовцевъ, которому поручено было отыскать мѣстопребываніе Михаила и умертвить его. Злодѣи, въ окрестностяхъ Костромы встрѣтили крестьянина села Домнина, принадлежавшаго Романовымъ, Ивана

Сусанина, и требовали, чтобы онъ указалъ имъ, гдѣ живетъ господинъ его. Но Сусанинъ, твердо вѣря, какъ вѣрилъ тогда каждый русскій человѣкъ, что безъ царя не выйти

Избраніе Михаила.

отечеству изъ бѣдственнаго положенія его, рѣшился пожертвовать собою для спасенія новаго государя и, вызвавшись проводить Поляковъ до жилища Михаила, завелъ ихъ въ

противную сторону, въ лѣсъ, и тамъ погибъ мученическою смертію подъ ударами ихъ.

Въ то самое время, когда вѣрный Сусанинъ умиралъ такимъ образомъ, посольство московское прибыло въ монастырь Ипатьевскій и сверхъ всякаго ожиданія встрѣтило въ матери избраннаго царя сопротивленіе отпустить сына на царство. Смиренная инокиня, не увлекаясь ожидавшимъ его величіемъ, говорила, что сынъ ея слишкомъ молодъ, что онъ не въ силахъ будетъ помочь государству, въ конецъ разоренному, что людямъ этого государства вѣрить нельзя, такъ какъ они измѣнили тремъ царямъ, ими же самими избраннымъ—Годунову, Лжедимитрію и Шуйскому. Кромѣ того Марѳа Ивановна боялась, что король Польскій, у котораго въ плѣну находился митрополитъ Филаретъ, будетъ мстить на отцѣ за избраніе сына. Послы отвѣчали, что три прежніе государя сами желали овладѣть престоломъ и сдѣлались царями не по выбору земли Русской, какъ Михаилъ, избранный всѣми городами и всѣми сословіями народа, что въ этомъ единодушіи выразилась воля Божія, которой грѣшно противиться, и что за это сопротивленіе можно подвергнуться отвѣту передъ Богомъ. Это послѣднее убѣжденіе сильнѣе всего подѣйствовало на благочестивую мать Михаила, и она согласилась благословить его на принятіе престола.

11-го іюля 1613 года было вѣнчаніе на царство молодаго царя. Невозможно описать, въ какомъ жалкомъ состояніи было все государство, принятое 16-ти лѣтнимъ юношею. Казна была разграблена до того, что правительство не могло давать жалованья войску, ни облегчить какими-либо льготами разоренный народъ. Непріятели, внѣшніе и внутренніе, довершали общее разореніе: Новгородомъ владѣли Шведы, Смоленскомъ—Поляки; въ Псковской области разъѣзжали наѣздники Лисовскаго; въ Астрахани, сидѣлъ вмѣстѣ съ Мариною атаманъ Заруцкій и объявилъ царемъ сына ея отъ Лжедимитрія II-го, а себя—правителемъ царства, и оттуда казацкія шайки, подвластныя ему и другія, не признававшія

надъ собою никакой власти, ходили по всему государству и грабили несчастныхъ жителей. Однимъ словомъ, положеніе русскихъ людей казалось вполнѣ безвыходнымъ, но твердо вѣря въ помощь Божію, они не унывали и съ этою всеоживляющею вѣрою принялись вмѣстѣ съ молодымъ царемъ за устройство разореннаго царства. Прежде всего надобно было усмирить Заруцкаго, дѣйствовавшаго именемъ ложнаго царя. Противъ него отправленъ былъ изъ Москвы съ войскомъ князь Одоевскій, но прежде нежели князь дошелъ до Астрахани, сами жители астраханскіе справились съ мнимымъ правителемъ и выгнали его изъ своего города. Онъ бѣжалъ на Уралъ, но здѣсь въ 1614 году пойманъ былъ вмѣстѣ съ Мариною и сыномъ ея стрѣльцами Одоевскаго. Марина умерла въ тюрьмѣ: сынъ ея и Заруцкій были казнены. Съ уничтоженіемъ дерзкаго атамана притихли и всѣ казацкія шайки, которыя сбирались уже было осаждать Москву. Главнымъ преслѣдователемъ и истребителемъ ихъ былъ князь Лыковъ.

Но не такъ легко было уничтожить шайки другихъ разорителей государства—наѣздниковъ Лисовскаго, хотя для преслѣдованія ихъ и назначенъ былъ знаменитый воевода, князь Пожарскій. Правда, что здоровье князя въ это время было уже такъ разстроено, что вскорѣ онъ принужденъ былъ совсѣмъ отказаться отъ начальства надъ войскомъ, и другіе воеводы продолжали преслѣдованіе разбойническихъ шаекъ, которыя не прежде какъ въ 1616 году выгнаны были за Литовскую границу, гдѣ вскорѣ потомъ, къ счастію русскихъ, Лисовскій умеръ.

Въ то самое время, когда происходили эти военныя дѣйствія, Московскій царь долженъ былъ вести переговоры о мирѣ съ Поляками и Шведами, къ первымъ подъ Смоленскъ посланы были полномочными царскими—князья: Иванъ Воротынскій и Алексѣй Сицкій. Съ польской стороны переговорщиками были: извѣстный уже русскимъ гетманъ Хоткевичъ, канцлеръ Сапега и панъ Гонсѣвскій. Посредникомъ былъ

австрійскій посолъ, славянинъ Ганделіусъ, но всѣ старанія его согласить враждующія стороны остались безуспѣшны. Правда, что эти старанія не были слишкомъ усердны для русской стороны, потому что разоренная Москва не могла уже посылать богатыхъ даровъ въ Вѣну, какъ было то прежде, когда нужно было для царей ея посредничество Австріи. Къ тому же Австрійскій дворъ былъ въ родствѣ съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ и потому неудивительно было, что Ганделіусъ при переговорахъ наблюдалъ болѣе польскія, а не русскія выгоды и поддерживалъ въ Сигизмундѣ его притязанія на корону московскую—притязанія, отъ которыхъ король еще не отказывался, не считая возможнымъ, чтобы молодой Михаилъ на-долго удержался на престолѣ. Такимъ образомъ посредничество Австріи не только не помогало примиренію, но можетъ быть даже отдаляло его. Но за то гораздо дружелюбнѣе къ Москвѣ расположены были нѣкоторыя другія государства, и именно: Турція, Персія, Голландія и Англія. Первая сама была недовольна Польшею за набѣги на турецкія владѣнія запорожскихъ казаковъ, и можетъ быть султанъ тогда же оказалъ бы большую помощь Москвѣ, если бы не донскіе казаки, которые такъ же, какъ и Запорожцы, нападали на земли, принадлежавшія Турціи. Султанъ досадовалъ за это на Московскаго государя и потому, хотя и обѣщалъ ему помощь противъ Поляковъ, но медлилъ отправленіемъ ея. Персія, напротивъ того, спѣшила показать свое усердіе Москвѣ: шахъ Аббасъ Великій по просьбѣ царя тотчасъ прислалъ ему серебра въ слиткахъ на 7000 рублей. Что же касается до Англіи и Голландіи, то хотя онѣ показывали много участія къ затруднительному положенію Москвы, но это участіе по большой части основано было на своекорыстныхъ видахъ: имъ хотѣлось получить право на безпошлинную торговлю по всему государству и позволеніе проходить Волгою въ Персію, а рѣкою Обью въ Индію. Для переговоровъ объ этомъ, то и другое государство присылали пословъ своихъ съ предложеніемъ посредничества для примиренія съ Шведами. Изъ

этихъ пословъ замѣчательнѣе и извѣстнѣе другихъ былъ Англичанинъ Джонъ Мерикъ. При его посредничествѣ заключенъ былъ въ февралѣ 1617 года въ селѣ Столбовѣ миръ, по которому Шведы, оставляя за собою Иванъ-городъ, Ямы, Копорье и Орѣшекъ, возвращали Русскимъ Новгородъ, Русу, Порховъ, Гдовъ и Ладогу. Условія этого мира могли бы быть еще выгоднѣе, если бы царь не спѣшилъ заключить его, чтобы приготовиться для встрѣчи врага, еще болѣе страшнаго, нежели Шведы. Это былъ королевичъ Владиславъ, который, называя себя царемъ Московскимъ, отправился въ походъ подъ самую Москву. По дорогѣ изъ Польши къ Москвѣ уже сдались ему нѣсколько городовъ русскихъ, но у Калуги онъ долженъ былъ остановиться: ее защищалъ князь Димитрій Михайловичь Пожарскій. Онъ не только не сдалъ Калуги, но и не допустилъ непріятеля идти далѣе. Владиславъ ровно годъ провелъ почти въ бездѣйствіи и только въ сентябрѣ 1618 года рѣшился идти прямо къ Москвѣ. Всѣ въ Москвѣ были въ страхѣ, но въ тоже время всѣ единодушно дали обѣтъ Богу «за православную вѣру и за государя стоять и съ врагами биться, не щадя головъ своихъ». И обѣтъ былъ сдержанъ: 1-го октября Поляки сдѣлали приступъ къ Москвѣ, но были отбиты, хотя съ войскомъ ихъ соединилось войско малороссійскаго гетмана Сагайдашняго, и отпоръ былъ такъ силенъ, что непріятели предложили начать переговоры о мирѣ. Уполномоченные обѣихъ сторонъ съѣхались въ окрестностяхъ лавры Троицко-Сергіевской, въ деревнѣ Деулиной и заключили перемиріе на 14 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ. Это перемиріе было очень невыгодно для Русскихъ, потому что они должны были уступить Польшѣ Смоленскъ и Сѣверскую землю; кромѣ того, Владиславъ не хотѣлъ отказываться отъ правъ своихъ на московскій престолъ, но положеніе государства было такъ стѣснительно, что по необходимости надобно было согласиться на условія Поляковъ. Единственною хорошею стороною Деулинскаго перемирія былъ размѣнъ плѣнныхъ; и

вслѣдствіе того—возвращеніе изъ Польши отца государева, митрополита Филарета.

Это возвращеніе принесло съ собою много пользы для государства: твердый и опытный Филаретъ, посвященный вскорѣ въ санъ патріарха, сдѣлался не только лучшимъ помощникомъ своего молодаго и мягкосердечнаго сына, но можно сказать вторымъ государемъ въ Москвѣ. Онъ былъ первымъ лицемъ въ семействѣ царскомъ и въ думѣ боярской: безъ его совѣта царь не начиналъ и не рѣшалъ никакого дѣла, даже не принималъ никакихъ пословъ. Всѣ грамоты писались отъ имени двухъ *великихъ государей Михаила Ѳеодоровича и отца его святѣйшаго патріарха Филарета Никитича*. И со времени этого двоевластія всѣ дѣла пошли лучше: всѣ дурные люди, недостойно пользовавшіеся добротою молодаго царя, были удалены отъ него, за что сторонники ихъ были очень недовольны строгостію Филарета; другіе же не знали, какъ благодарить патріарха за то, что онъ не даетъ воли временщикамъ и стоитъ за правду.

Одною изъ главныхъ заботъ обоихъ государей было: приведеніе въ порядокъ гусударственныхъ доходовъ, которые въ смутное время пришли въ совершенное разстройство. Многіе изъ жителей въ разоренныхъ городахъ и селахъ, чтобы не платить царскихъ податей, разбѣжались въ другіе города и скрывались тамъ у родственниковъ; изъ нихъ были даже такіе, которые отдавали себя въ запись боярамъ или монастырямъ, только бы не платить ничего въ казну. Воеводы и приказные люди вмѣсто того, чтобы останавливать такіе безпорядки, еще болѣе увеличивали ихъ своими несправедливостями и обидами людей невинныхъ. Чрезвычайно трудно было разбирать всю эту безурядицу и для того государи созвали земскій соборъ и на немъ рѣшили послать въ города *писцовъ* и *дозорщиковъ*, чтобы они по правдѣ и безъ взятокъ осмотрѣли и описали всѣ города, и чтобы знать какъ лучше помочь имъ, вызвали въ Москву изъ каждаго города по пяти человѣкъ: одного изъ духовенства, и по два

изъ дворянъ и посадскихъ людей. Къ числу причинъ разоренія купцовъ и упадка торговли эти люди указали на позволеніе, данное правительствомъ иностраннымъ купцамъ торговать по всѣмъ внутреннимъ городамъ государства, и просили взять назадъ это позволеніе. Вслѣдствіе такихъ указаній былъ отказъ посламъ англійскому, голландскому и французскому на просьбу ихъ о свободной торговлѣ съ Персіею по нашимъ рѣкамъ. Но какъ Русскіе не любили иностранныхъ купцовъ, подрывавшихъ торговлю ихъ, такъ напротивъ любили иностранныхъ ремесленниковъ и заводчиковъ, которые пріѣзжали въ Россію и отъ которыхъ народъ могъ научится многому. При царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ было въ Россіи много такихъ иностранцевъ. Одинъ изъ нихъ, голландскій купецъ Виніусъ, основалъ первый заводъ для литья пушекъ и ядеръ близъ Тулы; другой—Марселисъ устроилъ такіе же заводы по рѣкамъ Шекснѣ и Костромѣ. Вещи, изготовляемыя на этихъ первыхъ заводахъ, доказывали, что оружіе было тогда всего необходимѣе для государства, окруженнаго со всѣхъ сторонъ врагами. Вмѣстѣ съ оружіемъ надобны были и люди, которые умѣли бы помогать Русскимъ защищаться отъ враговъ ихъ, которые научили бы ихъ ратному дѣлу на европейскій ладъ. И вотъ нанято было нѣсколько отрядовъ чужестранныхъ войскъ. Въ первый разъ они были употреблены въ дѣло въ 1632 году, когда король Сигузмундъ умеръ и на мѣсто его избирательный сеймъ польскій еще не выбралъ никого. Русскіе, съ горестію смотрѣвшіе на оторванныя у нихъ области Смоленскую и Сѣверскую, поспѣшили воспользоваться междуцарствіемъ Поляковъ, и царь отправилъ войско подъ Смоленскъ. Въ этомъ-то войскѣ находились иноземные отряды, но не въ помощь для Русскихъ было ихъ присутствіе. Шеинъ, знаменитый воевода, еще прежде отличавшійся защитою Смоленска, былъ главнымъ начальникомъ войска, и сначала дѣло шло очень хорошо: болѣе двадцати городовъ уже возвращены были Русскими законному государю ихъ, но

когда войско дошло уже до Смоленска и начало осаду этого города, иностранные полковники заспорили между собою и противъ Русскихъ. Это, конечно, много мѣшало осадѣ, а между тѣмъ въ Польшѣ уже избранъ былъ королемъ сынъ Сигизмунда, Владиславъ, который, помня, что нѣкогда онъ избранъ былъ въ Москвѣ царемъ, пришелъ на помощь къ Полякамъ своимъ подъ Смоленскъ. Пользуясь несогласіемъ въ станѣ Русскихъ, онъ отогналъ ихъ отъ Смоленска, и Поляки въ свою очередь осадили ихъ. Вскорѣ къ несчастному несогласію между Русскими присоединились голодъ и необыкновенная смертность между людьми, такъ что Шеинъ принужденъ былъ вступить въ переговоры, которые кончились тѣмъ, что онъ оставилъ Полякамъ весь свой обозъ и артиллерію и кромѣ того долженъ былъ преклонить знамена передъ королемъ. Какъ скоро это извѣстіе дошло до Москвы, никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы такое пораженіе могло случиться безъ измѣны со стороны Шеина и нѣкоторыхъ изъ его товарищей, и они были казнены тотчасъ по возвращеніи своемъ въ Москву. Москва была погружена въ глубокое уныніе какъ по этому случаю, такъ и потому, что незадолго передъ этимъ временемъ, именно 1-го октября 1633 года, скончался патріархъ Филаретъ, и ближніе бояре опять входили въ большую силу у царя. Они-то, не любившіе Шеина за его высокомѣріе противъ нихъ, и были главными виновниками его казни. Къ довершенію тягостнаго положенія Москвы пришло извѣстіе, что король, не удовольствуясь своею побѣдою подъ Смоленскомъ, идетъ съ войскомъ въ Москву овладѣть простоломъ, который по его мнѣнію принадлежалъ ему. Однакоже, къ счастію Россіи, онъ потерпѣлъ такую неудачу у крѣпости Бѣлой, что отложилъ свое намѣреніе идти къ Москвѣ и самъ предложилъ миръ, заключенный при рѣкѣ Поляновкѣ 17-го мая 1634 года. Этотъ миръ основанъ былъ на тѣхъ же невыгодныхъ условіяхъ для Русскихъ, какъ и Деулинскій, но по крайней мѣрѣ теперь Владиславъ отказался навсегда отъ правъ своихъ на Москов-

скій престолъ, призналъ наконецъ Михаила царемъ и возвратилъ въ Москву тѣло умершаго въ Польшѣ царя Василія Ивановича Шуйскаго, которое, переставъ такимъ образомъ быть важнымъ трофеемъ для хвастливыхъ Поляковъ, было съ торжествомъ погребено въ Архангельскомъ Соборѣ.

Послѣ этого мира Михаилъ Ѳеодоровичъ царствовалъ еще 11 лѣтъ, но войны ни съ кѣмъ уже не было, за что Россія была обязана только миролюбивому характеру царя, потому что поводъ къ войнѣ съ сильною тогда Турціею былъ подъ-рукою у государя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Донскіе казаки вмѣстѣ съ Запорожцами не переставали раздражать султана своими нападеніями на его владѣнія близъ Чернаго моря и захватывать корабли турецкіе. Въ іюлѣ 1637 года они взяли даже важную турецкую крѣпость Азовъ при устьѣ Дона, и убили турецкаго посланника, ѣхавшаго въ Москву. Султанъ долго не могъ отмстить имъ, потому что былъ занятъ войною съ Персіею; наконецъ въ маѣ 1641 года онъ послалъ 200,000 войска подъ Азовъ, но казаки съ безпримѣрнымъ мужествомъ выдержали 24 приступа этого многочисленнаго войска, такъ что оно принуждено было снять осаду.

Казаки торжествовали, но положеніе этихъ геройскихъ побѣдителей было самое тяжкое: ни военныхъ запасовъ, ни пищи, ни одежды у нихъ не было. Посылая къ царю грамоту съ просьбою принять отъ нихъ Азовъ подъ его высокую руку, они писали: «Мы наги, босы и голодны». Царь не хотѣлъ рѣшить этого важнаго дѣла одинъ но созвалъ земскій соборъ, на которомъ спрашивалъ: принимать ли отъ казаковъ Азовъ, за который неминуемо начнется война съ Турками, и война трудная, требующая много войска и денегъ. Весь соборъ сознавалъ важность пріобрѣтенія такой крѣпости, которая могла защищать наши южныя границы отъ нападенія Турокъ, но въ тоже время нельзя было не чувствовать, что средствъ для поддержанія войны съ сильными Турками не было ни въ казнѣ царской, ни у народа.

Не смотря на то однако же, всѣ выборные люди объявили, что они готовы жертвовать своими головами для царя и православной вѣры. Но кроткій Михаилъ отклонилъ эти жертвы и послалъ къ казакамъ грамоту съ приказаніемъ оставить Азовъ. Казаки повиновались, но передъ выходомъ окончательно разорили городъ и всѣ укрѣпленія его.

Трудности и беспокойства разнаго рода, необходимо соединявшіяся съ управленіемъ государства, во всѣхъ частяхъ растроеннаго, не переставали тревожить Михаила Θеодоровича во все продолженіе его 32-хъ-лѣтняго царствованія. Главныя причины къ неудовольствіямъ подавали чаще всего Поляки: незадолго до кончины царя, случившейся въ іюлѣ 1645 года, въ Польшѣ опять заговорили о какомъ-то самозванцѣ, сынѣ одного умершаго шляхтича Лубы, котораго другой шляхтичъ, Бѣлинскій, выдавалъ за сына Лжедимитрія и Марины. Хотя эта новая попытка вовсе не удалась Полякамъ, но тѣмъ не менѣе она была предметомъ безпокойства для заботливаго государя въ послѣдніе два года его жизни и была подавлена только твердостію его и посла его, князя Львова, отправленнаго въ Польшу для переговоровъ объ этомъ дѣлѣ.

Но не смотря на всѣ затрудненія, представлявшіяся почти на каждомъ шагу Михаилу Θеодоровичу, онъ не оставлялъ безъ вниманія ни одной стороны государственнаго управленія. Напримѣръ въ его царствованіе отправляли охотниковъ селиться по пустыннымъ, но удобнымъ для земледѣлія берегамъ рѣки Лены въ Сибири; предоставлялись этимъ охотникамъ разныя льготы; давались имъ отъ казны лошади и земледѣльческія орудія, да и самыя владѣнія русскія увеличились тогда на 70,000 квадр. миль, благодаря казакамъ, которые, идучи все далѣе и далѣе по пустыннымъ рѣкамъ къ Восточному океану, покоряли своему государю встрѣчавшихся имъ дикарей, сбирали съ нихъ ясакъ или подать и многихъ изъ нихъ приводили въ христіанскую вѣру. Въ то время, когда Русское государство распространялось такимъ образомъ на

востокъ, въ Москвѣ чувствовали необходимость сближенія съ западомъ, и при царѣ же Михаилѣ выписывались изъ-за границы не только люди ратные, мастера и заводчики, но даже и ученые: въ 1639 году по приглашенію царя прибылъ въ Москву ученый Голштинецъ, астрономъ, географъ и геометръ Адамъ Олеарій. Этотъ ученый впослѣдствіи написалъ о Россіи временъ Михаиловыхъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ иностранныхъ сочиненій. Что же касается досочиненій русскихъ того времени, то они состояли только изъ разныхъ лѣтописей и сказаній, въ которыхъ описывалось смутное время. Замѣчательнѣе другихъ была лѣтопись, извѣстная подъ именемъ Филаретовой и еще Псковская лѣтопись. Кромѣ того къ царствованію же Михаила принадлежитъ сочиненіе знаменитаго келаря Авраамія Палицына подъ названіемъ: *Сказаніе объ осадѣ Троицко-Сергіева монастыря.*

II.

Царствованіе Алексѣя Михаиловича и Западная Русь.

Наслѣдникомъ престола послѣ кончины царя Михаила Θеодоровича былъ шестнадцати-лѣтній сынъ его, царевичъ Алексѣй. Государственный порядокъ, разрушенный въ смутное время и не поправившійся совершенно и во все продолженіе царствованія Михаила Θеодоровича, давалъ чувствовать свои недостатки и въ правленіе сына его. Къ этому неустройству въ царствованіе Алексѣя Михаиловича присоединялись еще частые мятежи народные въ разныхъ мѣстахъ государства. Главнымъ поводомъ къ нимъ было сначала вмѣшательство въ правленіе родственниковъ царскихъ. По древнему обычаю царь выбиралъ себѣ супругу не изъ принцессъ иностранныхъ, но изъ знатнѣйшихъ фамилій своихъ подданныхъ. Удостоившись такого неожиданнаго счастія, родъ избранной

царицы начиналъ высоко мечтать о себѣ и всегда болѣе или менѣе вмѣшивался въ дѣла правленія. Но это вмѣшательство ни при одномъ изъ государей не причинило столько зла какъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Мягкій по характеру, онъ, такъ же какъ и отецъ его, легко подвергался вліянію приближенныхъ своихъ и любилъ слѣдовать совѣтамъ ихъ. Прежде всѣхъ воспользовался этимъ расположеніемъ воспитатель его, бояринъ Морозовъ, человѣкъ образованный, но хитрый и предпочитавшій свои собственныя выгоды—пользѣ общественной. Не довольствуясь своею силою при дворѣ, онъ старался увеличить ее еще болѣе, сдѣлавшись ближайшимъ родственникомъ царя: государь въ 1648 году вступилъ въ бракъ съ дѣвицею Маріею Милославскою, дочерью небогатаго чиновника, и Морозовъ вскорѣ потомъ женился на сестрѣ молодой царицы, другой дочери Милославскаго, который, съ своей стороны, былъ человѣкъ гордый, своекорыстный и потому вовсе недостойный чести быть царскимъ тестемъ. Онъ тотчасъ воспользовался своимъ неожиданнымъ возвышеніемъ: помѣстилъ своихъ родственниковъ въ такія должности, гдѣ они могли наживаться всякими неправдами, а Морозовъ по родству такъ усердно защищалъ ихъ противъ всѣхъ жалобъ, поступавшихъ на нихъ, что, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы государя, народъ въ Москвѣ взбунтовался противъ несправедливостей царскихъ родственниковъ, и большая часть изъ нихъ погибла при этомъ случаѣ. Морозовъ спасся только тѣмъ, что государь отправилъ его въ Кириловъ Бѣлозерскій монастырь, и хотя чрезъ нѣсколько времени потомъ онъ возвращенъ былъ оттуда, но уже не занималъ мѣсто правителя, и такъ хорошо умѣлъ воспользоваться урокомъ, даннымъ ему народомъ, что сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Дурное управленіе чиновниковъ и взяточничество ихъ чувствовалъ народъ не въ одной Москвѣ; почти въ одно время съ московскимъ бунтомъ были по тѣмъ же причинамъ мятежи въ Устюгѣ и Сольвычегодскѣ, а спустя два года—въ Новгородѣ и

Псковѣ. Жители первыхъ двухъ городовъ, умертвивъ главныхъ чиновниковъ, которыми были недовольны, скоро усмирились, но въ Новгородѣ и Псковѣ мятежники дошли до такого неистовства, что не только не послушались увѣщаній уже славившагося тогда умомъ и благочестіемъ митрополита своего Никона, но даже безчеловѣчно избили его, и только тогда согласились выслушать его и покориться, когда къ Новгороду подошелъ отрядъ войска, посланнаго царемъ подъ начальствомъ боярина Хованскаго. И эту покорность принесли одни Новгородцы; Псковичи же рѣшились защищаться въ своемъ крѣпкомъ городѣ и противъ царскаго войска, и не прежде покорились царю и выдали главныхъ зачинщиковъ какъ было объявлено имъ всепрощеніе остальнымъ мятежникамъ. И это всепрощеніе вымолилъ у царя тотъ же самый митрополитъ Никонъ, такъ жестоко оскорбленный буйнымъ народомъ! Съ этого времени добрая слава о немъ распространилась еще болѣе. Царь Алексѣй Михайловичъ зналъ и уважалъ еще его прежде: въ 1646 году Никонъ, будучи еще простымъ инокомъ пустыннаго Анзерскаго монастыря на Бѣломъ морѣ, пріѣзжалъ въ Москву, гдѣ онъ прежде былъ священникомъ, и тогда еще славился примѣрною жизнію. Молодой государь, не смотря на свои лѣта, умѣвшій цѣнить такую славу, пожелалъ лично узнать его, и когда узналъ, не хотѣлъ уже отпустить его въ Анзерскую пустынь. Никонъ сдѣланъ былъ архимандритомъ Московскаго новоспасскаго монастыря, и съ этого времени начались его частыя дружескія бесѣды съ царемъ, во время которыхъ онъ сдѣлалъ много добра своимъ ходатайствомъ за бѣдныхъ или угнетенныхъ. Черезъ два года архимандритъ Никонъ былъ уже митрополитомъ въ Новгородѣ, а чрезъ нѣсколько времени послѣ усмиренія тамъ мятежей возведенъ въ санъ патріарха (1652 г.). Въ этомъ званіи онъ совершенно сблизился съ царемъ и сдѣлался первымъ совѣтникомъ его, а во время отлучекъ Алексѣя Михаиловича изъ Москвы—даже правителемъ всего государства. Ему позволено было даже называться въ грамотахъ такъ, какъ назывался

Филаретъ: «великимъ государемъ». При самомъ началѣ патріаршества Никона совѣты его были тѣмъ нужнѣе для государя, что предстояло рѣшить одно изъ важныхъ дѣлъ государственныхъ: въ 1653 году созванъ былъ земскій соборъ для обсужденія вопроса о соединеніи Малой Россіи съ Великою. Но прежде нежели мы узнаемъ исторію этого соединенія, надобно узнать о состояніи всей западной Россіи. Въ ней заключались слѣдующія области: *Бѣлая Русь* или древнія княжества наши—Полоцкое и Смоленское; *Малая Русь* или княжества: Кіевское, Черниговское и часть Сѣверскаго; *Волынь, Подолія* или земли, лежавшія по рѣкамъ Припети и Бугу, и *Червонная Русь* или Галиція. Мы знаемъ уже, что всѣ эти земли, составлявшія западную часть государства нашего, были отторгнуты отъ насъ Литвою во время татарскаго ига, тяготѣвшаго надъ нами, и что самая Литва, соединившись въ послѣдствіи съ Польшею, примкнула туда же и наши владѣнія. Но различіе вѣроисповѣданій—православнаго и римско-католическаго—соединенныхъ народовъ всегда препятствовало совершенному сліянію ихъ. Православные Русскіе только въ крайней необходимости покорялись власти католическихъ государей Польши, которые, какъ дурные правители, показали съ самаго начала свое нерасположеніе къ православію, а впослѣдствіи, призвавъ къ себѣ на помощь въ концѣ XVI-го вѣка іезуитовъ, начали открытое преслѣдованіе православныхъ подданныхъ своихъ. Не было насилій, не было жестокостей, какія бы не употребляли безсовѣстные священники и монахи іезуитскіе, чтобы унизить ненавистное для нихъ православіе, чтобы оторвать отъ него лучшихъ людей его. Они писали противъ него разсужденія, проповѣдывали въ церквахъ свое ложное ученіе, наконецъ учили въ школахъ дѣтей православныхъ католической вѣрѣ, и такимъ образомъ силою дѣлали католиковъ изъ русскихъ. И какъ все это казалось для нихъ еще мало, то они придумали новое средство вдругъ присоединять къ католичеству цѣлыя тысячи православныхъ: это было изобрѣтенное ими

новое вѣроисповѣданіе, подъ названіемъ *уніи*, въ которомъ православные съ подчиненіемъ папѣ, а слѣдовательно и съ принятіемъ католичества, могли оставаться при своихъ православныхъ обрядахъ и своемъ церковно-славянскомъ богослужебномъ языкѣ. Это была хитрая сѣть, разставленная польскимъ правительствомъ для увлеченія православныхъ, которые съ свойственною Русскимъ довѣрчивостію и попались въ нее. Имъ казалось, что съ сохраненіемъ своихъ православныхъ обрядовъ и роднаго языка они немного уступятъ католичеству, и потому были люди, которые довольно скоро соглашались на такое отступленіе, тѣмъ болѣе, что оно доставляло имъ много выгодъ, обѣщанныхъ польскимъ правительствомъ уніатамъ, и въ томъ числѣ главную: освобожденіе отъ униженія и гоненій, какимъ подвергались православные. Но такъ думало сначала только одно меньшинство: большинство же православныхъ горячо стало за свою вѣру, искало средствъ какъ бы защитить себя отъ утѣснителей, и вотъ гдѣ нашло ихъ: въ древнія времена устроены были почти во всѣхъ областяхъ русскихъ благотворительныя общества при церквахъ, подъ названіемъ *братствъ*. Первое начало ихъ было самое простое: прихожане, въ день праздника своей церкви, складывались и устроивали общій пиръ, на которомъ гостями были, вмѣстѣ съ богатыми людьми, и всѣ бѣдные и даже нищіе того прихода. Вѣроятно, поводомъ къ такому учрежденію была мысль объ общихъ трапезахъ первыхъ христіанъ. И братья или *братчики*, какъ называли ихъ въ иныхъ областяхъ, съ усердіемъ первыхъ христіанъ заботились о нуждахъ той нищей братіи, которую они имѣли случай узнавать на такихъ пирахъ. Въ городахъ восточной Россіи братства не сдѣлались учрежденіями особенно важными, потому что, кромѣ благотворительныхъ, не имѣли другихъ цѣлей; въ западной же Россіи они пріобрѣли большое значеніе со времени покоренія ея подъ чужеземную власть: въ нихъ братчики думали не объ одномъ пособіи бѣднымъ людямъ въ матеріальномъ отношеніи, но заботились также и о томъ, чтобы поддержать

упавшій духъ народа, чтобы предохранить православную вѣру отъ вліянія иновѣрцевъ, чтобы сохранить неприкосновенными и самые обычаи предковъ. Такимъ образомъ братства, составляясь изъ лучшихъ людей по своей нравственности, представляли православнымъ лучшее убѣжище и крѣпкую опору во время гоненія на нихъ католиковъ. Число членовъ ихъ возрастало все болѣе и болѣе; права и обязанности ихъ распространялись, совѣщанія дѣлались чаще, наблюденія за нравственностію братьевъ строже. Главнымъ изъ братствъ западной Россіи было Львовское, основанное въ 1586 году въ городѣ Червонной Руси Львовѣ *), при церкви Успенія Богоматери. Строители этой церкви, граждане львовскіе, были и основателями этого братства; благословеніе же на основаніе его было дано Антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ, который, соображаясь съ трудными обстоятельствами времени, далъ и болѣе строгія правила новому братству, и такія права, какихъ до того не имѣло никакое другое; напримѣръ Львовское братство могло обличать всѣхъ поступавшихъ противъ закона Христова, имѣть надзоръ надъ всѣми православными жителями Львова, даже надъ самимъ епископомъ своимъ; могло и отлучать отъ церкви недостойныхъ. Такія важныя права, предоставленныя обществу мірскихъ людей, доказывали, въ какой опасности находилась тогда православная церковь. Пользуясь ими, Львовское братство сдѣлало много для защиты ея: основало школу для дѣтей всякаго званія; типографію для печатанія славянскихъ и греческихъ книгъ, больницу и другія благотворительныя заведенія. Второе, столь же обширное правами и своими дѣйствіями братство было Виленское. Съ помощію этихъ вполнѣ христіанскихъ учрежденій, при покровительствѣ имъ восточныхъ патріарховъ и твердости въ вѣрѣ всего низшаго класса народа русскаго, православіе могло бы еще долго бороться съ угнѣтавшимъ его католичествомъ, но къ несчастію самолюбіе нѣкоторыхъ православныхъ еписко-

*) Нынѣшній городъ Лембергъ, въ Галиціи.

повъ было причиною успѣховъ враговъ ихъ. Недовольные тѣмъ унизительнымъ положеніемъ, въ которомъ находились они въ сравненіи съ епископами католическими, они, думая болѣе всего о своихъ собственныхъ выгодахъ и забывая святость вѣры своей, начали первые склоняться къ принятію уніи, и послѣ сильныхъ споровъ съ знатнѣйшими изъ православныхъ людей, епископы: Луцкій *Кириллъ Терлецкій* и Владиміро-Волынскій *Игнатій Потѣй*, переговоривъ прежде съ королемъ Сигизмундомъ III и получивъ отъ него обѣщаніе сравнять ихъ во всѣхъ правахъ съ епископами католическими, отправились въ 1595 году въ Римъ съ просьбою къ папѣ отъ имени Кіевскаго митрополита Михаила Рагозы и всѣхъ православныхъ епископовъ принять русскую церковь подъ его верховную власть.

Такой самовольный поступокъ двухъ епископовъ и склонившагося на убѣжденія ихъ стараго и слабаго митрополита взволновалъ всѣхъ православныхъ жителей древнихъ областей русскихъ. Между ними первое мѣсто занималъ князь Константинъ Острожскій, котораго историки того времени называли *столпомъ православія*. Онъ со многими другими православными депутатами отправился на сеймъ въ Варшаву съ жалобою на самовольное подчиненіе русской церкви—папѣ, и съ просьбою наказать за то Терлецкаго и Потѣя. Для рѣшенія этого дѣла созванъ былъ въ 1596 году соборъ въ Брестѣ, но покровительствуемые королемъ Рагоза, Потѣй и Терлецкій, объявившіе себя уніатами, вмѣстѣ съ другими соумышленниками, не послушались приказаній собора православныхъ и не явились на общее совѣщаніе. Такое невниманіе къ собору раздражило всѣхъ присутствовавшихъ въ немъ, и особенно предсѣдателя, присланнаго Константинопольскимъ патріархомъ, и онъ объявилъ митрополита и всѣхъ епископовъ-уніятовъ лишенными своего званія. Рагоза, съ своей стороны, тогда же предалъ проклятію все духовенство православное, не захотѣвшее принять уніи.

Съ этого несчастнаго времени церковь русская раздѣлилась

на православную и униятскую, и началось страшное гоненіе на всѣхъ принадлежавшихъ къ первой, какъ отъ католиковъ, такъ и отъ уніятовъ. Болѣе всѣхъ сословій терпѣло крестьянское, оставшееся болѣе другихъ вѣрнымъ православію. Помѣщики же, болѣе и болѣе увлекаясь примѣромъ отпавшихъ епископовъ и преимуществами, какими пользовались уніяты, во множествѣ присоединялись къ уніи, и, сдѣлавшись изъ русскихъ—польскими панами, безжалостно пользовались своими правами надъ крестьянами,—правами, которыя въ Польшѣ были такъ велики, что помѣщикъ могъ располагать даже жизнію своего *хлопа*. Отъ этого названія крестьянъ—*хлопами*, названа была и православная вѣра ихъ—*вѣрою хлопскою*. Чтобы дать понятіе, въ какомъ несчастномъ состояніи были тогда эти крестьяне, довольно сказать, что ополячившіеся помѣщики или паны ихъ отдавали свои имѣнія въ аренду евреямъ съ правомъ казнить смертію крестьянъ въ случаѣ какого-либо неповиновенія ихъ или неплатежа податей. Жиды, конечно, пользовались такимъ правомъ и такъ притѣсняли несчастливцевъ, отданныхъ въ ихъ руки, что они цѣлыми селеніями убѣгали къ малороссійскимъ казакамъ и въ московскія владѣнія. Такимъ образомъ эти притѣсненія, неслыханныя ни въ какомъ другомъ государствѣ, кромѣ Польскаго, положили первое основаніе къ освобожденію тогда же части угнѣтенныхъ, а въ послѣдствіи и всѣхъ областей русскихъ изъ-подъ чуждаго владычества.

Западные или малороссійскіе казаки, хотя находились также подъ верховною властію Польскаго короля, но составляли совсѣмъ отдѣльное общество, и были совершенно одного характера съ казаками восточными или московскими. Они были двухъ родовъ: городовые, называвшіеся по городамъ, въ которыхъ жили, напримѣръ черниговскіе, черкасскіе и проч., и Запорожцы, жившіе за днѣпровскими порогами въ укрѣпленномъ мѣстѣ, которое называлось *Сѣчью*. Запорожцы управлялись своимъ собственнымъ атаманомъ, подчинялись гораздо менѣе городовыхъ правительству польскому и устройствомъ

своего управленія болѣе другихъ подходили къ нашимъ донскимъ казакамъ, съ которыми они жили въ большой дружбѣ. Донскіе казаки дѣлали много смутъ и безпорядковъ въ Московскомъ государствѣ и своими нападеніями на Турецкія владѣнія ссорили царей съ султаномъ. Точно то же дѣлали малороссійскіе казаки въ Польшѣ, и своимъ своеволіемъ возбуждали противъ себя гнѣвъ королей, которые для усмиренія ихъ придумывали разныя стѣснительныя мѣры: напримѣръ требовали, чтобы число казаковъ было ограничено, чтобы старшины или атаманы ихъ были всѣ извѣстны правительству и безъ него не могли распоряжаться своими подчиненными. Но такая зависимость была вовсе не по нраву казакамъ, которые едва признавали надъ собой власть Польскаго короля, и потому новыя распоряженія его не только не усмирили ихъ, но произвели въ разныхъ мѣстахъ возстанія казаковъ. Эти возстанія вспыхнули еще сильнѣе, когда около того же времени съ учрежденіемъ уніи началось въ Польшѣ гоненіе за вѣру. Люди православные, обиженные и разоренные, спасаясь отъ преслѣдованій іезуитовъ, пановъ и жидовъ, бѣгствомъ къ казакамъ возбуждали сильнѣе негодованіе послѣднихъ противъ ненавистнаго правительства. Но какъ ни желали они помочь несчастнымъ братьямъ по вѣрѣ, какъ ни желали и себя избавить отъ стѣсненій, какія налагала на нихъ власть королевская, всѣ усилія ихъ были напрасны: вожди возстанія были безсильны противъ могущественныхъ и жестокихъ враговъ своихъ и почти всѣ погибали отъ руки палача, пока главою одного изъ возстаній не сдѣлался *Богданъ Хмельницкій*. Это былъ казацкій сотникъ изъ городовыхъ чигиринскихъ казаковъ, умный, образованный, давно отличавшійся своею храбростію и жестоко оскорбленный однимъ изъ польскихъ чиновниковъ. Спачала онъ искалъ правосудія на своего обидчика у польскаго сената и даже у короля Владислава, но, не найдя защиты ни у того, ни у другаго, рѣшился отмстить врагу своему безъ помощи ихъ. Для этого онъ отправился къ Запорожцамъ, нашелъ

тамъ цѣлое войско, готовое идти съ нимъ противъ Поляковъ, нашелъ также помощь и у Крымскаго хана, и съ этими соединенными отрядами и съ множествомъ людей недовольныхъ, убѣжавшихъ въ Запорожье изъ Малороссіи, одержалъ въ 1648 году первую славную побѣду надъ двумя польскими гетманами. Эта побѣда оживила духъ всего православнаго населенія въ Малороссіи: почти все оно возстало противъ утѣснителей своихъ—пановъ и католиковъ. Крестьяне вооруженными толпами, подъ названіемъ *гайдамаковъ*, шли противъ господъ своихъ и уничтожали домы ихъ и католическіе костелы. Разумѣется, Поляки платили имъ тѣмъ же, и страшная рѣзня происходила по всѣмъ областямъ русскимъ, захваченнымъ Польшею. Случившаяся въ то же время смерть короля Владислава какъ нельзя болѣе благопріятствовала внутреннимъ безпорядкамъ въ государствѣ, пользуясь которыми Хмельницкій, съ помощію Крымскаго хана, побѣдоносно дошелъ съ своими казаками до Львова и даже до крѣпости Замостье. Здѣсь получилъ онъ извѣстіе, что на сеймѣ выбранъ былъ королемъ братъ Владислава, Янъ Казиміръ. Новый король былъ дѣятельнѣе покойнаго: онъ принялъ самъ начальство надъ войскомъ и пошелъ противъ Хмельницкаго, но при мѣстечкѣ Зборовѣ попалъ въ большую опасность: Татары и казаки окружили его со всѣхъ сторонъ такъ, что онъ долженъ былъ вступить въ переговоры и въ это время умѣлъ переманить деньгами на свою сторону Крымскиго хана, который, измѣнивъ своему союзнику, согласился однакоже не иначе оставить его и возвратиться въ Крымъ, какъ взявъ съ короля обѣщаніе, что онъ проститъ казаковъ и не будетъ мстить Хмельницкому. Всѣ условія этого прощенія были очень выгодны для Хмельницкаго и казаковъ, кромѣ одного: чтобы число казацкаго войска не превышало 40,000 человѣкъ; всѣ же остальные казаки должны были возвратиться въ крестьянство, т. е. къ тѣмъ же самымъ помѣщикамъ, съ которыми только-что происходила у нихъ самая жестокая борьба. Исполнить это требованіе было невозможно для Хмельницкаго

потому что крестьяне, поступившіе въ казаки, никакъ не хотѣли возвратиться къ прежнимъ жестокимъ господамъ своимъ. Король Польскій также не исполнялъ тѣхъ обѣщаній, какія далъ въ Зборовѣ для улучшенія состоянія православныхъ подданныхъ его, и потому война опять началась. Крымскій ханъ опять пришелъ на помощь къ казакамъ, и опять измѣнивъ имъ, убѣжалъ и тѣмъ предалъ ихъ совершенно въ руки Поляковъ. Король, пользуясь своею побѣдою надъ ними при мѣстечкѣ «Бѣлая Церковь», предписалъ имъ еще худшія условія, нежели было при Зборовѣ: хотѣлъ, чтобы число казацкаго войска не превышало 20,000 чел., а отъ остальныхъ требовалъ возвращенія къ помѣщикамъ ихъ, на что, конечно, они не согласились, и иные продолжали возстаніе, а другіе переходили цѣлыми отрядами въ сосѣднія съ ними земли Московскаго государства. Хмельницкій не только не препятствовалъ этому переходу, но и самъ давно находилъ, что для родины его, Малороссіи, нѣтъ другаго средства къ спасенію отъ притѣсненій Польши и католичества, какъ покровительство православнаго государя Московскаго. Уже не одинъ разъ отправлялъ онъ пословъ къ царю Алексѣю Михаиловичу съ просьбою принять Малороссію подъ его высокую руку; но согласіе царя на такое принятіе повело бы къ новой войнѣ съ Польшею, съ которою незадолго до того заключенъ былъ миръ. Правда, что Поляки не вполнѣ исполняли условія этого мира и причинъ къ неудовольствію на нихъ Россіи было все еще много, но царь не желалъ легкомысленно нарушить спокойствіе государства, хотя и желалъ искренно помочь угнетенному народу малороссійскому, и потому послѣ начавшейся третьей войны Хмельницкаго съ Поляками и усильныхъ просьбъ его о помощи и присоединеніи Малороссіи къ царству Московскому, Алексѣй Михаиловичъ въ октябрѣ 1653 года созвалъ соборъ изъ всѣхъ чиновъ государства и предложилъ имъ разсудить о всѣхъ неправдахъ Польши противъ Малороссіи и противъ Москвы и о томъ, что султанъ Турецкій зоветъ казаковъ въ свое под-

данство, но они желаютъ лучше имѣть государемъ своимъ царя православнаго и давно уже просятъ его принять ихъ. Соборъ, подъ предсѣдательствомъ патріарха Никона, единодушно присудилъ, что надобно принять ихъ и объявить войну Полякамъ за притѣсненіе православной вѣры и неисполненіе всѣхъ условій мира съ Россіею. Послѣ этого рѣшенія отправлено было посольство въ одинъ изъ главныхъ городовъ казацкихъ—Переяславль, гдѣ по предложенію своего гетмана Хмельницкаго собралась общая казацкая рада или народное собраніе, которое и присягнуло на подданство Московскому царю 8-го января 1654 года. Тогда же московскіе чиновники отправились принимать присягу по всѣмъ полкамъ и городамъ казацкимъ. На обѣихъ сторонахъ Днѣпра народъ присягалъ охотно, потому что условія подданства были выгодны для него: число войска казацкаго назначалось въ 60,000 человѣкъ; Гетманъ выбирался самими казаками; права городовъ оставались тѣ же; правители городовъ назначались также изъ Малороссіянъ. Но вслѣдъ за присоединеніемъ къ Россіи этихъ издревле принадлежавшихъ ей мѣстъ началась и война съ Польшею.

Сначала присланы были на помощь къ Хмельницкому царскіе воеводы и съ ними онъ удачно шелъ по южнымъ границамъ Польши и взялъ уже городъ Люблинъ; въ маѣ же того же 1654 года вышелъ изъ Москвы и самъ царь съ войскомъ и отнялъ у Поляковъ не только Смоленскъ, но и Вильно, Гродно и Ковно. Въ тоже самое время напалъ на Польшу съ сѣвера и храбрый король Шведскій Карлъ X, и вскорѣ взялъ и самую Варшаву и Краковъ. Казалось, насталъ конецъ безпокойному государству Польскому, но его спасъ гнѣвъ царя Алексѣя Михаиловича на короля Шведскаго за то, что онъ, завладѣвъ большею частію Польши, задумалъ уже отнять у Русскихъ и Литву и началъ переговоры о томъ съ Хмельницкимъ. Алексѣй Михаиловичъ видѣлъ необходимость заключить миръ съ слабою Польшею, чтобы обратить свое оружіе противъ сильной Швеціи. Къ тому же Австрійскій импе

раторъ Фердинандъ III прислалъ къ нему пословъ съ просьбою о пощадѣ Польши и съ увѣреніями, что Поляки по смерти бездѣтнаго короля своего Казиміра изберутъ на престолъ свой Московскаго царя, что́ дѣйствительно и подтверждено было при заключеніи мира въ 1656 году. Бѣлая и Малая Россія остались по мирному договору за Москвою.

Война съ Швеціею началась въ томъ же 1656 году и продолжалась пять лѣтъ съ перемѣннымъ счастіемъ. Сначала царь, принимавшій личное участіе и въ этой войнѣ, отнялъ у Шведовъ нѣсколько городовъ въ Ливоніи, заключавшей въ себѣ единственный, давно-желанный Москвою путь къ берегамъ Балтійскаго моря; но Шведы, имѣя лучше-устроенное войско, возвращали назадъ отнятые Русскими города, и долѣе другихъ оставался во владѣніи царя одинъ Дерптъ или нашъ древній Юрьевъ, но и тотъ возвращенъ былъ Швеціи при заключеніи мира въ 1661 году въ Кардисѣ. Къ такимъ уступкамъ и къ заключенію этого невыгоднаго мира царь принужденъ былъ возобновившеюся войною съ Поляками, которые, оправившись послѣ войны съ Шведами, начали думать о возвращеніи того, что́ было взято у нихъ Московскимъ царемъ, и заводить смуты въ Малороссіи, гдѣ и безъ того было много безпорядковъ за гетманское достоинство. Въ 1657 году умеръ Хмельницкій и, не смотря на то, что послѣ смерти его казаки выбрали гетманомъ сына его Юрія, генеральный писарь Выговскій, родомъ Полякъ, завладѣлъ силою этимъ достоинствомъ и тайно уговорился съ Польшею возвратить ей Малороссію. Но Запорожцы и большая часть другихъ казаковъ не хотѣли Выговскаго, какъ Поляка, и дали знать въ Москву объ измѣнѣ его. Къ нимъ послана была помощь, но Выговскій успѣлъ уже склонить на свою сторону многихъ старшинъ и съ помощію Крымскаго хана началъ открытую войну съ казаками оставшимися вѣрными Москвѣ. Къ счастію Малороссіи, Крымскій ханъ не долго оставался его союзникомъ, и когда онъ ушелъ въ Крымъ, Выговскій бѣжалъ въ Польшу. Поляки, однакоже, не переставали дѣйствовать про-

тивъ Москвы и при другихъ гетманахъ, быстро смѣнявшихся. Гетманъ Тетеря, избранный послѣ Юрія Хмельницкаго, постригшагося въ монахи, даже присягнулъ королю Польскому, но смѣнившій его Брюховецкій, вмѣстѣ съ московскимъ воеводою княземъ Ромодановскимъ, удачно воевали съ королемъ Казиміромъ, который едва было не забралъ въ свои руки всей Малороссіи. Успѣхи его въ войнѣ съ Русскими и въ Литвѣ заставили Алексѣя Михаиловича въ 1667 году заключить перемиріе на 13 лѣтъ въ деревнѣ Андрусовѣ. По этому перемирію Вильно, Гродно и Ковно, взятые царемъ, снова возвращены Польшѣ, но Смоленскъ, Кіевъ и Малороссія по лѣвому берегу Днѣпра остались за Москвою.

Но царю Алексѣю Михаиловичу не суждено было наслаждаться спокойствіемъ. Едва съ заключеніемъ мира утихла борьба на западныхъ окраинахъ государства, какъ уже начиналась новая на юго-восточныхъ, гдѣ болѣе и болѣе распространялось казачество, буйное до дерзости. Мы знаемъ уже, какъ разоряли казаки государство въ смутное время его. Главные изъ нихъ, управлявшіе дѣйствіями другихъ, были—донскіе. Хотя они и признавали надъ собою власть Москвы и дали царю Михаилу Ѳеодоровичу обѣщаніе прекратить свои разбои, но въ дѣйствительности они мало думали объ исполненіи своихъ обѣщаній, и самые смѣлые изъ нихъ всегда имѣли возможность набрать шайку удальцовъ, которая готова была идти зе атаманомъ своимъ на всякое зло, если только оно могло принести имъ какую-либо выгоду. Конечно, такіе негодяи выбирались изъ бѣднѣйшихъ казаковъ, которые и назывались *голью* или *голутвенными*, въ отличіе отъ другихъ, зажиточныхъ или *домовитыхъ*. Они состояли по большей части изъ холопей, крестьянъ и мѣщанъ, бѣжавшихъ съ родины отъ притѣсненій или отъ наказаній за преступленія, и потому, не имѣя ни денегъ, ни осѣдлости, они всегда готовы были пріобрѣтать себѣ то и другое всякими неправдами. Къ такимъ низкимъ чувствамъ присоединялось еще у многихъ желаніе отмстить родинѣ за все претерпѣнное въ

ней. Можетъ быть эти жалкіе бѣглецы не дошли бы до такого отчаяннаго состоянія, если бы зажиточные казаки, принимая ихъ въ среду свою, показали болѣе участія къ ихъ положенію и дали бы имъ какія-либо средства къ снисканію пропитанія; но не получивъ ничего, кромѣ званія *вольнаго казака*, бѣдняки, конечно, не могли имѣть другаго способа разбогатѣть, какъ приняться за грабежъ. Имъ недоставало только предводителя, который умѣлъ бы собрать ихъ въ одну толпу и вести ихъ на борьбу съ государствомъ. И вотъ въ 1667 году онъ нашелся. Это былъ простой донской казакъ *Степанъ Разинъ*, извѣстный до сихъ поръ въ народѣ подъ именемъ *Стеньки Разина*. Имѣя всѣ необходимыя качества, чтобы сдѣлаться атаманомъ разбойниковъ, Разинъ носилъ еще въ душѣ желаніе мести Московскому правительству за смерть брата, казненнаго во время войны съ Польшею однимъ изъ воеводъ московскихъ, и потому неудивительно, что онъ пришелся по душѣ голутвеннымъ казакамъ и въ короткое время довелъ мятежъ ихъ до страшныхъ размѣровъ. Сначала они грабили суда по Волгѣ и, захватывая въ свою власть селенія по берегамъ ея, поднимали крестьянъ противъ помѣщиковъ. Увеличивая во время такого похода шайку свою не только сотнями, но и тысячами новыхъ разбойниковъ, Разинъ въ слѣдующемъ 1668 году пустился уже по Каспійскому морю грабить берега Персіи и въ 1670—возвратился съ награбленными богатствами опять на Волгу и взялъ даже Астрахань, потомъ Самару и Саратовъ. Во всѣхъ захваченныхъ городахъ онъ имѣлъ цѣлію привлекать на свою сторону чернь и губить людей высшихъ сословій. И въ этомъ Разинъ успѣвалъ какъ нельзя лучше тѣмъ, что обѣщалъ устроить вездѣ вольное казацкое правленіе, и уже завелъ во многихъ мѣстахъ казацкую раду или прежнее вѣче. Такимъ образомъ воровской замыселъ горсти бѣдняковъ обратился въ народный мятежъ на всемъ приволжскомъ пространствѣ. Къ нему пристали и инородцы, жившіе по сосѣдству тѣхъ мѣстъ: Черемисы, Чуваши, Мордва и Татары. Страшный атаманъ подходилъ уже

къ Симбирску, но тутъ и остановленъ былъ царскими воеводами: Милославскимъ и княземъ Барятинскимъ, у которыхъ часть войска знала уже нѣсколько европейскій строй. Разбитый на голову, Разинъ бросилъ всѣхъ своихъ союзниковъ и съ одними казаками убѣжалъ ночью внизъ по Волгѣ, думая найти помощь въ захваченныхъ имъ городахъ, но съ первою же побѣдою надъ нимъ царскаго войска вся чудесная власть его надъ народомъ исчезла: его не впустили уже ни въ Саратовъ, ни въ Самару, а когда онъ бросился на Донъ, думая склонить донскихъ казаковъ, то главный тамошній атаманъ Яковлевъ схватилъ его и отослалъ въ Москву, гдѣ и казнили его 6-го іюня 1671 года. Число людей, погибшихъ при этомъ дерзкомъ мятежникѣ, простиралось, какъ говорили тогда, до 100,000 человѣкъ.

Алексѣй Михаиловичъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія этого тяжкаго государственнаго бѣдствія, чтобы обратить свои военныя силы на усмиреніе новаго мятежа, продолжавшагося уже нѣсколько лѣтъ на сѣверѣ владѣній его, и именно въ монастырѣ Соловецкомъ. Это былъ мятежъ раскольниковъ или старовѣровъ, впервые появившихся въ то время въ Россіи. Вотъ происхожденіе ихъ: давно извѣстно было, что въ богослужебныя книги, существовавшія прежде въ однихъ рукописяхъ, вкралось отъ необразованности и небрежности переписчиковъ много ошибокъ, которыя потому при началѣ книгопечатанія въ Москвѣ при Іоаннѣ IV вошли и въ печатныя книги. Эти ошибки, хотя касались одной внѣшности или буквы закона, сдѣлались однакоже предметомъ спора для людей, непонимавшихъ сущности дѣла и державшихся именно за эту одну внѣшность. Наприм. въ этихъ книгахъ имя *Іисусъ* печаталось *Ісусъ*; при крестномъ знаменіи предписывалось складывать не три, по два пальца; запрещалось брить бороды и усы, ѣздить съ дышломъ и пр. Люди невѣжественные не признавали эти ошибки—ошибками, и твердо защищали ихъ противъ тѣхъ, кто желалъ исправить ихъ. Знаменитый келарь Діонисій, которому пер-

вому поручено было это исправленіе книгъ, пострадалъ за него такъ, что не смотря на всѣ свои заслуги отечеству въ несчастное время смутъ и междуцарствія, заключенъ былъ въ темницу. 1654 году царь Алексѣй Михаиловичъ поручилъ это исправленіе патріарху Никону, пользовавшемуся въ то время неограниченною властію, какъ другъ и первый совѣтникъ государя. Одаренный яснымъ умомъ и непреклонною волею, онъ вѣроятно совершилъ бы благополучно это трудное дѣло, но, къ несчастію, съ умомъ своимъ онъ соединялъ необыкновенное властолюбіе и чрезвычайно вспыльчивый нравъ. Эти недостатки доставляли ему много враговъ, которыхъ онъ презиралъ, хотя въ числѣ ихъ вскорѣ считались и ближайшіе родственники царскіе: Милославскіе и Стрѣшневы. Вліяніе ихъ не могло не дѣйствовать на самого царя, а Никонъ между тѣмъ считалъ униженіемъ оправдываться въ клеветахъ взводимыхъ на него, и ожидалъ, что царь самъ оправдаетъ его и заставитъ молчать клеветниковъ. Но царь ничего не говорилъ и видимо отклонялся отъ свиданій съ патріархомъ. Замѣтивъ это, Никонъ пришелъ въ такое раздраженіе, что самовольно отказался отъ патріаршества въ 1658 году, надѣлъ на себя простое монашеское платье и просилъ царя письмомъ назначить ему келлію для жительства. Царь предоставилъ ему самому этотъ выборъ, и Никонъ отправился въ построенный имъ Воскресенскій монастырь, извѣстный подъ названіемъ Новаго Іерусалима. Въ такой явной ссорѣ прошло нѣсколько лѣтъ. Добрый государь, помня прежнія заслуги Никона, медлилъ дѣйствовать рѣшительно противъ него; патріархъ же, хотя и желалъ примиренія, но не иначе, какъ чтобы первый шагъ сдѣланъ былъ царемъ, отъ чего враги его всегда останавливали царя; между тѣмъ церковь оставалась безъ патріарха, и въ то время произошли въ ней первые безпорядки по случаю новыхъ богослужебныхъ книгъ, напечатанныхъ по исправленіямъ Никона. Многіе изъ духовенства по невѣжеству своему считали эти книги богопротивными и, пользуясь немилостію патріар-

ха при дворѣ и его невмѣшательствомъ въ дѣла церковныя, явно не принимали ихъ и употребляли старыя, отчего и получили названія *старовѣровъ*, *старообрядцевъ*, *раскольниковъ*. Сопротивленіе ихъ въ этомъ случаѣ правительству разославшему новыя книги по всѣмъ церквамъ и монастырямъ, получило новую силу, когда государь рѣшился наконецъ для окончанія дѣла съ Никономъ созвать духовный соборъ и вызвать для того въ Москву двухъ восточныхъ патріарховъ, которые, предсѣдательствуя въ этомъ совѣтѣ, осудили Никона на лишеніе сана патріарха и сослали его въ Бѣлозерскій Ѳерапонтовъ монастырь. Въ то-же время всѣ исправленія, сдѣланныя Никономъ въ богослужебныхъ книгахъ, были одобрены соборомъ и окончательно велѣно было ввести ихъ въ употребленіе. Но раскольники не обратили вниманія на это подтвержденіе достоинства ихъ, и, опираясь на то, что самъ исправитель книгъ найденъ былъ недостойнымъ патріаршескаго сана, начали еще упрямѣе защищать свои отсталыя понятія. Монахи и священники во многихъ мѣстахъ втайнѣ продолжали служить по старымъ книгамъ, а въ Соловецкомъ монастырѣ монахи, пользуясь своею отдаленностію отъ Москвы, явно отказались принять новыя книги и склонили на свою сторону и мірянъ, и даже ратныхъ людей, которые составляли стражу монастыря, такъ что всѣ они называли не только новыя книги *еретическими*, но и самого государя *еретикомъ* и отказались повиноваться ему. Въ 1668 году отправлено было противъ нихъ войско, но оно было немногочисленно, потому что въ это время былъ въ самомъ разгарѣ бунтъ Разина. Мятежники соловецкіе не испугались осады и, благодаря крѣпкимъ стѣнамъ монастырскимъ, держались въ нихъ нѣсколько лѣтъ и тогда, когда по усмиреніи Разина отправленное на нихъ войско было увеличено, и не прежде какъ въ январѣ 1676 года монастырь взятъ былъ приступомъ и всѣ главные мятежники перевѣшены.

Въ томъ-же январѣ 1676 года скончался и царь Алексѣй Михаиловичъ, не имѣя еще и 47 лѣтъ отъ рожденія.

И въ послѣдніе годы жизни своей онъ не насладился совершеннымъ спокойствіемъ: кромѣ новыхъ безпорядковъ на сѣверѣ, причиненныхъ раскольниками, продолжались старые — на югѣ, въ Малороссіи. Поляки на западной сторонѣ Днѣпра начали опять прельщать казаковъ на лѣвой—разными вольностями и льготами, какія предоставилъ бы имъ король Польскій, если-бы они отложились отъ Москвы. Казаки, болѣе всего любившіе волю, и готовы были бы увлечься этими невѣрными обѣщаніями, но мѣщане и весь народъ, часто притѣсняемые казаками, не хотѣли и слышать о такой перемѣнѣ: они считали себя гораздо счастливѣе подъ рукою Московскаго царя. Вслѣдствіе такихъ разногласій начались у нихъ внутренніе споры, которыми пользовались гетманы обѣихъ сторонъ, и безпорядки дошли до того, что со смертію короля Яна Казиміра, гетманъ Польской стороны Днѣпра, Дорошенко, просилъ покровительства Турецкаго султана и даже присягнулъ ему со всѣми своими казаками. Султанъ Магометъ IV, обрадовавшись такому новому пріобрѣтенію, явился въ 1672 году самъ въ Украйну и уже объявилъ свои требованія не на одну польскую часть ея, но и на ту, которая принадлежала Москвѣ. Союзникомъ его, кромѣ Дорошенки, явился и Крымскій ханъ, и вотъ они общими усиліями взяли уже лучшій городъ на польской сторонѣ—Каменецъ. Весной они сбирались уже идти на Кіевъ. Для предупрежденія такого бѣдствія царь созвалъ соборъ, на которомъ рѣшено было воевать съ султаномъ, и Алексѣй Михайловичъ тогда же объявилъ, что онъ самъ поведетъ войско; но избранный послѣ Казиміра король Михаилъ Вишневецкій уже заключилъ постыдный миръ съ султаномъ, отдавъ ему казаковъ и Каменецъ и обязавшись платить ему ежегодную дань. Султанъ, довольный своими успѣхами, ушелъ, но какъ сеймъ не соглашался на такой унизительный миръ, то война продолжалась, а между тѣмъ король Михаилъ умеръ, и на мѣсто его одна партія Поляковъ избирала короннаго гетмана Яна Собѣскаго, отличавшагося своею храбростію въ войнѣ съ Турками; другая

же предложила корону сыну царя Алексѣя Михаиловича, Өеодору. Но это избраніе не могло утвердиться всѣми, потому что Поляки не хотѣли имѣть короля не католика, и Собѣскій признанъ былъ королемъ. Султанъ, желая воспользоваться безпорядками, какіе всегда были у Поляковъ при избраніи новаго государя, снова пришелъ въ Украйну и снова опустошилъ западную сторону ея. Восточная же опять уцѣлѣла и по уходѣ султана московскія войска, перейдя на другую сторону Днѣпра, можетъ быть приняли бы подъ руку царя и эту несчастную разоренную землю, но въ это время Алексѣй Михаиловичъ скончался. Наслѣдникомъ его еще за два года передъ тѣмъ, объявленъ былъ старшій сынъ его, царевичъ Өеодоръ. Кромѣ него у покойнаго царя оставался еще сынъ отъ первой же супруги его (Милославской) Іоаннъ, и пять дочерей, и отъ второй супруги (Нарышкиной) маленькій четырехъ-лѣтній царевичъ Петръ.

III.

Дѣти Алексѣя Михаиловича.

Умный и дѣятельный царь Алексѣй Михаиловичъ глубоко чувствовалъ необходимость просвѣщенія для подданныхъ своихъ, но войны и мятежи, почти не прекращавшіеся въ государствѣ его во все продолженіе его царствованіе, мѣшали дѣятельности его въ этомъ отношеніи, да и самое отдаленіе Россіи отъ источника просвѣщенія—Европы, благодаря Нѣмцамъ и Полякамъ, захватившимъ наши западныя окраины представляло непреодолимое препятствіе къ сближенію со всѣмъ тѣмъ, что вело къ просвѣщенію. Кромѣ того, страхъ повредить чѣмъ-либо чистотѣ православной вѣры, выше всего чтимой нашими предками, заставлялъ царя и лучшихъ людей, приближенныхъ къ нему, быть очень разборчивыми въ томъ отношеніи, отъ кого принимать просвѣщеніе, и потому съ первыми попытками къ образованности обратились

не къ иновѣрнымъ иностранцамъ, а къ православной западной Руси, гдѣ, благодаря дѣятельности братствъ въ борьбѣ съ ученымъ католичествомъ, уже были школы для образованія православнаго духовенства. Первый ученый, вызванный оттуда ко двору Московскаго царя, былъ Бѣлоруссъ, Симеонъ Полоцкій. Ему поручилъ Алексѣй Михайловичъ воспитаніе сыновей своихъ. Симеонъ Полоцкій много самъ писалъ и переводилъ и особенно любилъ переводить стихами или виршами нравственныя правила и изрѣченія, выбираемыя изъ иностранныхъ писателей древнихъ и новыхъ, вѣроятно для того, чтобы они пріятнѣе читались и легче затверживались наизустъ учениками его. Старшій царевичъ, Алексѣй скончался въ шестнадцати-лѣтнемъ возрастѣ; младшій, Іоаннъ, былъ такого болѣзненнаго сложенія, что не могъ много пользоваться уроками Полоцкаго, но средній Ѳеодоръ, наслѣдовавшій престолъ, хотя также былъ слабъ здоровьемъ, но много учился и, кромѣ латинскаго языка, зналъ еще и польскій, который началъ входить въ употребленіе между Русскими съ тѣхъ поръ, какъ Малороссія присоединились къ Россіи. Примѣру двора слѣдовали и приближенные государя и многіе изъ нихъ также начали учить сыновей своихъ иностраннымъ языкамъ. Въ то время и также по примѣру царя вводились въ домашнюю жизнь Русскихъ и многія другія новости, напримѣръ: дочери Алексѣя Михаиловича не были уже такими затворницами, какъ прежнія царевны: онѣ пользовались лучшимъ воспитаніемъ, гораздо бо́льшею свободою, могли много читать и выходить изъ своихъ комнатъ, когда у царя собиралось общество образованныхъ людей. Такъ начали дѣлать и нѣкоторые вельможи: жены и дочери ихъ не скрывались уже въ теремахъ своихъ, но вмѣстѣ съ отцами и мужьями принимали гостей. Въ отношеніи этого стремленія къ образованности и къ принятію европейскихъ обычаевъ особенно замѣчательны были изъ вельможъ Алексѣя Михаиловича—Аѳонасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ и Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Нащокину

поручены были всѣ дѣла по сношеніямъ съ иностранными государствами. Онъ сдѣлалъ много улучшеній по своему вѣдомству: доставилъ много выгодъ русскому купечеству по торговлѣ съ Персіею; завелъ было флотъ для этой торговли на Каспійскомъ морѣ, но къ сожаленію первый русскій корабль «Орелъ», построенный для того на рѣкѣ Окѣ и уже дошедшей по Волгѣ до Астрахани, былъ тамъ сожженъ Разинымъ. Сношенія наши съ иностранными государствами были тогда еще въ самомъ жалкомъ устройствѣ: о томъ, что дѣлается за-границей, узнавали только отъ пословъ и гонцовъ, которые, возвратившись въ Москву, разсказывали о видѣнномъ и слышанномъ ими. Нащокинъ завелъ почту для заграничной переписки и первую, еще рукописную, газету, въ которую переводились изъ иностранныхъ газетъ извѣстія о происшествіяхъ въ Европѣ. Эта газета называлась *курантами*. Очевидная польза этихъ нововведеній не была однакоже понимаема большею частію бояръ, приверженцевъ старины, и потому Нащокинъ, не смотря на всѣ свои достоинства и государственныя заслуги, не былъ любимъ ими, и даже терпѣлъ много непріятностей отъ наговоровъ на него царю, тѣмъ болѣе, что защитниковъ между вельможами у него, какъ у человѣка незнатнаго родомъ, не было. Такая же участь была и Артамона Сергѣевича Матвѣева, который по выходѣ Нащокина въ отставку завѣдывалъ сношеніями съ иностранными государствами и былъ также неважнаго происхожденія, что всегда считалось большимъ недостаткомъ въ глазахъ старинныхъ бояръ русскихъ. Но не такъ думалъ царь Алексѣй Михаиловичъ: умѣя отличать истинное достоинство человѣка, онъ еще въ молодыхъ лѣтахъ приблизилъ къ себѣ Матвѣева и пользовался совѣтами его во всѣхъ важныхъ событіяхъ своего царствованія. Домъ его, устроенный во всемъ по-европейски, удостоивался часто царскихъ посѣщеній, на что съ удивленіемъ и завистію смотрѣли всѣ вельможи, потому что до того времени цари русскіе никогда не бывали въ гостяхъ у своихъ подданныхъ. Здѣсь-то, въ

этомъ домѣ Матвѣева, рѣзко отличавшемся отъ домовъ другихъ знатныхъ бояръ, воспитывалась дочь бѣднаго дворянина, Наталія Кирилловна Нарышкина, сдѣлавшаяся въ 1671 году супругою царя Алексѣя Михаиловича. Это неожиданное никѣмъ счастіе воспитанницы Матвѣева, сблизивъ еще болѣе царя съ воспитателемъ ея, увеличило еще болѣе число его завистниковъ, которые и погубили его вскорѣ послѣ кончины Алексѣя Михаиловича.

Новый государь имѣлъ не болѣе 15-ти лѣтъ отъ роду и былъ слабаго здоровья, слѣдовательно правленіе государствомъ должно было находиться въ рукахъ близкихъ къ нему людей, и такими были родственники его по матери, Милославскіе. Давно съ ненавистью смотря на Матвѣева, они воспользовались первыми днями своего вліянія при дворѣ, чтобы очернить его въ глазахъ государя: этотъ образованнѣйшій человѣкъ того времени былъ обвиненъ въ чернокнижіи и сосланъ сперва въ Казань, а потомъ въ Пустозерскъ. Отнявъ у него всѣ имѣнія и всѣ чины его, не дали ему даже приличнаго содержанія, такъ что въ такомъ краю, какъ Пустозерскъ, онъ и сынъ его, сосланный вмѣстѣ съ нимъ, нуждались даже въ обуви. Горька была въ это время участь и царицы Наталіи Кирилловны, не смотря на то, что царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ былъ очень добръ и любилъ маленькаго брата своего, царевича Петра. Чувствуя слабость собственнаго здоровья и видя совершенную неспособность къ правленію роднаго брата своего, Іоанна, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, казалось, смотрѣлъ уже на Петра, какъ на своего наслѣдника и потому особенно заботился о немъ; но эта самая заботливость усиливала ненависть къ Петру и матери его—всѣхъ приближенныхъ царя Ѳеодора, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ бояринъ Языковъ, человѣкъ жестокой, но, благодаря хитрому нраву своему, успѣвшій овладѣть полною довѣренностью царя. Подъ предлогомъ то болѣзненныхъ припадковъ Ѳеодора, то важныхъ государственныхъ дѣлъ, которыми надобно было заниматься ему, Языковъ умѣлъ распоряжаться

такъ, что, не смотря на все доброе расположенiе царя къ мачихѣ и брату, они всетаки жили въ нѣкоторомъ отдаленiи отъ двора. Вѣроятно это не продолжилось бы слишкомъ долго и Ѳеодоръ Алексѣевичъ узналъ бы, какъ недостойно пользовался Языковъ довѣренностiю его, но онъ царствовалъ не болѣе шести лѣтъ и во все его время, не смотря на свою болѣзненность, такъ заботливо занимался дѣлами государственными, что не могъ обращать особеннаго вниманiя на дѣла семейныя. И благодаря этой заботливости государя, много улучшенiй сдѣлано было въ это кратковременное царствованiе. Главнымъ изъ нихъ было уничтоженiе *мѣстничества.* Мѣстничествомъ назывался обычай бояръ считаться между собою знатностiю рода. Подавая поводъ къ большимъ спорамъ и въ мирное время, этотъ обычай былъ тѣмъ болѣе вреденъ въ военное, когда этотъ странный споръ возникалъ между воеводами, и случалось, что младшiй изъ нихъ не хотѣлъ исполнить приказанiй старшаго потому только, что предки этого младшаго были важнѣе родомъ предковъ старшаго. Непрiятелю удобно было пользоваться этою неурядицею и побѣждать тамъ, гдѣ бы ему по справедливости слѣдовало быть побѣжденнымъ. Московскiе цари давно старались уничтожить это важное зло для государства, но мало успѣвали въ томъ. Ѳеодоръ Алексѣевичъ, при которомъ не прекращалась война въ Малороссiи противъ Турокъ, желавшихъ завладѣть ею, чувствовалъ болѣе другихъ государей весь вредъ, происходившiй отъ мѣстничества, и когда наконецъ въ 1681 году заключенъ былъ невыгодный миръ съ Турками, по которому уступлена имъ западная Украйна или весь правый берегъ Днѣпра, царь рѣшился употребить всѣ силы свои къ уничтоженiю этихъ безсмысленныхъ споровъ между боярами. Одною изъ лучшихъ мѣръ къ тому находилъ онъ преобразованiе войска на европейскiй строй, и для того поручилъ совѣту изъ военныхъ людей, подъ предсѣдательствомъ князя Василiя Голицына, обсудить, какимъ образомъ устроить это преобразованiе. Совѣтъ объявилъ, что

необходимо прежде всего уничтожить мѣстничество, и не только въ ратныхъ дѣлахъ, но и во всякихъ. Тогда созванъ былъ соборъ изъ главныхъ лицъ духовенства и бояръ и имъ объявлено было мнѣніе военнаго совѣта, къ которому царь съ своей стороны прибавилъ, что «самъ дьяволъ послалъ среди русскихъ людей мѣстничество, отъ котораго во всякихъ дѣлахъ была большая пагуба» и спросилъ: отмѣнить ли его, или оставить? Патріархъ Іоакимъ и за нимъ все духовенство и всѣ свѣтскіе чины совершенно согласны были съ мнѣніемъ государя и благодарили его за намѣреніе уничтожить *«этотъ источникъ всякаго зла»*. Θеодоръ Алексѣевичъ приказалъ тотчасъ же принести всѣ разрядныя книги и тутъ же, въ присутствіи собора, сжечь ихъ. Когда это приказаніе было исполнено, государь сказалъ, что прикажетъ составить нѣсколько родословныхъ книгъ для того только, чтобы дворяне могли сохранить память о предкахъ.

Дѣятельность царя Θеодора Алексѣевича, не смотря на слабое здоровье его, была удивительна. Почти каждый день онъ присутствовалъ въ большой думѣ царской; каждый день принималъ всякаго, кто имѣлъ нужду лично о чемъ-нибудь просить его; часто посѣщалъ училища, богадѣльни и больницы. Многія изъ этихъ благотворительныхъ заведеній были основаны при немъ и въ томъ числѣ Славяно-Греко-Латинская академія въ Москвѣ. На мысль объ основаніи ея наведенъ былъ царь разсказами одного возвратившагося изъ Греціи монаха о жалкомъ состояніи православія на востокѣ по недостатку образованности. Для предохраненія Русской земли отъ такого же несчастія царь съ чрезвычайною заботливостію занялся новою академіею: самъ выписывалъ для нея отъ патріарховъ лучшихъ учителей греческаго и латинскаго языковъ и разныхъ наукъ, и особенно просилъ присылать ему такихъ, которые бы вмѣстѣ съ ученостію соединяли и твердость въ православіи. Академіи даны были большія права: ученики ея, которыхъ число первоначально ограничивалось только 30 человѣками, пользовались особеннаго

милостію царскою и, окончивъ съ успѣхомъ свое воспитаніе, получали приличные чины. Иностраннымъ языкамъ позволялось учиться не дома, но только въ академіи; ученые иностранцы не могли поступать на службу въ Россіи иначе, какъ подвергшись испытанію въ академіи. Ей же поручался надзоръ за иностранцами въ томъ отношеніи, чтобы они не распространяли своихъ ученій между православными,—однимъ словомъ, благочестивый царь хотѣлъ, чтобы это училище, распространяя между подданными его просвѣщеніе, было въ то же время и оплотомъ православія.

27-го апрѣля 1682 года молодой и умный царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ скончался, оставивъ государство въ тревожномъ недоумѣніи: дѣтей у него не было, а изъ двухъ братьевъ его одинъ, 16-ти лѣтній царевичъ Іоаннъ, былъ слабъ физически и умственно; другой—Петръ, не имѣлъ и десяти лѣтъ отъ роду. Никакихъ письменныхъ распоряженій о наслѣдникѣ престола Ѳеодоръ не оставилъ, хотя и говорилъ иногда, что имъ будетъ не Іоаннъ, а Петръ,

Помня эти слова, патріархъ и знатнѣйшіе вельможи рѣшили, что надобно провозгласить царемъ Петра, но чувствуя всю важность такого рѣшенія, они не созвали однакоже собора изъ лучшихъ людей всѣхъ городовъ, какъ слѣдовало бы сдѣлать для повсемѣстнаго объясненія причинъ, по которымъ младшій царевичъ предпочитался старшему, но приказали народу собраться на площади, и патріархъ спросилъ у него: «Кому изъ царевичей быть на царствѣ: больному ли и слабому Іоанну или здоровому и сильному Петру?—Народъ въ одинъ голосъ отвѣчалъ: «Петру Алексѣевичу!» Вельможи съ своей стороны еще прежде сказали тоже, и основываясь на этихъ желаніяхъ, патріархъ благословилъ на царство Петра.

Но это общее желаніе Москвы не было желаніемъ всего семейства царскаго. Мы знаемъ уже, что у царя Алексѣя Михаиловича, кромѣ сыновей, было еще пять дочерей. Эти царевны воспитывалися уже не въ прежнемъ затворничествѣ и этимъ

новымъ воспитаніемъ воспользовалась болѣе всѣхъ одна изъ царевенъ, Софья. Съ умомъ, образованнымъ не по-женски, она соединяла и необыкновенную для женщины смѣлость духа и самый властолюбивый нравъ. Съ такими свойствами и образованностію, пріобрѣтенною чтеніемъ и сближеніемъ съ лучшими людьми при дворѣ, Софья не могла не имѣть большаго вліянія на болѣзненнаго брата своего, царя Ѳеодора, и, конечно, много содѣйствовала удаленію отъ него мачихи и младшаго брата. Съ кончиною Ѳеодора она надѣялась принимать еще болѣе участія въ дѣлахъ правленія при второмъ братѣ своемъ Іоаннѣ еще болѣе слабомъ и еще болѣе болѣзненномъ, и вдругъ всѣ надежды ея разрушились избраніемъ на царство Петра. По принятому обычаю мать малолѣтняго государя дѣлалась правительницею государства, а Софья ненавидѣла царицу Наталію, и потому съ первыхъ же дней вступленія ея въ правленіе рѣшилась противодѣйствовать ему. Смѣлая, можно сказать даже дерзкая духомъ и жестокая сердцемъ, она не была разборчива въ средствахъ и вскорѣ нашла ихъ въ буйномъ стрѣлецкомъ войскѣ, которое въ это самое время было недовольно своими начальниками, и, пользуясь слабостію правительства, обыкновенною при вступленіи новыхъ лицъ, дошло до такой дерзости, что само наказывало своихъ пятисотенныхъ и сотниковъ, сбрасывая ихъ съ каланчей. Удивительно ли, что царевна нашла достойныхъ помощниковъ своему неправому дѣлу въ этихъ своевольныхъ стрѣльцахъ! Они чувствовали вины свои противъ законнаго правительства, должны были ожидать отъ него наказанія, а Софья съ своими соумышленниками, вмѣсто того, обѣщала имъ не только прощеніе, но даже награды, если они возведутъ на престолъ старшаго царевича, будто-бы незаконно отстраненнаго отъ престола. Вмѣстѣ съ обѣщаніями распущенъ былъ между стрѣльцами слухъ, что родственники царицы, Нарышкины, покушаются даже извести царевича Іоанна, что надобно спѣшить спасти его и наказать измѣнниковъ, при чемъ розданы были по полкамъ и списки именъ ихъ. Нетерпѣніе жестокой царевны видѣть исполненіе ея преступныхъ замысловъ

было такъ велико, что малѣйшее замедленіе стрѣльцовъ казалось ей несноснымъ, и чтобы побудить ихъ къ безотлагательному дѣйствію, она не позже, какъ черезъ 17 дней послѣ смерти Θеодора, и именно 15-го мая 1682 года, приказала своимъ сообщникамъ встревожить стрѣлецкіе полки извѣстіемъ, что царевича Іоанна уже задушили. Взволнованные мятежники, разумѣется, позабыли при этомъ извѣстіи всякую осторожность дѣйствій: съ криками и барабаннымъ боемъ бросились они въ Кремль и требовали выдачи убійцъ царевича, Нарышкиныхъ. Царица Наталія вывела на Красное крыльцо обоихъ царевичей: Іоанна и Петра. Іоаннъ тутъ же сказалъ народу, что никто не думалъ изводить его. Стрѣльцы удивились невѣрному слуху и видимо успокоились, особливо когда къ нимъ вышелъ и бояринъ Матвѣевъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ возвращенный изъ ссылки и бывшій нѣкогда любимымъ начальникомъ ихъ. Они выслушали разумную рѣчь его къ нимъ, и дѣло казалось благополучно оконченнымъ, такъ что и царица съ обоими царевичами и за ними Матвѣевъ уже возвратились во дворецъ какъ вдругъ начальникъ стрѣлецкаго приказа, князь Долгорукій вздумалъ погрозить стрѣльцамъ наказаніемъ и строго приказалъ имъ разойтись. Этой искры, вѣроятно раздутой сообщниками Софьи, было довольно, чтобы произвести новый пожаръ: мятежники пришли въ прежнее раздраженіе, взбѣжели на крыльцо и сбросили князя Долгорукаго внизъ на копья. Совершивъ это преступленіе, они уже не знали мѣры своей ярости и ворвались во дворецъ отыскивать Нарышкиныхъ и всѣхъ тѣхъ, чьи имена были записаны въ спискахъ, розданныхъ имъ. Первый кого они встрѣтили, былъ Матвѣевъ, и они сбросили и его внизъ, такъ же какъ и Долгорукаго. Другихъ несчастныхъ они пустились искать по всему дворцу и даже по всѣмъ церквамъ дворцовымъ и безжалостно убивали всѣхъ, кого находили. И это буйство и рѣзня продолжались по всему городу не одинъ день, но нѣсколько дней. Въ самый дворецъ къ стыду придворныхъ, разбѣжавшихся отъ страха, мятежники возвращались три дня сряду за отыска-

ніемъ брата царицы Наталіи, Ивана Кирилловича Нарышкина, и на третій день несчастная царица принуждена была выдать его на мучительную смерть. Наконецъ, 22-го мая, послѣ семи дней ужаснѣйшяго безначалія, руководимаго однако же царевной Софьей, стрѣльцы потребовали, чтобы царями были оба брата: Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, и чтобы за молодостію ихъ управляла Софья. Спорить было некому: соборъ, созванный 23-го мая только для формы изъ людей всякихъ чиновъ въ Москвѣ, согласился на все.

Такимъ образомъ властолюбивая Софья достигла своей цѣли: сдѣлалась правительницей государства и, благодаря уму и начитанности своей, управляла довольно искусно. Первымъ дѣломъ ея правленія было усмиреніе раскольниковъ, которыхъ не могли уничтожить никакія наказанія при царяхъ Алексѣѣ и Θеодорѣ; число ихъ, напротивъ того, сильно умножилось и безсмысленное ученіе раздѣлялось уже на разныя секты или толки, основатели которыхъ скрывались по разнымъ отдаленнымъ областямъ, въ *скитахъ* или монастыряхъ, строившихся обыкновенно въ глубинѣ лѣсовъ. Особенно много такихъ скитовъ было въ пустынныхъ лѣсахъ Архангельскаго края. Но послѣдователей ихъ было много и въ Москвѣ, и даже между стрѣльцами. Самъ новый начальникъ, уже назначенный Софьею, князь Хованскій, былъ раскольникомъ, потому и неудивительно, что стрѣльцы, послѣ беззаконнаго торжества своего при дворѣ, задумали доставить торжество и старой вѣрѣ своей надъ тою, которую они въ ослѣпленіи своемъ называли *новою* и *неправою*. Раскольники подъ покровительствомъ ихъ начали явно проповѣдывать народу свою вѣру на площадяхъ и улицахъ, а въ іюлѣ мѣсяцѣ одинъ изъ самыхъ ярыхъ учителей раскола, разстриженный священникъ Никита, прозванный *пустосвятомъ*, ворвался съ толпою своихъ послѣдователей въ Кремль и требовалъ патріарха на торжественный споръ о вѣрѣ. Патріархъ долженъ былъ согласиться, а правительница, вѣроятно изъ желанія угодить стрѣльцамъ и раскольникамъ, пожелала, чтобы этотъ споръ

происходилъ въ самомъ дворцѣ, въ грановитой палатѣ, и въ присутствіи ея, двухъ царевенъ, сестеръ ея, и царицы Наталіи. Но когда раскольники вошли въ палату съ неприличнымъ шумомъ и начали споръ свой безъ всякаго здраваго смысла и безъ всякаго уваженія не только къ лицамъ царскаго семейства, тутъ присутствовавшимъ, но даже и къ памяти царей Алексѣя и Θеодора, Софья, встревоженная и раздраженная, увидѣла собственными глазами, сколько зла для народа заключаетъ въ себѣ это раскольничество, и рѣшилась употребить всѣ силы для истребленія его. Скрывъ свое негодованіе на злобнаго Никиту, не прекращавшаго спора своего, не смотря на приказаніе правительницы окончить его, Софья распустила шумное собраніе подъ предлогомъ позднаго времени, и обѣщая созвать его снова на другой день, но, конечно, это обѣщаніе не было исполнено, и хитрая правительница умѣла такъ распорядиться, что черезъ недѣлю Никитѣ отрублена была голова, многіе изъ послѣдователей его были сосланы въ дальнія мѣста, а остальные разбѣжались сами въ разныя стороны. Но главный и самый опасный изъ раскольниковъ, начальникъ стрѣльцовъ, князь Хованскій оставался еще невредимъ и своими поступками явно доказывалъ огромные замыслы невѣжественной, но тѣмъ не менѣе сильной партіи своей. Правительница умѣла и тутъ ловко распорядиться: однимъ изъ родственниковъ ея, бояриномъ Милославскимъ сочиненъ былъ доносъ на Хованскаго, будто онъ съ помощію стрѣльцовъ хочетъ истребить все семейство царское и провозгласить себя царемъ. Софья, какъ бы встревоженная такою опасностію, уѣзжаетъ изъ Москвы со всѣмъ семействомъ царскимъ въ Троицкій монастырь, разсылаетъ грамоты по городамъ о томъ, чтобы служилые люди собирались къ ней для спасенія царей отъ бунтующихъ стрѣльцовъ, а между тѣмъ вызываетъ къ себѣ Хованскаго для объясненія. Не подозрѣвая, что все уже приготовлено для его гибели, Хованскій отправился вмѣстѣ съ сыномъ своимъ въ Троицкій монастырь и на дорогѣ былъ схваченъ и вмѣсто

Троицкаго монастыря привезенъ въ село Воздвиженское, гдѣ безъ всякаго суда и слѣдствія онъ и сынъ его были казнены. Стрѣльцы, узнавъ объ этомъ, подняли-было бунтъ, но такъ какъ къ Троицѣ собралось уже много войска для защиты царей, мятежники испугались и начали просить патріарха вымолить имъ прощеніе у правительницы. Она согласилась, но съ условіемъ, чтобы никогда впередъ они не затѣвали никакихъ смутъ, и дала имъ въ начальники человѣка вовсе не военнаго, но совершенно преданнаго ей, думнаго дьяка Шакловитаго, выслужившагося до этого званія дьяка изъ подъячихъ.

Утвердивъ такимъ образомъ спокойствіе внутри государства, Софья обратила все вниманіе свое на дѣла внѣшнія и умѣла воспользоваться благопріятными обстоятельствами, въ которыхъ находилась въ то время Россія въ отношеніи къ Польшѣ. Тогдашній король ея, знаменитый Янъ Собѣскій, хотя и славился своими подвигами, не могъ однакоже одинъ защитить своего государства отъ нападеній Турокъ и просилъ помощи у Русскихъ. Правительница согласилась не иначе дать ее, какъ съ условіемъ вѣчнаго мира и совершеннаго закрѣпленія за Россіей Кіева. Послѣднее условіе такъ не понравилось Полякамъ, что слезы навернулись у короля въ ту минуту, когда онъ долженъ былъ согласиться на такой миръ и подписывать условія его въ 1686 году. Вслѣдъ за подписаніемъ его, Софья отправила обѣщанную помощь—стотысячное войско—подъ начальствомъ перваго любимца и усерднаго помощника своего во всѣхъ дѣлахъ правленія, князя Василія Голицына. Этому войску назначено было идти въ Крымъ для того, чтобы помѣшать хану помогать Туркамъ въ нападеніяхъ ихъ на владѣнія польскія. Къ войску Голицына присоединился еще гетманъ Самойловичъ съ 50,000 казаковъ, и что же? Все это многочисленное войско не могло сдѣлать никакого вреда Татарамъ, потому что должно было идти до Крыма по степямъ, зажженнымъ Татарами. Люди не могли идти отъ дыма и копоти, лошади падали отъ недо-

статка корма. Князь Голицынъ рѣшился возвратиться назадъ. Казаки, непривыкшіе къ военнымъ неудачамъ, были недовольны своимъ гетманомъ, котораго они и прежде не любили за гордость. Они требовали чтобы онъ былъ смѣненъ. Софья исполнила это требованіе и сдѣлала еще болѣе: сослала Самойловича въ Сибирь. а на мѣсто его утвердила избраннаго казаками въ гетманы—Ивана Мазепу. Вмѣстѣ съ этимъ гетманомъ князь Голицынъ отправился въ началѣ 1689 г. вторично въ походъ на Крымскаго хана, но и этотъ походъ совершенъ былъ съ такою же неудачею, какъ и первый, хотя на этотъ разъ русское войско дошло до Перекопа. Взять же эту крѣпость Голицынъ не видѣлъ никакой пользы и, боясь недостатка въ продовольствіи войска, возвратился опять безъ всякаго успѣха въ Москву; но не смотря на то, и онъ и товарищи его были щедро награждены правительницею за трудности обоихъ походовъ.

1689 годъ отмѣченъ былъ особенными неудачами для Софьи: въ то же самое время, когда кончилось такъ невыгодно для Русскихъ война съ Крымскимъ ханомъ, въ Нерчинскѣ заключенъ былъ также невыгодный для насъ договоръ съ Китаемъ: русскій уполномоченный въ дѣлахъ, Головинъ, не имѣя понятія по отдаленности мѣста о важности пріобрѣтенія обоихъ береговъ рѣки Амура, уже тогда завоеванныхъ сибирскими казаками, согласился опять уступить ихъ Китайцамъ и срыть крѣпость Албазинъ, которая уже прославлена была геройскимъ защищеніемъ казаковъ.

Наконецъ 1689 годъ былъ и годомъ паденія правительницы. Виновникомъ этого паденія былъ тотъ, о комъ и не думала Софья—младшій братъ ея, Петръ, котораго жизнь и воспитаніе она оставляла въ совершенномъ пренебреженіи, и этою безпечностію, непостижимою для правительницы, столько образованной, какъ была Софья, она сама приготовила гибель свою.

Петръ, хотя и считался уже царемъ съ 10-ти лѣтняго возраста своего, но со времени правленія Софьи жилъ вовсе

не по-царски, и даже не въ Кремлевскомъ дворцѣ, но въ подмосковномъ дворцовомъ селѣ Преображенскомъ. Здѣсь росъ и воспитался онъ совершенно не такъ, какъ прежніе московскіе царевичи, которые во все время своего дѣтства почти не выходили изъ внутреннихъ комнатъ дворца. Петръ, напротивъ того, не окруженный царскою пышностію, подъ надзоромъ только печальной матери своей, пользовался гораздо бо́льшею свободою, которая, соединясь съ удовольствіями сельской жизни, благотворно дѣйствовала на его здоровье. Ученьемъ также не стѣсняли его: правительница не думала объ образованіи нелюбимаго брата и единственнымъ учителемъ его былъ дьякъ Зотовъ, приставленный къ нему еще при царѣ Өеодорѣ. Всѣ познанія Зотова ограничивались почти одною грамотою; ученикъ же его имѣлъ геніальныя способности и ненасытную любознательность. Понятно, что такой учитель не могъ удовлетворять этой любознательности, а другихъ не было между всѣми приближенными къ Петру. Что же было дѣлать ему съ своимъ пламеннымъ стремленіемъ къ ученью и жаждою дѣятельности?

Необыкновенный ребенокъ еще въ трехъ-лѣтнемъ возрастѣ показалъ привязанность свою къ военному дѣлу: когда въ день имянинъ его, поднесено было ему множесто разныхъ игрушекъ, то онъ, увидѣвъ между ними маленькую стальную саблю, съ восторгомъ бросился къ ней и, схвативъ ее обѣими руками, просилъ, чтобы привели къ нему того, кто подарилъ ее. Это былъ какой-то купецъ, онъ велѣлъ ему поднять себя на руки, поцѣловалъ его въ голову и сказалъ, что онъ никогда не забудетъ его за такой прекрасный подарокъ. Сдѣлавшись старше, онъ занялся прежде всего военною наукой и началъ изучать ее не изъ книгъ, которыхъ у него не было, но на опытѣ, составивъ себѣ изъ дѣтей придворныхъ служителей Преображенскаго дворца маленькое войско, образованное по европейскому строю. Ему не трудно было сдѣлать это, потому что при отцѣ и даже дѣдѣ его были уже въ русскомъ войскѣ такіе отряды. Солдатики маленькаго ца-

ря забавлялись съ нимъ военными потѣхами, отчего и получили названіе *потѣшныхъ*,—росли вмѣстѣ съ нимъ, съ лѣтами образовали изъ себя два первые полка гвардіи: Преображенскій и Семеновскій *). По какому-то странному равнодушію правительница не обращала ни малѣйшаго вниманія на то, что дѣлалось въ Преображенскомъ дворцѣ, даже и

Петръ I выбираетъ себѣ игрушку—саблю.

тогда, когда уже не однѣ военные потѣхи занимали младшаго брата ея, но онъ началъ уже серьезно учиться другимъ наукамъ съ учителями, которыхъ также самъ отыскалъ себѣ: въ Москвѣ было много иностранныхъ офицеровъ, находившихся въ нашей службѣ; всѣ они жили въ такъ назы

*) Въ окрестностяхъ Москвы было и дворцовое село Семеновское, откуда также брались мальчики въ потѣшные полки маленькаго царя,

вавшейся *Нѣмецкой слободѣ*. Сюда-то Петръ обратился за учителями и нашелъ ихъ нѣсколько человѣкъ, но особенно замѣчательными и особенно близкими къ нему были двое изъ нихъ, Голландецъ Тиммерманъ, учившій его ариѳметикѣ, геометріи и артиллеріи, и Женевецъ Францъ Лефортъ, заслужившій даже названіе *друга* молодаго царя своею безкорыстною преданностію къ нему и своимъ веселымъ и открытымъ нравомъ. Здѣсь-то, въ этомъ непринужденномъ нѣмецкомъ обществѣ Петръ впервые познакомился съ неизвѣстнымъ ему дотолѣ міромъ западной образованности. Конечно, этотъ міръ не могъ представиться ему во всемъ совершенствѣ своемъ: въ Нѣмецкой слободѣ не было людей съ особенною ученостію, но все, что узналъ онъ отъ своихъ учителей, и еще болѣе то, о чемъ услышалъ изъ разсказовъ ихъ объ Европѣ, было такъ увлекательно и въ то же время такъ непохожо на все, окружавшее его, что неудивительно, если съ этого времени въ сердцѣ молодаго царя, неруководимаго никѣмъ изъ своихъ, родилось сильное пристрастіе ко всему иноземному. Духовное образованіе, какое получали дотолѣ всѣ московскіе царевичи, могло-бы удержать его отъ этого пристрастія, но Петръ, по безпечности правительницы, не имѣлъ наставниковъ и въ этомъ отношеніи и, потому ничто не стѣсняло его стремленія къ чужестранному просвѣщенію, которому пылкое воображеніе его придавало обаятельную прелесть. Съ неутомимымъ жаромъ трудясь надъ пріобрѣтеніемъ познаній необходимыхъ для того, чтобы войти самому въ этотъ завѣтный міръ просвѣщенія и потомъ ввести туда родную страну, Петръ, казалось, позабылъ о своемъ царскомъ званіи и предоставлялъ все правленіе властолюбивой сестрѣ своей, даже и тогда, когда ему уже исполнилось 17 лѣтъ, и по желанію матери онъ уже вступилъ въ бракъ. Незадолго передъ тѣмъ къ научнымъ занятіямъ его прибавилось еще одно, по случаю стараго ботика, найденнаго имъ въ селѣ Измайловскомъ между старыми вещами двоюроднаго дѣда его Никиты Ивановича Романова. Удивленный особен-

нымъ устройствомъ ботика, Петръ началъ распрашивать о немъ Тиммермана и, узнавъ, что это англійскій ботъ, который можетъ ходить на парусахъ по вѣтру и противъ вѣтра, молодому царю захотѣлось починить его и попробовать покататься на немъ. Тиммерманъ отыскалъ одного Голландца Бранта, который привелъ старый ботъ въ прежнее состояніе его и спустилъ на рѣку Яузу. Царь вскорѣ научился у Бранта управлять имъ, и такъ полюбилъ это новое искуство, что оно сдѣлалось лучшимъ удовольствіемъ его. Рѣка Яуза вскорѣ показалась ему уже мала для упражненій, и ботъ перевезенъ былъ на озеро въ селѣ Измайловскомъ. Въ то же время на озерѣ Переяславскомъ Петръ приказалъ построить нѣсколько судовъ по образцу своего любимаго ботика. Благодаря этой новой забавѣ, обратившейся въ настоящую страсть и прибавившей такъ много дѣла къ другимъ занятіямъ Петра, Софья могла бы долго еще держать въ рукахъ своихъ правленіе, если бы только умѣла умѣрять свое властолюбіе; но напротивъ того она была въ этомъ отношеніи очень неосторожна. Пользуясь неограниченною властію во всемъ, она начала уже называть себя во всѣхъ указахъ и письменныхъ дѣлахъ *Самодержицею всея Руси*, и не смотря на то, что всѣ находили это несправедливымъ, Софья задумала для утвержденія еще болѣе своей власти—короноваться. Она надѣялась, что стрѣльцы и особенно преданный ей начальникъ ихъ, Шакловитый, поддержатъ ее въ этомъ намѣреніи. Шакловитый, точно, готовъ былъ для нея на все, потому что съ паденіемъ ея настало бы паденіе и для него, но стрѣльцы уже не показывали прежняго усердія служить ей, и потому мысль о короновапіи надобно было отложить. Приписавъ эту неудачу вліянію царицы Наталіи, Шакловитый предложилъ Софьѣ извести ее и вмѣстѣ съ нею Петра. Правительница согласилась и на это ужасное предложеніе, но не согласилась на него большая часть стрѣльцовъ, не смотря на всѣ старанія Шакловитаго возбудить въ нихъ разными клеветами ненависть противъ царицы и сына ея. Однакожъ онъ надѣ-

ялся еще уговорить ихъ, потому что нѣсколько человѣкъ изъ нихъ готовы были слѣпо исполнить его приказанія, и дѣйствуя черезъ нихъ, Шакловитый въ ночь на 7-е августа 1689 года собралъ стрѣльцовъ въ Кремль, будто бы для защиты правительницы противъ собиравшагося на нее Петра и его потѣшныхъ, но съ настоящею цѣлію вести ихъ въ туже ночь въ Преображенское. Но Богъ чудесно спасъ царя: двое стрѣльцовъ изъ числа знавшихъ о заговорѣ, и слѣдовательно изъ числа злодѣевъ, рѣшавшихся на все, почувствовали раскаяніе, бросились въ Преображенское предупредить Петра объ опасности, грозившей ему. Царь тотчасъ же ускакалъ верхомъ въ Троицкую лавру, и за нимъ уѣхали туда же царица Наталія съ дочерью и невѣсткою, супругою Петра. Между тѣмъ Шакловитый, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда ихъ явился въ Преображенское. Ужасъ его былъ неописанъ, когда онъ узналъ, что заговоръ его открытъ. Множество стрѣльцовъ тогда же оставили его и отправились къ Троицѣ, куда шли и ѣхали всѣ приверженцы и всѣ защитники Петра, въ томъ числѣ и цѣлый стрѣлецкій полкъ Сухаревъ, и полки потѣшные и всѣ наемые иностранцы изъ Нѣмецкой слободы.

Софья, испуганная не менѣе Шакловитаго, имѣла спачала надежду умилостивить брата, и для того послала къ нему тетку свою, царевну Татьяну Михаиловну и двухъ сестеръ, Марію и Марфу, уговаривать его примириться съ нею; но Петръ показалъ въ раскрытомъ заговорѣ такія ясныя доказательства преступленій правительницы, что всѣ три царевны не захотѣли и возвратиться къ сестрѣ въ Москву, но остались съ Петромъ. То же самое сдѣлалъ и патріархъ, также отправленный Софьею для переговоровъ. Наконецъ она рѣшилась ѣхать сама, но по приказанію Петра не была допущена до Троицы и возвратилась назадъ съ дороги. По окончаніи слѣдствія о заговорѣ, она была заключена въ Новодѣвичій монастырь; Шакловитый казненъ вмѣстѣ со своими сообщниками; князь Василій Голицынъ сосланъ въ Пу-

стозерскъ. Съ этого времени Петръ началъ управлять одинъ государствомъ, хотя братъ его Іоаннъ продолжалъ называться царемъ, но по-прежнему не принималъ никакого участія въ правленіи и скончался въ 1696 году.

IV.

Внутреннее состояніе Московскаго государства до единодержавія Петра.

Прежде нежели мы будемъ говорить объ этомъ единодержавіи, вмѣстѣ съ которымъ настало время преобразованіи Московскаго государства, необходимо взглянуть на внутреннее состояніе его; необходимо узнать, *какимъ* перешло оно въ руки преобразователя.

Царь и его правленіе. Царь Москокскій былъ государь самодержавный во всемъ значеніи слова. Это самодержавіе, вполнѣ согласное съ духомъ и расположеніемъ народа,— видѣвшаго въ царѣ своемъ исполнителя воли Божіей на землѣ—имѣло важное значеніе, подтвержденное исторіей: оно соединило въ одно цѣлое всѣ раздробленныя области русскія, оно помогло имъ освободиться отъ власти варваровъ, поработившихъ ихъ во время этого раздробленія, наконецъ оно образовало изъ этихъ областей то сильное государство, которое уже начинало страшить своею громадностію Европу. Иностранцы, посѣщавшіе въ то время Москву и знакомившіеся ближе съ народомъ русскимъ, такъ писали о немъ. «Необразованность сковываетъ этотъ народъ, но какъ же будетъ онъ могуществеңъ и страшенъ, когда пріобрѣтетъ образованіе!» Въ отношеніи неограниченной власти царя они писали: «Русскіе увѣрены, что царь ихъ есть исполнитель воли небесной, и потому повинуются ему какъ Богу». И эти слова иностранцевъ были совершенно справедливы: народъ, находя власть царя священною, никогда не тяготился ею, и если случалось въ смутныя времена или при мало-

лѣтствѣ царя, что нѣкоторые бояре задумывали ограничить власть царя, то эта попытка никогда не удавалось, потому что народъ не любилъ боярской власти и всегда предпочиталъ ей волю государя. Титулъ царя Московскаго былъ: «Великій государь, царь и великій князь, всея Руси самодержецъ». Слова «всея Руси» очень не нравились Полякамъ, завладѣвшимъ западными окраинами нашими, и много было споровъ объ этомъ титулѣ между послами польскими и нашими; но послѣ удачной войны съ Польшею при Алексѣѣ Михаиловичѣ, титулъ Московскаго царя обозначился еще яснѣе и вмѣсто всея Руси въ немъ писали: «Всея великія и малыя и бѣлыя Руси самодержецъ» Споръ Поляковъ съ того времени кончился.

Царь разсуждалъ о дѣлахъ государственныхъ съ боярами въ совѣтѣ, который назывался «царскою думою». Для важнѣйшихъ дѣлъ призывался въ думу и патріархъ съ архіереями. Царь же Іоаннъ Грозной призывалъ иногда выборныхъ людей и изъ другихъ сословій: тогда уже совѣтъ назывался «земскимъ соборомъ». Такіе соборы сзывались часто при царѣ Михаилѣ, потому что государство было тогда въ крайнемъ разстройствѣ, и по необходимости надобно было обращаться за помощью къ земству; но какъ скоро все пришло въ прежнюю силу и порядокъ, соборы созывались рѣже, и въ концѣ царствованія царя Алексѣя совсѣмъ прекратились.

Постоянныя же правительственныя учрежденія, гдѣ разсматривались и судились всѣ дѣла, были *приказы*. Начало ихъ принадлежало еще ко временамъ удѣловъ: государь *приказывалъ* тому или другому изъ своихъ приближенныхъ постоянно заниматься какими-либо дѣлами одного рода; назначалъ ему нѣсколько помощниковъ; для письма брали дьяковъ и подъячихъ, и такимъ образомъ составлялся приказъ. По мѣрѣ увеличенія государства увеличивались и разнаго рода дѣла и вѣдомства, и съ ними учреждались новые приказы, такъ что при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ число ихъ прости-

ралось уже до сорока, и онъ учредилъ еще новый подъ названіемъ: «Приказъ тайныхъ дѣлъ». Этотъ приказъ былъ подъ особеннымъ вѣдѣніемъ самаго царя, и устроенъ для такой переписки, о которой царь не хотѣлъ, чтобы всѣ знали. Бояре въ немъ не участвовали и засѣдалъ тутъ только одинъ дьякъ съ подъячими или, какъ называли ихъ тогда—*людьми приказными*. Здѣсь надобно замѣтить, что служба думныхъ дьяковъ, или государственныхъ секретарей, какъ ни была важна сама по себѣ, считалась унизительною для знатныхъ бояръ московскихъ: вѣрные стариннымъ понятіямъ о дружинѣ великокняжеской, они любили служить царю только какъ защитники его отъ враговъ мечемъ, а не перомъ, и потому дьяками быть не хотѣли, и въ эту должность поступали люди изъ духовнаго званія, а иногда и изъ купеческаго.

Земли Московскаго государства раздѣлялись на *области* и *уѣзды*, которые подраздѣлялись на *станы*, *погосты*, *волости*. Правители областей назывались *великокняжескими*, потомъ *царскими намѣстниками*. Иногда же они избирались и самими общинами и назывались *губными старостами*. Названіе *губный* происходило отъ слова *душегубство*. Губнымъ старостамъ поручалось сначала вѣдать только дѣла *губныя*, т. е. уголовныя: убійства и разбои, и какъ эти самые старосты избирались иногда въ правители областей, то и сохраняли прежнее названіе свое. Но XVII вѣкѣ такихъ выборныхъ правителей уже не было, но всѣ назначались отъ царя и назывались *воеводами*. Воеводы соединяли въ себѣ власть военную, гражданскую и судебную. Дѣла по всѣмъ этимъ вѣдомствамъ производились въ *съѣзжей* или *приказной избѣ*.

Сословія. Главное сословіе было *служилое*, образовавшееся изъ прежней княжеской дружины и раздѣлявшееся на нѣсколько степеней, изъ которыхъ первою были *бояре*, второю — *дворяне*, а третьею—*дѣти боярскія*. Они обязаны были служить всю жизнь государю, гдѣ и какъ онъ прика-

жетъ, но главная служба ихъ была военная. Въ награду за службу ихъ царь жаловалъ имъ въ пожизненное владѣніе— помѣстья, а въ наслѣдственное—вотчины. Нѣкоторымъ, кромѣ того, давалось еще и денежное или *хлѣбное* жалованье. Въ придворной службѣ высшій чинъ былъ чинъ *боярина*, потомъ—*окольничаго* и, наконецъ, *думнаго дворянина*. Всѣ эти чины засѣдали въ царской думѣ. Ближніе чиновники при особѣ царя выбирались изъ дѣтей знатныхъ бояръ и назывались *спальниками*, *стольниками*, *стряпчими*, *жильцами* и пр. Въ послѣдствіи ихъ переводили въ высшіе чины. Знатные бояре, незанятые въ мирное время никакою службою, обыкновенно жили въ Москвѣ и каждый день съѣзжались на поклонъ къ государю по утру, а иногда и въ другой разъ, послѣ обѣда къ вечернѣ. Всѣ они чувствовали такое благоговѣніе къ царю, что считали себя не болѣе, какъ *холопами* его, назывались полуименами.

Тягловыми или податными сословіями были: люди посадскіе и крестьяне. Посадскими назывались городскіе или пригородные жители. Они платили подати по числу дворовъ въ посадѣ. Это число записывалось правительствомъ въ такъ называемыя *писцовыя* книги; но для своихъ дѣлъ по раскладкѣ податей и по городскому хозяйству посадскіе люди выбирали себѣ своего старосту, который назывался земскимъ старостою, и дѣла, подвѣдомственныя ему, производились въ земской избѣ. Безпорядковъ по этому вѣдомству было очень много: правительство требовало податей со всѣхъ записанныхъ въ книги дворовъ, а иные дворы были уже пусты или отъ пожаровъ, или отъ побѣга хозяевъ въ другія мѣста, именно для того, чтобы избавиться отъ платежа податей; правительство между тѣмъ взыскивало ихъ съ остальныхъ посадскихъ. Въ то же время старинные люди, не записанные въ посадъ, наприм. казаки, стрѣльцы, дѣти духовныхъ, селились въ немъ для занятія торговлею и разными промыслами. Такимъ образомъ эти пришлые люди подрывали торговлю и промыслы посадскихъ и оставались безнаказан-

ными, потому что имъ покровительствовали знатные люди, за которыхъ большая часть изъ нихъ *закладывалась*. Закладываться значило записаться въ зависимость какого-либо лица или вѣдомства. Такія записи были въ большомъ употребленіи въ Московскомъ государствѣ до царствованія Алексѣя Михайловича, который запретилъ ихъ, и для избѣжанія затрудненій при сборѣ податей велѣно было всѣмъ торгующимъ быть въ тяглѣ съ посадскими людьми, и посадскимъ запрещено переходить изъ одного посада въ другой. Такимъ образомъ и посадскіе люди были прикрѣплены къ мѣсту своего жительства, какъ прежде того крестьяне—къ землѣ. Кромѣ платежа податей, посадскіе или торговые люди отправляли еще службу царскую: они были приставами при сборѣ разныхъ казенныхъ доходовъ, наприм. таможенныхъ, винныхъ и др. Крестьяне раздѣлялись на три разряда: одни жили на земляхъ, принадлежавшихъ государю; другіе—въ помѣстьяхъ и вотчинахъ служилыхъ людей; третьи—на земляхъ монастырскихъ. Государевы крестьяне раздѣлялись на *дворцовыхъ* и *черносошныхъ*; подати съ дворцовыхъ назначались на содержаніе двора; подати съ черносошныхъ шли въ государственную казну.

Крестьяне, *прикрѣпленные къ землѣ* для того, чтобы остановить переходы ихъ, и тѣмъ доставить служилому сословію возможность нести государственную службу, сначала не были такою собственностью помѣщика, какъ другіе холопы и рабы его, и онъ не могъ ни лишать ихъ этой земли, ни продавать ихъ безъ нея; но правительству при тогдашнемъ устройствѣ его трудно было слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, отданныхъ во власть землевладѣльцевъ, и потому помѣщики мало по малу распространили эту власть и на личность крестьянъ и продавали ихъ другимъ владѣльцамъ безъ земли. Отъ этихъ притѣсненій многіе крестьяне убѣгали къ казакамъ или, укрываясь въ лѣсахъ, разбойничали. Къ нимъ часто присоединялись и посадскіе люди, уклонявшіеся отъ платежа

податей, и холопы, недовольные своими господами. Такимъ образомъ зло достигало огромныхъ размѣровъ, какъ мы видѣли это въ описаніяхъ смутнаго времени, и долго еще потомъ во все продолженіе XVII вѣка оно не могло совершенно искорениться и составляло одну изъ главныхъ заботъ правительства.

Войско. Сначала войско состояло, какъ мы уже видѣли, изъ придворныхъ, окружавшихъ государя. Люди, самые близкіе къ нему, составляли его гвардію или государевъ полкъ; затѣмъ слѣдовали дворяне и боярскіе дѣти, жившіе въ своихъ помѣстьяхъ и собиравшіеся въ случаѣ войны; сюда же принадлежали и городовые казаки. Стрѣльцы, охранявшіе города, исполняли и полицейскія должности, но жили не въ самыхъ городахъ, а въ отдѣльныхъ отъ нихъ слободахъ. Также отдѣльно жили и *пушкари* или артиллеристы того времени. Но всѣ эти ратные люди занимались военною службою только въ то время, когда въ ней настояла надобность, и потому не могли быть искусными воинами, такъ что въ XVII вѣкѣ правительство принуждено было нанимать иностранныхъ солдатъ. По примѣру ихъ начали обучать иностранному строю и русскихъ людей; были даже изъ нихъ и полки драгунъ и рейтаровъ, но, конечно все это было еще въ самомъ первоначальномъ устройствѣ.

Церковь. Церковь и ея верховные служители пользовались всегда особеннымъ уваженіемъ царя и народа. Патріархъ и до учрежденія патріаршества—митрополиты были всегда первыми совѣтниками царя въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ; они приглашались въ царскую думу, и вмѣстѣ съ ними все другое высшее духовенство въ столицѣ. Такъ было и въ городахъ: воеводы во всѣхъ важныхъ случаяхъ совѣтовались съ архіереями. Но низшій классъ духовенства: сельскіе священники и простые монахи не пользовались такимъ уваженіемъ отъ міряпъ по причинѣ своего невѣжества, которое, впрочемъ, несправедливо было бы ставить имъ въ вину, такъ какъ священники по большой части выбирались

прихожанами, которымъ для этого выбора стоило только объявить письменно архіерею, что избранный ими человѣкъ добрый. Помѣщикамъ же позволено было выбирать въ сельскіе священники даже кого-либо изъ крестьянъ своихъ, и это позволеніе отмѣнено было только на церковномъ соборѣ 1667 года: члены этого собора, желая хотя сколько-нибудь помочь образованію сельскаго духовенства, постановили, чтобы священники учили дѣтей своихъ и приготовляли ихъ на мѣста свои. Этотъ же соборъ обратилъ особенное вниманіе на монаховъ, и запретилъ имъ и мнимымъ юродивымъ бродить по городамъ и селамъ.

Нравы и обычаи. Сосѣдство съ Азіей и ея необразованными народами, почти безпрестанныя сношенія съ ними, а не съ европейскими государствами, отъ которыхъ Русскіе, распространяя болѣе и болѣе владѣнія свои на востокъ, постоянно отдалялись, и наконецъ болѣе нежели двухъсотъ-лѣтнее владычество Татаръ надъ страною не могли не имѣть вліянія на нравы и обычаи ея жителей. Они не могли сдѣлаться вполнѣ азіятскими, потому что православная вѣра, которой предки наши были всегда глубоко преданы, предохранила ихъ отъ слишкомъ близкихъ сношеній съ восточными сосѣдями ихъ даже и тогда, когда эти сосѣди сдѣлались повелителями ихъ; но, конечно, частыя сношенія и продолжительная зависимость одного народа отъ другаго не могли не произвесть своего дѣйствія и потому въ обществѣ русскихъ того времени мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходство съ азіятскими обычаями наприм. почти такое же затворничество женщинъ, и отъ этого отсутствія ихъ изъ среды мужчинъ; грубость нравовъ мужчинъ, которые, не имѣя понятія о тѣхъ высшихъ наслажденіяхъ ума, какія доставляетъ намъ просвѣщеніе, не имѣя возможности въ замкнутости страны своей даже знать о томъ, какія были занятія и удовольствія общественныя въ странахъ образованныхъ, по необходимости должны были довольствоваться самыми грубыми развлеченіями собственнаго общества, изъ которыхъ

главнымъ было пьянство, а происходившія отъ него ссоры и безпорядки всякаго рода дѣлами невозможнымъ присутствіе женщинъ. Это было причиною, что у богатыхъ людей устраивались всегда особенныя для женщинъ комнаты, въ которыя имѣли входъ только мужчины-родственники. Выѣзжали женщины и дѣвицы также въ закрытыхъ колымагахъ, и эти выѣзды случались весьма рѣдко. Иныя дѣвицы не испытывали этого удовольствія до самаго замужества, да и жениха своего многія не видали до самаго вѣнчанія, потому что браки устроивались родителями, которые рѣшали ихъ, не спрашивая молодыхъ людей о согласіи, а между тѣмъ мужу предоставлялось столько правъ надъ женою, что онъ могъ учить ее даже побоями! Это доказываетъ намъ сочиненіе того времени подъ названіемъ *Домострой*, написанное священникомъ Сильвестромъ, такъ много извѣстнымъ въ царствованіе Іоанна IV-го. Въ этой книгѣ Сильвестръ даетъ наставленіе своему сыну, какъ онъ долженъ вести свое хозяйство и обращаться съ женою и дѣтьми. Вотъ нѣсколько словъ сочинителя по этому предмету: «За великое и страшное ослушаніе и небреженіе жены, сына или дочери *плетъкое вѣжливенько побить, за руки держа*, по винѣ смотря: да поучивъ примолвити, а гнѣвъ бы не былъ; а люди бы того не видали и не слыхали; жалоба бы о томъ не была».

По такимъ правиламъ въ семейномъ быту можно судить и о порядкахъ въ отношеніи преступленій и въ быту государственномъ. Наказанія отличались жестокостью и были истинно-азіятскія. Наприм. не платящаго должника били палками по ногамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не заплатитъ долга. Это наказаніе называлось *правежомъ* и ему подвергались многіе за казенныя недоимки. Помѣщики же имѣли право выставлять за свои долги на правежъ своихъ холопей. При разбирательствѣ важныхъ преступленій употреблялись пытки, что, впрочемъ въ тѣ времена водилось во многихъ европейскихъ государствахъ. Тѣлеснымъ наказаніямъ подвергались безъ исключенія всѣ сословія.

Объ удобствахъ жизни люди того времени, по недостатку образованности, имѣли мало понятій, и потому успѣхи въ этомъ отношеніи шли очень медленно. Можно сказать даже, что проходили столѣтія, а наружность московскихъ улицъ и домовъ и устройство въ этихъ домахъ оставались все тѣ же. Улицы по большей части были немощенныя, или мостились бревнами; домы деревянные; каменныхъ было очень мало; вся домашняя мебель заключалась въ столахъ и лавкахъ, покрытыхъ коврами, всѣ украшенія—въ образахъ съ серебряными и золотыми окладами. Только въ XVII столѣтіи, въ царствованіе царя Алексѣя Михаиловича, старинный бытъ русскихъ людей начинаетъ нѣсколько измѣняться и европейскіе обычаи входятъ мало по малу въ московское общество. Самыми усердными приверженцами ихъ были—какъ мы уже знаемъ—Ординъ-Нащокинъ и Матвѣевъ. Послѣдній устроилъ при дворѣ даже и театръ, на которомъ играли выписные актеры-Нѣмцы. Первыя представленія на этомъ театрѣ были мистеріи, взятыя изъ священной исторіи, наприм. какъ «Юдифь отсѣкла голову Олоферну» или какъ «Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана». Но смотрѣть и на эти священныя представленія царь Алексѣй Михаиловичъ рѣшился не прежде, какъ спросивъ совѣта у своего духовника, который разрѣшилъ нѣмцамъ играть во дворцѣ, потому что у Византійскихъ Императоровъ бывали такія представленія. Они такъ понравились царю, что онъ поручилъ Матвѣеву отдать въ ученье Нѣмцамъ русскихъ людей и устроить постоянный театръ. Тѣ же Нѣмцы обучили дворовыхъ людей Матвѣева музыкѣ и составили изъ нихъ придворный оркестръ.

Литература. Мы знаемъ уже, что первыми произведеніями древней литературы русской были лѣтописи о событіяхъ на Руси, сборники, составленные изъ нихъ, и поученія отцовъ церкви для князей и всего народа. Къ нимъ присоединяются въ послѣдствіи описанія житія святыхъ русской и греческой церкви, извѣстныя до сихъ поръ подъ названіемъ *Четьи-Миней*, *прологовъ* и *патериковъ*. Сборники подъ на-

званіемъ *Пчелы* не посвящались исключительно духовному содержанію: въ нихъ были разныя нравственныя разсужденія, напр. о бѣдности, о богатствѣ, о правдѣ, злобѣ и проч.

По части исторіи уже дѣлались изъ лѣтописей выписки по княженіямъ и царствованіямъ и эти выписки назывались *степенными книгами*. Въ XV вѣкѣ московская лѣтопись уже ведется при дворѣ великихъ князей, а въ XVI уже пишутся *разрядныя записки* о томъ, что́ происходило при дворѣ, и какъ служили знатнѣйшіе изъ бояръ. Къ тому же времени относятся записки князя Курбскаго о царствованіи Іоанна Грознаго. Самыми любопытными записками XVII вѣка было, написанное Авраамiемъ Палицынымъ: «Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ» и еще замѣчательное сочиненіе подъячаго посольскаго приказа Кошихина подъ названіемъ: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича». Кромѣ того о Россіи вв. XVI и XVII есть много записокъ иностранцевъ, которые въ эти времена жили въ Москвѣ—одни, какъ путешественники, другіе —какъ послы, напр. бароны Герберштейнъ и Мейербергъ, Поссевинъ, Флетчеръ, Олеарій, также офицеръ гвардіи Бориса Годунова и Лжедимитрія I-го, Французъ Маржеретъ и Англичанинъ Колинксъ, докторъ при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ.

Были еще рукописные сборники менѣе важнаго содержанія: это уже собранія повѣстей и сказокъ, изъ которыхъ иныя были взяты изъ чужеземныхъ разсказовъ и передѣланы на русскій ладъ, какъ напр. Бова королевичъ, взятый изъ итальянскихъ романовъ, доходившихъ до насъ черезъ Польшу. Были и свои собственные русскіе разсказы, въ которыхъ насмѣшливо указывалось на какое-либо злоупотребленіе въ обществѣ. Въ числѣ такихъ разсказовъ замѣчателенъ «Шемякинъ судъ», какъ сатира на неправедныхъ судей.

Наконецъ были сочиненія и письменныя и печатныя, которыя доказывали умственныя и художественныя способности

русскаго народа: это были народныя пѣсни, раздѣлявшіяся на нѣсколько родовъ, изъ которыхъ замѣчательнѣе всего были такъ называемыя «былины». Это были пѣсни, въ которыхъ разсказывалось происшествіе историческое, но съ примѣсью сказочною и съ характеромъ эпическимъ. Такимъ образомъ въ былинахъ разсказывается болѣе всего о богатыряхъ, и начало такихъ разсказовъ относится къ самымъ древнимъ временамъ Руси, именно къ княженію великаго князя Владиміра «Красное Солнышко». Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ суть главные богатыри нашихъ былинъ. Большая часть этихъ былинъ начиналась такъ:

Во славномъ городѣ во Кіевѣ
У славнаго князя Владиміра
Было пированье, почетный пиръ,
Было столованье, почетный столъ
На многи князи, бояре,
И на русскіе могучіе богатыри
И гости богатые.

За этими древнѣйшими народными пѣснями, образовавшимися въ южной Руси, слѣдуетъ такого же рода пѣсни Сѣверной или Новгородской Руси. Здѣсь въ этой вольной сторонѣ поются пѣсни не о великомъ князѣ, а о гостяхъ и повольникахъ новгородскихъ, какими были Василій Буслаевъ и Садко, богатый гость.

Во времена царей въ Московской Руси слагаются пѣсни о царяхъ Иванѣ Грозномъ, Алексѣѣ Михаиловичѣ, о пирахъ и боярахъ ихъ. Въ тоже время въ Малороссіи поются *пѣсни* или *думы казацкія*, а въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ разбойниковъ, *пѣсни разбойническія*.

Извѣстный писатель П. В. Кирѣевскій между прочимъ такъ говоритъ о *стихахъ духовныхъ*, которые въ народѣ большею частію называются просто *стихами*:

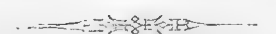
«На духовныхъ предметахъ сосредоточивается коренная, «задушевная любовь нашего народа; мысли его почти всегда «обращены къ предметамъ духовнымъ, и потому естественно

«что онъ, часто воспѣвая святые гимны, слышанные имъ «въ церкви, любитъ въ простотѣ своей украшать предметы «священные своими полевыми цвѣтами. Разумѣется, что отъ «этихъ простодушныхъ изліяній народнаго чувства нельзя «требовать ни догматической точности, ни соотвѣтственности «выраженія съ важностью предмета; но должно отдать спра«ведливость, что всѣ они проникнуты чувствомъ искренняго «благочестія».

Но изъ всѣхъ этихъ пѣсенъ особенно любимыми народомъ были пѣсни религіознаго содержанія, извѣстныя подъ названіемъ *стиховъ*. Съ того времени, какъ христіанскія истины озарили умъ русскаго человѣка, мысли его начали предпочтительно обращаться къ духовнымъ предметамъ и находить свои лучшія удовольствія въ духовномъ мірѣ. Занимаясь часто пѣніемъ священныхъ пѣсенъ, слышанныхъ въ церквахъ, неграмотный простой народъ, не имѣя возможности въ точности помнить все, что́ пѣлось и читалось въ храмѣ Божіемъ, безсознательно прибавлялъ къ своему пѣнію свои собственныя украшенія, и такимъ образомъ съ теченіемъ времени составлялись «стихи», уже весьма мало похожіе на священныя пѣсни, слышанныя первыми пѣвцами, но тѣмъ не менѣе исполненные тѣмъ же искреннимъ благочестіемъ. Замѣчательнѣйшими изъ этихъ религіозныхъ стиховъ считаются: «стихъ о Голубиной книгѣ» и стихъ «о Страшномъ судѣ».

Послѣднее мѣсто въ этой народной поэзіи занимаютъ пѣсни «бытовыя», т. е. такія, въ которыхъ поется о лицахъ и происшествіяхъ изъ обыкновеннаго быта. Полныя простоты и задушевности, онѣ заключаютъ въ себѣ столько чувства и общечеловѣческаго и народно-русскаго, что до сихъ поръ не потеряли для насъ своей прелести, и многія изъ нихъ еще поются въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Что же касается тона и голоса русскихъ пѣсенъ, то въ большей части ихъ— онъ *заунывный*, что́ можно объяснить тѣми бѣдствіями, какія въ теченіе многихъ столѣтій долженъ былъ терпѣть

русскій народъ то отъ восточныхъ, то отъ западныхъ сосѣдей своихъ, то отъ внутреннихъ раздоровъ и безпорядковъ. Не прежде какъ въ половинѣ XVII вѣка Московское государство начинаетъ успокаиваться: западные враги его, Поляки, ослабѣваютъ, нѣкоторыя изъ захваченныхъ ими земель русскихъ возвращаются къ законнымъ владѣтелямъ ихъ и тѣмъ приближаютъ ихъ къ государствамъ европейскимъ, куда давно стремились уже желанія лучшихъ московскихъ людей, чувствовавшихъ потребность въ образованіи. Но кромѣ Польши было еще государство, которое старалось всѣми силами не допустить Москвы до Европы: это была Швеція, владѣтельница ближайшихъ къ Россіи береговъ Балтійскаго моря, которое одно представляло удобнѣйшее для Москвы средство сближенія съ западною Европою. Въ такомъ состояніи было государство Московское, когда единодержавнымъ правителемъ его сдѣлался молодой царь Петръ Алексѣевичъ.

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Отъ Петра I-го до Екатерины II.

Отъ 1689 до 1762 (73 года).

I.

Царствованіе Петра I-го.

Это царствованіе, принесшее съ собою преобразованіе во всѣ части государственнаго устройства, представляетъ изумительный и единственный въ исторіи примѣръ безпрерывной дѣятельности государя. Такая дѣятельность и безотлагательное исполненіе плановъ, быстро одинъ за другимъ возникавшихъ въ геніальномъ воображеніи преобразователя, не могли по самой природѣ дѣлъ человѣческихъ привести вездѣ къ удачнымъ послѣдствіямъ, не могли быть вездѣ безукоризненны, но надобно сказать по справедливости, что преобразователь во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ имѣлъ одну цѣль: пользу народа своего, и одно желаніе—какъ можно скорѣе ввести его въ среду народовъ европейскихъ. Исполнить такое желаніе въ продолженіе одного царствованія нельзя было обыкновенными средствами, и потому Петръ употреблялъ почти вездѣ—необыкновенныя.

Надобно начать съ того, что при такомъ желаніи необыкновенна была и сдержанность его въ первыя пять лѣтъ его единодержавія: имѣя возможность поступать во всемъ по своей волѣ, онъ, какъ бы неувѣренный въ своихъ силахъ—не смотря на свой 17-ти лѣтній возрастъ, обыкновенно полный увѣренности во всемъ—не только не рѣшается ни на какія важныя нововведенія въ государственномъ устройствѣ, но даже во многомъ уступаетъ старшимъ боярамъ, которые составили между собой партію, противную новой партіи или приверженцамъ молодаго царя. Онъ уступаетъ въ это время даже въ важномъ дѣлѣ избранія новаго патріарха по смерти стараго, Іоакима, который ненавидѣлъ иностранцевъ, поставленныхъ начальниками надъ русскими полками, и, умирая, умолялъ обоихъ царей отставить ихъ. Выборъ новаго патріарха надобно было сдѣлать изъ двухъ митрополитовъ: Казанскаго, Адріана, вполнѣ раздѣлявшаго мнѣнія Іоакима, и Псковскаго — Маркелла, человѣка ученаго, и Петръ, не смотря на то, что самъ отдавалъ предпочтеніе Маркеллу, утвердилъ выборъ старой партіи и патріархомъ поставленъ былъ Адріанъ.

Но принимая такимъ образомъ мало участія въ дѣлахъ правленія, молодой царь тѣмъ усерднѣе продолжалъ заниматься своими любимыми предметами: упражненіями въ примѣрныхъ сраженіяхъ и кораблестроеніемъ. Эти примѣрныя сраженія назначались обыкновенно между солдатскими полками и стрѣльцами и, не смотря на свое названіе «воинскихъ потѣхъ», вели къ серьезному обученію и устройству регулярнаго войска и убѣжденію народа въ превосходствѣ этого устройства передъ прежнимъ: солдатскіе полки всегда оставались побѣдителями надъ стрѣлецкими. Для кораблестроенія также много сдѣлано было въ эти первыя пять лѣтъ царствованія Петра: кромѣ плаваній по озерамъ Переяславскому и Кубенскому, молодой царь въ 1693 году ѣздилъ въ Архангельскъ посмотрѣть на Бѣлое море, поплавалъ на немъ, видѣлъ тамъ въ первый разъ иностранные корабли, зало-

жилъ постройку своего и велѣлъ купить другой въ Голландіи.

Архангельскъ и Бѣлое море такъ понравились ему, что черезъ годъ онъ опять отправился туда и въ слѣдующемъ 1695 году уже рѣшился идти въ настоящій походъ подъ Азовъ, такъ какъ война съ Турками, начатая еще въ правленіе царевны Софіи, еще продолжалась. Азовъ избранъ былъ первымъ пунктомъ нападенія, потому что находился на берегу моря, которое представляло царю средство сближенія съ западною Европою. Въ этомъ первомъ походѣ Петръ служилъ въ сухопутномъ войскѣ не болѣе какъ въ чинѣ бомбардира Преображенскаго полка, а во флотѣ—шкипера. Одна часть войска вмѣстѣ съ малороссійскими казаками, отправлена была подъ начальствомъ боярина Шереметева сухимъ путемъ къ низовьямъ Днѣпра, а другая вмѣстѣ съ царемъ на судахъ по Москвѣ-рѣкѣ, Окѣ, Волгѣ и Дону къ самому Азову. Но этотъ первый походъ молодаго государя былъ неудаченъ: начальники были неопытны, инженеры такъ плохи, что подкопы, устроенные ими у Азова, дѣлали болѣе вреда Русскимъ, чѣмъ Туркамъ. Царь, простоявъ напрасно лѣто передъ крѣпостью, которой подавали безпрестанно помощь съ моря, благоразумно рѣшился снять осаду и въ ноябрѣ возвратился въ Москву; но, не унывая великимъ духомъ своимъ отъ этой неудачи, тотчасъ же распорядился строить въ Воронежѣ тридцать новыхъ военныхъ судовъ. Въ одну зиму онъ окончилъ постройку ихъ, собралъ для нихъ въ Москвѣ морской полкъ подъ начальствомъ любимца своего, адмирала Лефорта, въ февралѣ отправился самъ въ Воронежъ для окончательныхъ приготовленій къ походу, а въ апрѣлѣ уже всѣ суда выступили опять къ Азову. Петръ уже начальствовалъ теперь семью галерами въ чинѣ капитана. Генералиссимусомъ или начальникомъ сухопутнаго войска былъ бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ. На этотъ разъ осада Азова шла уже совсѣмъ иначе. Молодой царь самъ распоряжался ею: днемъ самъ бросалъ бомбы, ночью—самъ же наблюдалъ за турецкимъ

флотомъ, котораго русскіе корабли не допускали до Азова. Слѣдствіемъ этой неутомимой дѣятельности Петра и храбрости войска, въ особенности казаковъ запорожскихъ и донскихъ, было то, что 19-го іюля Азовъ сдался. Эта первая побѣда, стоившая царю столь многихъ усилій и трудовъ, восхитила его необыкновенною радостію; но скромный побѣдитель, не смотря на все дѣятельное участіе свое въ осадѣ, приписалъ весь успѣхъ ея двумъ главнымъ начальникамъ войска: Лефорту и Шеину. При торжественномъ въѣздѣ въ Москву имъ обоимъ возданы были всѣ почести; самъ же царь прошелъ въ тріумфальныя ворота, по этому случаю построенныя, какъ простой капитанъ Преображенскаго полка, пѣшкомъ съ своею ротою!

Послѣ самаго короткаго отдыха отъ трудовъ азовскаго похода, Петръ тотчасъ же занялся новыми распоряженіями по своему любимому предмету: морскому дѣлу. Владѣя теперь крѣпостію на Азовскомъ морѣ, онъ выбралъ уже Таганрогъ мѣстомъ гавани и спѣшилъ устройствомъ тамошняго флота. Не имѣя на то средствъ въ казнѣ, онъ возложилъ постройку судовъ на духовныхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ такъ, чтобы духовные построили и снарядили по кораблю съ 8000 крестьянскихъ дворовъ, а свѣтскіе съ 10,000 дворовъ. Вслѣдствіе такого приказа царскаго, землевладѣльцы съѣзжались въ Москву для условій, кому съ кѣмъ войти въ товарищество или, какъ тогда называли—*кумпанство*, для этой постройки. Она происходила на Воронежской верфи мастерами, выписанными изъ Венеціи, Даніи, Швеціи и Голландіи. Чтобы на будущее время не имѣть надобности выписывать ихъ, царь тогда же отправилъ въ Венецію, Данію и Голландію 50 стольниковъ и спальниковъ учиться кораблестроенію. Но привыкнувъ за всѣмъ смотрѣть собственными глазами и все дѣлать собственными руками, Петръ не удовольствовался этою отправкою, да и не имѣлъ терпѣнія дожидаться возвращенія новыхъ ученыхъ, но рѣшился въ то же время самъ поѣхать въ чужіе края, и чтобы избавиться

отъ всѣхъ стѣснительныхъ условій этикета, поѣхать инкогнито подъ именемъ простаго дворянина посольства *Петра Михайлова.* Какъ вздумано, такъ и сдѣлано. Главными послами были назначены: генералы Лефортъ и Головинъ съ многочисленною свитою дворянъ, въ число которыхъ и записанъ былъ Петръ Михайловъ. Управленіе государствомъ поручено было тремъ вельможамъ: дядѣ государя Льву Кирилловичу Нарышкину и князьямъ: Голицыну и Прозоровскому.

Въ мартѣ 1697 года посольство уже отправилось изъ Москвы. Только въ первомъ чужестранномъ городѣ, Ригѣ, принадлежавшей тогда Шведамъ, Петръ принятъ былъ не по-дружески: тамошній комендантъ не позволилъ ему осмотрѣть городскихъ укрѣпленій, что́, конечно, не могло не разсердить молодаго царя, но во всѣхъ другихъ мѣстахъ онъ встрѣчалъ самый радушный пріемъ, не смотря на свое инкогнито *).

Въ Голландіи завѣтныя желанія Петра исполнились: онъ увидѣлъ лучшіе въ свѣтѣ корабли того времени и тотчасъ рѣшился остаться тутъ для изученія кораблестроенія. Онъ поселился недалеко отъ Амстердама въ Сардамѣ или Зандамѣ, гдѣ была корабельная верфь, при которой Московскій царь записался простымъ корабельнымъ плотникомъ. Но недолго удалось ему потрудиться тутъ: скоро въ Сардамѣ узнали, кто этотъ необыкновенный плотникъ, и любопытные начали

*) Двѣ гонноверскія принцессы, которыхъ онъ посѣтилъ во время своего проѣзда по владѣніямъ ихъ, оставили слѣдующее любопытное описаніе о царѣ Московскомъ въ письмахъ своихъ; „Петръ имѣетъ видный ростъ и привлекательное лицо; отвѣты его скоры и удачны. Онъ небольшой охотникъ до музыки, но болѣе всего любитъ кораблестроеніе и фейерверки. По словамъ его онъ знаетъ 14 ремеслъ, и въ доказательство того показывалъ намъ руки свои, покрытыя мозолями. Онъ очень добрый государь, но обходится со всѣми уже слишкомъ нецеремонно. При лучшемъ воспитаніи онъ былъ бы человѣкомъ совершеннымъ“.

со всѣхъ сторонъ такъ докучать ему, что онъ чрезъ недѣлю переѣхалъ въ Амстердамъ и тамъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ работалъ такъ какъ простой плотникъ. Отсюда въ январѣ 1698 года онъ для усовершенствованія своего кораблестроенія отправился въ Англію и провелъ для этого болѣе двухъ мѣсяцевъ въ городѣ Дептфордѣ. Здѣсь принялъ онъ въ русскую службу много англійскихъ ученыхъ и мастеровъ, и въ Апрѣлѣ возвратился въ Голландію. Отсюда поѣхалъ онъ въ Вѣну, гдѣ заключилъ самый дружественный союзъ съ императоромъ Леопольдомъ, обѣщавшимъ ему усердно стараться о выгодномъ для Россіи мирѣ съ Турками. Изъ Вѣны царь сбирался уже отправиться въ Венецію, какъ вдругъ получилъ извѣстіе о Стрѣлецкомъ бунтѣ и потому поспѣшилъ возвратиться въ Москву.

Между стрѣльцами былъ заговоръ на жизнь Петра еще до отъѣзда его за границу, но онъ былъ тогда же открытъ и главные виновники,—по большой части приверженцы старины,—казнены. Но это не истребило неудовольствія этого дерзкаго войска на разныя нововведенія въ полкахъ и, напротивъ того, неудовольствіе стрѣльцовъ возрастало болѣе и болѣе отъ тѣхъ трудныхъ походовъ, въ которые теперь отправляли ихъ вмѣсто спокойной жизни, какую прежде они вели въ Москвѣ. Такъ какъ война съ Турками еще не была окончена, то четыре полка стрѣльцовъ все еще оставались въ Азовѣ и были такъ недовольны этимъ, что около 200 человѣкъ изъ нихъ убѣжало въ Москву и хотя они вскорѣ выгнаны были оттуда военнымъ начальствомъ назадъ въ свои полки, но царевна Софія успѣла и изъ монастыря войти въ сношенія съ бѣглецами и отправила съ ними къ товарищамъ ихъ письмо, въ которомъ звала ихъ въ Москву воспользоваться отсутствіемъ царя, о которомъ ничего не слышно. Конечно, этихъ словъ было довольно, чтобы возбудить всю обыкновенную дерзость стрѣльцовъ: получивъ это письмо, они открыто взбунтовались противъ своихъ начальниковъ, выбрали на мѣсто ихъ своихъ товарищей,

захватили оружія и даже пушки и пошли къ Москвѣ съ намѣреніемъ перебить всѣхъ Нѣмцевъ и бояръ. Но бояринъ Шеинъ и генералъ Гордонъ успѣли такъ хорошо распорядиться, что не допустили ихъ до Москвы и, встрѣтивъ съ регулярными полками подъ Воскресенскимъ монастыремъ, заставили ихъ первыми залпами артиллеріи разбѣжаться въ разныя стороны. Главные мятежники однакожъ были всѣ переловлены и 130 человѣкъ изъ нихъ повѣшены.

Все это сдѣлано было въ іюнѣ 1698 года, прежде нежели возвратился царь, и въ то самое время, когда онъ выѣхавъ изъ Вѣны, былъ въ Галиціи и, насмотрѣвшись на всѣ чудеса европейской цивилизаціи, создавалъ новые планы для скорѣйшаго сближенія ея съ своими подданными. Онъ удостовѣрился теперь, что это сближеніе посредствомъ морей Азовскаго и Чернаго не могло осуществиться такъ скоро, какъ бы онъ желалъ; ближайшее же и непосредственное сближеніе представляло только море Балтійское. Тогда отдалъ онъ полную справедливость намѣренію Іоанна IV го имѣть хотя одну гавань на Балтійскомъ морѣ, и твердо рѣшился исполнить это давно задуманное намѣреніе царя Московскаго. Почти въ первыя минуты этого рѣшенія Петру представился случай сдѣлать первый шагъ къ этому исполненію: онъ встрѣтился въ Галиціи же съ новымъ королемъ Польскимъ Августомъ II-мъ, курфирстомъ Саксонскимъ, подружился съ нимъ и условился воевать вмѣстѣ противъ Швеціи, владѣвшей тогда всѣми ближайшими къ намъ берегами Балтійскаго моря и безпрестанно подававшей причины къ неудовольствіямъ и Россіи и Польшѣ,

Съ такими-то планами и полный желанія какъ можно скорѣе привести ихъ въ исполненіе, Петръ 25-го августа возвратился въ Москву и на другой же день отдалъ приказъ боярамъ стричь бороды и перемѣнить азіятскую одежду на европейскую. Сгладить это наружное отличіе русскихъ людей отъ западныхъ Европейцевъ казалось для Петра дѣломъ столь

важнымъ, что онъ показалъ въ немъ величайшую строгость: если кто изъ свѣтскихъ людей не соглашался сбрить бороды, долженъ былъ платить пошлину и подвергался самымъ грубымъ насмѣшкамъ. Только духовенству и крестьянамъ позволено было оставаться съ бородами.

Сдѣлавъ это первое распоряженіе и съ удовольствіемъ видя, что, не смотря почти на всеобщій ропотъ, оно исполнялось, Петръ хотѣлъ самъ узнать подробности послѣдняго заговора стрѣльцовъ, и для того велѣлъ привезти въ Москву тѣхъ изъ нихъ, которые еще содержались въ разныхъ тюрьмахъ и монастыряхъ, и сдѣлать новый розыскъ со всею строгостію того времени. Тогда ясно открылось передъ нимъ участіе въ заговорѣ не только царевны Софіи, но и царевны Маріи Алексѣевны и самой царицы Евдокіи Өеодоровны, вслѣдствіе чего онѣ всѣ три были пострижены, а всѣ заговорщики изъ стрѣльцовъ, кромѣ несовершеннолѣтнихъ, были казнены. Послѣ того стрѣлецкіе полки мало по малу были уничтожаемы.

Покончивъ эти домашнія дѣла, неутомимый царь въ февралѣ 1699 года уже отправился въ Воронежъ—смотрѣлъ суда, построенныя кумпанствами, и тою-же весною уже плылъ на нихъ къ Азову. Въ августѣ отправленъ былъ въ Константинополь посолъ Украинцовъ на русскомъ кораблѣ для заключенія мира, которымъ Петръ спѣшилъ, чтобы начать войну съ Швеціею. Въ своихъ намѣреніяхъ противъ Швеціи царь имѣлъ усерднаго помощника въ Ливонцѣ Паткулѣ. Принадлежа къ ливонскимъ дворянамъ, у которыхъ Шведскій король Карлъ XI отобралъ въ казну земли, данныя имъ прежними королями, Паткуль имѣлъ справедливую причину быть недовольнымъ Швеціею и употреблялъ всѣ усилія, чтобы побудить къ войнѣ съ нею Польшу, Данію и Россію. По плану его, предложенному тремъ государямъ, Польшѣ слѣдовало возвратить себѣ отъ Шведовъ принадлежавшую ей прежде Ливонію, Даніи—герцогство Голштинское, а Россіи—прежнія земли новгородскія: Ингрію и Карелію.

Планъ Паткуля былъ одобренъ всѣми тремя правительствами и тройной союзъ противъ Швеціи былъ заключенъ.

Весною 1700 года короли Датскій и Польскій уже открыли непріятельскія дѣйствія, но Петръ не рѣшался начать ихъ, пока не заключитъ миръ съ Турками. Въ іюлѣ того же года Украинцову удалось сдѣлать это: миръ былъ заключенъ на 30 лѣтъ съ выгодными для Россіи уступками. 18-го августа Петръ получилъ это увѣдомленіе изъ Константинополя и на другой же день объявилъ манифестомъ народу о войнѣ съ Швеціею. Но это рѣшеніе его было сдѣлано во время уже неблагопріятное для успѣха: союзники его, короли Датскій и Польскій, уже начали отступать передъ молодымъ и храбрымъ королемъ Шведскимъ Карломъ XII-мъ, который въ августѣ уже заставилъ короля Датскаго отказаться отъ союза съ Польшею и Россіею. Въ то-же время и король Польскій отъ одного страха къ Карлу снялъ начатую осаду Риги, и такимъ образомъ единственнымъ врагомъ Швеціи остался одинъ Русскій царь, на котораго и устремился Карлъ. Войско русское въ числѣ 34,000 человѣкъ, состоявшее почти все изъ солдатъ, только-что за годъ передъ тѣмъ набранныхъ, было подъ начальствомъ генерала-иностранца, герцога де-Кроа, и стояло подъ Нарвою, которую Петръ думалъ взять приступомъ. У Шведовъ было только 12000 человѣкъ, но это были лучшіе, испытанные воины и подъ начальствомъ обожаемаго государя, на котораго всѣ смотрѣли, какъ на героя непобѣдимаго. Карлъ хорошо зналъ всѣ преимущества своего войска передъ малоопытными, нестройными полками русскими, которые къ тому же были подъ начальствомъ нелюбимыхъ ими иностранцевъ, и потому съ полною увѣренностію въ успѣхѣ быстро и неожиданно напалъ на нихъ 19-го ноября, и, конечно, безъ труда одержалъ побѣду. Захваченные въ расплохъ офицеры и генералы иностранные не только не одушевляли солдатъ къ битвѣ, но сами спѣшили сдаться Шведамъ изъ страха, что русскіе солдаты побьютъ ихъ;

только два полка, Преображенскій и Семеновскій, до самой ночи поддерживали сраженіе, но наконецъ и они должны были уступить. Карлъ при переговорахъ съ русскими генералами, хотя и обѣщалъ отпустить русское войско съ оружіемъ, но не сдержалъ слова, и захватилъ почти всю артиллерію.

Великій духъ Петра не пришелъ въ уныніе и отъ этого жестокаго испытанія, которое тѣмъ печальнѣе могло бы подѣйствовать на него, что партія недовольныхъ его нововведеніями приписывала неудачу неблагословенію Божію на дѣла его, и пользовалась тѣмъ, чтобы распространять въ народѣ неудовольствіе на всѣ распоряженія его. Но Петръ не обращалъ вниманія на то, чтó говорилось о немъ: онъ надѣялся своими успѣхами доказать справедливость своихъ поступковъ, и потому немедленно послѣ пораженія подъ Нарвою началъ съ изумительною дѣятельностію дѣлать новыя приготовленія къ продолженію войны. Къ счастію его въ это время Карлъ, убѣдившись въ легкости побѣды надъ Русскими, оставилъ для защиты отъ нихъ Ливоніи только небольшой отрядъ войска подъ начальствомъ генерала Шлиппенбаха, а самъ отправился на окончательное усмиреніе третьяго врага своего, короля Польскаго.

Противъ Шлиппенбаха Петръ поставилъ одного изъ лучшихъ генераловъ своихъ, Шереметьева; самъ же, имѣя главною цѣлію этой войны пріобрѣтеніе гавани на Балтійскомъ морѣ, отправился въ мѣста, издавна принадлежавшія Русскимъ, со славою защищаемыя противъ Швеціи еще Александромъ Невскимъ и впослѣдствіи захваченныя ею,—мѣста, соприкасавшіяся съ моремъ, къ которому такъ пламенно стремился Петръ. Это были берега Невы, на которыхъ еще виднѣлись старинныя русскія укрѣпленія. Въ числѣ ихъ былъ и прежній новгородскій городокъ «Орѣшекъ», названный Шведами «Нотебургомъ». Петръ началъ тѣмъ, что осадилъ и взялъ его въ октябрѣ 1702 года. Но это была уже третья побѣда надъ Шведами: первую одержалъ Шереметьевъ въ концѣ

1701 года, разбивъ главную часть войска Шлиппенбахова при селеніи Эрестферѣ. Петръ восхищенный этою первою побѣдою надъ Шведами, пожаловалъ Шереметьева фельдмаршаломъ. Лѣтомъ 1702 года новый фельдмаршалъ одержалъ вторую побѣду надъ Шлиппенбахомъ, послѣ которой онъ занялъ всю восточную часть Лифляндіи. Но завоеванія въ этой странѣ не казались Петру такими важными, какъ его собственныя въ Ингріи. Взявъ Орѣшекъ или Нотебургъ, онъ назвалъ его Шлюссельбургомъ или Ключемъ-городомъ, такъ какъ онъ построенъ былъ при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера и слѣдовательно могъ справедливо назваться ключемъ къ морю или Финскому заливу. Но почти у самаго входа въ этотъ заливъ была еще небольшая шведская крѣпость «Ніеншанцъ», на правомъ берегу Невы, на самыхъ тѣхъ мѣстахъ гдѣ теперь часть Петербурга, называемая Охтой. 1-го мая, 1703 года Петръ взялъ и эту крѣпость, срылъ всѣ ея укрѣпленія и вмѣсто нея заложилъ 16-го того же мая новую на одномъ изъ островковъ Невы, Люстъ-Эйландѣ. Эта новая крѣпость—былъ Петербургъ. Достигнувъ наконецъ исполненія своего пламеннаго желанія—соединенія владѣній ихъ съ моремъ, Петръ страстно полюбилъ свой новый приморскій городокъ; неутомимо слѣдя за постройкой его крѣпости, названной Петропавловскою, онъ самъ поселился тутъ, и въ числѣ шалашей и хижинъ для рабочихъ, составлявшихъ первые домы петербургскіе, былъ и маленькій домикъ для самаго царя, сохраняющійся донынѣ подъ каменнымъ навѣсомъ. Отсюда-то каждый день въ 3 часа утра онъ отправлялся на работы, самъ принималъ въ нихъ самое дѣятельное участіе и примѣромъ своимъ увлекалъ къ тому же и всѣхъ приближенныхъ своихъ и самихъ работниковъ, которыхъ цѣлыми тысячами высылали къ нему не только изъ ближнихъ, но даже и изъ довольно далекихъ мѣстностей Россіи, такъ что около новаго городка все кипѣло жизнію и онъ какъ бы какою-то волшебною силою поднимался изъ болотъ и лѣсовъ покрывавшихъ невскіе берега. Чрезъ нѣ-

колько мѣсяцевъ неутомимый строитель былъ уже блистательно вознагражденъ за свои тяжелые труды; въ ноябрѣ того же 1703 года въ новую гавань пришелъ первый иностранный корабль съ грузомъ вина и соли. Царь былъ въ такомъ восхищеніи, что не только выѣхалъ къ нему на встрѣчу, но даже самъ взялся быть лоцманомъ при введеніи корабля въ гавань; принялъ угощеніе виномъ и кофіемъ отъ хозяина корабля, Голландца, и щедро одарилъ и его самого и всѣхъ его матросовъ. Къ описанію изумительной дѣятельности Петра въ этомъ 1703 году надобно прибавить еще то, что вмѣстѣ съ Петербургомъ строилась для защиты его съ моря и другая крѣпость—Кроншлотъ, на отмели близь острова Котлина, что въ тоже время продолжались и непріятельскія дѣйствія противъ Шведовъ и были взяты у нихъ два остальные русскіе городка Копорье и Ямы. Этотъ послѣдній городокъ, по пристрастію Петра къ нѣмецкому языку, названъ былъ «Ямбургомъ». Вскорѣ потомъ, и именно въ 1704 году, Русскіе взяли Нарву и Дерптъ.

Но эти блестящіе успѣхи Петра, вѣроятно, не казались такими врагу его, Карлу XII, потому что онъ не пришелъ остановить ихъ и продолжалъ упорно преслѣдовать только Польскаго короля Августа, котораго хотѣлъ непремѣнно свергнуть съ престола, на мѣсто его дать Полякамъ другаго короля, и тогда уже съ помощію этого новаго короля идти противъ Россіи. Августъ, не имѣя никакихъ особенныхъ достоинствъ и проводя большую часть времени въ удовольствіяхъ, разорительныхъ для государства, не пользовался общимъ расположеніемъ къ себѣ народа, и потому Карлъ безъ большихъ трудовъ заставилъ Польскій сеймъ отвергнуть его и выбрать себѣ королемъ Познанскаго воеводу Станислава Лещинскаго; но какъ и Станиславъ не всѣмъ Полякамъ нравился, то государство раздѣлилось на партіи: Августову и Станиславову.

Петръ, для поддержанія своего союзника Августа, отправилъ 35,000 войска къ границамъ Польши. Русскіе скоро овладѣли Курляндіею и Вильною, дошли даже до Гродно и

можетъ быть предупредили бы совершенное паденіе Августа, если бы къ несчастію его не вспыхнуло возмущеніе бѣглыхъ стрѣльцовъ въ Астрахани и царь не принужденъ былъ отдѣлить часть полковъ своихъ, стоявшихъ у Гродно, и отправить ихъ на усмиреніе астраханскихъ бунтовщиковъ. Причины этого бунта были самыя нелѣпыя: сынъ одного изъ стрѣльцовъ, казненныхъ въ Москвѣ, желая отмстить Петру, распустилъ между простымъ народомъ въ Астрахани слухъ, что царь хочетъ ввести новую вѣру, раздѣлить государство на четыре части и всѣхъ русскихъ дѣвицъ выдавать за Нѣмцевъ. Какъ ни безсмысленны были такіе слухи, но Астраханцы повѣрили имъ, положили въ совѣтѣ своемъ вырубить всѣхъ Нѣмцевъ, всѣхъ бояръ и офицеровъ регулярныхъ полковъ, а чтобы спасти своихъ дѣвицъ отъ браковъ съ Нѣмцами, обвѣнчали въ одинъ день сто паръ. Бунтъ этотъ продолжался около года и кончился только въ мартѣ 1706 года, когда фельдмаршалъ Шереметьевъ взялъ Астрахань приступомъ. Но это усмиреніе дорого стоило Петру, потому что въ то время, когда Шереметьевъ совершалъ его, Карлъ воспользовался уменьшеніемъ русской арміи подъ Гродно и быстрымъ появленіемъ въ ней изъ Варшавы отрѣзалъ ее отъ тѣхъ мѣстъ, откуда она получала продовольствіе; отъ Августа же и его Саксонцевъ нельзя было ожидать помощи, потому что они уже были разбиты другимъ шведскимъ отрядомъ. Здѣсь опять желаніе Карла совсѣмъ уничтожить Августа было полезно для Петра: онъ не пошелъ противъ Русскихъ, которыхъ положеніе у Гродно было опасно, но повернулъ въ наслѣдственныя владѣнія Августа, въ Саксонію, и чтобы спасти ее, Августъ долженъ былъ согласиться въ сентябрѣ 1706 года на миръ съ Карломъ въ Альманстрандѣ, и по этому миру онъ долженъ былъ отказаться отъ польскаго престола въ пользу Станислава Лещинскаго, отказался даже отъ союза съ Россіей, и кромѣ того унизился до того, что выдалъ Карлу —Паткуля, находившагося въ это время въ русской службѣ и занимавшаго мѣсто царскаго посланника при Августѣ.

Карлъ чрезвычайно радъ былъ, что наконецъ получилъ въ свои руки человѣка, котораго считалъ измѣнникомъ Швеціи и имѣлъ жестокость колесовать несчастнаго.

Послѣ такого выгоднаго мира у Карла оставался только одинъ непріятель—Петръ, и на него-то онъ устремился теперь, не принимая никакихъ уступокъ царя, который, будучи принужденъ въ это время усмирять новыхъ бунтовщиковъ на Дону, соглашался возвратить Швеціи многія изъ завоеванныхъ у ней мѣстъ и оставить у себя только одну гавань на Балтійскомъ морѣ. Но Карлъ, отказываясь даже отъ переговоровъ, гордо объявилъ, что онъ хочетъ заключить миръ въ Москвѣ, и въ январѣ 1708 года уже пришелъ въ Гродно, гдѣ однакоже не нашелъ русскаго войска: Петръ еще задолго до прихода его приказалъ войску отступить къ своимъ границамъ.

Никогда еще Петръ не былъ въ такомъ трудномъ положеніи, какъ въ то время: съ одной стороны наступленіе такого сильнаго и искуснаго непріятеля, какимъ былъ Карлъ XII; съ другой—возмущеніе голутвенныхъ казаковъ подъ начальствомъ одного изъ старшинъ, Булавина, который умѣлъ такъ ловко распоряжаться, что совершенно истребилъ отрядъ войска, посланнаго Петромъ для усмиренія мятежниковъ, и овладѣлъ главнымъ городомъ донскихъ казаковъ, Черкаскомъ. Царь долженъ былъ отправить туда новое войско. Оно было подъ начальствомъ князя Долгорукаго, который овладѣлъ Черкаскомъ, при чемъ схвачена была большая часть главныхъ мятежниковъ. Всѣ они были казнены; Булавинъ же, не желая сдаться, самъ застрѣлился. Это было въ іюлѣ 1708. Но кромѣ пойманныхъ бунтовщиковъ оставались еще двое: Некрасовъ и Голый, которые продолжали сопротивляться правительству до ноября, и наконецъ принуждены были бѣжать на Кубань съ 2,000 своихъ приверженцевъ. Только тогда все усмирилось и Петръ могъ спокойно обратить всѣ силы свои на главнаго врага, который лѣтомъ того же 1708 года былъ уже въ Могилевѣ, гдѣ ожидалъ къ себѣ генерала своего Левенгаупта изъ Лиф-

ляндіи съ большими запасами для войска. Но Петръ не допустилъ Левенгаупта до Могилева и, самъ напавъ на него, 28 сентября разбилъ при деревнѣ Лѣсной и воспользовался всѣмъ огромнымъ обозомъ его. Карлъ такимъ образомъ остался безъ продовольствія, но у него былъ союзникъ, который обѣщалъ ему помощь всякаго рода. Это былъ гетманъ малороссійскихъ казаковъ Иванъ Степановичъ Мазепа, умный и хитрый старикъ, который своею образованностью и ловкостью умѣлъ вкрасться въ любовь къ Петру и въ то же время таить въ душѣ самые честолюбивые замыслы: онъ задумалъ сдѣлаться независимымъ главою Малороссіи, и надѣялся, что въ этомъ намѣреніи поможетъ ему знаменитый герой Карлъ XII, который въ это время располагался предписывать Петру миръ изъ Москвы. Мазепа, увлекаясь славою Карла, вполнѣ увѣренъ былъ въ исполненіи гордыхъ намѣреній своихъ, и ожидалъ только его вступленія въ земли Малороссіи, чтобы открыто объявить объ измѣнѣ своей, и между тѣмъ такъ искусно игралъ передъ царемъ роль преданнѣйшаго слуги его, что Петръ не вѣрилъ никакимъ доносамъ на него изъ Малороссіи отъ людей, разгадавшихъ обманщика, и до такой степени былъ убѣжденъ въ его вѣрности, что эти самые доносы посылалъ къ нему для разбирательства. Онъ, конечно, губилъ людей, писавшихъ ихъ. Такъ погибли два наиболѣе опасные врага его въ Малороссіи: генеральный судья Кочубей и полковникъ Искра.

На этого-то низкаго обманщика надѣялся Карлъ какъ на сильнаго помощника своего при походѣ въ Москву, и потому, не унывая отъ разбитія Левенгаупта и отъ потери обоза его, онъ отправился въ октябрѣ изъ Могилева, для вознагражденія себя за эту потерю—въ богатую Малороссію, гдѣ, по условію съ Мазепою, казаки должны были встрѣтить его съ честію и готовностію всѣмъ пожертвовать для него изъ-за обѣщанной имъ независимости. Но вѣроломный гетманъ ошибся въ своихъ разсчетахъ: только небольшое число казаковъ увлеклось его обѣщаніями, большая же часть войска и народъ остались вѣрны царю и, вмѣсто ожидаемыхъ помощниковъ, король встрѣтилъ

въ нихъ самыхъ жестокихъ противниковъ своихъ, которые смотрѣли на него какъ на гонителя православной вѣры своей, задумавшаго вмѣстѣ съ Мазепою покорить ихъ Польшѣ.

Какъ скоро Петръ объявилъ манифестъ объ измѣнѣ Мазепы, казацкая рада собралась въ городѣ Глуховѣ и 6-го ноября уже избранъ былъ новый гетманъ, полковникъ Стародубскаго полка Иванъ Ильичъ Скоропадскій, подъ начальствомъ котораго и велась въ Малороссіи самая ожесточенная народная война съ Шведами. Этой войнѣ помогали и царскія войска и почти всегдашняя сильная союзница Русскихъ — такая холодная зима, что птицы падали на лету. Карлъ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ, убѣдился тогда, что трудно будетъ ему предписывать царю миръ изъ Москвы: къ веснѣ 1709 года у него оставалось только 30,000 войска, съ которымъ онъ стоялъ въ окрестностяхъ Полтавы, между рѣками Псёломъ и Ворсклою. Терпя большой недостатокъ въ продовольствіи, и прождавъ напрасно помощи изъ Турціи и Польши, Карлъ рѣшился въ апрѣлѣ 1709 г. съ своимъ уже измученнымъ холодомъ и голодомъ войскомъ осадить Полтаву Болѣе мѣсяца продолжалась осада, какъ въ іюнѣ на помощь осажденнымъ явился самъ Петръ и тутъ-то 27-го іюня произошла та знаменитая Полтавская битва, которая сокрушила могущество Карла и такъ высоко вознесла надъ нимъ соперника его, Петра. Шведы были совершенно разбиты. Карлъ едва спасся бѣгствомъ въ Турцію вмѣстѣ съ Мазепою и небольшимъ числомъ Шведовъ. Остальное войско шведское сдалось Меншикову. Карлъ долго оставался въ Турціи въ намѣреніи побудить султана къ войнѣ съ Россіею, но Мазепа черезъ два мѣсяца умеръ тамъ.

Между тѣмъ какъ Шведскій король проводилъ праздную жизнь на югѣ Европы могущество неутомимо-дѣятельнаго Петра возрастало на сѣверѣ. Послѣ Полтавской побѣды союзники его: король Датскій и курфюрстъ Саксонскій, разрозненные Карломъ, снова возвратились къ нему. Сѣверная война возобновилась на берегахъ Балтійскаго моря: въ 1710

году Петръ взялъ Ригу, Ревель, Выборгъ и Кексгольмъ. Станиславъ Лещинскій, нелюбимый Поляками, не могъ оставаться королемъ безъ помощи Карла и долженъ былъ отказаться отъ престола, который снова занятъ былъ Августомъ II. Но прошелъ годъ и Карлу удалось наконецъ убѣдить султана въ необходимости войны противъ Россіи: въ 1711 г. Турція объявила ее. Петръ предоставилъ генераламъ своимъ продолженіе Сѣверной войны, а самъ съ 40,000 арміею отправился на югъ. Онъ могъ напередъ расчитывать на успѣхи войны съ Турками, потому что Августъ обѣщалъ ему выставить свое 30,000 войско; кромѣ того въ самой Турціи единовѣрные Русскимъ народы: Сербы, Черногорцы, господари Валахіи и Молдавіи обѣщали ему свою помощь. Обнадеженный такимъ образомъ, Петръ перешелъ весною 1711 года границы свои и вступилъ въ турецкія владѣнія, но тутъ вскорѣ узналъ онъ, что расчеты его были невѣрны. Войску его трудно было идти по степямъ турецкимъ въ самое знойное время года: оно изнурялось и падало духомъ, а обѣщанная помощь не являлась, и напротивъ того одинъ изъ господарей, именно Валахскій, Бранкованъ, даже измѣнилъ Петру и присоединился къ Туркамъ. Только Молдавскій, Кантеміръ, остался вѣренъ ему, но помощь его была незначительна противъ 200,000 войска турецкаго, которое подъ начальствомъ великаго визиря въ іюнѣ того же года окружило Петра на берегахъ рѣки Прута. Положеніе царя было такъ опасно, что не оставалось другаго средства къ спасенію, какъ предложить визирю миръ, на который, къ счастію, онъ и согласился. Конечно условія этого мира были очень невыгодны для Петра: онъ долженъ былъ возвратить Туркамъ Азовъ и другія уже построенныя имъ укрѣпленія на берегахъ Азовскаго моря и слѣдовательно долженъ былъ отказаться отъ сообщенія съ Чернымъ моремъ; но онъ уже владѣлъ болѣе выгоднымъ для него сообщеніемъ съ моремъ Балтійскимъ и потому, перенеся съ своею обыкновенною твердостію неудачу при Прутѣ, онъ тѣмъ съ бо́льшимъ рве-

ніемъ къ сохраненію своихъ балтійскихъ береговъ возвратился въ Петербургъ и въ продолженіе трехъ слѣдующихъ годовъ 1712, 1713 и 1714 увеличивалъ свои завоеванія на этихъ берегахъ и помогалъ союзникамъ своимъ вытѣснять Шведовъ изъ германскихъ владѣній ихъ. Русскія войска покрылись въ это время славою на сушѣ и на морѣ. Особенно отличался галерный флотъ, состоявшій уже изъ 200 судовъ подъ начальствомъ генералъ-адмирала Апраксина. Самъ царь участвовалъ въ немъ въ званіи контръ-адмирала. Въ 1713 году завоеваны были города: Гельсингфорсъ, Або, Таммерфорсъ и такимъ образомъ занята была почти вся Финляндія. Въ іюлѣ 1714 года Петръ разбилъ шведскій флотъ при Гангудѣ и, завладѣвъ островомъ Аландомъ, былъ уже только въ 15-ти миляхъ отъ Стокгольма. Въ ноябрѣ этого же года Карлъ, не успѣвъ въ стараніяхъ своихъ поднять снова Турокъ противъ Россіи, рѣшился наконецъ оставить Турцію и явился въ Германію защищать свои тамошнія владѣнія противъ союзниковъ; но появленіе его при истощенныхъ силахъ Швеціи не принесло ей никакой пользы и въ слѣдущемъ 1716 году Карлъ лишился и послѣдняго владѣнія своего въ Германіи—города Висмара. Но потеря этого города послужила къ его пользѣ тѣмъ, что разсорила союзниковъ съ самымъ главнымъ изъ враговъ его, съ Петромъ: въ томъ 1716 году царь выдалъ племянницу свою, царевну Екатерину Іоанновну за герцога Мекленбургскаго, и обѣщалъ ему стараться о присоединеніи къ его владѣніямъ этого самаго города Висмара, за что герцогъ позволилъ русскимъ купцамъ не только свободно торговать во всѣхъ своихъ владѣніяхъ, но даже оставаться тамъ на житье и строить православныя церкви. Союзники испугались, что Петръ такимъ образомъ современемъ можетъ совсѣмъ завладѣть Мекленбургіею и явно показали ему свое неудовольствіе тѣмъ, что не впустили русскихъ войскъ въ Висмаръ. Петръ, вовсе не имѣя такого намѣренія, приведенъ былъ въ сильный гнѣвъ и, отклонившись отъ союза, сталъ внимательнѣе слушать пред-

ложенія о мирѣ со стороны Карла чрезъ голштинскаго министра Герца. Карлъ уступалъ царю всѣ его завоованія на берегахъ Балтійскаго моря, чтобы только онъ помогъ ему возвратить ему его владѣнія въ Германіи. Во время этихъ переговоровъ весною 1717 года Петръ ѣздилъ въ Парижъ. Тамъ во все время своего пребыванія онъ возбуждалъ всеобщее удивленіе своимъ неподдѣльнымъ величіемъ, своимъ ничѣмъ неудержимымъ стремленіемъ къ пріобрѣтенію всѣхъ полезныхъ знаній, быстрымъ изученіемъ ихъ и совершеннѣйшею простотою въ жизни. Отказавшись отъ великолѣпныхъ комнатъ, приготавленныхъ для него въ Луврѣ, онъ жилъ въ частномъ домѣ, носилъ самое простое суконное платье, парикъ не огромный и модный, какіе носили тогда, но круглый и короткій, безъ пудры; однимъ словомъ, былъ такъ простъ во всемъ, что́ касалось до собственной особы его, что Французы, отличавшіеся необыкновенною роскошью, едва вѣрили глазамъ своимъ, что подъ этимъ скромнымъ нарядомъ скрывается великій царь Россіи. Нѣкоторые историки думаютъ, что для поѣздки своей въ Парижъ Петръ имѣлъ не одну цѣль усовершенствованія своего въ разныхъ наукахъ и искуствахъ, но и другую: желаніе помолвить дочь свою Елизавету за тогдашняго малолѣтняго короля Людовика XV; но вѣроятно различіе вѣроисповѣданій жениха и невѣсты и несогласіе на уступки какъ царя, такъ и опекуна королевскаго, герцога Орлеанскаго, помѣшали устройстну этого брака.

Возвратясь изъ Парижа, Петръ продолжалъ свои переговоры о мирѣ съ Швеціею тайно съ Герцомъ въ Голландіи; открыто же переговоры начались весною 1718 года на одномъ изъ острововъ Аландскихъ и вѣроятно окончены были бы съ большими выгодами для Россіи, но внезапная смерть Карла XII въ декабрѣ того же года не только прекратила всѣ эти переговоры, но и дала совсѣмъ другое направленіе политическимъ видамъ Швеціи. Наслѣдникомъ бездѣтнаго Карла былъ сынъ старшей сестры его, герцогъ Голштинскій, но аристо-

краты шведскіе, захватившіе власть въ свои руки, возвели на престолъ мужа младшей сестры его, принца Гессенскаго, казнили Герца и вмѣсто мира съ Россіей, чего желалъ Карлъ, возобновили войну съ нею. Эта война продолжалась съ большими неудачами для Швеціи и славою для Россіи болѣе двухъ лѣтъ. Главнымъ героемъ ея былъ Апраксинъ, начальникъ галернаго флота. Дѣлая высадки на берега Швеціи, онъ безпощадно опустошалъ ихъ, жегъ города и деревни и, разоряя такимъ образомъ и безъ того уже истощенную Швецію, принудилъ ее наконецъ къ заключенію мира. 30-го августа 1721 года онъ былъ подписанъ въ Ништадтѣ, уполномоченными Петра—Брюсомъ и Остерманомъ. Россія получила въ свое владѣніе: Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію, часть Кареліи и часть Финляндіи. Достигнувъ цѣли самыхъ пламенныхъ желаній своихъ: пріобрѣтенія балтійскихъ береговъ — и въ тоже время окончивъ тяжкую для народа войну, продолжавшуюся болѣе двадцати лѣтъ, Петръ былъ необыкновенно счастливъ и праздновалъ самыми веселыми пирами заключеніе Ништадтскаго мира. Маскарадъ, данный въ то время, продолжался цѣлую недѣлю. Черезъ два мѣсяца послѣ того, 22-го октября сенатъ и духовенство поднесли Петру титулъ «императора» и названія «Отца отечества» и «Великаго». Принимая эти выраженія благодарности народа въ Троицкомъ соборѣ, гдѣ послѣ прочтенія мирнаго договора съ Швеціей и исчисленія великихъ заслугъ царя происходило это поднесеніе чрезъ псковскаго архіерея Ѳеофана Прокоповича и канцлера Головкина, новый императоръ отвѣчалъ слѣдующими словами: «Должно всѣми силами стараться «благодарить Бога, но надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ «военномъ дѣлѣ, чтобы не имѣть жребія монархіи Греческой: «надлежитъ стараться о пользѣ общей, отчего народъ получитъ «облегченіе».

Прошло не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ заключенія знаменитаго для Россіи мира, какъ воинственный государь ея начиналъ уже новую войну. Сознавая, что Россія, по своему

географическому положенію, должна быть средоточіемъ торговли между Европою и Азіею. Петръ уже искуственно соединилъ для того моря: Балтійское съ Каспійскимъ и давно думалъ уже объ отысканіи воднаго пути изъ этого послѣдняго моря въ Индію; но для того надобно было распространить свои владѣнія на берегахъ этого моря, и случай къ тому представился: русскимъ купцамъ нанесены были оскорбленія въ Шемахѣ. Петръ требовалъ отъ Персидскаго шаха удовлетворенія за обиду и, не получивъ его, въ іюлѣ 1722 года объявилъ манифестъ о войнѣ съ Персіей и отправился самъ съ войскомъ изъ Москвы по рѣкамъ Москвѣ, Окѣ и Волгѣ до Астрахани, а оттуда въ іюлѣ по Каспійскому морю до города Тарки, который въ августѣ и былъ уже взятъ. Вскорѣ потомъ взятъ былъ и Дербентъ, и можетъ быть Петръ въ ту осень со славою окончилъ бы и эту войну, но въ войскѣ оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, потому что бури задержали суда, на которыхъ везли ихъ. Государь рѣшился оставить часть войскъ въ Дербентѣ и возвратился въ Астрахань. Въ ноябрѣ же Петръ, увѣренный въ успѣшныхъ дѣйствіяхъ своихъ войскъ и въ отсутствіи его, уѣхалъ въ Москву. И онъ не ошибся: полковникъ Шиповъ вскорѣ послѣ отъѣзда его одержалъ побѣду надъ Персіянами при Рештѣ, а лѣтомъ 1722 года генералъ Матюшкинъ взялъ Баку. Шаху Тахмасу, обезсиленному и этою войною и еще болѣе мятежами внутри государства его, не оставалось другаго средства къ спасенію, какъ заключить миръ съ Петромъ, что̀ и сдѣлано было осенью того же 1723 года: посолъ его заключилъ въ Петербургѣ мирный договоръ, по которому Петръ обѣщалъ шаху помощь противъ его мятежниковъ, а шахъ уступилъ за то Россіи нѣсколько областей: Мазандеранъ, Гилянъ, Астрабадъ и города Дербентъ и Баку.

Этимъ выгоднымъ для Россіи миромъ заключились военныя дѣла великаго императора,—дѣла, изумившія своими успѣхами всю Европу: Россія, малоизвѣстная до того времени и считавшаяся государствомъ почти азіятскимъ, вдругъ

какъ бы волшебною силою вошла въ рядъ сильныхъ державъ европейскихъ. Такимъ образомъ преобразованія Петра въ войскѣ и во всемъ, что̀ касалось внѣшняго устройства государства его, увѣнчались полнымъ успѣхомъ и доставили ему безсмертную славу. Изумительна была также неутомимая дѣятельность его и въ отношеніи внутренняго порядка въ царствѣ. Здѣсь представлялось ему нѐ менѣе обширное поле для дѣйствія: мы знаемъ, какъ многое было дурно устроено, какъ многое еще вовсе не устроено. По мнѣнію Петра надобно было преобразовать все, и онъ принялся за все съ своей обыкновенною быстротою.

Онъ началъ съ лица важнѣйшаго въ государствѣ его: съ патріарха. Въ 1700 году умеръ патріархъ Адріанъ—защитникъ старины, нелюбившій нововведеній Петра. По этой причинѣ Петръ не могъ быть хорошо расположенъ къ нему, и зная по опыту, какой вредъ можетъ произойти для народа отъ столкновеній власти государя съ властію лица, такъ высоко поставленнаго какъ патріархъ, отложилъ на нѣкоторое время избраніе преемника Адріану и поручилъ завѣдываніе всѣми дѣлами по управленію патріаршему—Рязанскому митрополиту Стефану Яворскому съ титуломъ: «блюстителя патріаршаго престола». Отлагательство длилось болѣе 20-ти лѣтъ: Петръ, желая совершенно уничтожить патріаршество, приготовлялъ въ это время планъ коллегіальнаго управленія духовными дѣлами, которое въ 1721 году и было учреждено подъ именемъ *Святѣйшаго синода*. Регламентъ или правила для этого новаго управленія были написаны любимцемъ Петра, знаменитымъ проповѣдникомъ, Псковскимъ архіепископомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, краснорѣчиво доказывавшимъ въ своемъ сочиненіи превосходство коллегіальнаго или соборнаго управленія передъ властію одного человѣка, управлявшаго въ лицѣ патріарха всѣми церковными дѣлами. Первымъ президентомъ Святѣйшаго синода назначенъ былъ тотъ же Стефанъ Яворскій, бывшій блюстителемъ патріаршаго престола. Прокоповичъ и Яворскій, такъ же какъ и Ро-

стовскій митрополитъ св. Димитрій, были знаменитыми церковными писателями Петрова времени. Первый былъ ревностнымъ защитникомъ всѣхъ преобразованій Петра; послѣдніе два писали противъ раскола, сильно распространявшагося тогда по случаю разныхъ нововведеній, отъ которыхъ многіе приверженцы старины бѣжали въ темныя и отдаленныя убѣжища раскольниковъ. Св. Димитрій Ростовскій первый подробно описалъ разныя раскольничьи секты въ своемъ сочиненіи: «Розыскъ о раскольничьей Брынской вѣрѣ». Онъ написалъ также житія святыхъ или такъ называемыя Четіи-Минеи. Стефанъ Яворскій писалъ не только противъ раскольничества, но и противъ протестантизма, котораго мнѣнія начали вкрадываться въ русское общество со времени водворенія въ Москвѣ множества иностранцевъ. Въ этомъ отношеніи извѣстно сочиненіе его подъ названіемъ: «Камень вѣры». Справедливо приписывая всѣ такія уклоненія отъ православія невѣжеству духовенства, Петръ особенно заботился объ его просвѣщеніи. Св. синоду поставлено было первою обязанностію распространять свѣденія о законѣ Божіемъ, даже указано составить для того три книги: одну—о догматахъ вѣры, другую—о должностяхъ всякаго человѣка, а третью—собраніе проповѣдей св. отцовъ о догматахъ и должностяхъ. Кромѣ того предписывалось каждому епископу имѣть у себя дома школу для приготовленія священниковъ. Въ послѣдствіи (въ 1724 году) данъ былъ особенный указъ Св. синоду и о монахахъ. Петръ желалъ, чтобы онѣ раздѣлялись на три разряда: одни ходили бы за престарѣлыми больными и увѣчными людьми, которыхъ для того и велѣлъ помѣстить въ нѣкоторыхъ монастыряхъ; другіе заботились бы о сиротахъ, также помѣщенныхъ въ монастыри: третьи—приготовляли бы изъ себя достойныхъ служителей церкви.

Столько же вниманія обращалъ Петръ и на образованіе дворянскаго сословія. Раздѣливъ все государство на 12 губерній, а губерніи на 43 провинціи, онъ учредилъ въ

провинціяхъ для дворянъ и чиновниковъ элементарныя школы, въ которыхъ учители были воспитанники математическихъ московскихъ школъ. Кромѣ этихъ школъ, въ Москвѣ были еще школы латинскія и нѣмецкія, была также инженерная школа для подъячихъ, и наконецъ была морская академія, а въ 1724 году Петръ издалъ указъ объ учрежденіи академіи наукъ. Нельзя не изумляться быстротѣ, съ которою возникали всѣ эти учрежденія одно за другимъ: при одномъ и томъ же государѣ изобрѣтена была еще только гражданская азбука для печатанія свѣтскихъ книгъ и положено начало академіи наукъ! Но какая основательность сужденій соединялась съ этою быстротою, можно видѣть изъ нѣсколькихъ словъ указа объ учрежденіи академіи: «Для наукъ и художествъ обыкновенно употребляются двоякаго рода учрежденія: университетъ и академія, но въ Россіи нельзя слѣдовать тому, что́ принято въ другихъ государствахъ; надобно смотрѣть на состояніе здѣшняго государства: одну академію нельзя учредить, потому что она не въ состояніи скоро распространить знанія въ народѣ; университеты также не для чего заводить, когда нѣтъ еще гимназій и семинарій; надобно слѣдовательно основать такое учрежденіе, которое бы изъ лучшихъ ученыхъ людей состояло; но эти ученые должны не только сами заниматься науками и двигать ихъ впередъ, но должны также обучать молодыхъ людей наукамъ публично, и потомъ нѣкоторыхъ людей должны при себѣ обучать, чтобы они потомъ могли въ свою очередь обучать первымъ основаніямъ всѣхъ наукъ». Но исполненіе этого прекраснаго плана не удалось видѣть Петру: академія открыта была уже послѣ кончины его.

Не смотря, однако же, на всѣ эти усердныя старанія великаго государя, просвѣщеніе медленно распространялось между подданными его: дѣти дворянъ неохотно принимались за ученіе; родители также, мало понимая пользу этого ученія, не принуждали ихъ, такъ что Петръ долженъ былъ издать указъ, которымъ дѣтямъ землевладѣльцевъ поставля-

лось въ обязанность выучиться грамотѣ, цифири и геометріи, и кто не хотѣлъ учиться, тому запрещалось и жениться. Для предупрежденія несчастныхъ браковъ по одной волѣ родителей, Петръ запретилъ вѣнчать прежде нежели пройдетъ шесть недѣль послѣ обрученія жениха и невѣсты, а для развитія общественной жизни вообще обязалъ вельможъ и другихъ богатыхъ людей давать зимою балы или такъ называемыя *ассамблеи*, на которыя женатые гости должны были привозить женъ и взрослыхъ дочерей своихъ. Женщины вначалѣ страдали отъ этого нововведенія: не привыкнувъ въ своемъ затворничествѣ ни къ табачному дыму, ни къ зрѣлищу попоекъ, онѣ должны были теперь переносить то и другое, потому что главнымъ удовольствіемъ мужчинъ на этихъ вечерахъ было: курить и пить. Подробныя описанія какъ этихъ ассамблей, такъ и вообще нравовъ и обычаевъ Русскихъ того времени, можно найти въ сочиненіи нѣмца Берхгольца, который, какъ камеръ-юнкеръ Голштинскаго герцога, жениха великой княжны Анны Петровны, прожилъ болѣе четырехъ лѣтъ въ Россіи. Въ отношеніи нравоописательномъ есть и русскія замѣчательныя сочиненія того времени торговаго человѣка Посошкова, который, ясно видя недостатки общества, вполнѣ сочувствовалъ всѣмъ преобразованіямъ Петра и чрезвычайно сожалѣлъ о томъ что государь видитъ мало помощи отъ подданныхъ. Въ одномъ мѣстѣ сочиненія своего онъ говоритъ: «Великій нашъ монархъ на гору самъ-десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ, какъ же его дѣло споро будетъ?» Въ другомъ: «У насъ вѣра святая, благочестивая, а судная расправа никуда не годится, и указы императорскіе ни во что обращаются: всякъ по своему обычаю дѣлаетъ, и пока прямое правосудіе у насъ не устроится, то никогда мы не будемъ богаты и доброй славы себѣ не наживемъ». По этому, онъ находилъ нужнымъ употребить крутыя мѣры, чтобы двинуть просвѣщеніе и правду на судахъ.

Въ недостаткѣ этой правды и также въ лихоимствѣ или

взяточничествѣ уличались тогда многіе изъ чиновныхъ людей, въ томъ числѣ и самый приближенный къ государю—князь Меншиковъ. Но не таковы были лучшіе дѣятели Петрова времени, какъ напр. фельдмаршалъ графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, два брата князья Михаилъ и Димитрій Михайловичи Голицыны; сенаторъ, князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукій, лучшій изъ членовъ учрежденнаго въ 1711 году сената на мѣсто прежней боярской думы *); генералъ-адмиралъ графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ и послѣ него—генералъ-адмиралъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, и великій канцлеръ графъ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ. Всѣ эти знаменитые люди извѣстны были сколько своимъ усердіемъ къ государю и отечеству, столько и своимъ умомъ и способностями въ отправленіи обязанностей, на нихъ возложенныхъ, и вполнѣ оправдывали правило великаго государя: не смотря на свое расположеніе къ иностранцамъ, не отдавать имъ первыхъ мѣстъ по управленію, а предоставлять имъ только мѣста второстепенныя. И изъ этихъ иностранцевъ Петръ всегда умѣлъ выбирать самыхъ лучшихъ по дарованіямъ и по усердію къ исполненію его порученій. Кромѣ первыхъ учителей его, Лефорта и Тиммермана, изъ нихъ особенно отли-

---

*) Сенатъ учрежденъ былъ какъ высшее судебное мѣсто и состоялъ сначала (до 1718 г.) только изъ девяти членовъ. Дѣла, расматриваемыя здѣсь, рѣшались по единогласному приговору всѣхъ членовъ. Прежніе же московскіе приказы преобразованы были въ коллегіи, которыхъ было *десять*; Иностранныхъ дѣлъ, Военная, Адмиралтейская, Вотчинная, Юстицъ-коллегія, Мануфактуръ, Бергъ, Коммерцъ, Каммеръ и Штатсъ-коллегіи. Эти послѣднія двѣ коллегіи завѣдывали финансами. Для разбирательства же дѣлъ между торговыми людьми Петръ еще въ 1699 году учредилъ особое присутственное мѣсто подъ названіемъ *ратуши*, которая не была подъ вѣдомствомъ воеводъ и составлялась изъ бургомистровъ, избираемыхъ купцами изъ среды своей ежегодно. Одинъ изъ этихъ бургомистровъ былъ помѣсячно президентомъ ратуши. Въ важнѣйшихъ же городахъ учреждены были въ 1720 готу *магистраты*. Всѣ эти городовые магистраты подчинены были главному петербургскому, который подчиненъ былъ сенату. Одною изъ первыхъ обязанностей главнаго магистрата было—покровительствовать промышленности и торговлѣ.

чались своими заслугами Россіи: баронъ Остерманъ, знаменитый дипломатъ своего времени, который прославился выгодными для Россіи условіями Ништадскаго мира; графъ Брюсъ, начальникъ артиллеріи, извѣстенъ былъ своею ученостію и своими прекрасными нравственными достоинствами; Минихъ, только съ 1721 года вступившій въ русскую службу и получившій въ свое распоряженіе работы по Ла-

Петръ у Лахты.

дожскому каналу. Онъ исполнялъ ихъ такъ превосходно, что въ 1724 году Петръ уже, больной въ это время, восхищался ими, и отъ удовольствія, не чувствуя уже болѣзни, говорилъ: «Труды моего Миниха сдѣлали меня здоровымъ!»

Но къ несчастію Россіи великій государь обманывался: без-

прерывная дѣятельность его и небрежное пользованіе только однѣми минеральными водами болѣзни, давно гнѣздившейся въ организмѣ его, подрывали мало-по-малу крѣпкое сложеніе, которое въ октябрѣ 1724 года испытало новое потрясеніе: императоръ увидѣлъ въ опасности ботъ съ солдатами, ставшій на мель, и бросился самъ на помощь къ утопающимъ. Онъ спасъ ихъ, но за то самъ такъ простудился, что проболѣлъ до января 1725 года. Еще не совершенно оправившись, онъ присутствовалъ 6-го января на обрядѣ водоосвященія и тутъ снова подвергся простудѣ, которая уже довела его до гроба: 28-го того же января онъ скончался!

Такимъ образомъ подвигъ самоотверженія для спасенія нѣсколькихъ человѣкъ прекратилъ дни великаго государя, какъ бы въ явное потвержденіе того, что вся жизнь его—была подвигомъ самоотверженія для счастія и славы народа его.

II.

Екатерина I и Петръ II.

Кончина Петра I-го повергла всѣхъ приближенныхъ его не только въ глубокую печаль, но и въ большое замѣшательство: покойный императоръ не оставилъ никакого духовнаго завѣщанія о томъ, кто будетъ его наслѣдникомъ, а между тѣмъ въ семействѣ его, кромѣ второй супруги его, императрицы Екатерины Алексѣевны *), были еще двѣ доче-

*) Екатерина была сначала простою ливонскою плѣнницею, попавшеюся къ Русскимъ при взятіи ими лифляндскаго городка Маріенбурга. Красивая наружностію, живая и веселая умомъ, она раздѣляла какъ нельзя болѣе образъ мыслей Петра во всемъ, восхищалась всѣми дѣлами его, и тѣмъ такъ привязала къ себѣ супруга своего, что онъ, обвѣнчавшись съ нею прежде тайно (въ 1707 году), объявилъ потомъ о бракѣ своемъ всему государству (въ 1711) и наконецъ короновалъ ее въ 1724 году.

ри отъ нея: Анна и Елисавета, и внукъ отъ сына первой супруги его, Лопухиной, Петръ Алексѣевичъ. Отецъ его, царевичъ Алексѣй Петровичъ, воспитанный до 9-ти лѣтняго возраста матерью, привязанною къ старинѣ и ненавидѣвшею всѣ нововведенія великаго супруга ея, былъ наученъ ею съ дѣтства находить дурнымъ все, чтó дѣлалъ отецъ его. И въ послѣдствіи, разлучившись съ матерью въ то время, когда ее постригли въ монахини, царевичъ не перемѣнилъ своего образа мыслей, не смотря на всѣ старанія отца убѣдить его къ этой перемѣнѣ и на угрозы лишить его престола въ случаѣ упорства. Наконецъ въ 1716 году, будучи уже женатымъ и отцомъ двухъ дѣтей, Алексѣй оставилъ семейство свое и убѣжалъ въ Вѣну просить императора Австрійскáго защитить его отъ отца. Такой измѣнническій поступокъ окончательно раздражилъ противъ него Петра. Поручивъ одному изъ приближенныхъ своихъ увести царевича изъ Вѣны, Петръ предалъ его суду, состоявшему изъ 124 человѣкъ высшихъ сановниковъ. Судъ приговорилъ его къ смертной казни, но онъ не дожилъ до нея и скончался въ темницѣ 27-го іюня 1718 года.

Глубоко огорченный несчастною судьбою сына и считая себя не въ правѣ щадить его какъ измѣнника отечеству и какъ человѣка, совершенно неспособнаго достойно управлять государствомъ, Петръ съ своею обыкновенною твердостью перенесъ эту потерю и въ 1721 году издалъ указъ о томъ, что государь Россійскій имѣетъ право назначать своимъ наслѣдникомъ кого ему угодно. Но удивительно было, что, издавъ такой законъ, онъ самъ не воспользовался имъ и скончался, не назначивъ престола ни 12-ти лѣтнему внуку своему, великому князю Петру Алексѣевичу, ни одной изъ дочерей своихъ, ни наконецъ любимой супругѣ своей, императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Такъ какъ съ восшествіемъ на престолъ внука можно было ожидать возвращенія старины, потому что съ нимъ вышла бы на сцену бабка его, царица-монахиня, все еще мечтавшая о свѣтской власти, и

всѣ ея приверженцы, пламенно желавшіе возвращенія прежнихъ нравовъ и обычаевъ, то люди новаго времени, привыкшіе дѣйствовать по указаніямъ Петра и понимавшіе разницу между прежнимъ и новымъ порядкомъ спѣшили высказаться въ пользу Екатерины, представляя въ подтвержденіе своего выбора привязанность и довѣріе къ ней императора, который, какъ бы желая указать на нее народу, короновалъ ее не задолго до своей кончины. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ партіи Екатерины былъ Меншиковъ, склонившій на свою сторону гвардію, которая помогла ему провозгласить ее императрицею. Старинные бояре не могли противиться ему; офицеры и солдаты гвардіи кричали, что разобьютъ головы всѣмъ тѣмъ, кто будетъ противиться новой государынѣ.

Съ самаго начала царствованія своего Екатерина объявила, что она довершитъ все начатое Петромъ. И подлинно въ слѣдующемъ же году она открыла академію наукъ по плану и предназначенію Петра; отправила экспедицію подъ начальствомъ Беринга для рѣшенія вопроса: соединяется ли Азія съ Америкою? Установила новый орденъ—Александра Невскаго, также задуманный Петромъ; наконецъ выдала старшую дочь свою, царевну Анну Петровну за герцога Голштинскаго, Карла Фридриха, который объявленъ были женихомъ ея еще Петромъ. Но въ тоже время были и такія распоряженія императрицы, которыя доказывали, что на нея дѣйствовало не одно вліяніе воспоминаній о супругѣ: она лишила сенатъ той правительственной власти, какую далъ ему Петръ, и учредила надъ нимъ верховный тайный совѣтъ, составленный изъ важнѣйшихъ сенаторовъ: Меншикова, Апраксина, Головкина, Толстаго, князя Голицына и Остермана. На избраніе послѣдняго надобно обратить особенное вниманіе: онъ былъ первый иностранецъ, получившій такое важное мѣсто въ государственномъ управленіи. Послѣ свадьбы цесаревны Анны Петровны и супругъ ея сдѣланъ былъ членомъ верховнаго совѣта. Распоряженія этого совѣта не по-

казывали также большаго согласія съ желаніями покойнаго Государя: коллегіальная система его, такъ много улучшившая суды и вообще управленіе, была почти во всѣхъ мѣстахъ отмѣнена; городовые магистраты подчинены воеводамъ; нѣкоторыя канцеляріи и надворные суды въ губернскихъ городахъ уничтожены, и вся власть въ губерніяхъ сосредоточена въ рукахъ губернаторовъ. Главнымъ дѣятелемъ какъ въ верховномъ совѣтѣ, такъ и вообще въ управленіи государствомъ, былъ князь Меншиковъ. Чрезвычайно гордый, несправедливый и нестерпимый по характеру своему, онъ не былъ любимъ другими вельможами и прежде, когда находился еще подъ властію государя проницательнаго и часто очень строгаго даже и къ нему, любимцу своему; теперь-же, дѣйствуя почти самовластно при государынѣ, считавшей себя обязанной ему престоломъ, онъ сдѣлался невыносимымъ для всѣхъ до того, что были уже покушенія нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ императрицы свергнуть его съ занимаемаго имъ мѣста, но она защитила его, и даже наказала ссылкою его враговъ. Наконецъ чрезъ нѣсколько времени благосклонность ея къ Меншикову дошла до того, что она объявила дочь его невѣстою наслѣдника престола. Но такая высокая честь не на долго досталась на долю гордаго князя: Екатерина царствовала только два года, а наслѣдникъ ея, императоръ Петръ Алексѣевичъ, хотя и былъ сначала подъ властію своего будущаго тестя, который уже называлъ его сыномъ, но благодаря князьямъ Долгорукимъ, врагамъ Меншикова, скоро избавился отъ опеки гордеца, тяготившей его, и отъ невѣсты, нелюбимой имъ: 8-го сентября 1727 года объявленъ былъ молодымъ государемъ указъ, что Меншиковъ отлучается отъ всѣхъ дѣлъ, лишается всѣхъ чиновъ и орденовъ и отправляется на жительство въ Ранненбургъ, городъ Рязанской губерніи. Чрезъ нѣсколько времени онъ отправленъ былъ еще далѣе: въ городокъ Березовъ въ нынѣшней Тобольской губерніи, гдѣ онъ и умеръ. Но это паденіе сильнаго временщика не принесло никакой пользы

государству: мѣсто его тотчасъ же заняли князья Долгорукіе и особенно одинъ изъ нихъ, 16-ти-лѣтній князь Иванъ Алексѣевичъ, который, сдѣлавшись неразлучнымъ товарищемъ императора, совершенно овладѣлъ его довѣренностію. По его совѣту Петръ объявилъ себя совершеннолѣтнимъ, обѣщалъ присутствовать въ тайномъ совѣтѣ и заниматься дѣлами государственными, но вмѣсто того занимался только удовольствіями и охотою, которую любилъ страстно; къ величайшему огорченію своего воспитателя Остермана прервалъ всякое ученье и наконецъ въ началѣ 1728 года переѣхалъ изъ Петербурга въ Москву. Многіе изъ людей новаго времени боялись, что этотъ переѣздъ поведетъ за собою поворотъ къ прежнему времени и уничтоженіе всего сдѣланнаго Петромъ, особенно, когда и бывшая царица и бабка государя переѣхали изъ своего монастыря въ Москву; но эти опасенія были напрасны: Долгорукіе заботились болѣе всего о своихъ собственныхъ выгодахъ и такъ тщательно наблюдали за тѣмъ, чтобы молодой государь окруженъ былъ только родственниками ихъ, что даже царица-бабка никогда не могла видѣть его наединѣ. Пристрастіе же его къ охотѣ давало имъ поводъ увозить его изъ Москвы иногда на нѣсколько недѣль въ свои имѣнія. Въ концѣ 1729 года императоръ уже такъ сблизился съ этимъ семействомъ, что объявилъ невѣстою своею сестру своего любимца, княжну Екатерину Алексѣевну Долгорукую, и 30-го ноября торжественно обручился съ нею. Не прошло однако же и мѣсяца послѣ обрученія, какъ 15-ти-лѣтній женихъ пересталъ заниматься и этою второю невѣстою своею, и началъ возвращаться къ ученію и къ воспитателю своему; но эта благодѣтельная перемѣна внезапно прервана была болѣзнію императора: 6-го января 1730 года онъ простудился при обрядѣ водоосвященія; простуда вскорѣ обратилась въ оспу и 19-го числа того же мѣсяца онъ уже скончался.

Кратковременное царствованіе Петра II-го хотя и отличалось мирнымъ характеромъ, однакожъ это не остановило

правительство Русское отъ вмѣшательства въ дѣла сосѣдней къ намъ Курляндіи, когда по смерти мужа царевны нашей, Анны Іоанновны, герцогствомъ правилъ старый и бездѣтный дядя его, Фердинандъ. Поляки, желая присоединить къ себѣ Курляндію подавали ему надежду, что изберутъ его въ короли Польскіе, но Россія не допустила этого, и даже заключила съ Пруссіею договоръ о томъ, чтобы дѣйствовать за-одно въ то время, когда безпокойные Поляки, въ случаѣ смерти короля ихъ Августа II-го, будутъ избирать преемника ему.—Въ Азіи дѣла шли также довольно хорошо: заключенъ былъ договоръ съ Китаемъ о свободной торговлѣ нашихъ купцовъ съ китайскими на границѣ обоихъ государствъ въ двухъ мѣстахъ: Кяхтѣ и Маймачинѣ. По этому договору получено также Русскими право имѣть въ Пекинѣ нѣсколько духовныхъ лицъ и молодыхъ людей для изученія китайскаго языка.

Въ Малороссіи при Петрѣ II возвратились нѣсколько къ прежнему порядку: возстановлено было гетманство, которое Петръ Великій думалъ отмѣнить, но въ гетманы выбранъ былъ 69-ти лѣтній старикъ, полковникъ Апостолъ, и вѣроятно, по случаю его старости составленъ были при немъ совѣтъ изъ трехъ членовъ Великороссіянъ, трехъ—Малороссіянъ и тайнаго совѣтника Наумова, представлявшаго какъ бы министра императорскаго.

Что касается до просвѣщенія народа, то оно вообще сдѣлало въ это время такъ мало успѣховъ, что въ самомъ духовенствѣ, которое всегда отличалось бо́льшею ученостію противъ другихъ сословій, надобно было подтвердить указъ Петра Великаго о томъ, чтобы изъ монасытрей высылать монаховъ въ Московскую славяно-греко-латинскую академію: въ ней оставалось только пять учениковъ и ни откуда не присылали новыхъ.

Тотъ же недостатокъ просвѣщенія и дурное устройство городской и сельской стражи были причинами того, что разбойничество, такъ сильно распространенное въ прежнія

царствованія почти во всѣхъ приволжскихъ губерніяхъ, не прекращалось и при Екатеринѣ I-й и Петрѣ II-мъ: разбойники ѣздили цѣлыми отрядами съ ружьями, жгли деревни и мучили помѣщиковъ и крестьянъ. Первые по большей части дѣлались жертвами разбоевъ, а многіе изъ послѣднихъ спасались бѣгствомъ въ степи къ казакамъ или въ Польшу. Въ такомъ разстройствѣ находилось внутреннее состояніе Россіи, когда скончался Петръ II-й, послѣдній мужской потомокъ дома Романовыхъ, и на престолъ его призвана была двоюродная тетка его, вдовствующая герцогиня Курляндская, Анна Іоанновна.

III.

Анна Іоанновна и Анна Леопольдовна.

Анна Іоанновна, дочь царя Іоанна Алексѣевича, несправедливо избрана была наслѣдницею Петра II-го; у него были ближайшіе родственники: дочь Петра Великаго—Елисавета и внукъ его, сынъ другой дочери, Анны Петровны, герцогини Голштинской. Виновниками этой несправедливости были тогдашніе высшіе государственные люди или *верховники*, какъ ихъ называли тогда. Будучи членами верховнаго тайнаго совѣта, они задумали ограничить императорскую власть властью этого совѣта, и на такое ограниченіе, конечно, скорѣе можно было согласить государыню, имѣвшую менѣе правъ на престолъ, нежели законныхъ наслѣдниковъ его. Анна Іоанновна и подлинно тотчасъ же согласилось на всѣ условія, какія привезены были ей въ Митаву вмѣстѣ съ предложеніемъ короны однимъ изъ верховниковъ, княземъ Василіемъ Лукичемъ Долгорукимъ. Но это распоряженіе верховнаго совѣта вовсе не согласовалось съ желаніями дворянства и духовенства: то и другое понимало, что вся власть будетъ теперь въ рукахъ совѣта, а не государыни, поставленной Богомъ править народомъ. Главными лицами этой партіи были:

Θеофанъ Прокоповичъ и князья Черкасскій и Трубецкой. Они повели дѣло такъ искусно и скоро, что Анна Іоанновна еще до пріѣзда своего въ Москву узнала о своевольныхъ замыслахъ верховниковъ и о желаніи духовенства, дворянства и народа, чтобы императрица, по примѣру своихъ предшественниковъ, сохранила власть самодержавную. Исполняя это желаніе, Анна разорвала условія, составленныя верховнымъ совѣтомъ и подписанныя ею въ Митавѣ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ пріѣзда своего она короновалась самодержавною государынею.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій императрицы Анны было уничтожить верховный тайный совѣтъ, но члены его не тотчасъ подверглись наказанію за свое своевольство: только въ послѣдствіи въ разныя времена и подъ разными предлогами одни изъ нихъ были сосланы, другіе казнены. Въ числѣ казненныхъ были Василій Лукичъ и любимецъ Петра II-го, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковы. Отецъ же князя Ивана и сестра, бывшая невѣста Петра II-го были сосланы въ Сибирь. Ту же участь имѣлъ и князь Димитрій Голицынъ, подавшій первую мысль объ ограниченіи власти императорской.

Съ паденіемъ этой такъ называемой въ то время *старой русской партіи* при дворѣ императрицы утверждается новый порядокъ. Русскіе старинные вельможи, до сихъ поръ занимавшіе всегда первыя мѣста въ управленіи государственномъ, отодвигаются назадъ, и самыми приближенными къ государынѣ дѣлаются рѣшительно одни иностранцы, и не только такіе, которые, какъ Минихъ и Остерманъ, по талантамъ и заслугамъ своимъ были достойны такого возвышенія, но и другіе, не отличавшіеся ничѣмъ особеннымъ. Главнымъ изъ нихъ является курляндецъ Биронъ. Пользуясь особеннымъ расположеніемъ Анны Іоанновны еще въ то время, когда былъ при дворѣ ея въ Курляндіи, Биронъ пріѣхалъ за нею и въ Россію, и здѣсь, во все время царствованія ея, былъ, можно сказать, правителемъ государства, потому что императрица во всемъ полагалась на него и ни на что безъ совѣта съ нимъ не рѣшалась. А между тѣмъ достоинства его ограничивались

только пріятною наружностію, ловкостію и угодливостію, происходившею не изъ доброты сердца, но изъ своекорыстныхъ видовъ, которые онъ умѣлъ такъ искусно скрывать, что императрица добрая и довѣрчивая отъ природы, была вполнѣ убѣждена, что онъ всѣхъ усерднѣе преданъ ей и пользамъ Россіи. Отсюда и происходила ея безпредѣльная довѣренность къ нему,— довѣренность, которую этотъ безсовѣстный и жестокій лицемѣръ употреблялъ во зло при всякомъ случаѣ, гдѣ только можно было сдѣлать это съ выгодою для него, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, если съ этой выгодой соединялся вредъ для другихъ и особенно для Русскихъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ. Изъ этой послѣдней черты его характера проистекало безчисленное зло для Россіи: онъ не щадилъ людей ея, къ акому бы сословію они ни принадлежали. Особенно замѣтно было это въ распоряженіяхъ его о взысканіи съ крестьянъ недоимки государственныхъ податей, которыхъ при восшествіи на престолъ Анны Іоанновны оказалось нѣсколько милліоновъ. Биронъ видѣлъ въ этомъ дѣлѣ средство къ собственному обогащенію и принялся за него съ неслыханною жестокостію: онъ приказалъ разсылать по всѣмъ областямъ военныя команды, которыя отбирали отъ бѣдныхъ крестьянъ все, что́ они имѣли; самихъ же помѣщиковъ и старостъ ихъ увозили въ городъ, сажали въ тюрьмы, гдѣ иные умирали отъ голода и тѣсноты. Но этого было еще мало для мучителя: боясь опасныхъ слѣдствій для себя этихъ жестокостей отъ множества недовольныхъ, онъ разсылалъ вездѣ своихъ шпіоновъ, которые безпрестанно дѣлали доносы и тѣмъ подвергали невинныхъ людей пыткамъ и казни. Въ числѣ многихъ вельможъ погибли въ это именно время Долгоруковы и Голицыны. Самое духовенство не избавлялось отъ гоненій Бирона: по прихоти его архіереи лишались своего сана; Тверской архіепископъ Ѳеофилактъ подвергался даже пыткѣ и былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Священники же были разстригаемы и ссылаемы въ Сибирь за самые ничтожные проступки, наприм. за то, что забывали

отслужить молебенъ въ царскій день. Съ особенною жестокостію поступлено было съ однимъ изъ высшихъ сановниковъ государства: кабинетъ-министромъ *) Волынскимъ, извѣстнымъ еще при Петрѣ Великомъ своими способностями на службѣ. Къ несчастію, онъ соединялъ съ обширнымъ умомъ своимъ самый невыносимый характеръ: гордый, заносчивый, онъ обращался съ равными себѣ грубо, а съ низшими даже варварски. Достигнувъ при императрицѣ Аннѣ званія кабинетъ-министра, онъ долженъ былъ войти въ сношенія съ Бирономъ, и два гордеца, непривыкшіе никому уступать, въ скоромъ времени поссорились. Бирону не трудно было найти причины къ осужденію Волынскаго, который не умѣя удерживать необузданный характеръ свой, безпрестанно подавалъ поводъ къ неудовольствію на него всѣмъ, кто былъ въ какихъ-либо сношеніяхъ съ нимъ. Въ доказательство его дерзости и самоуправства можно привести въ примѣръ то, что онъ собственноручно бивалъ не только своихъ подчиненныхъ, но даже и чиновниковъ другаго вѣдомства. Такъ попался подъ его удары извѣстный бездарный писатель и секретарь Академіи наукъ, Тредьяковскій, котораго Волынскій безпощадно избилъ даже два раза, и въ послѣдній разъ случилось это въ квартирѣ самого Бирона, къ которому Тредьяковскій пришелъ пожаловаться на Волынскаго. Биронъ очень радъ былъ случаю подвергнуть суду ненавистнаго ему человѣка: къ дѣлу о побояхъ Тредьяковскаго присоединено было еще нѣсколько обвиненій въ государственныхъ преступленіяхъ, за которыя подвергли Волынскаго пыткамъ, а потомъ и казни. Злоба Бирона не потухла съ казнію несчастнаго: дѣти его также подверглись наказанію—сынъ отданъ въ солдаты безъ выслуги и посланъ въ Камчатку; дочери пострижены и также сосланы въ Сибирь.

Съ такою жестокостію главнаго министра царствованіе Анны Іоанновны не могло не имѣть мрачнаго характера, ко-

*) Анна Іоанновна вмѣсто уничтоженнаго ею Верховнаго тайнаго совѣта учредила Кабинетъ. Члены его назывались *кабинетъ-министрами*.

торый еще более усиливался войнами, сначала съ Польшею, а потомъ съ Турціею. Въ 1733 году умеръ король Польскій Августъ II. По обычаю Поляковъ, у нихъ произошли безпорядки при выборѣ новаго короля: одни изъ нихъ хотѣли сына его, Августа III, курфюрста Саксонскаго; другіе—бывшаго короля Станислава Лещинскаго, котораго поддерживала Франція, потому что дочь его была въ то время за королемъ Французскимъ, Людовикомъ XV. Россія вступилась за Августа III, который за эту помощь отказывался отъ своихъ правъ на Лифляндію. Какъ скоро русское войско подъ начальствомъ Ласси вступило въ Польшу, Лещинскій бѣжалъ изъ Варшавы въ Данцигъ. Ласси долго осаждалъ его въ этомъ городѣ, но безъ успѣха до тѣхъ поръ, пока не пришелъ смѣнить его Минихъ, но и Минихъ со всѣмъ искуствомъ своимъ не безъ труда овладѣлъ Данцигомъ послѣ 135-дневной осады. Станиславъ бѣжалъ оттуда, и Августъ III сдѣлался королемъ Польскимъ.

Вскорѣ послѣ окончанія этой войны началась другая—съ Турціею за набѣги крымскихъ Татаръ. Союзницею Россіи въ этой войнѣ была Австрія; лучшими генералами нашими—тѣ же иностранцы—Ласси и Минихъ. Ласси взялъ Азовъ, Минихъ—Перекопъ, Очаковъ, и одержалъ славную побѣду при Ставучанахъ (въ Молдавіи). Но всѣ эти побѣды и страшная потеря людей, которыхъ Минихъ вообще не умѣлъ беречь, не послужили ни къ чему: Французскому послу въ Вѣнѣ поручено было правительствомъ его разъяснить австрійскимъ министрамъ и самому императору Карлу VI, что Русскіе гораздо опаснѣе для Австрійской имперіи, нежели Турки, потому что бо́льшая часть австрійскихъ подданныхъ исповѣдуетъ одну вѣру съ Русскими. Австрійцы склонились на эти внушенія и поспѣшили заключить миръ съ Турціею. Анна Іоанновна, огорченная большою потерею войска, доходившею до 100,000 человѣкъ, желала такъ-же мира, и онъ былъ заключенъ въ Бѣлградѣ въ сентябрѣ 1739 года.

Доказательствомъ миролюбиваго расположенія императрицы

и въ то же время ея заботливости о подданныхъ служило и то, что она отказалась отъ намѣренія Петра Великаго утвердиться на берегахъ Каспійскаго моря: еще въ началѣ 1732 года возвращены были Персіи всѣ завоеванныя Петромъ провинціи, и главною причиною возврата было то, что тамошній климатъ былъ вреденъ для войска нашего: въ немъ оказалась большая смертность. Заботливость императрицы объ улучшеніи быта народа выражалась и въ постановленіи ея о службѣ дворянъ или шляхетства въ 1736 году. До того времени срокъ службы дворянъ не былъ опредѣленъ. и они отставлялись по большей части дряхлыми стариками. Анна постановила, чтобы всѣ дворяне отъ 7-ми до 20-ти лѣтъ учились; отъ 20-ти лѣтъ служили въ продолженіи 25 лѣтъ, и такимъ образомъ выходили бы въ отставку 45-ти лѣтъ, когда еще могли быть полезными дома. Тѣхъ же изъ молодыхъ дворянъ или недорослей, которые были способны болѣе къ гражданской, нежели военной службѣ, приказано было опредѣлять въ коллегіи, гдѣ секретарямъ вмѣнялось въ обязанность обучать ихъ всему приказному порядку и два раза въ недѣлю давались имъ уроки въ ариѳметикѣ, геометріи, грамматикѣ и географіи. Замѣчая неохоту, съ которою дворянскія дѣти принимались за ученіе, приказано было два раза испытывать ихъ: послѣ 12-ти и послѣ 16-ти лѣтъ, и тѣхъ, которые послѣ втораго испытанія окажутся незнающими закона Божія, ариѳметики и геометріи, отдавать въ матросы безъ выслуги. Но и эта строгая мѣра мало помогала: 16-ти-лѣтніе мальчики, по большей части съ помощію родителей своихъ, убѣгали отъ испытаній и скрывались въ чужихъ семействахъ, иногда даже подъ именемъ дворовыхъ людей. Вѣроятно такое вредное домашнее воспитаніе подало мысль умному Миниху о необходимости такого учебнаго заведенія, гдѣ бы мальчики въ удаленіи отъ мало-образованныхъ родителей своихъ могли учиться и приготовляться къ службѣ отечеству, и слѣдствіемъ такой мысли было учрежденіе въ 1731 году перваго кадетскаго корпуса. Воспитанники его,

которыхъ сначала было 200, а потомъ 360 человѣкъ, назначались не въ одну военную службу, но также и въ гражданскую. Замѣчательно, что въ числѣ многихъ наукъ, какія преподавались въ корпусѣ, были: исторія универсальная и исторія Нѣмецкаго государства, но не было исторіи русской. Это одно обстоятельство могло служить доказательствомъ, какъ сильно было вліяніе иностранцевъ, занимавшихъ первыя мѣста и при дворѣ и по ученой и учебной части. Это вліяніе еще болѣе усилилось, когда императрица, желая упрочить престолъ за потомствомъ своего отца, назначила наслѣдницею своею двѣнадцатилѣтнюю племянницу, дочь сестры своей, герцогини Мекленбургской, принцессу Екатерину. Маленькую принцессу привезли въ Петербургъ и чрезъ нѣсколько времени она приняла греческую вѣру и была названа Анною Леопольдовною. Императрица начала уже думать о выборѣ жениха для своей наслѣдницы, и дерзкій Биронъ, сдѣлавшійся съ 1737 г. герцогомъ Курляндскимъ по выбору курляндскихъ дворянъ и по вліянію на нихъ Русской императрицы—дерзкій Биронъ осмѣливался уже мечтать о томъ, что сынъ его можетъ быть достойнымъ женихомъ для наслѣдницы Русскаго престола; но Австрійскій императоръ предложилъ племянника своего, принца Брауншвейгскаго Антона-Ульриха, и Биронъ сколько ни противился этому браку въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ, но онъ совершился въ 1739 году, а въ 1740 у принцессы Брауншвейгской родился сынъ Іоаннъ, который и объявленъ былъ наслѣдникомъ императрицы. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ его рожденія, какъ Анна Іоанновна опасно занемогла и Биронъ употребилъ всѣ свои усилія, чтобы уговорить кабинетъ-министровъ представить императрицѣ необходимость назначить его регентомъ государства до совершеннолѣтія маленькаго императора. Умирающая государыня, какъ бы прозрѣвъ въ послѣдніе дни жизни своей, сколько зла дѣлалъ Биронъ народу ея, долго не соглашалась на это предложеніе, но наконецъ уступила вліянію любимца своего и семейства его, постоянно окружавшаго ее: поднесенный ей актъ объ

императорѣ Іоаннѣ и регентѣ его, герцогѣ Биронѣ, былъ подписанъ въ самый день кончины государыни, 17-го октября 1740 года, и, повинуясь этому акту, всѣ присягнули назначенному императору и регенту его.

Но Бирону не надолго досталось это регенство: негодованіе противъ него было такъ велико во всѣхъ класахъ общества, что чрезъ нѣсколько дней послѣ кончины императрицы народъ началъ ночью сходиться толпами на улицахъ и громко говорить о томъ, что не желаетъ имѣть правителемъ Бирона. Войско повторяло то же: самые родители маленькаго императора терпѣли множество непріятностей отъ властолюбиваго регента, однимъ словомъ все было противъ него, и ожидало только человѣка, который взялъ бы на себя смѣлость свергнуть его, и этотъ человѣкъ нашелся въ фельдмаршалѣ Минихѣ: онъ съ 80-ю гренадерами вошелъ ночью во дворецъ Бирона, захватилъ его и провозгласилъ правительницею Анну Леопольдовну.

Новая правительница къ несчастію была вовсе не способна къ занятію дѣлами государственными. Успокоивъ себя ссылкою въ Сибирь Бирона, она предоставила почти всю власть первому министру своему—Миниху, а сама проводила все время свое съ любимою фрейлиною Менгденъ. Но супругъ ея, принцъ Антонъ, также неодаренный отъ природы правительственными способностями, не могъ выносить первенства Миниха и старался отдалить его отъ правительницы, въ чемъ усердно помогалъ ему непримиримый врагъ Миниха—Остерманъ. Усилія ихъ увѣнчались успѣхомъ: Минихъ былъ вытѣсненъ изъ службы черезъ пять мѣсяцевъ послѣ паденія Бирона, и первымъ министромъ сдѣлался Остерманъ; но и эта перемѣна была не на долго. Внѣшнія дѣла были въ это время очень запутаны: императрица Анна, по распоряженію Бирона, заключила съ Австріею союзъ, по которому обязалась поддерживать завѣщаніе императора Карла VI въ пользу дочери его Маріи Терезіи. Правительница же Анна Леопольдовна заключила другой союзъ

съ королемъ Прускимъ Фридрихомъ II, врагомъ Маріи Терезіи, и такимъ образомъ Россія сдѣлалась союзницею двухъ враждующихъ сторонъ, и Остерману, извѣстному своимъ искуствомъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ, много было труда поддерживать нѣсколько времени эти оба союза, какъ вдругъ, къ довершенію всѣхъ затрудненій, Франція, желая разорвать союзъ Россіи съ Австріей, начали склонять Швецію къ войнѣ съ Россіею. Въ Швеціи давно желали возвратить назадъ завоеванія Петра Великаго, и потому старанія Франціи удались. Швеція объявила войну Россіи, и въ числѣ главныхъ причинъ неудовольствія своего поставила ту несправедливостъ, по которой дочь Петра Великаго, цесаревна Елизавета Петровна и внукъ его отъ другой дочери, Анны Петровны, принцъ Голштинскій, были отстранены отъ престола: Голштинскій домъ былъ въ родствѣ съ королевско-Шведскимъ домомъ.

Такое требованіе Швеціи, конечно, не могло понравиться Аннѣ Леопольдовнѣ, но за то было по справедливости оцѣнено всѣми приверженцами Елизаветы Петровны, составлявшими многочисленную русскую партію. Этой партіи недоставало только человѣка, который рѣшился бы дѣйствовать именемъ цесаревны. Франція доставила его: посолъ ея въ Петербургѣ, графъ Шетарди, сдѣлался главнымъ руководителемъ заговора для сверженія правительницы, и дѣйствуя на цесаревну чрезъ доктора ея, также Француза, Лестока, старался внушить ей болѣе заботливости о правахъ ея на престолъ, и болѣе страха къ опасности, какая угрожала ей и всѣмъ приверженцамъ ея въ случаѣ, если правительница откроетъ заговоръ ихъ. Этотъ страхъ за судьбу преданныхъ ей людей заставилъ дѣйствовать Елизавету Петровну, до того времени довольно равнодушную къ коронѣ, по справедливости принадлежавшей ей. Дѣйствовать надобно было скоро и энергично, и Елизавета Петровна показала при этомъ случаѣ рѣдкое присутствіе духа: въ ночь на 26-е ноября 1741 года она сама повела во дворецъ преданныхъ ей триста

человѣкъ Преображенскихъ солдатъ и Анна Леопольдовна со всѣмъ семействомъ своимъ, Минихъ и Остерманъ были арестованы. Въ ту-же ночь Елизавета къ радости всѣхъ Русскихъ была провозглашена императрицею. Бывшій императоръ Іоаннъ VI заключенъ былъ въ Шлюссельбургскую крѣпость; родители его отвезены въ Холмогоры, городъ Архангельской губерніи; Минихъ, Остерманъ и другіе приверженцы прежняго правленія были преданы суду и по приговору его осуждены на казнь; но Елизавета дала обѣтъ въ ночь своего возшествія на престолъ отмѣнить смертную казнь въ имперіи своей и потому перемѣнила приговоръ суда надъ Минихомъ и Остерманомъ, и вмѣсто казни назначила сослать: Остермана въ Березовъ, Миниха въ Пелымъ. Въ тоже время Бирона возвратили изъ ссылки и позволили ему жить въ Ярославлѣ.

IV.

Императрица Елизавета.

Съ возшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны произошла во всемъ государственномъ управленіи большая перемѣна. Главное, чему радовался народъ, было то, что всѣ Нѣмцы, занимавшіе первыя мѣста на службѣ государственной, были отстранены и замѣщены Русскими. Неудовольствіе на иностранныхъ офицеровъ было такъ велико, что въ арміи, стоявшей въ это время около Выборга, уже начиналось настоящее возмущеніе и было остановлено только находчивостію одного изъ генераловъ. Основаніемъ русскаго элемента при дворѣ, почти онѣмеченномъ во времена Бирона, были тѣ *триста* преображенскихъ гренадеръ, которые помогли императрицѣ овладѣть престоломъ: они составили особенную гвардейскую роту, подъ названіемъ *лейбъ-компаніи*. Капитаномъ этой роты была сама императрица, всѣ унтеръ-офицеры и рядовые были возведены въ дворянское достоин-

ство и щедро одарены не только деньгами, но даже землями и деревнями. Изъ другихъ, самыхъ приближенныхъ лицъ къ императрицѣ были: графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій и два графа Шуваловы: Петръ и Иванъ Ивановичи. Графъ Разумовскій, возвышенный императрицею изъ придворнаго пѣвчаго до чина фельдмаршальскаго и званія графа, былъ человѣкъ добрый и простой, не гордился тою силою, какую имѣлъ при дворѣ, никогда не хлопоталъ объ увеличеніи своего значенія и охотно уступалъ первенство въ управленіи двумъ Шуваловымъ, изъ которыхъ одинъ, Петръ Ивановичъ, хотя былъ умный и способный къ управленію человѣкъ, но не отличался нравственными достоинствами: былъ легкомысленъ и корыстолюбивъ. За то родственникъ его, графъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, по своей собственной образованности и желанію вести къ ней другихъ, былъ по всей справедливости однимъ изъ лучшихъ людей того времени. И такого именно человѣка и нужно было тогда для русскаго общества. До сихъ поръ оно, казалось, довольствовалось одною внѣшностію просвѣщенія; иначе нельзя было и назвать обученія гражданскихъ чиновниковъ въ элементарныхъ школахъ и выправки военныхъ по образцамъ иностраннаго войска; но при Елизаветѣ начали понимать, что такого поверхностнаго обученія недостаточно, что истинно-просвѣщеннымъ человѣкомъ можетъ назваться только тотъ, кто ясно понимаетъ свои обязанности какъ христіанинъ, какъ человѣкъ и какъ гражданинъ; и что для такого пониманія необходимо многостороннее ученіе. Императрица Елизавета, хотя и сама получила по обычаямъ того времени очень поверхностное воспитаніе, понимала эту необходимость истиннаго просвѣщенія, и сколько могла, заботилась о распространеніи его въ своей имперіи. И какъ бы благословляя эту заботливость государыни, Провидѣніе посылало ей людей, которые своими способностями и стремленіями усердно помогали ея желаніямъ. Кромѣ графа Ивана Шувалова, этого главнаго помощника императрицы въ дѣлѣ образованія

Россіи, явился въ ея царствованіе и знаменитый Ломоносовъ, извѣстный своею многостороннею ученостію. Будучи въ одно время поэтомъ и ученымъ литераторомъ и историкомъ, физикомъ и химикомъ, Ломоносовъ, крестьянинъ по рожденію, представлялъ собою блестящее доказательство разностороннихъ способностей русскаго человѣка. Появленіе его было какъ нельзя болѣе кстати сколько для того, чтобы показать природныя дарованія народа, едва начинавшаго свое образованіе, столько и для того, чтобы по недостатку ученыхъ вмѣстить въ одномъ человѣкѣ сколько можно болѣе знаній. Согласуясь съ этимъ недостаткомъ, Петръ Великій, начертывая планъ академіи наукъ, прежде нежели въ государствѣ его были университетъ и гимназіи, объявилъ, что въ этой академіи должны заключаться всѣ эти три учрежденія, «что ученые академіи должны не только сами заниматься науками и двигать ихъ впередъ, но должны также обучать молодыхъ людей наукамъ публично». Полный пламеннаго обожанія къ великому основателю академіи, котораго онъ воспѣвалъ своими восторженными одами, Ломоносовъ *), казалось, стремился исполнить его предначертанія, и, пока было мало ученыхъ въ Россіи, замѣнялъ собою многихъ изъ нихъ, и въ то же время имѣлъ такое сильное вліяніе на образованіе того времени, что по его внушеніямъ и плану графъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ учредилъ въ 1755 году московскій университетъ и при немъ двѣ гимназіи: одну—для дворянъ, другую—для разночинцевъ. Здѣсь-то, въ этомъ университетѣ, основанномъ съ самомъ центрѣ Россіи, началось настоящее образованіе русскихъ людей. Петербургская же

---

*) Однимъ изъ лучшихъ и разнородныхъ сочиненій Ломоносова считалось въ то время: „Похвальное слово Императрицѣ Елизаветѣ", сказанное имъ въ торжественномъ собраніи Академіи наукъ. Оно обратило на него такое вниманіе Государыни, что она пожелала видѣть его. Ломоносовъ восхищенъ былъ этою милостію и при представленіи своемъ въ Царскосельскомъ дворцѣ пламенно благодарилъ Государыню.

академія наукъ наполнена была по большей части нѣмецкими учеными, которые мало знали русскій языкъ и не совсѣмъ дружелюбно принимали въ среду свою русскихъ ученыхъ. Учрежденіе университета въ Москвѣ было чрезвычайно полезно и въ томъ отношеніи, что сюда пріѣзжали многіе помѣщики за домашними учителями для дѣтей своихъ и

Елизавета и Ломоносовъ.

въ незнаніи своемъ языковъ иностранныхъ, особенно привлекательныхъ для тогдашняго полуобразованнаго общества, часто подвергались обманамъ иностранцевъ, которые являлись къ нимъ въ гувернёры прямо изъ конюховъ, лакеевъ, парикмахеровъ. Съ учрежденіемъ университета домашніе учители иностранцы должны были подвергаться экзамену.

Шуваловъ не ограничилъ своей учебной дѣятельности основаніемъ Московскаго университета и его гимназій: въ 1757 году по представленію его учреждена въ Петербургѣ академія художествъ; въ 1758—гимназія въ Казани и сдѣланы распоряженія объ основаніи такихъ же въ другихъ губерніяхъ. Кромѣ того учреждены школы по украинской линіи для обученія однодворческихъ дѣтей и основано училище въ Оренбургѣ для дѣтей ссыльныхъ.

Между тѣмъ какъ основаніемъ всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній—образованіе народное подвигалось впередъ, Ломоносовъ, кромѣ трудовъ своихъ по научнымъ предметамъ, занимался очищеніемъ русскаго книжнаго языка отъ примѣсей къ нему словъ иностранныхъ и церковно-славянскихъ. Первою примѣсью, т. е. словами иностранными, мы обязаны были тому, что съ возшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны распространились въ высшемъ кругу общества французскій языкъ и подражаніе французской литературѣ. Увлекшись этимъ подражаніемъ, тогдашніе русскіе писатели создали новую свѣтскую литературу, совершенно отдѣльную отъ народно-русской и отъ русскаго быта. Главнымъ приверженцемъ ея былъ Сумароковъ, человѣкъ тщеславный, писатель безъ таланта, но неутомимый труженикъ. Онъ написалъ нѣсколько трагедій и комедій и кромѣ того издавалъ журналъ: «Трудолюбивая пчела». Въ журналѣ этомъ уже проявляется его собственное неудовольствіе на новое направленіе, и онъ уже смѣется надъ пестротою русскаго языка и надъ полу-образованіемъ тѣхъ, которые ввели эту пестроту изъ одного желанія похвастать знаніемъ иностранныхъ языковъ, доступныхъ въ то время только для людей высшаго круга. Кромѣ насмѣшекъ надъ такими полуобразованными хвастунами «Трудолюбивая пчела» много и ѣдко смѣялась также надъ подъячами и взяточниками. Былъ тогда въ Россіи и настоящій сатирикъ князь Антіохъ Кантеміръ *).

*) Онъ былъ сынъ Молдавскаго господаря Кантемира, извѣстнаго своею преданностію къ Петру Великому и находившагося въ русской службѣ.

Какъ человѣкъ очень образованный, онъ служилъ русскимъ посланникомъ въ Парижѣ и Лондонѣ, любилъ заниматься литературою французскою и самъ писалъ по образцамъ ея очень тяжелыми стихами сатиры противъ тѣхъ людей, которые не любили новаго порядка въ обществѣ, введеннаго со времени Петра; хвалили старое время и бранили новое. Кантемиръ былъ ревностнымъ поклонникомъ Петра: онъ прославлялъ все сдѣланное имъ и потому много доставалось въ сатирахъ его противникамъ великаго государя.

Наконецъ и по части русской исторіи явилось въ это время нѣсколько дѣятелей. Начало и тутъ сдѣлано было подъ вліяніемъ графа И. И. Шувалова: онъ просилъ Ломоносова заняться исключительно русскою исторіею. Но Ломоносовъ при всемъ желаніи своемъ не могъ удовлетворительно исполнить порученія своего благодѣтеля и друга: онъ болѣе всего любилъ физику и химію и потому занимался исторіею слегка, мало справлялся съ источниками, да при разнообразныхъ занятіяхъ своихъ не имѣлъ на то и достаточно времени, и потому историческія описанія его хотя и очень краснорѣчивы, но особеннаго достоинства не имѣютъ и замѣчательны болѣе всего тѣмъ, что, не любя нѣмцевъ, онъ выводилъ Рюрика не изъ Скандинавіи, а изъ Пруссіи и Прусакамъ придавалъ происхожденіе славянское.

Третьяковскій, котораго мы знаемъ уже, какъ бездарнаго писателя и секретаря Академіи наукъ, въ числѣ различныхъ занятій своихъ писалъ также историческое изслѣдованіе о Варяго-Руссахъ, и, конечно, еще гораздо неудачнѣе Ломоносова. Полезнѣе же всего въ этомъ отношеніи были труды Татищева. И онъ, какъ и всѣ занимавшіеся въ то время чѣмъ-либо научнымъ, могли назваться истинными тружениками своего дѣла: чтобы исполнять его по возможности хорошо, надобно было взять на себя труды, которые въ наше время раздѣлялись бы на нѣсколько человѣкъ. Такъ Татищевъ началъ тѣмъ, что помогалъ начальнику своему, графу Брюсу, составлять русскую географію;

потомъ занимался ею ужъ одинъ, и замѣтивъ, что нельзя составить хорошую географію Россіи, не зная хорошо ея исторіи, онъ принялся собирать матеріалы, отыскивалъ лѣтописи, дѣлалъ выписки изъ иностранныхъ историческихъ книгъ о Россіи, переводя изъ знакомыхъ ему языковъ самъ, а изъ незнакомыхъ заставлялъ переводить другихъ. Проводя много времени въ борьбѣ съ такими трудностями и состоя въ то же время на службѣ государственной, сперва начальникомъ горныхъ заводовъ, а потомъ губернаторомъ въ Астрахани, Татищевъ не могъ и не хотѣлъ писать настоящей Русской исторіи, но хотѣлъ только собрать матеріалы и тѣмъ облегчить дѣло для будущаго историка; однакожъ трудъ его, хотя составляетъ только сводъ лѣтописей съ примѣчаніями и критикою собирателя, но извѣстенъ подъ именемъ *Исторіи россійской*, и важенъ тѣмъ, что указалъ первымъ историкамъ, какъ приняться за составленіе исторіи.

Такимъ образомъ императрица Елизавета Петровна возродивъ къ новой жизни русскихъ подданныхъ своихъ, послѣ тяжелаго десяти-лѣтняго гнета надъ ними нѣмцевъ, имѣла утѣшеніе видѣть, какъ быстро являлись у ней подъ благотворнымъ вліяніемъ родной царицы достойные и усердные дѣятели и по части наукъ, и по части государственнаго управленія. Въ этомъ послѣднемъ первое мѣсто занималъ уже извѣстный намъ графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ. Важнѣйшимъ дѣломъ его было облегченіе рекрутской повинности раздѣленіемъ Россіи на пять частей. Установлено было дѣлать наборъ каждый годъ, но не со всего государства, а только съ одной изъ этихъ пяти частей. Такъ каждая часть поставляла своихъ рекрутъ только черезъ пять лѣтъ. Не менѣе важно было и другое распоряженіе Шувалова: отмѣна стѣснительныхъ для внутренней торговли таможенъ и мелочныхъ сборовъ. Внѣшняя торговля также была предметомъ заботливости императрицы и ея перваго министра: составлена была особенная коммисія, которой поручено было заняться всѣми вопросами, касавшимися до сношеній нашихъ

купцовъ съ иностранными, до образованія купеческихъ дѣтей для дѣлъ торговыхъ, до постройки кораблей купцами и проч. Съ особеннымъ состраданіемъ добрая государыня думала о тѣхъ изъ бѣдныхъ подданныхъ своихъ, которые, имѣя нужду въ деньгахъ, принуждены были занимать ихъ у частныхъ людей за большіе проценты, и вотъ также по плану Шувалова въ 1754 году учреждены были два государственныхъ банка, для дворянства и купечества. Изъ этихъ банковъ каждый могъ получать подъ залогъ своего имущества до 10,000 руб. съ платою 6 процентовъ. Мы видѣли что прежде отставные офицеры и солдаты отсылались въ монастыри для пропитанія и ухода за ними; въ 1758 году велѣно было учредить въ Казани инвалидный домъ по образцу парижскаго. Кромѣ того въ губерніяхъ: Нижегородской, Казанской, Воронежской и Бѣлгородской строились богадѣльни для раненыхъ солдатъ, а въ 1760 году учреждена была для нихъ даже государственная лотерея.

Мы видимъ теперь, что внутреннія дѣла императрицы Елизаветы шли успѣшно и болѣе или менѣе согласно съ духомъ и направленіемъ Петра I-го. Она и объявила при самомъ возшествіи своемъ на престолъ, что хочетъ возстановить во всей силѣ порядокъ, бывшій при отцѣ ея, и для того уничтожила учрежденные преемницами его императрицами Екатериной и Анной, Верховный тайный совѣтъ и Кабинетъ, и возвратила Сенату все его правительственное значеніе, данное Петромъ. Только одно дѣло, начатое Петромъ и продолжаемое въ слѣдующія за нимъ царствованія, не окончилось при Елизаветѣ: это было составленіе новаго уложенія. Первое знаменитое уложеніе царя Алексѣя Михаиловича составлено было еще въ 1648 году при содѣйствіи патріарха, знатнѣйшаго духовенства, бояръ и думныхъ людей, но съ теченіемъ времени оно сдѣлалось уже во многомъ неудобнымъ и Петръ желалъ составить новое, соображая его по мѣрѣ возможности съ законами шведскими. Но желаніе Петра не исполнилось и уложеніе при

жизни его не составилось. Оно не составилось и потомъ, ни при Екатеринѣ, ни при Аннѣ и даже ни при Елизаветѣ. При послѣдней императрицѣ придуманъ былъ по крайней мѣрѣ лучшій способъ какъ вести дѣло: поручено было отдѣльнымъ лицамъ составленіе отдѣльныхъ частей Уложенія, и для обсужденія всего приказано было вызвать изъ каждой провинціи выборныхъ людей изъ дворянъ и купцовъ. Но не смотря на всѣ старанія государыни, Уложеніе не приведено было къ концу при ней, и это было тѣмъ прискорбнѣе для нея, что она видѣла всѣ дурныя слѣдствія недостатка хорошихъ законовъ: въ судахъ не было ни правосудія, ни порядка; почти всѣ чиновники, младшіе и старшіе, брали взятки и съ виноватыхъ и правыхъ, такъ что сама императрица, не имѣя возможности прекратить зло, говорила: «Законы исполненія своего не имѣютъ отъ внутреннихъ общихъ враговъ, которые свою беззаконную прибыль присягѣ, долгу и чести предпочитаютъ».

Было еще и другое, неизлечимое зло, доставлявшее много огорченій Елизаветѣ Петровнѣ: это—разбои по рѣкамъ Волгѣ и Окѣ. Шайки въ 50 и болѣе человѣкъ нападали на суда, жгли и грабили деревни, а воеводы и губернаторы, управлявшіе тѣми губерніями, гдѣ все это присходило, ничего не дѣлали для прекращенія зла. И не только въ этихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, но и въ самой Москвѣ за недостаткомъ правильнаго полицейскаго устройства продолжались еще старинные разбои: господскіе люди и товарищи ихъ, разные другіе бродяги, ходили толпами по домамъ и не только грабили, но иногда даже дѣлали убійства въ беззащитныхъ семействахъ.

Относительно же дѣлъ внѣшней политики, то въ царствованіе Елизаветы Петровны они представляли рядъ блестящихъ успѣховъ русскаго оружія. При самомъ вступленіи на престолъ Елизаветы, Русскіе уже вели войну съ Шведами, которые хотя и объявили предлогомъ войны свое заступничество за право Елизаветы на престолъ, не прекратили однакоже военныхъ дѣйствій и тогда, когда она вступила въ эти

права и требовали возвращенія всего, что̀ завоевано было Петромъ Великимъ. Успѣхи русскаго войска подъ начальствомъ Ласси были такъ велики, что не только всѣ мѣста, завоеванныя Петромъ и издревле принадлежавшія Новгородскому княжеству, не были возвращены Швеціи, но, по заключенному въ 1743 году миру въ Або—Россія получила еще въ свое владѣніе провинцію Кюменегорскую до рѣки Кюмень и тѣмъ увеличила свои владѣнія верстъ па 300 къ сѣверу.

Вторая война, въ которую спустя 13 лѣтъ вовлечена была Елизавета стараніями Австріи и Англіи, была противъ Прусскаго короля Фридриха II-го, который началъ въ это время Семилѣтнюю войну и своими честолюбивыми планами грозилъ общему спокойствію Европы. Склонившись на убѣжденія австрійскаго и въ особенности англійскаго посланника о необходимости остановить завоевательные замыслы Фридриха, императрица отправила въ 1757 году 83,000 армію подъ начальствомъ фельдмаршала Апраксина въ Восточную Пруссію. Апраксинъ началъ побѣдами: взялъ Мемель и потомъ разбилъ совершенно прусское войско подъ начальствомъ генерала Левальда, и вдругъ вмѣсто того, чтобы продолжать свои наступательныя дѣйствія, русскій фельдмаршалъ отступилъ назадъ, какъ будто послѣ пораженія. Всѣ не могли не видѣть въ этомъ отступленіи явнаго желанія Апраксина услужить Фридриху. Елизавета въ это самое время была опасно больна, что̀ и было причиною уклоненія Апраксина отъ своей обязанности; онъ думалъ, что кончиною императрицы отношенія Русскаго двора къ королю Прусскому измѣнятся и война прекратится. Но ожиданія его не исполнились: Елизавета выздоровѣла, отозвала Апраксина отъ арміи и приказала потребовать у него отчетовъ о странномъ поведеніи его. По слѣдствію оказалось, что онъ дѣйствовалъ по совѣту канцлера Бестужева, который сообщилъ ему свои предположенія о перемѣнѣ политики послѣ кончины императрицы. Апраксинъ, отданный подъ судъ, вскорѣ умеръ: Безстужевъ былъ сосланъ въ свою деревню. Война съ Пруссіею продолжалась

подъ начальствомъ Фермора, который въ Августѣ 1758 года имѣлъ кровопролитное сраженіе съ самимъ Фридрихомъ близъ Цорндорфа. Съ обѣихъ сторонъ было множество убитыхъ и раненыхъ. Въ 1750 году начальникомъ русской арміи былъ графъ Салтыковъ, который 1-го августа этого года одержалъ такую побѣду надъ Пруссаками при Куннерсдорфѣ, что Фридрихъ II-й въ отчаяніи думалъ уже о самоубійствѣ. Дѣла его не поправились и въ слѣдующіе два года, когда начальниками русскаго войска были — сначала Чернышевъ, потомъ Бутурлинъ. Знаменитый король долженъ былъ постоянно уступать непріятелямъ и спасеніемъ своимъ обязанъ былъ только кончинѣ Елизаветы, случившейся 25-го декабря 1761 года: наслѣдникъ ея былъ страстный почитатель Фридриха и всякое непріязненное дѣйствіе противъ честолюбиваго короля сдѣлалось уже невозможно для Русскихъ.

V.

Императоръ Петръ III.

Этимъ наслѣдникомъ былъ родной племянникъ императрицы, сынъ сестры ея Анны Петровны, принцъ Шлезвигъ-Голштинскій Карлъ Петръ Ульрихъ. Четырнадцати лѣтъ отъ роду онъ вызванъ былъ въ Россію въ первый же годъ царствованія Елизаветы. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ онъ принялъ православіе, названъ былъ великимъ княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ и въ ноябрѣ 1742 года объявленъ наслѣдникомъ престола. Родившись въ землѣ нѣмецкой и въ раннемъ дѣтствѣ лишившись матери, которая одна могла бы сроднить его съ Русскими, молодой принцъ прибылъ въ Россію совершеннымъ Нѣмцемъ и остался такимъ, не полюбивъ Русскихъ, не смотря на всѣ выгоды и почести, какія встрѣтили его здѣсь, не смотря на всѣ старанія императрицы, Русской душею, пріучить его къ нравамъ и обычаямъ русскимъ. Въ 1744 году Елисавета уже избрала ему невѣсту,

родственницу короля Прусскаго, принцессу Софію-Августу Ангальтъ-Цербстскую, которая въ томъ же году прибыла въ Россію вмѣстѣ съ матерью, имѣя не болѣе 14-ти лѣтъ отъ роду. Составляя совершенную противоположность съ женихомъ своимъ, она, напротивъ того, скоро и искренно полюбила все русское, съ жаромъ принялась учиться русскому языку и православному вѣроисповѣданію, которое черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и приняла съ именемъ Екатерины Алексѣевны. Въ 1745 году совершилось бракосочетаніе ея съ великимъ княземъ наслѣдникомъ. Но счастья не было въ этомъ супружествѣ: душевныя и умственныя способности супруговъ были такъ различны, что согласіе между ними было невозможно. Великій князь, презирая Русскихъ, проводилъ почти все время свое съ пріѣхавшими съ нимъ Голштинцами, восторженно хвалилъ Фридриха II-го, какъ величайшаго генія въ мірѣ, и считалъ честію для себя носить мундиръ прусскій въ то самое время, когда войска наши бились съ Фридрихомъ и по большей части побѣждали его. Это пристрастіе великаго князя и было причиною отступленія Апраксина послѣ побѣды при Куннерсдорфѣ во время болѣзни императрицы. Тогда какъ наслѣдникъ русскаго престола проводилъ такъ странно время свое въ нѣмецкомъ обществѣ, супруга его вела жизнь самую уединенную, занимаясь днемъ чтеніемъ лучшихъ древнихъ и новѣйшихъ писателей и проводя вечера въ небольшомъ избранномъ кругу умныхъ и дѣльныхъ людей изъ приближенныхъ своихъ. Слухъ объ ея высокихъ достоинствахъ, ея знаніи политическихъ дѣлъ, ея привѣтливости ко всѣмъ разносился по городу и привлекалъ къ ней сердца всѣхъ Русскихъ въ то самое время, какъ отчужденіе великаго князя отъ всего русскаго оскорбляло національное чувство Русскихъ и отвращало отъ него сердца будущихъ подданныхъ его. Въ такомъ положеніи было общество русское когда скончалась Елизавета Петровна и объявленный давно наслѣдникъ ея сдѣлался императоромъ.

Первымъ дѣломъ Петра III-го по вступленіи на престолъ

было—прекращеніе войны съ Пруссіей и заключеніе тѣснаго союза съ нею. Такая быстрая перемѣна удивила всѣхъ подданныхъ новаго государя, но они удивились еще болѣе, когда вслѣдъ за тѣмъ онъ не только отказался безъ всякихъ вознагражденій отъ всѣхъ завоеваній Русскихъ въ Пруссіи, но еще послалъ денежное вспоможеніе жителямъ тѣхъ провинцій прусскихъ, которыя были разорены войною съ Русскими. Неудовольствіе, произведенное такими распоряженіями императора, было смягчено нѣсколько двумя указами, данными имъ въ то же время: первымъ—дворяне избавлялись отъ обязательной службы государю и получали право служить только тогда, когда сами пожелаютъ того; вторымъ—уничтожалась тайная розыскная канцелярія и съ нею большая часть доносовъ и ненавистное для всѣхъ выраженіе: «Слово и дѣло!» которымъ обыкновенно такъ безсовѣстно пользовались низкіе доносчики. Кромѣ того Петръ III запретилъ преслѣдовать раскольниковъ и позволилъ возвратиться въ отечество тѣмъ изъ нихъ, которые отъ преслѣдованія бѣжали за границу. Возвратившимся отводились земли для поселенія въ Сибири. Но все это снисхожденіе, всѣ эти льготы, предоставляемыя дворянству и раскольникамъ, хотя были благодѣтельны для нихъ, не могли однакоже совершенно истребить въ нихъ и еще менѣе въ другихъ сословіяхъ народа непріязненнаго чувства къ такому государю, который явно пренебрегалъ Русскими и отдавалъ предпочтеніе во всемъ,—окружавшимъ его Голштинцамъ и Пруссакамъ. Къ этой оскорбительной для Русскихъ чертѣ его характера присоединилось еще нерасположеніе его къ супругѣ своей, императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ—нерасположеніе, которое Петръ III такъ открыто показывалъ, что были уже слухи о намѣреніи его развестись съ нею и заключить ее въ монастырь, тогда какъ она пользовалась общимъ уваженіемъ, была любима всѣми за свои прекрасныя качества, за свою привязанность ко всему русскому. Неудовольствіе росло съ каждымъ днемъ, какъ вдругъ, къ довершенію его, императоръ объявилъ войну противъ Даніи изъ

одного желанія отмстить ей за старинную вражду между королями Датскими и герцогами Голштинскими. Уже назначенъ былъ день для выступленія въ походъ гвардіи, приготовлены въ Кронштадтѣ корабли для перевозки ея въ Данію, но всѣ гвардейскіе полки открыто показывали нежеланіе свое отправиться на войну съ народомъ, который не подалъ Русскимъ никакой причины къ неудовольствію на него и оставить въ опасности императрицу. Такимъ расположеніемъ гвардіи воспользовались люди самые близкіе къ Екатеринѣ: главный изъ духовенства, архіепископъ Новгородскій Димитрій Сѣченовъ, графы Орловы и княгиня Дашкова. Стараніями ихъ 28-го іюня 1762 года вся гвардія провозгласила Екатерину императрицею и присягнула ей; за гвардіею сдѣлала тоже и вся столица. Петръ III былъ въ это время въ любимомъ загородномъ дворцѣ своемъ Ораніенбаумѣ и, узнавъ о случившемся въ Петербургѣ, хотѣлъ было показать сопротивленіе по совѣту бывшаго при немъ и возвращеннаго имъ изъ ссылки фельдмаршала Миниха, но отрядъ голштинцевъ его былъ такъ ничтоженъ въ сравненіи со всею гвардіею, окружавшею императрицу, что онъ принужденъ былъ отложить всякую мысль о сопротивленіи и подписать актъ о своемъ отреченіи отъ престола. Внезапный переворотъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе на весь организмъ его, что черезъ нѣсколько дней онъ скончался въ загородномъ дворцѣ своемъ Ропшѣ.

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

Отъ Екатерины II до Николая I-го

(Отъ 1762 до 1824 (63 года).

I.

Императрица Екатерина II.

Царствованіе Екатерины II было столько же замѣчательно, какъ и царствованіе Кетра I. Можно сказать даже, что оно было еще замѣчательнѣе: эта государыня довершила все начатое Петромъ, и довершила лучше, потому что она пользовалась уже плодами европейской науки, какихъ во время Петра еще не было. Кромѣ того, стремясь къ одной съ Петромъ цѣли—образовать Россію по образцу западныхъ европейскихъ государствъ, Екатерина не поступала такъ, какъ поступалъ Петръ: она не переносила къ Русскимъ всего, что́ находила лучшимъ на западѣ, но только то, что́ могло слиться съ ихъ природою и принести имъ истинную пользу. Большая часть учрежденій ея доказывала это, и всего болѣе ея *Наказъ* къ сочиненію новаго Уложенія законовъ. Это Уложеніе, не смотря на все желаніе Петра, не могло составиться при немъ, и не составилось и при слѣдующихъ послѣ него государяхъ. Екатерина тотчасъ послѣ возшествія своего на престолъ, начала думать объ этомъ дѣлѣ и, желая

совершить его сколько возможно согласнѣе съ правами и нуждами своихъ подданныхъ, написала *Наказъ*, названный *безсмертнымъ* и нашими и чужестранными писателями. Этотъ Наказъ, котораго каждая строка дышала любовію къ народу и заботливостію о нуждахъ его, данъ въ руководство огромному собранію депутатовъ, созванныхъ императрицею для обсужденія новыхъ законовъ изъ всѣхъ мѣстностей ея обширнаго царства: тутъ были выборные люди не только отъ каждаго изъ народовъ, но даже отъ каждаго племени народовъ, населяющихъ Россію. Государыня желала знать мнѣнія всѣхъ подданныхъ ея о томъ, чтó нужно для улучшенія общественнаго состоянія ихъ. Для составленія Наказа своего *) Екатерина особенно пользовалась знаменитымъ сочиненіемъ Беккаріа «О преступленіяхъ и наказаніяхъ» и Монтескье «Духъ законовъ». Сущность законовъ Екатерины и благодѣтельныя намѣренія ея при составленіи ихъ выражались словами ея къ депутатамъ въ отношеніи смягченія законовъ уголовныхъ: «Лучше простить десять виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго».

Но и эта комиссія, открытая въ Москвѣ по съѣздѣ 565-ти депутатовъ въ іюлѣ 1767 года и основанная на такихъ благодѣтельныхъ началахъ, не составила новаго Уложенія, потому что черезъ годъ, по случаю начавшейся войны съ Турками, большая часть депутатовъ должны были разъѣхаться и общее собраніе ихъ прекратилось, но все то, чтó оно успѣло сдѣлать, принесло несомнѣнную пользу самой императрицѣ, которая, сознавая эту пользу, говорила: «Коммисія Уложенія подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно». Вѣроятно

*) Фридрихъ II, столь извѣстный своимъ умомъ и просвѣщеніемъ, написалъ о Екатеринѣ по случаю Наказа ея, слѣдующія строки одному французкому писателю: „Aucune femme n'avait encore éte législatrice, cette gloire était reservée à l'inpératrice Cethérine qui la mérite bien“.

вслѣдствіе этого свѣта и свѣденія—Екатерина знала Россію какъ природная Русская, и съ такимъ успѣхомъ управляла ею, не смотря на множество затрудненій, окружавшихъ ее почти во все время ея 34-хъ-лѣтняго царствованія.

Прежде всего озабочивалъ императрицу недостатокъ закона о престолонаслѣдіи и оттого возможность дѣлать легко перевороты въ правленіи. Въ первые два года послѣ ея возшествія на престолъ были не однажды тайныя попытки къ тому, а въ концѣ 1764 года подпоручикъ Мировичъ вздумалъ уже явно освободить изъ Шлиссельбургской крѣпости принца Іоанна Антоновича Брауншвейгскаго и провозгласить его императоромъ; но другіе караульные офицеры, чтобы остановить заговоръ Мировича и избавить себя отъ наказанія за свое недосмотрѣніе за поступками его, рѣшились убить несчастнаго Іоанна *). Такъ кончилась жизнь невиннаго страдальца, и съ нимъ всѣ замыслы другихъ смѣльчаковъ пользоваться его именемъ для новыхъ смутъ. Мировичъ былъ казненъ.

Съ кончиною этого принца прекратились опасенія императрицы въ этомъ отношеніи, но сколько было для нея другихъ причинъ къ безпокойствамъ! Покойный супругъ ея въ свое кратковременное царствованіе пожелалъ привести въ исполненіе намѣреніе дѣда своего Петра I—отобрать въ казну церковныя имущества, и для того въ мартѣ 1762 года издалъ указъ о причисленіи монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ къ государственнымъ; земля же, обработанная ими, от-

---

*) Родители принца Іоанна и другія дѣти ихъ, два принца и двѣ принцессы, родившіяся уже во время заключенія ихъ, содержались прежде въ Рижской крѣпости, потомъ въ Динаминдѣ, наконецъ въ городѣ Архангельской губерніи—Холмогорахъ, гдѣ и скончалась Анна Леопольдовна и супругъ ея. Въ 1780 году, спустя 4 года послѣ кончины ихъ, императрица Екатерина отправила дѣтей ихъ съ честію и богатыми дарами въ Данію, подъ покровительство родной тетки ихъ Датской королевы Юліаны Маріи. Каждый изъ нихъ получалъ до смерти своей по 8000 руб. пенсіи отъ Русскаго двора.

давалась въ ихъ собственность съ платежемъ установленнаго оброка. Сильный ропотъ возбудился во всемъ духовенствѣ, и вѣроятно былъ причиною того, что три мѣсяца спустя оно не только не воспротивилось перевороту произведенному Екатериной, но даже съ видимымъ удовольствіемъ признало ее достойною престола. 28 го іюня, въ день переворота. Новгородскій архіепископъ Димитрій Сѣченовъ,—который смѣло представлялъ Петру III несправедливость распоряженія его съ церковными имѣніями и былъ за то подъ гнѣвомъ государя, встрѣтилъ съ радостію Екатерину въ Казанскомъ соборѣ, и первый торжественно назвавъ ее *государынею императрицею*, привелъ къ присягѣ всѣхъ присутствовавшихъ въ церкви. Какъ онъ, такъ и все высшее духовенство надѣялись, что новая государыня отмѣнитъ указъ императора тѣмъ скорѣе, что онъ возбуждалъ неудовольствіе не только духовенства, но и помѣщиковъ, ожидавшихъ того же распоряженія и съ ихъ крестьянами, а съ другой стороны и крестьяне помѣщичьи, съ завистію смотря на церковныхъ, освободившихся изъ крѣпостной зависимости, начинали во многихъ мѣстахъ оказывать неповиновеніе къ господамъ своимъ: не хотѣли вѣрить, чтобы благодѣтельный указъ не освобождалъ и ихъ, какъ крестьянъ церковныхъ. Трудно было государынѣ на первыхъ порахъ царствованія не уступить такому почти всеобщему ропоту, но Екатерина признавала справедливымъ намѣреніе Петра I и потому съ твердостію рѣшилась подтвердить указъ Петра III съ небольшими только измѣненіями, и въ ноябрѣ 1762 года приказала учредить коммисію изъ духовныхъ и свѣтскихъ членовъ для приведенія въ извѣстность всѣхъ церковныхъ имѣній и доходовъ, и когда черезъ годъ коммисія открыла, что всѣхъ крестьянъ, принадлежавшихъ церквамъ и монастырямъ, было болѣе 900,000 душъ, то вторымъ указомъ въ 1763 году императрица повелѣла всѣ эти имѣнія взять изъ духовнаго вѣдомства и поручить коллегіи экономіи, которая вмѣсто прежнихъ оброковъ и работъ должна была собирать съ нихъ

только 1 р. 50 к. въ годъ съ души. Для монастырей же и церквей составлены были штаты, и суммы, которыя оставались отъ нихъ, назначались на содержаніе духовныхъ училищъ, богадѣленъ, госпиталей и другихъ богоугодныхъ заведеній, и прежнее приказаніе Петра I о томъ, чтобы отставные военные люди жили для прокормленія себя въ монастыряхъ—было отмѣнено.

При такихъ распоряженіяхъ въ отношеніи крестьянъ замѣтно было, что Екатерина сильно желала уничтоженія крѣпостнаго права, столь несогласнаго съ духомъ христіанской религіи, но и самые образованные изъ приближенныхъ къ ней не раздѣляли ея возвышеннаго образа мыслей и потому великодушныя желанія ея остались неисполненными: по крайней мѣрѣ она употребляла все свое вліяніе на то, чтобы внушить помѣщикамъ понятіе о необходимости справедливо пользоваться трудами крестьянъ и стараться, какъ можно менѣе отлучать ихъ отъ дома и семейства, сколько для распространенія земледѣлія, столько и для умноженія народонаселенія въ государствѣ. О земледѣліи, какъ объ одномъ изъ лучшихъ источниковъ богатства страны, императрица чрезвычайно заботилась. О немъ говоритъ она въ своемъ Наказѣ такъ: «Не можетъ быть тамъ ни искусное рукодѣліе, ни твердо-основанная торговля, гдѣ земледѣліе въ уничтоженіи или нерачительно производится»; съ сожалѣніемъ смотря на обширныя и плодородныя пространства въ государствѣ ея, никѣмъ не заселенныя, она съ перваго же года своего царствованія начала стараться о привлеченіи туда иностранныхъ колонистовъ; въ іюлѣ же 1763 года учреждена уже канцелярія опекунства надъ ними, и назначено вспоможеніе имъ: 200,000 руб. въ годъ. Пособія и разнаго рода права и преимущества, предоставленныя колонистамъ, подѣйствовали на нихъ такъ успѣшно, что черезъ 10 лѣтъ число ихъ простиралось уже до 26,000 человѣкъ. Всѣ они были уроженцы Германіи и въ особенности Пфальца. Многія селились въ Саратовской губерніи и на югѣ Россіи, гдѣ вслѣдствіе этихъ

переселеній—въ 1764 году составилась *Новороссійская губернія*.

Въ то же время, когда населились южныя степи наши этими новыми обитателями, прежніе, т. е. казаки, совершенно измѣнили свое первобытное устройство. Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, назначенный гетманомъ еще императрицею Елисаветою, былъ послѣднимъ гетманомъ Малороссіи, и при немъ уже гетманство не имѣло прежняго значенія. Екатерина же въ 1764 г. окончательно уничтожила его. Но буйная Сѣчь Запорожская продолжала еще существовать на прежнемъ основаніи около одиннадцати лѣтъ и была уничтожена только въ 1775 году однимъ изъ лучшихъ дѣятелей царствованія Екатерины, Потемкинымъ. Нѣкоторая часть казаковъ запорожскихъ успѣла убѣжать въ Турцію и поддалась султану: большинство осталось въ Новороссійской губерніи подъ однимъ управленіемъ со всѣми другими жителями ея.

Такъ умными мѣрами Екатерины народонаселеніе увеличивалось. Сколько же заботилась она о сохраненіи его, свидѣтельствовали многочисленныя учрежденія, основанныя ею съ этою цѣлію, наприм. въ 1763 году Медицинская коллегія, которая обязана была имѣть попеченіе о врачебной наукѣ, воспитывать русскихъ лекарей, хирурговъ и аптекарей. Каждый городъ долженъ былъ имѣть двухъ врачей: одного городскаго, а другаго уѣзднаго, и какъ въ Россіи еще не было въ то время такого числа лекарей, то вызваны были многіе изъ чужихъ краевъ. Попечительная государыня позаботилась также даже о хирургическихъ инструментахъ: для выдѣлки ихъ учреждены были фабрики. На приказы же общественнаго призрѣнія возложена была обязанность учреждать, гдѣ нужно, больницы и домы для неизлѣчимыхъ больныхъ и для умалишенныхъ. Наконецъ въ 1768 году императрица ввела между подданными своими и только что появившееся въ то время въ Европѣ оспопрививаніе, и чтобы истребить въ народѣ всякую боязнь къ этому новому дѣлу, она рѣшилась привить

оспу себѣ и своему наслѣднику, великому князю Павлу Петровичу. Такой примѣръ не могъ не подѣйствовать самымъ благотворнымъ образомъ, и въ Россіи никто не противился оспопрививанію, къ удивленію западной Европы, гдѣ оно, какъ извѣстно, встрѣтило большое сопротивленіе.

Не менѣе заботливости возбуждалъ въ Екатеринѣ и вопросъ о народномъ образованіи. Въ Наказѣ своемъ она сказала: «Усовершенствованіе воспитанія есть самое надежное средство сдѣлать людей лучшими». И вслѣдствіе этой мысли императрица прилагала всевозможныя старанія объ улучшеніи воспитанія юношества. Превосходнымъ помощникомъ ея въ этомъ дѣлѣ былъ Иванъ Ивановичъ Бецкій, по мысли и планамъ котораго устроено было нѣсколько воспитательныхъ заведеній: въ октябрѣ 1762 года въ Петербургѣ корпусы Артиллерійскій и Инженерный; въ 1763 въ Москвѣ: Воспитательный домъ на 8,000 дѣтей; въ 1767 такой же домъ въ Петербургѣ. Въ 1764 году основано въ Петербургѣ же въ Воскресенскомъ (Смольномъ) монастырѣ воспитательное заведеніе для 240 дворянскихъ дѣвицъ, а въ 1765 такое же—для дѣвицъ изъ городскихъ сословій. Кромѣ того императрица назначила «Коммисію объ учрежденіи народныхъ училищъ», которой поручено было завести въ уѣздныхъ городахъ *малыя* народныя училища для первоначальнаго обученія дѣтей всѣхъ сословій, а въ губернскихъ—главныя народныя училища изъ 4-хъ классовъ для обученія дѣтей свободныхъ состояній наукамъ математическимъ, естественнымъ, словеснымъ и даже частію изящнымъ искуствамъ. Въ городахъ же: Екатеринбургѣ, Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ предполагалось основать университеты, но недостатокъ въ деньгахъ не допустилъ исполненія этихъ мудрыхъ предположеній государыни и открыты были только главныя училища въ нѣкоторыхъ городахъ.

Недостатокъ въ деньгахъ въ первые годы царствованія Екатерины былъ неудивителенъ; въ послѣдніе годы правленія императрицы Елисаветы государственный расходъ превышалъ

доходъ на 5.000,000 рублей. Главными причинами такихъ чрезвычайныхъ расходовъ были: продолжительная и безполезная для Русскихъ война съ Пруссіей, окончившаяся только съ смертію Елисаветы, и приготовленія къ другой войнѣ, которую намѣревался начать Петръ III за Пруссію. При такомъ разстройствѣ финансовъ и безпорядкахъ во многихъ частяхъ государственнаго управленія Екатерина желала по крайней мѣрѣ на пять лѣтъ отстранить себя отъ всякихъ внѣшнихъ вмѣшательствъ и заняться внутреннимъ устройствомъ своего государства; но желаніе ея не могло исполниться: не прошло и года послѣ ея восшествія на престолъ, какъ безпорядки въ Курляндіи и Польшѣ заставили ее принять въ нихъ участіе.

Послѣ ссылки Бирона герцогство Курляндское оставалось безъ правителя и, пользуясь такимъ положеніемъ его, король Польскій Августъ III хотѣлъ завладѣть имъ для сына своего, принца Карла Саксонскаго. Екатерина, предвидя неудобство для Россіи имѣть въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ нѣмецкое владѣніе, которое непремѣнно тяготѣло бы къ сосѣдней Пруссіи, разрушила планъ Августа, возвративъ Курляндію по принадлежности герцогу Бирону, уже возвращенному изъ ссылки Петромъ III. Но чтобы заставить принца Саксонскаго оставить Курляндію, надобно было послать туда войско. Вскорѣ потомъ, въ 1763 году, Августъ III умеръ и въ Польшѣ начались волненія, обыкновенно случавшіяся тамъ при выборѣ новаго короля. Двѣ партіи раздѣлили въ это время Польшу: одна, саксонская, хотѣла имѣть королемъ сына Августа — курфирста Саксонскаго, другая—придворная, гдѣ главными дѣятелями были два брата, князья Чарторыйскіе, считала выгоднѣе держаться Россіи и потому готова была принять короля по выбору императрицы. Екатерина предвидѣла всѣ невыгоды, какія могли произойти для Россіи, если бы королемъ Польскимъ сдѣлался принцъ Саксонскій, который могъ отвлечь Поляковъ отъ союза съ Россіей и Пруссіей къ союзу съ Австріей и Франціей, и потому согласилась на желаніе Чарторыйскихъ

выбрать въ короли племянника ихъ, Станислава Понятовскаго, и не только поддержала этотъ выборъ, но склонила къ тому же и короля Прусскаго Фридриха II, съ которымъ и заключила съ того времени оборонительный союзъ. Саксонская партія хотѣла-было противиться этому выбору, но по просьбѣ Чарторыйскихъ Екатерина прислала въ Польшу войско свое и въ сентябрѣ 1764 года Понятовскій былъ провозглашенъ королемъ. Власть новаго короля не могла однакожъ водворить совершеннаго спокойствія въ Польшѣ: мы знаемъ, какъ тамошніе католики преслѣдовали православныхъ въ областяхъ, захваченныхъ отъ Россіи; въ смутныя же времена, какія часто бывали у Поляковъ, это преслѣдованіе обыкновенно увеличивалоось и въ 1763 году дошло до того, что епископъ могилевскій Георгій Конискій, явившись въ Москву на коронацію императрицы, со слезами умолялъ ее вступиться за несчастныхъ *диссидентовъ*,—такъ называли въ Польшѣ всѣхъ православныхъ и протестантскихъ подданныхъ короля Польскаго. Екатерина съ участіемъ выслушала эти мольбы, и какъ скоро Понятовскій признанъ былъ королемъ, она, черезъ посланника своего въ Варшавѣ, объявила ему, что по московскому договору Россіи съ Польшею 1686 года она имѣетъ право вступиться за православныхъ и требовала уравненія какъ ихъ, такъ и всѣхъ диссидентовъ правъ съ правами католиковъ. Король Прусскій, какъ союзникъ императрицы, требовалъ того же. На эти требованія Поляки отвѣчали сначала сильнымъ сопротивленіемъ, но съ прибытіемъ въ Польшу русскихъ войскъ согласились. Такимъ образомъ вліяніе Екатерины на дѣла польскія все болѣе и болѣе увеличивалось и, благодаря тому, нѣсколько времени прошло въ Польшѣ довольно спокойно между католиками и диссидентами. Но это самое вліяніе Русской государыни на Польшу возбудило опасенія другихъ государствъ и Французскій дворъ выступилъ прежде всѣхъ другихъ на противодѣйствіе Екатеринѣ: его внушеніями составилась между польскими вельможами конфедерація или союзъ въ городкѣ Барѣ для того,

чтобы отнять отъ диссидентовъ данныя имъ права и свергнуть съ престола Понятовскаго; но какъ русскія войска еще не выходили изъ Варшавы, то имъ и удалось не допустить конфедератовъ до исполненія ихъ намѣренія, не смотря на то, что французское правительство признало конфедерацію и послало на помощь къ ней прославившагося въ послѣдствіи генерала Дюмурье, который оставилъ въ своихъ запискахъ подробное описаніе жалкаго состоянія тогдашней Польши и конфедератовъ ея. Ни малѣйшаго согласія между главными лицами конфедараціи; недостатокъ денегъ отъ безумно-роскошной жизни, какую вели они; недостатокъ дисциплины въ 17,000 войскѣ, которое, находясь подъ начальствомъ нѣсколькихъ независимыхъ другъ отъ друга начальниковъ, вступало иногда въ междоусобныя битвы; разстройство во всѣхъ частяхъ управленія, происходившее отъ такихъ безпорядковъ,—все это, по словамъ Дюмурье, дѣлало конфедерацію вовсе неспособною успѣшно противиться русскому войску. Дюмурье совѣтовалъ даже тогдашнему первому министру французскому, герцогу Шуазелю остановить пенсіи, которыя давались отъ французскаго правительства въ пособіе нѣкоторымъ изъ конфедератовъ, потому что эти деньги издерживались только на одни пиры и забавы. Герцогъ принялъ этотъ совѣтъ, и видя, что съ этой стороны безполезно помогать Полякамъ, а между тѣмъ, считая необходимымъ поддерживать ихъ для противодѣйствія возрастающему могуществу Россіи, обратилъ свои интриги въ другую сторону: началъ побуждать Турокъ къ войнѣ съ Русскими. Здѣсь домогательство его было удачнѣе: въ то же самое время въ нашей Украйнѣ вспыхнуло возстаніе казаковъ противъ Поляковъ и жидовъ, которые продолжали невыносимо притѣснять православныхъ. Въ необузданной ревности своей казаки, въ отмщеніе за разграбленіе одного русскаго пограничнаго мѣстечка Балты, разорили сосѣднее съ нимъ мѣстечко татарское, Галты. Султанъ воспользовался этимъ ничтожнымъ случаемъ, чтобъ объявить войну Россіи, заключилъ русскаго посла въ Семиба-

шенный замокъ и приказалъ Крымскому хану вторгнуться въ русскія владѣнія. Зимою 1768 года это приказаніе было исполнено: Татары разорили нашу Новую Сербію, т. е. мѣсто, гдѣ населены были колонисты изъ Сербіи. Екатерина не могла тотчасъ же наказать, какъ слѣдовало, дерзость Турокъ, потому что большая часть войска ея была занята въ Польшѣ и Русскимъ надобно было сначала вести только оборонительную войну; но главнокомандующимъ противъ Турокъ былъ уже знаменитый въ то время полководецъ Румянцевъ. Онъ умѣлъ такъ искусно распоряжаться малыми силами противъ большихъ, что въ 1770 году съ своимъ 17,000 войскомъ одержалъ на берегахъ Кагула побѣду надъ арміею великаго визира, состоявшею изъ 450,000 человѣкъ, а за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ разбилъ сто-тысячную армію Крымскаго хана на берегахъ Ларги. И въ томъ же знаменитомъ для Русскихъ 1770 году русскій флотъ, подъ главнымъ начальствомъ графа Алексѣя Орлова, явился въ Архипелагѣ на призывъ Грековъ, которые, рѣшившись освободиться отъ вѣковаго рабства своего у Турокъ, просили Екатерину о помощи. И вѣроятно имъ удалось бы это намѣреніе, потому что русскій флотъ одержалъ двѣ блистательныя побѣды въ Хіосскомъ заливѣ и въ Чесменской гавани, гдѣ турецкій флотъ былъ сожженъ, но интриги французскаго правительства и здѣсь остановили успѣхи Русскихъ: агентъ его, баронъ Тоттъ, такъ укрѣпилъ Дарданеллы, что русскіе корабли не могли проникнуть въ нихъ и Константинополь спасся; но побѣды графа Орлова и адмираловъ Спиридова и Грейга на долгое время прославили имя русское на водахъ Архипелага и всего Средиземнаго моря. Въ слѣдующемъ 1771 г. генералъ Вейсманъ прославился по берегамъ Дуная, которые до самаго Чернаго моря заняты были русскими войсками, и князь Василій Михайловичъ Долгорукій вступилъ побѣдителемъ въ Крымъ и въ двѣ недѣли занялъ его весь. Однакоже, не смотря на такіе блестящіе успѣхи Русскихъ, нельзя было приступить скоро къ заключенію мира съ Турками за тѣми же самыми причинами,

по которымъ нельзя было покончить и польскихъ дѣлъ: за раздѣленіемъ войска на два лагеря. Поляки пользовались этимъ временнымъ безсиліемъ Россіи и, надѣясь на заступничество европейскихъ государствъ за Польшу, думали выйти совершенно изъ-подъ вліянія Русской императрицы и даже заставить ее отказаться отъ защиты диссидентовъ. Можетъ быть имъ и удалось бы сдѣлать это, если бы дѣла на польскихъ сеймахъ—забравшихъ въ это время всю законодательную власть въ свои руки—рѣшались согласно; но какъ право —«останавливать рѣшеніе сейма» имѣлъ каждый членъ его, благодаря «liberum veto», то дѣятельность какъ противниковъ такъ и сторонниковъ русской партіи безпрерывно прерывалась; король не имѣлъ никакой власти; магнаты его, напротивъ, дѣлали что́ хотѣли, а государственные люди всегда готовы были за деньги услуживать иностраннымъ дворамъ. Такое разстроенное состояніе Польши не могло подавать ей надежды долго противиться могущественной государынѣ Русской, особливо съ того времени, какъ пользуясь слабостію этого жалкаго государства, австрійскія войска заняли уже одну область его подъ предлогомъ какого-то стариннаго права на нее, а Прусскій король въ 1771 году предложилъ Россіи получить отъ Польши слѣдующее ей по справедливости вознагражденіе за военныя издержки съ тѣмъ, что Пруссія и Австрія возьмутъ также нѣкоторыя польскія области. По этому случаю извѣстна депеша Фридриха II тогдашнему прусскому послу въ Петербургѣ, графу Сольмсу, писанная въ мартѣ 1771 года: «Вѣнскій дворъ занялъ польскія земли очевидно съ цѣлію не возвращать ихъ; это наводитъ меня на мысль, что и мы съ Россіей должны воспользоваться настоящими обстоятельствами и, подражая примѣру Вѣнскаго двора, позаботиться также о собственныхъ своихъ интересахъ».

Эта депеша очень важна для Русскихъ, потому что открываетъ истину о томъ, кому принадлежала первоначальная мысль о раздѣлѣ Польши. Иностранные же писатели, въ

особенности французскіе, находившіеся въ близкихъ сношеніяхъ съ магнатами польскими, описывая въ самыхъ черныхъ краскахъ этотъ раздѣлъ, приписывали его одной Екатеринѣ. Ложь обнаружена была не прежде, какъ только въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, когда г. Шмидтъ, занимавшійся исторіею перваго раздѣла Польши, получилъ позволеніе пользоваться русскими архивами. Найденные имъ тамъ документы ясно доказали, какое участіе принималъ въ этомъ дѣлѣ король Прусскій. Впрочемъ дѣйствовать въ пользу своего народа всегда считалось первымъ долгомъ правительства его, и развѣ только одной Россіи этотъ долгъ вмѣняется въ преступленіе тѣми державами, которыя непріязненно расположены къ ея могуществу. Новѣйшія же событія между Германіей, Австріей и Пруссіей какъ нельзя лучше доказали, съ какою устойчивостью Европа держится до сихъ поръ этого права каждаго государя — ставить выше всего пользу своего народа и слѣдовательно, какъ справедливо должно быть передъ нею желаніе Екатерины возвратить Россіи принадлежавшую ей искони Бѣлоруссію, которую она получила при этомъ раздѣлѣ, и которая если была пространствомъ болѣе земель, захваченныхъ Пруссіей и Австріей, но за то она была гораздо бѣднѣе населеніемъ и природными богатствами, нежели Померанія и часть Великой Польши, доставшіяся Пруссіи, и Галиція, полученная Австріей. Этотъ раздѣлъ состоялся 1772 году. Мѣры, принятыя великою императрицею для полнаго возсоединенія съ Россіей возвращеннаго ей края, были такъ хорошо обдуманы, что вѣроятно въ короткое время слѣды польскаго владычества надъ населеніемъ искони русскимъ совершенно исчезли бы, но къ сожалѣнію императоръ Павелъ совершенно измѣнилъ направленіе, данное Екатериною этому краю.

Черезъ годъ послѣ этого важнаго пріобрѣтенія Россіи, въ 1774 году, окончилась и турецкая война блистательнымъ миромъ при мѣстечкѣ Кучукъ-Кайнарджи. По этому миру султанъ уступалъ Россіи: Азовъ, Эникуль, Керчь и Кин-

бурнъ; признавалъ независимость Татаръ крымскихъ, буджакскихъ и кубанскихъ; открывалъ русскимъ купеческимъ кораблямъ свободное плаваніе въ Средиземномъ морѣ; прощалъ всѣхъ христіанскихъ подданныхъ своихъ, которые замѣшаны были въ послѣднемъ возстаніи, и платилъ Россіи 4,500,000 руб. за ея военныя издержки.

Такое счастливое окончаніе двухъ войнъ доказывало могущество Россіи тѣмъ болѣе, что въ продолженіи ихъ народонаселеніе ея страдало отъ физическихъ несчастій и отъ сильнаго внутренняго мятежа. Еще въ 1770 году изъ Молдавіи проникла въ Россію чума, и какъ, по недостатку войскъ, карантины дурно наблюдались, то весною 1771 г. чума достигля уже до Москвы и здѣсь дѣлала страшныя опустошенія въ особенности потому, что жители не исполняли необходимыхъ предписаній начальства, не вѣрили лекарямъ, скрывали больныхъ въ домахъ, а мертвыхъ въ погребахъ, и тѣмъ довели заразу до того, что умирало до 1000 человѣкъ въ день. Когда главнокомандующій столицею, графъ Солтыковъ, изъ страха къ болѣзни выѣхалъ изъ города въ деревню, простой народъ дошелъ до отчаянія и взбунтовался: умертвилъ архіепископа Амвросія за то, что онъ хотѣлъ снять съ Варварскихъ воротъ икону Богородицы Боголюбской, у которой народъ стекался огромными массами и тѣмъ еще болѣе распространялъ заразу. Бунтъ былъ усмиренъ генераломъ Еропкинымъ и княземъ Григорьемъ Орловымъ, присланнымъ для того изъ Петербурга. Въ октябрѣ 1771 года смертность уменьшилась, а въ январѣ 1772 чума совсѣмъ прекратилась.

Внутренній мятежъ былъ между казаками. Намъ извѣстно уже, какъ склонно было къ возстанію противъ правительства это безпокойное войско. И при Петрѣ Великомъ и послѣ Петра являлись въ немъ подражатели Разина, но не имѣли успѣха и вскорѣ были усмиряемы. Но въ царствованіе Екатерины II возстаніе казаковъ яицкихъ дошло до такой степени, что они въ январѣ 1771 года убили начальника

своего, генерала Траубенберга, и установили у себя свое правительство. Посланный изъ Москвы противъ мятежниковъ генералъ Фрейманъ усмирилъ ихъ: виновные были наказаны; многіе сосланы въ Сибирь, но вскорѣ потомъ убѣжали оттуда и волненіе возобновилось съ большею силою. Предводителемъ мятежниковъ явился въ этотъ разъ донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, имѣвшій даже дерзость выдавать себя за императора Петра III. Два раза убѣгалъ онъ изъ ссылки и, скрываясь въ раскольничьихъ притонахъ, и особливо въ одномъ изъ главныхъ, на Вяткѣ, Пугачевъ свелъ тѣсную дружбу съ раскольниками, которые внушили ему мысль назваться Петромъ III и гдѣ только можно было поддерживали его. Въ 1773 году обманщикъ былъ однакоже пойманъ и въ цѣпяхъ отправленъ въ Казань. Но раскольники и тутъ помогли ему бѣжать изъ тюрьмы и снова мятежъ его возобновился съ ужасающею силою. Шайка его, состоящая сначала изъ 300 человѣкъ, быстро увеличивалась, такъ что онъ могъ безъ труда брать пограничныя крѣпостцы наши, вѣшать комендантовъ ихъ, а находившееся тамъ войско присоединять къ своему. Такимъ образомъ въ октябрѣ того же 1773 года было уже у него болѣе 3000 человѣкъ и къ нимъ приставали еще возмущенные имъ же противъ правительства русскаго Башкирцы, Калмыки, Черемисы, Мордва, однимъ словомъ всѣ инородцы, жившіе по берегамъ Волги, и множество помѣщичьихъ крестьянъ, увлеченныхъ ложными обѣщаніями вольности.

Высланный сначала противъ мятежниковъ генералъ Каръ не могъ справиться съ ними и далъ имъ только случай усилиться. Онъ смѣненъ былъ Бибиковымъ, который своею энергіею и умными распоряженіями поправилъ дѣла, пришедшія къ величайшее разстройство въ губерніяхъ Казанской, Астраханской и Нижегородской, гдѣ распространенъ былъ мятежъ: города, взятые Пугачевымъ, были большею частію возвращены отъ него, и самъ онъ убѣжалъ изъ Оренбурга только съ нѣсколькими мужиками. Но, къ несчастію,

слишкомъ усиленная дѣятельность прекратила жизнь Бибикова, и услышавъ объ этомъ, обрадованный Пугачевъ опять показался съ своими яицкими казаками, взялъ опять нѣсколько крѣпостей и въ іюнѣ 1774 года ворвался въ Казань и, пробывъ въ ней одинъ только день, успѣлъ ограбить и сжечь ее *)! Злодѣй выгнанъ былъ оттуда храбрымъ полковникомъ Михельсономъ, но у него оставалось еще 500 человѣкъ его дерзкаго войска, съ которымъ онъ и переправился за Волгу. Здѣсь къ нему присоединились всѣ крестьяне, которымъ онъ объявилъ вольность, и съ ними въ томъ же іюнѣ онъ взялъ городъ Саранскъ, въ которомъ повѣсилъ 300 дворянъ, потомъ взялъ Пензу и Саратовъ. Въ это самое время заключенъ былъ миръ съ Турками и императрица могла уже отправить къ войскамъ, сражавшимся съ Пугачевымъ, двухъ изъ лучшихъ генераловъ своихъ, графа Панина и Суворова. Услышавъ о приближеніи новыхъ войскъ, Пугачевъ вышелъ изъ Саратова и за Царицынымъ застигнутъ былъ Михельсономъ, который такъ разбилъ его шайку, что онъ убѣжалъ въ степь, гдѣ уже окончательно уничтоженъ былъ прибывшимъ въ то время къ императорскому войску Суворовымъ, который препроводилъ его въ Москву. Здѣсь онъ былъ казненъ. Чтобы истребить воспоминаніе объ этомъ бунтѣ и ужасахъ, сопровождавшихъ его, названіе рѣки *Яикъ* перемѣнено было на *Уралъ*, а названіе: *яицкое* войско на *уральское*

Окончаніе этого страшнаго мятежа, прекращеніе чумы, возвращеніе отъ Польши Бѣлоруссіи, блистательный миръ съ Турціей—всѣ эти событія чрезвычайно радовали государыню и внушали ей желаніе подѣлиться этою радостію съ народомъ, и для того она ѣздила въ Москву и тамъ праздновала въ продолженіе двухъ недѣль самымъ великолѣпнымъ и самымъ національнымъ образомъ годовщину Кайнарджи-

*) Изъ 2800 домовъ въ Казани сгорѣло тогда 2057, кромѣ того 26 церквей и три монастыря.

скаго мира. До начала же предположенныхъ праздниковъ набожная государыня желала торжественно выразить свою благодарность Богу и для того, слѣдуя древнему обычаю царей русскихъ, ходила пѣшкомъ въ Троицкую лавру. Эта привязанность къ стариннымъ обычаямъ русскимъ, это желаніе сближаться съ народомъ, которое почти всегда выражалось въ праздникахъ Екатерины и особенно выразилось при торжествѣ Кайнарджискаго мира, и соединенная съ этимъ миромъ слава русскаго оружія, все это вмѣстѣ придавало Екатеринѣ въ глазахъ подданныхъ ея какое-то неизъяснимое очарованіе, увлекавшее къ ней сердца всѣхъ. Любовь къ ней была самымъ искреннимъ чувствомъ каждаго изъ нихъ и выражалась тѣмъ пламеннымъ усердіемъ, съ которымъ служили ей какъ самыя близкія изъ лицъ, окружавшихъ престолъ ея, такъ и отдаленныя, рѣдко наслаждавшіяся счастіемъ видѣть ее, и даже тѣ, которые никогда не знали ее лично, и тѣ съ именемъ Екатерины соединяли понятіе о самой чадолюбивой, попечительной государынѣ, и потому какъ при жизни ея, такъ и послѣ кончины осталось за ней названіе *Матушки Екатерины*. Какимъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ можетъ быть эта народная любовь на тѣ полныя клеветы и злобы описанія Екатерины у иностранныхъ писателей!

Мы уже видѣли, какъ императрица оправдывала эту народную любовь своими безпрестанными заботами о пользахъ подданныхъ своихъ, но намъ остается сказать еще о многомъ, сдѣланномъ ею съ этою же цѣлію; напр. въ томъ же 1775 году обнародовано было «Учрежденіе для управленія губерній». По обширности государства, раздѣленіе его, сдѣланное Петромъ I, оказывалось уже недостаточнымъ для правильнаго управленія, и потому число губерній было увеличено «Новымъ Учрежденіемъ» до *пятидесяти*. Каждая губернія должна была заключать въ себѣ не болѣе 300—400 тысячъ жителей и раздѣляться въ свою очередь на уѣзды съ 20—30 тысячами душъ. Судебная часть въ губерніяхъ и уѣздахъ отдѣлялась отъ губернскихъ и финансовыхъ управленій;

судъ гражданскій также отдѣлялся отъ уголовнаго. Въ каждомъ уѣздѣ учреждались: *Уѣздный судъ* для дворянъ; *Городовой магистратъ* для средняго сословія; *Нижняя расправа* для однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ; *Казначейство* для сбора и храненія доходовъ; *Нижніе земскіе суды* для полиціи. Надъ этими низшими присутственными мѣстами въ каждомъ губернскомъ городѣ учреждались высшія: *Верхній земскій судъ*, *Губернскій магистратъ*, *Верхняя расправа*. Кромѣ того тамъ же учреждались три палаты, *Уголовная*—для дѣлъ уголовныхъ: *Гражданская*—для дѣлъ гражданскихъ, *Казенная*—для государственныхъ доходовъ. *Губернское правленіе* заключало въ себѣ власть исполнительную и полицейскую. Наконецъ, для обезпеченія состоянія вдовъ и сиротъ дворянскихъ, учреждались *Опеки дворянскія*, а для купеческихъ—*Сиротскіе суды*. Богадѣльни и другія благотворительныя заведенія подчинялись *Приказу общественнаго призрѣнія*.

Преобразованіе прежнихъ губерній въ новыя—было дѣло довольно трудное, и потому оно дѣлалось постепенно въ теченіе 20 ти лѣтъ. Первая преобразованная губернія была Тверская. Она открыта была въ январѣ 1776 года генералъ-губернаторомъ или намѣстникомъ, графомъ Сиверсомъ. Намѣстники управляли двумя или тремя губерніями. Вмѣстѣ съ учрежденіями губерній введены были и новыя болѣе основательныя правила для обмежеванія земель и изданы новыя положенія о сословіяхъ. Слѣдуя и въ этомъ отношеніи реформѣ, начатой Петромъ I, Екатерина опредѣлила точнѣе права и обязанности разныхъ сословій. Въ 1785 году издано было *Городовое положеніе*, по которому купцы получили много такихъ правъ, какихъ прежде не имѣли, и раздѣлились на три гильдіи, смотря по объявленнымъ ими капиталамъ: купецъ 1-й гильдіи, не могъ имѣть капитала менѣе 10,000 руб, 2-й гильдіи—отъ 1000 до 10,000 руб. 3-й—отъ 500 до 1000 руб. Имѣвшіе же капитала менѣе пяти-сотъ руб. назывались *мѣщанами*.

Въ томъ же 1785 году дана была жалованная грамота дворянству. Въ ней подтверждались права, данныя Петромъ III этому сословію, т. е. подтверждалась свобода дворянъ отъ государственной службы, отъ податей и тѣлеснаго наказанія. Изъ нихъ составлялось въ каждой губерніи дворянское общество, которое черезъ каждые три года имѣло право собираться для выбора изъ среды своей достойныхъ людей въ разныя общественныя должности. Присутствовать при этихъ выборахъ могли всѣ дворяне, но участвовать въ нихъ могли только тѣ изъ нихъ, которые дослужились до офицерскаго чина; такимъ образомъ императрица думала заставить дворянъ служить. И въ этомъ отношеніи она не ошиблась: служить въ ея царствованіе каждый считалъ не только своимъ долгомъ, но и счастіемъ. Это самымъ убѣдительнымъ образомъ доказывали всѣ лица, окружавшія ее и готовыя жертвовать своею жизнію за любимую государыню. Главными изъ нихъ были; два брата, графы Григорій и Алексѣй Григорьевичи Орловы, особенно содѣйствовавшіе вступленію Екатерины на престолъ; другіе два брата, графы Никита и Петръ Ивановичи Панины. Старшій, Никита Ивановичъ былъ особенно земѣчателенъ своимъ умомъ и образованностію. Онъ завѣдывалъ сношеніями съ иностранными государствами и прославился тѣмъ, что подалъ Екатеринѣ первую мысль о *Вооруженномъ нейтралитетѣ*. Это было одно изъ блестящихъ дѣлъ Екатерины, и потому заслуживаетъ особеннаго вниманія. Англичане, имѣя всегда лучшій изъ флотовъ европейскихъ, пользовались часто очень несправедливо этимъ преимуществомъ и крейсеры ихъ во время войны съ какимъ-либо государствомъ захватывали по праву сильнаго корабли не только тѣхъ государствъ, которыя вели съ ними войну, но и нейтральныхъ, т. е. такихъ, которыя не участвовали въ ней. Примѣру Англичанъ слѣдовали при случаѣ и другія государства, и такимъ образомъ Испанія, ведя войну съ Англичанами, захватила два русскіе корабля, шедшіе съ хлѣбомъ въ Гибралтарскую гавань, принадлежав-

шую Англичанамъ. Эта несправедливость чрезвычайно оскорбила Екатерину и съ совѣта Панина она придумала слѣдующимъ образомъ оградить себя и другія нейтральныя государства отъ нападенія крейсеровъ: она приказала вооружить 15 военныхъ кораблей для защиты русскаго флота и предложила всѣмъ нейтральнымъ державамъ вступить въ союзъ съ Россіею для охраненія правъ морской торговли. Этотъ союзъ и названъ былъ вооруженнымъ нейтралитетомъ. Главными статьями его было постановлено, что всѣ нейтральные корабли могутъ производить торговлю во всѣхъ гаваняхъ воюющихъ государствъ и что всѣ вещи, находящіяся на этихъ корабляхъ, считаются неприкосновенными, кромѣ контрабанды; контрабандою же считались только оружія и военные снаряды. 28-го февраля 1780 года объявленъ былъ этотъ актъ, тѣмъ болѣе важный для того времени, что Англичане вели войну съ Сѣверной Америкой и Французами, помогавшими ей, и болѣе нежели когда нибудь притѣсняли торговлю и государствъ, воевавшихъ съ ними, и нейтральныхъ. Франція и Испанія первыя открыто одобрили мысль императрицы Русской и присоединились къ новому союзу. Примѣру ихъ послѣдовали: Данія, Швеція, Голландія, Пруссія, Австрія, Португалія. Англія удерживалась отъ этого невыгоднаго для нея союза, но и не опровергала пользы его. Она надѣялась, что, благодаря войнѣ въ Америкѣ и безпорядкамъ, начавшимся тогда во Франціи, союзъ вооруженнаго нейтралитета будетъ существовать недолго и уничтожится самъ собою безъ опаснаго спора съ его учредительницею. Ожиданія Англіи посредствомъ тайныхъ стараній ея точно исполнились въ послѣдствіи времени, но по крайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ сряду торговые люди всѣхъ частей свѣта благословляли Русскую государыню и умнаго министра ея Панина за безопасность своихъ кораблей и товаровъ. Тотъ же графъ Панинъ былъ воспитателемъ наслѣдника престола, великаго князя Павла Петровича.

Послѣ Панина почетное мѣсто на дипломатическомъ поприщѣ занималъ графъ Безбородко; по гражданской службѣ—

князь Вяземскій, исполнявшій около 30 лѣтъ должность генералъ-прокурора Сената. Изъ военныхъ же дѣятелей Екатерининскаго времени знаменитѣйшими были Румянцовъ, получившій за побѣды свои въ Турціи прозваніе *Задунайскаго*, и Суворовъ, выходившій изъ битвъ всегда побѣдителемъ и никогда—побѣжденнымъ. Но Суворовъ принадлежалъ не къ одному царствованію Екатерины: имя его славилось и въ царствованіе наслѣдника ея и потому мы обратимся теперь къ замѣчательнѣйшему изъ приближенныхъ этой великой государыни, начавшему и кончившему при ней свое блистательное поприще: это былъ князь Потемкинъ. Происходя изъ бѣдныхъ дворянъ Смоленской губерніи, онъ учился сначала въ смоленской семинаріи, потомъ въ новооткрытой московской гимназіи, наконецъ въ университетѣ; но, не окончивъ тутъ курса, поступилъ въ конную гвардію и въ самый день восшествія на престолъ Екатерины былъ замѣченъ, ею какъ ловкій и смѣтливый офицеръ. Съ этого времени началось его постепенное возвышеніе, которое вскорѣ довело его до высшихъ должностей въ государствѣ—до званія *князя* и титула *свѣтлѣйшаго*. Онъ вполнѣ оправдывалъ это возвышеніе своими рѣдкими природными способностями и самымъ смѣлымъ характеромъ. Его вліяніемъ на императрицу составился знаменитый въ то время проэктъ раздѣленія Турціи между государствами, ближайшими къ ней, и возстановленіе Греческой имперіи подъ скипетромъ одного изъ внуковъ Екатерины. Для этой великой цѣли императрица отказалась отъ союза съ Пруссіей и вступила въ союзъ съ Австріей, которая была ближайшею сосѣдкою Турціи и слѣдовательно принимала болѣе всѣхъ участія въ тѣхъ перемѣнахъ, какія предполагались при раздѣленіи Турецкой имперіи. Первымъ шагомъ къ этому великому дѣлу Потемкинъ считалъ уничтоженіе независимости Крыма, гдѣ по внушеніямъ Турціи происходили безпрестанно непріязненныя дѣйствія противъ Россіи, и ему удалось сдѣлать это безъ всякаго сопротивленія со стороны Крымцевъ. Крымскіе ханы, находясь подъ двумя

противоположными вліяніями Россіи и Турціи, вели самую тревожную жизнь, и послѣдній изъ нихъ, Шагинъ-Гирей, котораго преслѣдовали Турки, какъ преданнаго Россіи, охотно отказался отъ престола 8-го апрѣля 1783 года, и Крымъ присоединенъ былъ тогда же къ Россіи.

Извѣстіе объ этомъ присоединеніи жестоко поразило Турцію: Крымъ былъ послѣднимъ татарскимъ царствомъ и съ паденіемъ его весь сѣверный берегъ Чернаго моря поступалъ во власть Россіи, которой стоило только завести флотъ, чтобы сдѣлаться страшною для Константинополя. Покоряясь однако-же необходимости, Порта должна была согласиться на присоединеніе Крыма, но тайно сбиралась напасть въ расплохъ на Россію. Сборы ея продолжались около четырехъ лѣтъ, а между тѣмъ Потемкинъ, названный за пріобрѣтеніе Крыма, извѣстнаго въ древности подъ именемъ Тавриды—*Таврическимъ*, управляя новопріобрѣтеннымъ краемъ въ званіи намѣстника, уже увеличивалъ народонаселеніе его новыми поселенцами, основывалъ новые города *), заводилъ черноморскій флотъ. Довольный успѣхами своими, онъ упросилъ государыню посѣтить новыя владѣнія ея: полуостровъ Крымъ и соединенныя съ нимъ двѣ губерніи Новороссійскую и Азовскую. Это путешествіе совершилось въ 1787 году и было названо историками *торжественнымъ и величественнымъ шествіемъ* Екатерины отъ сѣверной столицы ея до самыхъ южныхъ границъ государства. Такое названіе было справедливо: великолѣпіе и роскошь всей обстановки этого путешествія, совершеннаго то сухимъ путемъ, то водою въ пышно-украшенныхъ судахъ по широкому Днѣпру, и нѣкотораго рода театральность, которою Потемкимъ умѣлъ придать жизнь пустыннымъ берегамъ этой рѣки, были въ самомъ дѣлѣ поразительны. Въ многочисленной и блестящей свитѣ императрицы были и посланники: австрійскій, французскій и англійскій. На Польской границѣ въ г. Каневѣ выѣхалъ на

*) Херсонъ, Екатеринославъ.

встрѣчу къ ней король Польскій Станиславъ, а въ Херсонской губерніи — императоръ Австрійскій Іосифъ II. Послѣдній сопровождалъ императрицу и во все время проѣзда ея по Крыму и только на возвратномъ пути ея оттуда разстался съ нею, удивленный всѣмъ, что̀ видѣлъ въ Россіи, и еще болѣе убѣжденный, какъ въ могуществѣ государыни ея, такъ и въ вѣроятности успѣха греческаго проэкта. Но случилось иначе: въ томъ же 1787 году Турція, по внушеніямъ Англіи и Пруссіи, которыя боялись тѣснаго союза Россіи съ Австріею, собралась наконецъ объявить войну Россіи, и хотя Австрія, какъ союзница Русскихъ, и помогала имъ въ этой войнѣ, но она шла не совсѣмъ удачно, потому что главный начальникъ войска русскаго противъ Турокъ, Потемкинъ, прежній счастливый исполнитель самыхъ смѣлыхъ плановъ, погруженъ былъ теперь въ самое мрачное уныніе духа: новый, только что созданный имъ севастопольскій флотъ нашъ былъ разбитъ бурею. Это многимъ уменьшило русскія силы противъ Турціи, и Потемкинъ, избалованный счастіемъ, дошелъ до такого отчаянія, что даже просился въ отставку. Напротивъ того, Екатерина доказала въ это время все величіе духа и всю твердость характера, отличавшихъ ее: она отказала Потемкину въ его просьбѣ и писала къ нему: «Прошу ободриться и подумать, что бодрый духъ и неудачу поправить можетъ». И вслѣдствіе того приказала перемѣнить оборонительную войну въ наступательную и идти на осаду Очакова. Потемкинъ повиновался, однакожъ эта осада была очень трудна и Очаковъ взятъ былъ не прежде, какъ въ декабрѣ 1788 года. Медленность этой войны съ Турками, не смотря на помощь Австрійцевъ и славныя побѣды Суворова при Фокшанахъ и Рымникѣ, надобно приписать тому, что въ тоже самое время Екатерина должна была вести войну съ Шведскимъ королемъ Густавомъ III, который, думая воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Россіи, объявилъ свои требованія на возвращеніе ему мѣстъ, завоеванныхъ Петромъ I. Но Екатерина не потеряла

присутствія духа и передъ этой гораздо болѣе близкой опасностію, а самая эта опасность возбудила такое народное одушевленіе, что всѣ сословія спѣшили доказать свое усердіе къ отечеству добровольною выставкою рекрутъ. Эта война съ Швеціею, продолжавшаяся около двухъ лѣтъ съ перемѣннымъ счастіемъ для Шведовъ и Русскихъ, окончилась въ августѣ 1790 года миромъ въ Верельской долинѣ, по которому границы обоихъ государствъ остались тѣже, какія были и до войны, Турецкая же война окончилась въ декабрѣ 1790 года миромъ въ Яссахъ; по этому миру не только Крымъ остался во владѣніи Россіи, но она пріобрѣла и Очаковъ. Потемкинъ уже не насладился этою новою славою Россіи: онъ умеръ за три мѣсяца до заключенія мира, въ октябрѣ 1790 года.

Екатерина, успокоенная этимъ двойнымъ миромъ, могла наконецъ обратить болѣе вниманія на Польшу, состоявшую подъ ея покровительствомъ и раздираемую въ это время разными внутренними смутами и безпорядками. Надѣясь на то, что императрицѣ, озабоченной двумя войнами, нельзя будетъ слишкомъ близко слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ Польшѣ, нѣкоторые изъ Поляковъ затѣяли произвесть переворотъ въ государственномъ устройствѣ, чтобы поддержать это государство, по всѣмъ признакамъ клонившееся къ паденію. Это удалось имъ: въ маѣ 1791 года они провозгласили новую конституцію, по которой престолъ, вмѣсто избирательнаго, дѣлался наслѣдственнымъ; король получалъ исполнительную власть и liberum veto отмѣнялось. Но далеко не всѣ Поляки были довольны такимъ переворотомъ и изъ недовольныхъ составилась партія, которая желала прежняго порядка. Главные дѣятели ея, графы Потоцкій и Браницкій, обратились съ просьбою о помощи къ императрицѣ Русской. Помощь была оказана. Русскіе вступили въ Польшу, и какъ новое правительство не имѣло столько силъ, чтобы противиться имъ, а король Прусскій, котораго оно просило о помощи, отказалъ въ ней, то Русскіе и одержали верхъ. Новая

конституція была отмѣнена, самъ король Станиславъ перешелъ на сторону консерваторовъ и императрицы русской; король же Прусскій, видя невозможность устроить дѣла Поляковъ при безпрестанныхъ несогласіяхъ и безпорядкахъ ихъ, которые еще болѣе увеличивались отъ наплыва якобинскихъ идей и стремленій изъ безумно-республиканской въ то время Франціи, объявилъ въ мартѣ 1793 года, что такъ какъ патріотическая партія въ Польшѣ уже заразилась французскимъ якобинскимъ духомъ и ведетъ вездѣ тайные заговоры противъ законной власти, то для огражденія подданныхъ своихъ отъ этихъ вредныхъ вліяній, онъ долженъ занять нѣкоторыя ближайшія къ его владѣніямъ польскія области, и дѣйствительно занялъ Познань, Гнѣзенъ, Калишъ, Сераджъ, Ленчицу, Ченстоховъ, Торнъ и Данцигъ. Спустя нѣсколько недѣль и Екатерина издала также манифестъ, что въ Польской республикѣ распространяется ученіе неистовыхъ демократовъ, и что для общей безопасности императрица Русская, императоръ Австрійскій и король Прусскій не находятъ другаго средства какъ ограничить пространство Польской республики. Россія получила при этомъ второмъ раздѣлѣ области: Волынскую и Минскую, въ которыхъ было 4533 квадр. мили 3.000,000 жителей.

Но еще не былъ конецъ Польскаго государства: въ немъ были еще люди, готовые биться за него до послѣдней капли крови. Они образовали въ Варшавѣ тайное общество и вызвали къ себѣ убѣжавшихъ въ Дрезденъ главныхъ патріотовъ: Потоцкаго, Колонтая и Косцюшко. Общими усиліями ихъ въ мартѣ 1794 года вспыхнуло возмущеніе въ Краковѣ. Мятежники учредили временное правительство, которое объявило войну Россіи и Пруссіи. Диктаторомъ и главнымъ начальникомъ войска сдѣланъ былъ Косцюшко. Одновременно съ безпорядками въ Краковѣ открылось возмущеніе и въ Варшавѣ и въ Вильнѣ. Въ первомъ изъ этихъ городовъ нападеніе на Русскихъ сдѣлано было такъ неожиданно, что ихъ погибло около 2000 человѣкъ. Поляки однакоже тор-

жествовали не долго. Сначала король Прусскій съ своимъ войскомъ и Русскій генералъ Ферзенъ съ своимъ отрядомъ начали осаду Варшавы; но когда возстаніе вспыхнуло и въ тѣхъ областяхъ польскихъ, которыя принадлежали Пруссіи, король снялъ осаду и, отправясь съ своимъ войскомъ туда, предоставилъ усмиреніе мятежниковъ варшавскихъ однимъ Русскимъ. Екатерина, узнавъ объ этомъ, отправила къ войску своему любимаго изъ начальниковъ его, графа Румянцева-Задунайскаго, который скоро покончилъ дѣло: онъ приказалъ храброму Суворову соединиться съ Ферзеномъ подъ Варшавой. Косцюшко хотѣлъ предупредить это соединеніе, самъ напалъ на Ферзена 30-го сентября 1794 года, но былъ такъ разбитъ со всѣмъ своимъ войскомъ, что даже самъ попался въ плѣнъ. Говорятъ, бросая свою саблю, онъ вскричалъ: «finis Poloniae!» (конецъ Польшѣ). Предчувствіе не обмануло его: вскорѣ послѣ того Суворовъ, соединившись съ Ферзеномъ, взялъ штурмомъ предмѣстіе Варшавы, Прагу, и тѣмъ кончилъ войну. Мятежники, лишившись въ Косцюшкѣ лучшаго изъ предводителей своихъ, потеряли всю энергію и почти всѣ убѣжали за границу; Станиславъ-Августъ отказался отъ престола; вассалъ Польши, герцогъ Курляндскій Петръ Биронъ также отказался отъ своихъ владѣній, и потому, какъ его Курляндія, такъ и области Литовская и Гродненская, принадлежавшія Польшѣ, были присоединены къ Россіи; воеводства Краковское, Сендомирское и Люблинское —къ Австріи; остальныя Польскія земли вмѣстѣ съ городомъ Варшавою—къ Пруссіи.

Счастливо окончивъ такимъ образомъ дѣла съ тремя безпокойными сосѣдями своими—Турками, Шведами и Поляками, Екатерина могла бы наконецъ спокойно наслаждаться плодами царственныхъ трудовъ своихъ, видя увеличивающееся съ каждымъ годомъ благосостояніе ея подданныхъ выгодное распространеніе границъ ея государства, блистательную славу ея войска, успѣхи въ просвѣщеніи образованныхъ классовъ ея народа, между которыми уже отличались имена

писателей: Фонъ-Визина, Сумарокова, Княжнина и поэта Державина, воспѣвавшаго гармоническими стихами все прекрасное въ ея царствованіи, все это могло бы доставить истинное наслажденіе государынѣ, такъ искренно любившей народъ свой, какъ любила его Екатерина, но въ это самое время настала пора новыхъ заботъ для всѣхъ государей европейскихъ: безумная революція французская достигла крайнихъ предѣловъ своихъ и кровь несчастнаго короля-мученика пролилась на эшафотѣ. Неистовства Французовъ, низпровергавшихъ алтари и троны, грозили распространиться по всей Европѣ, если государи не примутъ мѣръ для обузданія ихъ, и вотъ Россія, Австрія и Англія первыя приняли эти мѣры. По мысли Екатерины положено было возстановить прежнюю Французскую монархію, признать Людовика XVIII-го, брата покойнаго Людовика XVI-го, Французскимъ королемъ и идти съ войскомъ прямо во внутрь Франціи. Это было въ 1796 г., когда императоръ Австрійскій Францъ, испуганный побѣдами молодаго генерала Бонапарте, просилъ Екатерину о помощи. Она обѣщала шестидесятитысячную армію, съ тѣмъ, чтобы Австрійцы и Пруссаки выставили по такой-же; Англія же прислала бы вспомогательныя деньги. Предводительство надъ войскомъ своимъ императрица поручила Суворову. Ему уже велѣно было собрать армію въ Подольской губерніи и черезъ четыре недѣли выступить въ походъ, но прежде нежели прошелъ этотъ срокъ, Екатерины не стало: она скончалась неожиданно отъ апоплексическаго удара 6-го ноября 1796 года.

II.

Императоръ Павелъ I.

Съ кончиною Екатерины всѣ приготовленія къ войнѣ прекратились: наслѣдникъ ея, императоръ Павелъ, давно сожалѣлъ о томъ, что стеченіемъ обстоятельствъ и притязаніями сосѣднихъ государствъ, Россія принуждена была въ про-

долженіи болѣе 40 лѣтъ вести почти безпрестанныя войны и потому при самомъ вступленіи своемъ на престолъ объявилъ всѣмъ иностраннымъ дворамъ, что такъ какъ войско его имѣетъ необходимую нужду въ отдыхѣ, то противъ Франціи оно дѣйствовать не будетъ, хотя императоръ одушевленъ тѣми же чувствами, какъ и его родительница, къ неистовой французской революціи и считаетъ долгомъ своимъ противиться ей всѣми мѣрами.

Но какъ французская революція, кромѣ распространенія вредныхъ идей, служившихъ къ уничтоженію всѣхъ законовъ и самой нравственности вездѣ, куда проникали онѣ, дѣйствовала еще разрушеніемъ и матеріальнаго благостоянія государствъ отторженіемъ ихъ отъ законныхъ владѣтелей и присвоеніемъ ихъ своему правительству, то намѣреніе императора Павла не дѣйствовать противъ Франціи не могло оставаться долго безъ перемѣны. Черезъ два года почти всѣ государства европейскія имѣли болѣе или менѣе причинъ къ неудовольствіямъ на Французскую директорію, составлявшую тогда правительство Франціи. Австрія доведена была побѣдами генерала Бонапарта до самаго унизительнаго мира, по которому Франція получала въ свое владѣніе Нидерланды и Іоническіе острова. Кромѣ того Французы заняли Швейцарію и, переименовавъ ее въ республику Гельветическую, распоряжались ею, какъ хотѣли. Женева была совершенно присоединена къ Франціи; Римъ также былъ занятъ французскими войсками и папа Пій VI отвезенъ во Францію. Императоръ Павелъ также имѣлъ основательныя причины къ негодованію на это безумное правительство Франціи: оно явно покровительствовало польскимъ выходцамъ, которые въ надеждѣ на такую сильную помощь начали помышлять о востановленіи Польши и формировали на счетъ Франціи цѣлые легіоны Поляковъ. Кромѣ того на одномъ изъ Іонійскихъ острововъ Французы захватили русскаго консула и не выпускали его, не смотря на всѣ требованія нашего правительства. Въ виду такихъ несправедливостей могъ ли императоръ Павелъ оставаться равно-

душнымъ зрителемъ всего, что́ происходило во Франціи, тѣмъ болѣе, что и королевскіе принцы французскіе, изгнанные изъ отечества, просили его о помощи. Людовикъ XVIII, законный наслѣдникъ несчастнаго Людовика XVI, гонимый вездѣ, потому что всѣ государства болѣе или менѣе боялись Франціи, дружелюбно принятъ былъ императоромъ, и, получая по 200,000 руб. ежегоднаго пособія отъ Россіи, жилъ въ это самое время у насъ въ Митавѣ. Принимая такимъ образомъ болѣе всѣхъ другихъ государей участія въ царственныхъ несчастливцахъ, императоръ Павелъ сильнѣе всѣхъ и желалъ положить скорѣе конецъ какъ самоуправству Франціи, такъ и всему нравственному злу, изъ нея проистекавшему. Вслѣдствіе того онъ представлялъ всѣмъ дворамъ чрезъ посланниковъ своихъ о необходимости дѣйствительнѣйшими мѣрами положить предѣлъ успѣхамъ французскаго оружія и распространенію правилъ анархическихъ, принудить Францію войти въ прежнія границы свои и тѣмъ возстановить въ Европѣ прочный миръ и политическое равновѣсіе.

На эти убѣжденія прежде всѣхъ склонилась Австрія, потомъ Англія, Неаполь и Турція, у которой Бонапартъ уже собрался отнять Египетъ и которая потому просила помощи у Россіи. Отправившись въ этотъ походъ на Египетъ лѣтомъ 1798 года, Бонапартъ еще болѣе усилилъ негодованіе на него императора Павла тѣмъ, что завладѣлъ островомъ Мальтой, принадлежавшимъ рыцарямъ св. Іоанна Іерусалимскаго, которые находились подъ особеннымъ покровительствомъ императора Павла. Получая такимъ образовъ почти безпрестанно новыя жалобы на притѣсненія Французовъ и новыя просьбы о помощи противъ нихъ, Павелъ очень доволенъ былъ, что въ началѣ 1799 года союзъ противъ Франціи состоялъ уже изъ пяти державъ. Къ чести этого союза надобно сказать, что онъ составленъ былъ совсѣмъ не въ видахъ завоеваній, а единственно для защиты цѣлости владѣній, для безопасности подданныхъ и для противодѣйствія беззаконнымъ замысламъ Французскаго прави-

тельства. Начало его было очень успѣшно. Русско-турецкая эскадра осенью же 1798 года отняла у Французовъ захваченные ими Іоническіе острова, но въ Италіи король Неаполитанскій Фердинандъ IV, не дождавшись союзныхъ войскъ, началъ войну и потерпѣлъ такое пораженіе, что лишился всѣхъ своихъ владѣній на полуостровѣ, которымъ завладѣли Французы, и назвали эту часть Италіи *Парѳенопейскою республикою*. Фердинандъ IV удалился въ Сицилію. Такіе успѣхи Французовъ въ Италіи заставили Австрію просить императора Павла увеличить число вспомогательнаго русскаго войска и прислать главнокомандующимъ не другаго кого, какъ славнаго генерала Суворова.

Этотъ славный генералъ былъ извѣстенъ тогда почти всей Европѣ, какъ самый искусный и самый неустрашимый полководецъ, а между тѣмъ, будучи съ дѣтства слабаго здоровья, онъ не думалъ сначала быть военнымъ и потому отецъ, приготовляя его къ гражданской службѣ, далъ ему лучшее образованіе для того времени. Зная нѣсколько иностранныхъ языковъ, молодой Суворовъ еще въ домѣ отца своего проводилъ большую часть своего времени въ чтеніи, и особенно любилъ описанія жизни людей, прославившихся военными подвигами. Увлеченіе, съ которымъ онъ читалъ эти описанія, вѣроятно было предчувствіемъ его собственной славы. Но трудными путями онъ достигъ ее: девять лѣтъ прослужилъ онъ простымъ солдатомъ, и въ это время прослѣдилъ онъ эту жизнь во всѣхъ подробностяхъ ея, узналъ всѣ нужды, весь бытъ солдатъ, привыкъ къ простотѣ этой жизни и, главное, полюбилъ солдатъ и внушилъ имъ безпредѣльную любовь къ себѣ. Это было основаніемъ его послѣдующихъ военныхъ успѣховъ. Правила его военной науки заключались въ трехъ словахъ: *глазомѣръ*, *быстрота*, *натискъ*, т. е. хорошо разсчитать, куда обратиться съ первымъ ударомъ, потомъ быстро явиться передъ непріятелемъ и смѣло напасть на него. Слѣдуя этимъ правиламъ и начальствуя войскомъ безгранично-преданнымъ,

Суворовъ никогда и никѣмъ побѣжденъ не былъ. Мы знаемъ, что этою непобѣдимостію онъ отличался въ войнахъ польской и турецкой и во время мятежа Пугачева; та же самая непобѣдимость заставила и императора Австрійскаго просить у императора Павла именно Суворова въ главнокомандующіе соединенной русско-австрійской арміи.

Но въ то самое время, когда Францъ II такъ убѣдительно напоминалъ о славѣ Суворова, онъ, будущій главнокомандующій соединенной арміи, былъ вовсе не въ славѣ, а въ униженіи, потому что былъ въ немилости у государя за медленность въ исполненіи указовъ императорскихъ о разныхъ преобразованіяхъ въ войскѣ,—преобразованіяхъ, которыя старый генералъ находилъ неудобными для солдатъ. Государь, чрезвычайно недовольный такимъ явнымъ противорѣчіемъ его волѣ, приказалъ ему жить въ Новгородской деревнѣ его и даже подъ присмотромъ полиціи. Покорный подданный не роптал на судьбу свою и находилъ утѣшеніе только въ церковной службѣ, во время которой исполнялъ онъ должность дьячка, т. е. читалъ апостолъ, пѣлъ на клиросѣ, а иногда даже звонилъ въ колокола. Въ другое время семидесятилѣтній фельдмаршалъ, забывая всѣ свои славныя побѣды, игралъ съ деревенскими мальчишками или училъ ихъ чтенію и письму. И среди этихъ-то занятій и грусти о неумышленной винѣ своей передъ государемъ получаетъ онъ слѣдующее собственноручное письмо отъ этого государя: «Графъ Александръ Васильевичъ! Теперь намъ не время разсчитываться. Виноватаго Богъ проститъ. Римскій императоръ требуетъ васъ въ начальники своей арміи и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а ваше — спасти ихъ. Поспѣшите пріѣздомъ сюда, и не отнимайте у славы вашей времени, а у меня— удовольствія васъ видѣть. Пребываю вамъ доброжелательнымъ — Павелъ.» — Мы перенесли на страницы наши это письмо потому, что оно, не смотря на свою краткость, рисуетъ яркими чертами и великодушное сердце императора

Павла и всю славу, какой можно было ожидать отъ знаменитаго фельдмаршала, не смотря на его 70-лѣтнюю старость.

Ожиданія были блистательно исполнены, какъ ни стѣснялъ русскаго героя въ Вѣнѣ придворный совѣтъ (Hofkriegsrath),

Суворовъ будитъ своихъ солдатъ.

по правиламъ котораго главнокомандующіе въ Австріи должны были дѣйствовать не по своимъ усмотрѣніямъ на мѣстѣ войны, но по плану, заранѣе начертанному въ Вѣнѣ и подъ вліяніемъ перваго министра Тугута, вовсе непонимав-

шаго военнаго дѣла, а между тѣмъ почитавшаго себя великимъ тактикомъ.

Могъ ли такой порядокъ нравиться старому русскому фельдмаршалу, привыкшему дѣйствовать самостоятельно во время войны? Однако же, благодаря своей геніальности, онъ умѣлъ отдѣлываться и отъ этого придворнаго совѣта и своею русскою быстротою поправлять то, что́ портила австрійская медленность *). Впрочемъ побѣды его въ Италіи, куда прежде всего направилась соединенная армія, такъ скоро слѣдовали одна за другою, что Тугутъ съ своимъ совѣтомъ едва успѣвалъ получать извѣстія о нихъ и не имѣлъ уже времени обдумывать свои планы и отправлять ихъ въ армію. 3-го апрѣля Суворовъ прибылъ въ Верону, а 17-го того же апрѣля уже разбилъ Французовъ на берегахъ Адды; 18-го вошелъ въ Миланъ и уничтожилъ основанную Французами республику Цизальпинскую. Въ половинѣ мая онъ взялъ Туринъ и такимъ образомъ въ полтора мѣсяца освободилъ почти всю сѣверную Италію изъ подъ-власти Французовъ. Восторгъ къ непобѣдимому герою, защитнику вѣры и возстановителю законной власти былъ всеобщій въ Италіи; народъ вездѣ встрѣчалъ его съ криками: «Eviva nostro liberatore!» (Да здравствуетъ нашъ освободитель!) Императоръ Павелъ посылалъ ему одну награду за другою; за побѣды въ Италіи онъ названъ былъ *княземъ Италійскимъ*. Первый поэтъ того времени, Державинъ воспѣвалъ славу его

---

*) Быстрота Суворова была подлинно изумительна. Она сообщалась и солдатамъ его, конечно, болѣе всего потому, что они безпредѣльно любили его и для него готовы были на всѣ опасности, которыхъ онъ всегда по, братски раздѣлялъ съ ними. Онъ дѣйствовалъ на нихъ иногда строгостію-а иногда и шутками, которыя онъ особенно любилъ употреблять съ солдатами. Разсказываютъ, что не разъ, назначая имъ во время походовъ вставать съ первыми пѣтухами, онъ самъ ранѣе всѣхъ пѣтуховъ выскакивалъ изъ своей палатки и кричалъ „кукуреку!" Солдаты разумѣется спѣшили вставать и такимъ образомъ фельдмаршалъ выигрывалъ часъ или болѣе времени, чего и не подозрѣвалъ непріятель, на котораго готовился онъ напасть.

звучными стихами. Но не такъ думалъ въ Вѣнѣ Тугутъ. Зависть къ славѣ Суворова, особливо послѣ новыхъ побѣдъ его надъ тремя знаменитыми французскими генералами — Макдональдомъ, Моро и Жуберомъ, дошла до того, что онъ началъ стараться вредить ему и препятствовать успѣхамъ его: Суворовъ получилъ повелѣніе отъ Австрійскаго императора «остановиться отъ предпріятій невѣрныхъ и о всякомъ важномъ намѣреніи своемъ доводить прежде до свѣденія императора». Легко представить себѣ, что́ почувствовалъ заслуженный полководецъ нашъ, получивъ такія неумѣстныя наставленія послѣ знаменитыхъ побѣдъ, только-что одержанныхъ имъ, и въ одно время съ извѣстіемъ объ успѣхахъ русскихъ войскъ и на другомъ концѣ Италіи: адмиралъ Ушаковъ въ нѣсколько недѣль освободилъ отъ Французовъ всѣ Неаполитанскія владѣнія и возвратилъ королю Фердинанду IV-му законную власть его. Освобожденная Италія благословляла имя Суворова, а между тѣмъ изъ Вѣны присланъ былъ ему новый планъ войны, по которому Русскимъ надобно было оставить эту освобожденную Италію и идти въ Швейцарію для соединенія съ тѣмъ русскимъ отрядомъ, который былъ подъ начальствомъ генерала Римскаго-Корсакова, и вмѣстѣ съ австрійскимъ корпусомъ, подъ начаиьствомъ эрцъ-герцога Карла, защищать эту страну противъ французскаго генерала Массены. Какъ будто для того, чтобы уменьшить славу Русскаго войска и повредить ему, военный совѣтъ, по новому плану, приказалъ Суворову идти въ Швейцарію, а эрцъ-герцогу Карлу въ Италію, и эрцъ-герцогъ поспѣшилъ исполнить это приказаніе еще прежде, нежели Суворовъ успѣлъ соединиться съ отрядомъ Корсакова, такъ что этотъ отрядъ, состоявшій не болѣе какъ изъ 24,000 человѣкъ остался безъ всякой помощи противъ 70,000 войска французскаго. Суворовъ, зная, какая опасность угрожала Корсакову, спѣшилъ соединиться съ нимъ, но для того ему нужно было перейти по самой трудной и неизвѣстной ему дорогѣ черезъ горы швейцарскія къ кантону Швицу, гдѣ ожидалъ его Кор-

саковъ. Не зная, въ какомъ мѣстѣ сдѣлать ему этотъ переходъ и не полагаясь уже на австрійскихъ офицеровъ главнаго штаба, которые одни могли знать всѣ проходы въ горахъ, Суворовъ рѣшается на самый близкій, но и самый опасный: чрезъ Сенъ-Готардъ. Но взобраться на эту высокую гору было такъ трудно, что изъ 20,000 корпуса Суворовъ потерялъ 2,000 чел. при этомъ переходѣ, и сдѣлавъ его, очутился передъ полками французскими, которыхъ, однако же, онъ вскорѣ обратилъ въ бѣгство. Продолжая идти по той же дорогѣ къ Швицу, Русскіе должны были карабкаться между ущельями горъ, проходить надъ пропастями по такъ называемому «Чортову мосту» и потомъ по тропинкамъ, которыя могли быть доступны только для горныхъ охотниковъ, привыкшихъ къ нимъ съ дѣтства. Преодолѣвъ всѣ эти опасности, Русскіе *чудо-богатыри* — такъ Суворовъ называлъ солдатъ своихъ—спускаются наконецъ, почти босые, оборванные и голодные, въ Мутенскую долину, уже близкую къ тому мѣсту, гдѣ былъ Корсаковъ, и что же узнаютъ? Что онъ уже, разбитый Массеною, отступилъ къ Шафгаузену, и Массена твердо увѣренный, что Суворову съ его 18,000 войскомъ ничего не оставалось дѣлать какъ положить оружіе, уже окружилъ Мутенскую долину! Положеніе Суворова было ужасно, тѣмъ болѣе, что съ нимъ былъ 20-ти-лѣтній сынъ императора, великій князь Константинъ Павловичъ, котораго Массена уже сбирался взять въ плѣнъ вмѣстѣ съ Суворовымъ. Но и въ этомъ ужасномъ положеніи Суворовъ не упалъ духомъ: надежда на Бога и на самоотверженіе его чудо-богатырей спасли и на этотъ разъ и его самого и великаго князя, и честь имени русскаго. На военномъ совѣтѣ рѣшено было одной части войскъ, подъ начальствомъ генерала Розенберга, напасть на Массену въ Мутенской долинѣ, а другой, съ Суворовымъ и великимъ княземъ, въ тоже самое время выходить изъ горъ чрезъ вершину Глариса и въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ пробиться силой.

Смѣлый планъ былъ превосходно исполненъ: Массена,

вмѣсто ожидаемой имъ полной побѣды надъ Русскими, былъ самъ разбитъ Розенбергомъ, а другая часть войска, хотя съ величайшими трудностями, вышла изъ горъ черезъ Гларисъ.

Какъ ни тяжело было Суворову, никогда незнавшему неудачъ, испытать ихъ теперь отъ коварства и интригъ того самаго правительства, которое должно было помогать ему, но святость дѣла, вызвавшаго эту войну, была такъ велика въ глазахъ благочестиваго старца-главнокомандующаго, что онъ готовъ былъ все простить непріязненному къ нему Тугуту и снова идти противъ Французовъ; но императоръ Павелъ глубоко чувствовалъ оскорбленіе, нанесенное его арміи, и приказалъ Суворову возвратиться въ Петербургъ, куда онъ пріѣхалъ уже больной въ маѣ 1800 года и гдѣ черезъ нѣсколько дней скончался.

Такъ прервался союзъ Россіи съ Австріею. Англія, также союзница Россіи противъ Франціи, показала себя не лучше. Еще въ іюнѣ 1799 года назначена была часть русскихъ войскъ вмѣстѣ съ англійскими для освобожденія Голландіи изъ-подъ власти Французовъ; но экспедиція окончилась неудачно: соединенныя войска должны были удалиться изъ Голландіи въ Англію, гдѣ Русскіе приняты были такъ недружественно, что нуждались даже въ самыхъ необходимыхъ предметахъ, которые англійское правительство обязано было доставлять имъ какъ своимъ союзникамъ. Нерасположеніе и зависть Англичанъ къ Русскимъ обнаруживались такъ явно, что императоръ Павелъ приказалъ въ апрѣлѣ 1800 года не только войску своему возвратиться въ Россію, но и посланниковъ своихъ отозвалъ изъ Вѣны и Лондона.

Неудовольствіе Павла на Австрійцевъ и Англичанъ вскорѣ усилилось отъ сближенія его съ Пруссіей, и черезъ Пруссію съ генераломъ Бонапартомъ, который, возвратясь изъ Египта, уничтожилъ безумную директорію и въ званіи перваго консула сдѣлался правителемъ Французской республики. Въ это самое время Англія, продолжая вести войну съ Французами, объявила въ блокадѣ всѣ берега Франціи и

всѣхъ союзныхъ съ нею государствъ и захватывала всѣ корабли, шедшіе въ гавани ихъ. Такое насиліе вызвало императора Павла къ возобновленію вооруженнаго нейтралитета. Всѣ державы, недовольныя Англіей, согласились на предложеніе его. Франція показала особенное желаніе войти въ союзъ съ Россіей: первый консулъ ея освободилъ безъ размѣна всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, которыхъ было около 7000 человѣкъ, и снабдилъ ихъ, какъ вооруженіемъ, такъ и всѣмъ нужнымъ для возвращенія въ отечество. Кромѣ того онъ согласился на требованія императора Павла вознаградить владѣтелей германскихъ за земли, отошедшія къ Франціи на лѣвой сторонѣ Рейна; согласился возстановить королевства Сардинское и Неаполитанское, однимъ словомъ—условіями мирнаго договора Россіи съ Франціей были удовлетворены всѣ желанія императори Павла и слѣдствіемъ того былъ союзъ его съ Франціей противъ Англіи. Цѣлію этого союза былъ—въ отмщеніе за насильные захваты Англичанъ на морѣ—походъ на Остъ-Индію черезъ Хиву и Бухару, раззореніе тамошнихъ торговыхъ заведеній ихъ и освобожденіе изъ-подъ власти ихъ туземныхъ владѣтелей. Но эти обширные планы не осуществились: прежде нежели приготовленія къ войнѣ были окончены, императоръ Павелъ скончался 11-го марта 1801 года.

Всѣ внѣшнія дѣла Павла доказывали его уваженіе къ религіи, къ законамъ, къ справедливости; тоже чувство было основаніемъ и внутренней дѣятельности его. Принимая религію за главное начало истиннаго просвѣщенія- онъ желалъ, дать сколько возможно лучшее образованіе духовенству и потому учредилъ двѣ новыя духовныя академіи въ Петербургѣ и Казани; желалъ, чтобы, подобно ему, и подданные его оказывали уваженіе къ священникамъ, и для того установилъ знаки отличія для бѣлаго духовенства; приказалъ, чтобы въ селахъ церковныя земли были обработываемы не самими священниками, но прихожанами ихъ.

Въ числѣ первыхъ постановленій императора Павла, касав-

шихся до внутренняго управленія, было также учрежденіе объ императорской фамиліи, въ которомъ опредѣлялся порядокъ престолонаслѣдія. Въ тоже время отдѣлена была часть государственныхъ крестьянъ на содержаніе членовъ царской фамиліи и эти крестьяне названы «удѣльными». Для ограниченія помѣщичьей власти надъ крестьянами изданъ былъ въ 1797 году манифестъ, которымъ запрещалось принуждать ихъ работать по праздникамъ и въ теченіи недѣли помѣщикамъ дозволялось пользоваться только три дня работою крестьянъ. Императоръ Павелъ обратилъ также особенное вниманіе на устройство сельскаго управленія: государственные и удѣльные крестьяне раздѣлены при немъ на *волости*, изъ которыхъ въ каждой заключалось не болѣе 3000 душъ. Для управленія волостію, для сбора податей и суда небольшихъ проступковъ учреждалось въ каждой волости *волостное правленіе* изъ членовъ выбранныхъ *міромъ*: *волостнаго головы*, *старосты главнаго селенія* и *волостнаго писаря*.

Считая своею обязанностію предохранить подданныхъ своихъ отъ наплыва безбожныхъ мыслей, порожденныхъ безумною революціею французскою, императоръ Павелъ запретилъ отправлять молодыхъ людей въ иностранныя училища за-границу и за то позволилъ дворянству остъ-зейскихъ губерній основать университетъ въ Дерптѣ въ 1799 году.

Въ то самое время какъ императоръ Павелъ заботился объ истинномъ просвѣщеніи юношества русскаго, супруга его, незабвенная императрица Марія Θеодоровна была основательницею множества новыхъ воспитательныхъ заведеній для дѣвицъ, благотворительныхъ пріютовъ для сиротства и старости, госпиталей для больныхъ, богадѣленъ для безпомощныхъ бѣдняковъ. Нельзя исчислить всего добра, которое сдѣлала эта безпримѣрная по своей благотворительности государыня, и чтобы получить нѣкоторое понятіе о томъ, надобно взглянуть на списокъ учрежденій, извѣстныхъ нынѣ подъ именемъ «Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи».

Большая часть этихъ учрежденій обязана этой государынѣ своимъ основаніемъ; основанныя же прежде—своимъ огромнымъ улучшеніемъ, и всѣ вмѣстѣ доказываютъ, какими материнскими попеченіями окружала эта царственная благодѣтельница все, что̀ Провидѣнію угодно было ввѣрить ея покровительству.

III.

Императоръ Александръ I.

Наслѣдникъ Павла I, старшій сынъ его, великій князь Александръ Павловичъ былъ любимѣйшимъ внукомъ Екатерины Великой. Съ самаго ранняго дѣтства его онъ былъ предметомъ самыхъ нѣжныхъ попеченій ея, отъ которыхъ не могли отвлечь ее и важныя государственныя занятія: она находила время даже на то, чтобы сочинять для него дѣтскіе разсказы и повѣсти. Какъ скоро настало для него время ученія, она выписала въ воспитатели ему образованнѣйшаго изъ ученыхъ Парижскихъ, Лагарпа; а когда великому князю исполнилось 15 лѣтъ, императрица начала уже заботиться о томъ, чтобы избрать своему любимцу, еще при жизни своей, достойную его супругу, и черезъ годъ потомъ великій князь въ 16-лѣтнемъ возрастѣ своемъ вступилъ въ бракъ съ прелестною во всѣхъ отношеніяхъ принцессою баденскою Луизою, названною при мѵропомазаніи Елизаветою Алексѣевною. Эта молодая чета была радостію и счастіемъ послѣднихъ трехъ лѣтъ жизни императрицы. Такая, можно сказать, безпредѣльная привязанность не могла не произвести въ сердцѣ Александра Павловича, отъ природы очень чувствительномъ, такой же взаимной любви. И дѣйствительно, великій князь такъ любилъ свою великую бабку, что при вступленіи своемъ на престолъ объявилъ въ первомъ манифестѣ своемъ, что «принимаетъ обязанность управлять по

законамъ и по сердцу Екатерины II, шествовать по ея премудрымъ намѣреніямъ». И вслѣдствіе того всѣ части управленія, обращавшія на себя особенное вниманіе Екатерины, обратили такое же вниманіе и Александра. Одною изъ главныхъ заботъ Екатерины было распространеніе между подданными ея просвѣщенія и новый императоръ точно также считалъ своею первою обязанностію—улучшеніе всѣхъ тѣхъ учебныхъ учрежденій, которыхъ планы были составлены при Екатеринѣ, но не приведены въ исполненіе по недостатку денегъ. Сюда принадлежали преобразованные изъ главныхъ народныхъ училищъ и учрежденныя во всѣхъ губернскихъ городахъ гимназіи; распространено также число малыхъ или *уѣздныхъ училищъ*; для первоначальнаго же образованія основаны *приходскія школы*. Кромѣ того, для приготовленія учителей учреждены педагогическіе институты въ Москвѣ и Петербургѣ и два новые университета: въ Петербургѣ и Харьковѣ. Важныя улучшенія сдѣланы были также и въ духовныхъ училищахъ, а для увеличенія средствъ ихъ возобновлено было право, данное церквамъ Петромъ I на исключительную продажу восковыхъ свѣчъ.

По гражданскому вѣдомству въ первый же годъ царствованія Александра сдѣлано было одно изъ важнѣйшихъ преобразованій: учрежденіе постояннаго государственнаго совѣта вмѣсто прежняго, созывавшагося только въ особенныхъ случаяхъ. Въ слѣдующемъ 1802 году учреждены и *министерства*, замѣнившія прежнія коллегіи. Число всѣхъ министерствъ сначала было *восемь*: 1) военное, 2) морское, 3) иностранныхъ дѣлъ, 4) внутреннихъ дѣлъ, 5) юстиціи, 6) финансовъ, 7) коммерціи и 8) народнаго просвѣщенія. Главными совѣтниками государя какъ по этимъ важнымъ преобразованіямъ, такъ и вообще по всѣмъ государственнымъ дѣламъ, были въ это время самыя приближенныя къ нему лица: Новосильцевъ, Чарторыйскій, Строгановъ и Кочубей. Спустя нѣсколько времени, и именно въ 1806 году, къ нимъ присоединился, или лучше сказать еще болѣе сблизился съ

государемъ, Сперанскій, покровительствуемый Кочубеемъ и своими необыкновенными способностями возвысившійся изъ сельско-священническихъ дѣтей до званія государственнаго секретаря: ему поручено было окончательное устройство и даже преобразованіе первоначальныхъ учрежденій какъ министерствъ, такъ и государственнаго совѣта. Но эти занятія внутреннимъ устройствомъ государства, такъ много споспѣшествующія счастію его и потому столь пріятныя чувствительному сердцу и образованному уму Александра, часто прерывались войнами, которыя молодой императоръ вынужденъ былъ вести почти съ первыхъ же лѣтъ его царствованія. Отъ первой войны, которая предстояла ему, какъ наслѣднику императора Павла, объявившаго ее, отъ войны съ Англіею, Александръ Павловичъ отказался, надѣясь, что этимъ отказомъ сохранится общій миръ въ Европѣ, но онъ ошибся: первый консулъ Франціи Бонапарте провозгласилъ себя въ это время императоромъ и для увеличенія какъ своей имперіи, такъ и своей славы, дѣлалъ безпрестанно новые захваты то у того, то у другаго изъ европейскихъ государей, такъ что вооружилъ противъ себя почти всѣхъ ихъ. Императоръ Александръ, по примѣру бабки и родителя своего, не могъ не подать помощи оскорбленнымъ владѣтелямъ. Въ 1805 году онъ помогалъ Австріи, но неудачныя распоряженія австрійскихъ генераловъ заставили снова Русскихъ потерпѣть вмѣстѣ съ ними пораженіе при Аустерлицѣ и заключить, съ Французами невыгодный миръ. Вслѣдъ за этимъ пораженіемъ Австрійцевъ, Пруссаки явились какъ бы мстителями за нихъ, и въ 1806 году объявили войну Французамъ. Императоръ Александръ вынужденъ былъ и на этотъ разъ идти противъ Французовъ, какъ союзникъ Пруссіи. И въ этой войнѣ счастіе было на сторонѣ Наполеона: не смотря на помощь Русскихъ, почти вся Пруссія была завоевана въ нѣсколько недѣль и самый невыгодный миръ заключенъ былъ въ Тильзитѣ въ іюнѣ 1807 года. По этому миру императоръ Александръ уступалъ императору

Французовъ Іоническіе острова; признавалъ братьевъ его королями Неаполитанскимъ, Голландскимъ и Вестфальскимъ; признавалъ герцогство Варшавское, составленное Наполеономъ изъ польскихъ областей, принадлежавшихъ Пруссіи и Австріи, и за всѣ эти уступки получалъ только Бѣлостокскую область.

Россія не могла не согласиться на этотъ миръ, потому что въ томъ же году стараніями Наполеона и Турція была возстановлена противъ Россіи, и хотя война съ нею шла довольно успѣшно, но раздѣленіе войска русскаго на двѣ арміи, конечно, не могло не быть выгодно для Наполеона во время его войны съ Пруссіей. Тильзитскій миръ доставилъ ему еще одну важную для него выгоду: свиданіе съ императоромъ Александромъ, съ которымъ онъ по новымъ политическимъ видамъ своимъ желалъ сблизиться. Это сближеніе совершилось: Александръ не могъ не отдавать должной справедливости Наполеону, какъ человѣку, положившему конецъ безумнымъ безпорядкамъ Франціи. Наполеонъ, съ своей стороны, не могъ не уважать высокихъ качествъ Александра, тѣмъ болѣе, что онъ желалъ пріобрѣсть его расположеніе, какъ такого государя, съ помощію котораго онъ могъ покорить своему вліянію послѣднихъ, оставшихся у него враговъ въ Европѣ—Англичанъ. Не имѣя такого флота, съ которымъ бы онъ могъ вступить въ открытую войну съ сильною на морѣ Англіею, Наполеонъ хотѣлъ уничтожить торговлю ея, и для того запереть для англійскихъ кораблей, и даже для англійскихъ товаровъ, всѣ гавани континентальной Европы. Во всѣхъ мѣстахъ гдѣ только были французскія войска, эта система уже приведена была въ исполненіе, т. е. всѣ англійскіе товары забирались и сожигались. При тильзитскомъ мирѣ и Россія должна была отчасти принять эту систему, хотя она была вовсе невыгодна для ея внутренней торговли, потому что, заперевъ свои гавани для англійскихъ кораблей, она лишалась большаго вывоза своихъ сырыхъ произведеній. Кромѣ того, тильзитскій

миръ доставилъ императору Александру новаго непріятеля: Шведскій король Густавъ IV, ненавидѣвшій Наполеона, такъ недоволенъ былъ уступчивостію Россіи, что тотчасъ послѣ заключенія тильзитскаго мира объявилъ ей войну, въ которой отличились особеннымъ мужествомъ русскіе генералы: Багратіонъ и Барклай-де-Толли. Первый перешелъ съ своими отрядами изъ Або по льду на Аландскіе острова и завладѣлъ ими, а второй сдѣлалъ такой же переходъ изъ Вазы на шведскій берегъ въ Умео. Послѣдній переходъ былъ особенно замѣчателенъ потому, что происходилъ по льдамъ Ботническаго залива, подъ 64° сѣверной широты и при 30° мороза! Это смѣлое дѣло рѣшило судьбу войны. Народъ шведскій, видя, что Русскіе уже вступили въ страну ихъ, а король упорно желаетъ продолжать войну, начатую безъ всякой основательной причины, и продолжаетъ не только съ одною Россіею, но объявляетъ еще другую, съ Англіей, началъ такъ сильно роптать, что Густавъ IV принужденъ былъ отказаться отъ престола; преемникъ же и дядя его Карлъ XIII тотчасъ заключилъ миръ съ Русскими въ Фридрихсгамѣ 5-го сентября 1809 года и по этому миру вся Финляндія до рѣки Торнео присоединена была къ Россіи.

Русскія войска не знали отдыха въ эти тревожныя времена: едва окончилась война съ Шведами, какъ уже во многихъ мѣстахъ Европы начинались новыя безпокойства. Турки еще не заключали мира съ Русскими, не смотря на то, что Наполеонъ, вооружившій ихъ противъ Россіи, теперь самъ желалъ этого мира, чтобы вознаградить Молдавіей и Валахіей императора Александра за обѣщанную помощь противъ Австріи. Можетъ быть Наполеонъ имѣлъ съ султаномъ тайныя сношенія, совершенно противоположныя явнымъ, въ которыхъ онъ настаивалъ на уступкѣ Русскимъ Молдавіи и Валахіи, какъ бы то ни было, только султанъ не соглашался, и съ 1809 года началъ войну еще съ большимъ ожесточеніемъ. Въ нѣсколькихъ битвахъ Турки одерживали верхъ надъ Русскими, но въ 1810 году главноко-

мандующій нашъ, графъ Каменскій, одержалъ блистательную побѣду близь Рущука. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ Каменскій умеръ и прибывшій на мѣсто его Кутузовъ довершилъ пораженіе Турокъ въ 1811 году при Слободзеѣ. Послѣ этой славной битвы султанъ принужденъ былъ согласиться на миръ, который и заключенъ былъ въ маѣ 1812 года въ Бухарестѣ. Вмѣсто Молдавіи и Валахіи Россія получила по этому миру Бессарабію.

Неискренность расположенія императора Французовъ къ императору Александру вскорѣ обнаружилась еще очевиднѣе: герцогство Варшавское, составленное Наполеономъ изъ польскихъ областей, по соглашенію обоихъ императоровъ при второмъ свиданіи ихъ въ Эрфуртѣ не должно было увеличиваться, чтобы не подать Полякамъ надежды на возстановленіе Польши. Наполеонъ же нарушилъ это условіе, прибавивъ къ герцогству нѣкоторыя области изъ захваченныхъ имъ, и когда императоръ Александръ предложилъ ему, чтобы онъ, вслѣдствіе условій, постановленныхъ между ними, подписалъ актъ, въ которомъ обѣщалъ бы никогда не стараться о возстановленіи Польскаго королевства, Наполеонъ отказался отъ подписанія такого акта. Въ тоже самое время, какъ бы въ доказательство своего могущества, онъ началъ еще съ бóльшимъ самовластіемъ, нежели прежде, распоряжаться небольшими государствами въ Европѣ, присоединяя ихъ или къ Французкой имперіи, или къ королевствамъ своихъ братьевъ. Въ числѣ государей, лишенныхъ такимъ образомъ своихъ владѣній, былъ родственникъ императора Александра, герцогъ Ольденбургскій. Протестъ Русскаго двора о такой явной несправедливости былъ оставленъ безъ вниманія. Кромѣ того Наполеонъ недоволенъ былъ, что въ Россіи не введена была въ полной мѣрѣ континентальная система, что въ русскія гавани еще входили нѣкоторые нейтральные корабли, и требовалъ, чтобы императоръ Александръ, какъ союзникъ его, ввелъ въ государствѣ своемъ такой же тарифъ, какой принятъ былъ во Франціи, что

равносильно было тому, чтобы Россія совсѣмъ отказалась отъ морской торговли. Императоръ Александръ, конечно, не могъ согласиться на такія несправедливыя требованія и чрезъ нѣсколько времени приказалъ обложить большою пошлиной издѣлія французскихъ фабрикъ и другіе предметы роскоши для того, чтобы ограничить вывозъ звонкой монеты, и съ того времени Наполеонъ началъ уже явно показывать особенную благосклонность къ Полякамъ-эмигрантамъ, подавалъ имъ надежды на возстановленіе королевства ихъ, старался побудить Швецію къ новой войнѣ съ Русскими и наконецъ собралъ уже войско болѣе нежели въ 600,000 человѣкъ. Въ этомъ огромномъ ополченіи участвовали войска всѣхъ народовъ, находившихся въ большей или меньшей зависимости отъ Наполеона. Это были войска французскія, итальянскія, нидерландскія, австрійскія, венгерскія, баварскія, виртембергскія, саксонскія, вестфальскія, прусскія, польскія, иллирійскія, португальскія и плѣнныя испанскія.

Предводительствуя этою арміею, Наполеонъ въ іюнѣ 1812 года подошелъ къ пограничной рѣкѣ нашей Нѣману и, сбираясь перейти ее близь Ковно, обнародовалъ своимъ воинамъ приказъ, въ которомъ, явно называя начинающуюся войну—войною за Польшу, онъ сказалъ между прочимъ: «Россія увлекается рокомъ, она не избѣгнетъ судьбы своей. Пойдемъ же впередъ! Перейдемъ Нѣманъ! Внесемъ войну въ русскіе предѣлы! Вторая польская война, подобно первой *), прославитъ оружіе французское; но миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и положитъ конецъ пятидесятилѣтнему кичливому вліянію Россіи на дѣла Европы!»

Въ противоположность этому полному самоувѣренности воззванію императора Французовъ мы приведемъ здѣсь слова приказа, отданнаго императоромъ Русскимъ его арміямъ, на другой день по вступленіи Французовъ въ русскіе предѣлы:

---

*) *Первою* польскою войною Наполеонъ называетъ здѣсь ту, которая кончилась тильзитскимъ миромъ.

«Съ давняго времени примѣчали мы непріязненные противъ Россіи поступки Французскаго императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оныя. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены мы были ополчиться и собрать войска наши; но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ нашей имперіи, не нарушая мира, бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго нами спокойствія. Французскій императоръ, нападеніемъ на войска наши при Ковно, открылъ первый войну. И такъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается намъ ничего инаго, какъ, призвавъ на помощь Свидѣтеля и Защитника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы наши противъ силъ непріятельскихъ. Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ. Воины! вы защищаете вѣру, отечество, свободу! Я съ вами. На зачинающаго Богъ!» Въ такомъ же духѣ благочестія и истинной твердости написаны были два другіе манифеста къ Москвѣ и къ народу и, зная преданность Русскихъ къ царямъ ихъ и отечеству, можно легко представить себѣ, какое дѣйствіе произвели эти воззванія государя. Воины, всегда отличавшіеся неустрашимостію, горѣли нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ; но ихъ было только 200,000 человѣкъ противъ 600,000 войска Наполеонова? Какъ ни велика была храбрость ихъ, но трудно было думать о побѣдѣ надъ войскомъ, которое такъ много превосходило ихъ числомъ и было подъ начальствомъ одного изъ искуснѣйшихъ и счастливѣйшихъ полководцевъ своего времени. Однакожъ русскіе думали о побѣдѣ, потому что по благочестію своему твердо вѣрили въ помощь Божію и съ самоотверженіемъ дѣйствовали для защиты отечества. Всѣ сословія пожертвовали 100.000,000 рублей на военныя издержки; дворянство во-

оружило 300,000 ратниковъ. Но пока происходило вооруженіе и обученіе этихъ ратниковъ-крестьянъ, 200,000 армія, раздѣленная на двѣ, подъ начальствомъ двухъ извѣстныхъ военнымъ искуствомъ генераловъ: Барклая-де-Толли, бывшаго тогда военнымъ министромъ, и князя Багратіона и расположенная въ западныхъ губерніяхъ нашихъ, куда прежде всего направился Наполеонъ, задерживала своимъ мужествомъ торжественное шествіе *великой арміи*—такъ императоръ Французовъ надменно назвалъ свое разноплеменное войско. Сознавая невозможность сразиться успѣшно съ арміею, такъ много превосходящею числомъ нашу, Барклай счелъ нужнымъ отступать отъ нея внутрь страны, но дѣлалъ это отступленіе не безъ битвъ, и отошелъ отъ Витебска къ Смоленску послѣ жаркаго, трехъ-дневнаго сраженія 13, 14 и 15 іюля; тоже сдѣлалъ и Багратіонъ подъ Могилевомъ и 21-го іюля оба главнокомандующіе соединились у Смоленска. Отсюда соединенными силами они оба приняли наступательное движеніе на Наполеона; онъ же, съ своей стороны, спѣшилъ воспользоваться отходомъ ихъ отъ Смоленска, чтобы взять этотъ богатый городъ и отрѣзать отъ него обѣ арміи русскія. Но храбрый генералъ Невѣровскій не допустилъ авангардъ его до того, а 16,000-й отрядъ Раевскаго, подоспѣвшій къ Смоленску, отбилъ приступъ къ этому городу 200,000-й арміи. Однакожъ, эта армія снова сдѣлала приступъ, снова была отражена свѣжими войсками, подоспѣвшими на помощь къ Раевскому и когда наконецъ, Наполеонъ овладѣлъ несчастнымъ городомъ, онъ представлялъ уже однѣ развалины отъ безпрестанной канонады, которой подвергался.

Такое геройское отступленіе Барклая не было однако же достойно оцѣнено народомъ, который пламенно желалъ битвы съ непріятелемъ для того, чтобы изгнать его изъ отечества и потому Барклаю не только не довѣряли, но даже подозрѣвали его въ измѣнѣ, такъ какъ онъ носилъ не-русскую фамилію. Александръ, сожалѣя о такомъ ошибочномъ мнѣніи, счелъ нужнымъ однакоже уступить желанію народа и выбралъ

главнокомандующимъ 67-ми лѣтняго генерала князя Кутузова, извѣстнаго еще при Екатеринѣ, любимца Суворова. Съ пріѣздомъ его въ армію все оживилось: всѣ думали, что теперь, съ этимъ храбрымъ ученикомъ незабвеннаго Суворова, отступленія уже не будетъ. И подлинно, 26-го августа Кутузовъ далъ генеральное сраженіе при селѣ Бородинѣ, въ Можайскомъ уѣздѣ. Это сраженіе продолжалось цѣлый день и съ обѣихъ сторонъ осталось на мѣстѣ убитыми 100,000 человѣкъ. Такая огромная потеря показала Кутузову, что еще одна такая битва, и онъ можетъ лишиться почти всей арміи, а между тѣмъ Бородино было только въ 108 верстахъ отъ Москвы, слѣдовательно въ случаѣ пораженія — древней столицѣ предстояло беззащитной отдаться непріятелю! Все, что̀ носило имя русское, приходило въ негодованіе при этой мысли. Все съ трепетомъ ожидало рѣшенія стараго главнокомандующаго. 1-го сентября, въ 2-хъ верстахъ отъ Дорогомиловской дороги, въ деревнѣ Филяхъ, въ избѣ, гдѣ остановился Кутузовъ, созванъ былъ имъ военный совѣтъ, и на этомъ совѣтѣ фельдмаршалъ рѣшилъ—отступить на Рязанскую дорогу, и для этого отступленія, почти для всѣхъ казавшагося унизительнымъ, войску должно было пройти черезъ Москву! Всѣ покорились грозной необходимости: войско уныло прошло мимо драгоцѣннаго города, покинутаго почти всѣми жителями, исключая тѣхъ, которые не имѣли возможности выѣхать. Многимъ изъ этихъ оставшихся бѣдняковъ вѣроятно поручено было отъ удалившихся домовладѣльцевъ зажигать домы ихъ, какъ скоро Французы вступятъ въ городъ, потому что въ самый день вступленія ихъ, 2-го сентября, Москва вечеромъ запылала въ разныхъ мѣстахъ и никакія усилія Французовъ не могли погасить этого непонятнаго для нихъ пламени. Но когда Наполеонъ понялъ наконецъ, что горячая любовь къ родинѣ и мщеніе за честь ея зажгли этотъ пожаръ, то узналъ и то, какъ ошибся онъ, думая, что можно легко покорить Россію. Онъ увидѣлъ разницу между войною съ другими покоренными

имъ народами и войною съ Русскими, и напрасно прождавъ покорности и предложеній о мирѣ, онъ самъ уже началъ предлагать его императору Александру, но не получалъ никакого отвѣта: Александръ при самомъ началѣ войны въ одномъ изъ манифестовъ своихъ объявилъ: «Я не положу оружіе, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ» и твердо сдержалъ свое слово. Согласно съ нимъ говорилъ тоже и весь народъ русскій и дорого пришлось Наполеону и его великой арміи засвидѣтельствовать эту истину въ самомъ буквальномъ смыслѣ. Чтобы дать понятіе о томъ, въ какомъ положеніи находились Французы въ Москвѣ, довольно сказать, что въ три первые дня пребыванія ихъ тамъ, сгорѣло три четверти домовъ ея, а они пробыли въ ней пять недѣль! Надобно прибавить къ тому, что жители, оставляя городъ, истребили все, что только могли изъ съѣстныхъ припасовъ: потопили барки съ хлѣбомъ, выпустили вино въ погребахъ и подвалахъ; однимъ словомъ съ радостію жертвовали всѣмъ, чѣмъ только могли доставить пользу отечеству или повредить непріятелю. И такимъ образомъ Французы, задыхаясь отъ дыма пожаровъ, ужасаясь окружавшаго ихъ разрушенія, должны были еще страдать и отъ голода, который заставилъ ихъ грабить оставшихся въ Москвѣ жителей и домы, уцѣлѣвшіе отъ пожаровъ. Самъ знаменитый побѣдитель, поселившійся-было въ Кремлевскомъ дворцѣ, долженъ былъ выбраться изъ него на четвертый день, когда загорѣлись и зданія въ Кремлѣ. Съ трудомъ, среди дымящихся развалинъ, выѣхалъ онъ загородъ и помѣстился въ Петровскомъ дворцѣ. Отсюда-то не одинъ разъ отправлялись письма и послы его къ Кутузову съ предложеніями о мирѣ, но старый фельдмаршалъ нѣсколько недѣль повторялъ одно и тоже: что онъ не получалъ еще отвѣта отъ государя изъ Петербурга, а между тѣмъ самая живая дѣятельность кипѣла во всѣхъ близь-лежащихъ губерніяхъ: обученные ратники являлись готовыми къ бою; съѣстные припасы подвозились въ такомъ множе-

ствѣ, что солдаты каждый день имѣли мясо и вино; волонтеры и охотники изъ всѣхъ сословій безпрестанно увеличивали число войска такъ, что къ концу сентября фельдмаршалъ уже могъ съ полною увѣренностію наступательно дѣйствовать противъ непріятеля, но медлилъ, потому что уже началась партизанская война и отряды непріятельскіе безпощадно истреблялись ею, какъ скоро только показывались въ окрестностяхъ Москвы. Къ партизанской войнѣ присоединилась вскорѣ и народная. Въ первой прославились вскорѣ гусарскій полковникъ Давыдовъ, Фигнеръ и Сеславинъ; въ послѣдней были также храбрые предводители: отставные офицеры, помѣщики, въ особенности Смоленской губерніи, и даже въ иныхъ деревняхъ—сами крестьяне; а когда мужчины всей деревни уходили на битву съ показавшимся гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ непріятельскимъ отрядомъ, то находились и между женщинами смѣлыя предводительницы оставшагося въ деревнѣ люда: вооружаясь чѣмъ попало, онѣ не робѣя встрѣчали враговъ отечества и часто очень удачно справлялись съ ними.

Въ то время, когда Русскіе видимо ободрялись духомъ послѣ унынія, причиненнаго уступкою Москвы, Французы въ этой самой Москвѣ не только ослабѣвали, но даже совершенно истощались отъ голода, который сдѣлался наконецъ такъ великъ, что несчастные ѣли воронъ, мышей, собакъ, конину, а когда съ наступленіемъ октября начались и русскіе морозы, Наполеонъ увидѣлъ необходимость повторить еще разъ свои предложенія о мирѣ, но императоръ Александръ написалъ въ отвѣтъ на нихъ: «Въ настоящее время никакія предложенія не побудятъ меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность отомстить за оскорбленное отечество».

Это было 3-го октября, а 6-го Русскіе начали уже наступательныя дѣйствія и первую побѣду этого времени одержалъ генералъ нашъ Бенингсенъ. Услышавъ объ этомъ, Наполеонъ тотчасъ отдалъ приказъ своей арміи выходить изъ Москвы и 7-го того же октября самъ выѣхалъ, приказалъ сво-

ему маршалу Мортье, чтобы онъ въ ночь выхода своего изъ Москвы зажегъ Кремлевскій дворецъ и взорвалъ Кремлевскія стѣны. Приказаніе было исполнено 11-го октября, когда Французы оставили Москву. Съ этого дня началось отступленіе знаменитой арміи или лучше сказать торжественное изгнаніе ея изъ Россіи, во время котораго она претерпѣла безчисленныя бѣдствія сколько отъ храбрыхъ преслѣдовавшихъ ее войскъ и народа, столько и отъ наступившихъ въ это время сильныхъ морозовъ и неизбѣжнаго голода, потому что это отступленіе происходило по разоренной Смоленской дорогѣ, покрытой однѣми развалинами сёлъ и деревень. Нѣсколько славныхъ побѣдъ, одержанныхъ Русскими въ это время при Малоярославцѣ, Вязьмѣ, Духовщинѣ, Красномъ, оставили навсегда въ этихъ мѣстахъ память объ этомъ отступленіи. Особенно знаменито было сраженіе при Красномъ, продолжавшееся съ 3-го по 6-е число ноября, когда Русскіе взяли болѣе 26,000 плѣнныхъ и 116 пушекъ. Въ это время и морозы особенно усиливались, такъ что можно было по всей справедливости сказать, что дорога, по которой шли Французы, въ буквальномъ смыслѣ устилалась трупами то убитыхъ, то замерзшихъ. Спасаясь отъ неутомимыхъ преслѣдованій, Наполеонъ спѣшилъ переправиться за рѣку Березину, и тутъ-то генералы русскіе думали довершить его пораженіе и даже взять его самого въ плѣнъ, потому что на берегахъ этой рѣки, по распоряженію Кутузова, должны были сойтись три арміи: главная, подъ начальствомъ самого фельдмаршала, преслѣдовавшая Французовъ; вторая, сѣверная, подъ начальствомъ Витгенштейна, защищавшая до того времени дорогу въ Петербургъ, и третья, Дунайская, подъ начальствомъ Чичагова, которая возвращалась изъ Турціи послѣ заключенія мира. Но искусный планъ фельдмаршала не удался по ошибкѣ Чичагова и Наполеонъ успѣлъ переправиться черезъ Березину, хотя и потерялъ при этой переправѣ 20,000 человѣкъ плѣнными, безчисленное множество убитыми, почти всю артиллерію и обозы, такъ что все

награбленное «великою арміею» въ Москвѣ, осталось въ Россіи. За Березиной Наполеонъ, при видѣ жалкихъ остатковъ своего войска, окончательно уничтожаемаго 30-ти градусным морозомъ, не могъ уже ни о чемъ болѣе думать, какъ о

Въѣздъ Александра I въ Парижъ.

бѣгствѣ изъ Россіи, что́ онъ и сдѣлалъ, уѣхавъ въ Парижъ тотчасъ послѣ переправы.

Такимъ образомъ, къ концу 1812 года Россія была очи-

щена отъ непріятелей и 25-го декабря праздновалось уже торжество ея надъ двадцатью народами, пришедшими на нее. Но императоръ Александръ еще не считалъ дѣла своего законченнымъ: спокойствіе Европы не могло существовать при насильственномъ владычествѣ надъ нею императора Французовъ, и Александръ рѣшился уничтожить это владычество. Кромѣ собственнаго войска, которое 1-го января 1813 года уже перешло границы его имперіи, рѣку Нѣманъ, ему нуженъ былъ союзъ государей, раздѣлявшихъ его мнѣніе, и первый, соединившійся съ нимъ, былъ король Прусскій; чрезъ нѣсколько времени потомъ и императоръ Австрійскій, несмотря на родство свое съ Наполеономъ, приступилъ также къ этому союзу; наконецъ, тоже сдѣлали вскорѣ Англія и Швеція, и всѣ эти соединенныя силы боролись противъ Наполеона въ теченіе почти всего 1813 года; только въ октябрѣ этого года Французы побѣждены были союзными войсками въ трёхдневномъ сраженіи при Лейпцигѣ и Германія освободилась отъ власти Наполеона. Но война не кончилась и въ это время: союзники преслѣдовали Наполеона до самыхъ стѣнъ Парижа, который 18-го марта 1814 года сдался имъ послѣ жестокой битвы на высотахъ Бельвила и Монмартра. Главными участниками этой битвы были—Русскіе и 19-го марта императоръ Александръ торжественно вступилъ въ Парижъ вмѣстѣ съ королемъ Прусскимъ. Сохраненіемъ Парижа во всей цѣлости его великодушный Александръ отплатилъ Французамъ за разореніе Москвы. Побѣдители возстановили на Французскомъ престолѣ династію Бурбоновъ: Людовикъ XVIII провозглашенъ былъ королемъ. Наполеонъ принужденъ былъ отказаться за себя и за сына своего отъ престола и получилъ во владѣніе свое островъ Эльбу, но для окончательныхъ переговоровъ объ уничтоженіи тѣхъ перемѣнъ, какія сдѣланы были въ европейскихъ государствахъ самовластіемъ его, назначено было созвать конгрессъ въ Вѣнѣ, что и исполнено было въ сентябрѣ того же 1814 года. На этомъ конгрессѣ, на которомъ главнымъ лицомъ среди евро-

пейскихъ государей былъ Русскій императоръ, рѣшено было вознаградить Россію за убытки и военныя издержки частію того Варшавскаго герцогства, которое Наполеонъ образовалъ изъ польскихъ земель Австріи и Пруссіи. Это новое пріобрѣтеніе были области, составляющія теперь Привислянскій край. Но прежде, нежели кончился конгрессъ въ Вѣнѣ, Наполеонъ еще разъ взволновалъ Европу: тайно оставивъ островъ Эльбу, онъ возвратился въ Парижъ, откуда Людовикъ XVIII долженъ былъ бѣжать въ Бельгію, а Наполеонъ провозгласилъ себя снова императоромъ Французовъ съ намѣреніемъ противостать *четыремъ* арміямъ. *Южно-германская* должна была идти во Францію изъ Швейцаріи, *прусская*—съ береговъ нижняго Рейна, *англо-голландская* — изъ Бельгіи и *русская*—изъ Польши. Честь послѣдней побѣды надъ Наполеономъ принадлежала англо-голландской, находившейся въ Бельгіи, и потому ближайшей къ Франціи. Главнокомандующій ея, герцогъ Веллингтонъ, не дожидаясь прихода союзниковъ, разбилъ войско Наполеона при Ватерлоо, и послѣ этой побѣды Наполеонъ во второй разъ отказался отъ престола. Англичане, не довѣряя болѣе его отреченіямъ, отвезли его подалѣе отъ Европы на принадлежащій имъ островъ св. Елены.

Императоры Русскій и Австрійскій и король Прусскій, для огражденія на будущее время себя и подданныхъ своихъ отъ гибельныхъ замысловъ честолюбцевъ и отъ волненія народовъ, возбуждаемыхъ ими, заключили между собою *священный союзъ* и подписали актъ его 14-го сентября 1815 года. Основаніемъ этого союза было условіе государей какъ и въ управленіи своими собственными подданными, такъ и въ сношеніяхъ съ другими государствами руководствоваться правилами св. Евангелія, т. е. соединиться узами неразрывнаго братства, помогать другъ другу во всемъ и подданныхъ своихъ считать какъ бы членами одного семейства. Такія благотворныя, основанныя на религіи, намѣренія государей не могли не произвести благодѣтельнаго вліянія на

правительства и народы: революціонныя движенія, возбудившіяся въ разныхъ государствахъ европейскихъ, прекратились, и если случалось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они снова возобновлялись, то союзные государи опять собирались на конгрессы для разсужденія о средствахъ къ прекращенію ихъ. Такимъ образомъ, въ ноябрѣ 1818 года былъ конгрессъ въ Ахенѣ, въ ноябрѣ 1820 въ Троппау, въ январѣ 1821 въ Лайбахѣ, въ октябрѣ 1822 въ Веронѣ.

Искренно желая спокойствія государствъ и счастія народовъ ихъ, Александръ не могъ оставаться равнодушнымъ къ тѣмъ бѣдствіямъ, какія терпѣли въ это время Греки, угнѣтаемые Турками и рѣшившіеся свергнуть съ себя тяжкое иго завоевателей прекрасной страны своей. Движеніе началось еще въ 1814 году учрежденіемъ въ Вѣнѣ общества подъ названіемъ *Гетеріи*, которое намѣревалось образованіемъ приготовить Грековъ къ возрожденію, и для того заводило народныя школы въ Греціи и воспитывало молодыхъ Грековъ въ европейскихъ университетахъ. Хотя самыми дѣятельными членами Гетеріи были два Грека, находившіеся въ службѣ русской: графъ Каподистрія и князь Александръ Ипсиланти, сынъ господаря Молдавскаго, но императоръ Александръ не оказывалъ имъ покровительства въ намѣреніяхъ ихъ и, напротивъ того, былъ недоволенъ Александромъ Ипсиланти, когда онъ въ 1821 году, не дожидаясь постепеннаго развитія образованности Грековъ и, слѣдовательно, болѣе своевременнаго освобожденія ихъ отъ власти Турокъ, явился на родинѣ своей въ Молдавіи и призвалъ Грековъ въ возстанію. Морея и Архипелажскіе острова откликнулись на этотъ призывъ и взволновались. Султанъ не повѣрилъ, чтобы такое движеніе могло произойти безъ вліянія Русскаго императора и вслѣдствіе того, вмѣстѣ съ самымъ варварскимъ гоненіемъ на безоружныхъ Грековъ, обнаружилъ такое явное негодованіе на Русскихъ, что посолъ русскій выѣхалъ изъ Константинополя. Можетъ быть, русскія войска, уже приближавшіяся къ южнымъ границамъ нашимъ, положили-бы тогда-

же конецъ тѣмъ неслыханнымъ жестокостямъ, какія, къ стыду Европы, терпятъ столько столѣтій христіанскіе народы подъ властію Турокъ, и императоръ Александръ, освободитель Европы отъ деспотизма Наполеона, сдѣлался-бы и освободителемъ христіанъ отъ ига магометанъ, но европейскіе государи, боясь новаго могущества Россіи, какъ побѣдительницы Турокъ, спѣшили своимъ посредничествомъ остановить войну, готовую вспыхнуть, и продолжали такимъ образомъ задерживать ее во всѣ остальные четыре года жизни императора Александра. Въ ноябрѣ 1825 года его не стало! Онъ скончался 19-го числа этого мѣсяца въ Таганрогѣ, куда сопровождалъ больную супругу свою, императрицу Елизавету Алексѣевну, которой предписано было докторами провести тамъ зиму.

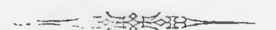
Мы упоминали о лицахъ, приближенныхъ къ императору Александру въ первые годы его царствованія,—о Новосильцовѣ, Кочубеѣ, Строгоновѣ, Чарторыйскомъ, Сперанскомъ. Въ послѣдствіи число ихъ увеличилось генераломъ Аракчеевымъ, адмираломъ Мордвиновымъ, историографомъ Карамзинымъ. Первый извѣстенъ былъ основаніемъ — оказавшимся потомъ неудачнымъ—военныхъ поселеній въ имѣніяхъ государственныхъ крестьянъ по примѣру Военной австрійской границы; второй, какъ предсѣдатель государственнаго совѣта, всегда былъ ревностнымъ защитникомъ правды и неутомимымъ преслѣдователемъ разныхъ злоупотребленій по дѣламъ администраціи; послѣдній — прославилъ царствованіе Александра своимъ знаменитымъ трудомъ — «Исторіею государства Россійскаго». Посвятивъ бо́льшую часть своей жизни изученію отечественной исторіи и занимая по литературному таланту своему первое мѣсто между писателями своего времени, Карамзинъ составилъ первый изящный разсказъ о событіяхъ, случившихся съ самаго основанія государства до смутнаго времени. Съ увлеченіемъ читался этотъ разсказъ всѣмъ образованнымъ обществомъ. Императоръ, слышавшій чтеніе его еще въ манускриптѣ въ 1811 году, когда Ка-

рамзинъ былъ представленъ ему великою княгинею Екатериною Павловною, былъ такъ доволенъ авторомъ, что возвелъ его въ званіе исторіографа. Но и прежде этого отличія Карамзинъ уже извѣстенъ былъ какъ образователь новаго литературнаго языка, рѣзко отличавшагося легкостію формъ своихъ отъ тяжелаго слога бо́льшей части писателей послѣдней половины XVIII вѣка, которые, впрочемъ, содержаніемъ возвышались надъ писателями предшествовавшей имъ эпохи, когда темою почти всѣхъ сочиненій были восхваленія переворота, произведеннаго Петромъ I, и борьба со всѣми противниками новаго порядка. Во времена Екатерины общество, уже болѣе образованное, поняло односторонность такого взгляда, увидѣло, что восхвалялась болѣе одна внѣшность образованности безъ внутренняго совершенствованія человѣка, и тогдашніе писатели—Сумароковъ, Княжнинъ, Николевъ—сильно возставали противъ недостатковъ своихъ современниковъ. Въ произведеніяхъ лучшаго изъ писателей этой эпохи, Фонъ-Визина, въ двухъ безсмертныхъ пьесахъ его—«Бригадирѣ» и «Недорослѣ», мы можемъ видѣть и теперь эти недостатки какъ-бы живыми предъ нами и, читая или слушая слова и выраженія автора, вполнѣ оцѣнить всю важность той услуги, какую оказалъ Карамзинъ преобразованіемъ литературнаго языка нашего.

Царствованіе императора Александра было богато и поэтическими талантами; при немъ еще пѣлъ величественный пѣвецъ Екатерины — Державинъ; сочинялъ трагедіи — Озеровъ; писалъ сатиры — Дмитріевъ; басни—Крыловъ; перевелъ иліаду Гомера—Гнѣдичъ; переводилъ множество стихотвореній романтической германской школы — неподражаемый переводчикъ Жуковскій. Но, несмотря на эти рѣдкіе таланты, поэзія и литература Александрова времени держались по бо́льшой части западныхъ образцовъ и безъ всякаго участія обращались къ народному быту. Отъ этого терпѣло и драматическое искуство, въ которомъ не было почти ничего оригинальнаго, и всѣ пьесы театральныя были или переводы

или передѣлки съ французскаго. Но въ это же царствованіе раздались и первые звуки лиры самобытнаго поэта слѣдующей эпохи—явились первыя стихотворенія Пушкина.

Императоръ Александръ не оставилъ дѣтей и его преемникомъ сдѣлался братъ его, великій князь Николай Павловичъ.

ОТДѢЛЪ ВОСЬМОЙ.

Царствованіе Императора Николая І-го.

Отъ 1825 до 1855 года (30 лѣтъ).

I.

Возшествіе на престолъ.

Царствованіе императора Николая Павловича началось событіемъ, дотолѣ неизвѣстнымъ въ исторіи Русской,—началось бунтомъ противъ законнаго наслѣдника престола. Причины тому были слѣдующія:

Такъ какъ императоръ Александръ не оставилъ дѣтей, то по законамъ государственнымъ наслѣдникомъ его былъ старшій послѣ него братъ, цесаревичъ и великій князь Константинъ Павловичъ, но за три года до кончины Александра—Константинъ Павловичъ отрекся отъ престола и, будучи также бездѣтенъ, передалъ права свои законному наслѣднику послѣ него—великому князю Николаю Павловичу. Это отреченіе и назначеніе новаго наслѣдника не были однакоже обнародованы и всѣ утверждавшіе то и другое акты положены были въ 1823 году съ величайшею тайною въ четырехъ мѣстахъ: въ Москвѣ — въ Большомъ Успенскомъ Соборѣ, и въ Петербургѣ—въ Государственномъ Совѣтѣ, въ Синодѣ и

въ Сенатѣ. На каждомъ изъ запечатанныхъ конвертовъ, заключавшихъ въ себѣ акты, сдѣланы были надписи собственною рукою императора: «Хранить до моего востребованія; а въ случаѣ моей кончины раскрыть прежде всякаго другаго дѣйствія въ чрезвычайномъ собраніи». Тайна этого храненія была такъ велика, что оставалась неизвѣстною даже и для самого великаго князя Николая Павловича, и потому, какъ скоро получено было въ Петербургѣ извѣстіе о кончинѣ императора въ Таганрогѣ, первымъ дѣломъ Николая Павловича было присягнуть извѣстному для всѣхъ наслѣднику его цесаревичу Константину Павловичу, находившемуся въ то время въ Варшавѣ, въ качествѣ намѣстника царскаго.

Императрица Марія Ѳеодоровна, жестоко пораженная горестнымъ извѣстіемъ, была въ первыя минуты почти въ безчувственномъ положеніи и потому не могла остановить поспѣшнаго принесенія присяги и, узнавъ о ней, первая сказала великому князю Николаю Павловичу, что онъ напрасно дѣлалъ это, что ей извѣстны акты, утверждающіе его наслѣдникомъ престола. То же самое подтвердилъ великому князю и пріѣхавшій во дворецъ, послѣ присяги, князь А. Н. Голицынъ, которому, какъ человѣку самому близкому къ покойному императору, были извѣстны эти акты. По указанію его открытъ былъ въ чрезвычайномъ собраніи Государственнаго Совѣта и конвертъ съ означенными актами, но все это не поколебало твердой рѣшимости великаго князя не считать себя наслѣдникомъ престола мимо старшаго брата, котораго намѣренія могли измѣниться послѣ отреченія нигдѣ необнародованнаго, и потому онъ предложилъ всѣмъ членамъ Государственнаго Совѣта послѣдовать его примѣру и тотчасъ же принести присягу новому императору, что́ и было исполнено.

Кромѣ искренняго желанія видѣть на престолѣ старшаго брата и благороднаго стремленія отдалить отъ себя малѣйшее подозрѣніе въ намѣреніи овладѣть короною, великій князь имѣлъ еще другія важныя причины поспѣшить присягою. Въ послѣдніе годы царствованія Александра Павло-

вича были слухи о существованіи въ Россіи тайныхъ обществъ, которыхъ члены замышляли произвести переворотъ въ государственномъ устройствѣ. Первыми зачинщиками этого преступнаго дѣла было нѣсколько молодыхъ людей, участвовавшихъ въ заграничныхъ походахъ войскъ нашихъ и потому имѣвшихъ случай узнать тайныя общества Германіи и Франціи, существовавшія съ такими-же цѣлями. Не имѣя достаточнаго понятія о правахъ народа своего, не изучая какъ слѣдуетъ его исторіи, эти неопытные молодые люди думали, что учрежденія чуждыхъ намъ странъ могутъ также хорошо быть принаровлены и къ отечеству нашему и потому увлекли къ такимъ-же мыслямъ многихъ родственниковъ, друзей и знакомыхъ своихъ. Такимъ образомъ составилась обширная сѣть заговора, доведшая замыслы свои наконецъ до того, что уже въ нѣкоторыхъ изъ членовъ возникла мысль о цареубійствѣ. Въ началѣ слухи объ этихъ тайныхъ обществахъ доходили и до покойнаго императора, но онъ не обращалъ на нихъ должнаго вниманія и, по рѣдкой добротѣ своей, приписывалъ преступные замыслы молодыхъ людей одному легкомыслію ихъ, которое могло пройти съ лѣтами. Только тогда уже, когда они начали замышлять цареубійство, снисходительное сердце императора содрогнулось и онъ отдалъ повелѣніе захватить главныхъ участниковъ тайнаго заговора. Это было одно изъ послѣднихъ распоряженій его передъ кончиною и одно изъ первыхъ донесеній, полученныхъ наслѣдникомъ его. Такое извѣстіе не могло не поразить великаго князя Николая Павловича, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время,—когда присяга принесена была уже одному наслѣднику, а между тѣмъ сдѣлалось извѣстно о назначеніи другаго,—могли произойти въ народѣ смутные слухи, которыми легко было воспользоваться злонамѣреннымъ людямъ. Чтобы предупредить малѣйшія такого рода опасности, угрожавшія государству, великому князю казалось необходимою немедленная присяга извѣстному всѣмъ наслѣднику Александра I-го, цесаревичу Константину. Она была принесена

уже не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но почти по всей Россіи, какъ чрезъ нѣсколько дней потомъ получается отъ цесаревича изъ Варшавы новое подтвержденіе того, что онъ отказывается отъ престола и предоставляетъ всѣ права свои великому князю Николаю Павловичу, котораго въ письмѣ своемъ называетъ не иначе, какъ императоромъ, а себя—его *преданнѣйшимъ подданнымъ.*

Послѣ этого вторичнаго отреченія великому князю Николаю Павловичу уже нельзя было долѣе медлить принятіемъ на себя обязанностей императора и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣхъ трудностей, какія соединялись въ то время съ управленіемъ государства, внутри котораго готовилось возстаніе противъ законной власти. Увѣдомленіе объ огромныхъ размѣрахъ заговора получено было великимъ княземъ въ одинъ день съ вторичнымъ отреченіемъ цесаревича. Вмѣстѣ съ тѣмъ открыто было, что заговорщики намѣревались начать свои дѣйствія въ самый день обнародованія манифеста о восшествіи на престолъ новаго императора и о присягѣ ему. Такъ и случилось: 14-го декабря, въ день, назначенный для того, заговорщики распустили въ нѣкоторыхъ гвардейскихъ полкахъ слухъ, что цесаревичъ не думалъ отказываться отъ престола, и что присяга новому императору требуется несправедливо. Конечно, такого объявленія было довольно, чтобы остановить солдатъ, вѣрныхъ престолу, отъ требуемой присяги: увлекаемые молодыми офицерами, они перестали слушать главныхъ начальниковъ своихъ, даже ранили нѣкоторыхъ изъ нихъ, и съ криками: «ура, Константинъ!» побѣжали на площадь Сенатскую. По распоряженію молодаго государя, только-что принявшаго присягу всѣхъ высшихъ государственныхъ чиновъ и всѣхъ другихъ полковъ гвардейскихъ, употреблены были всѣ усилія убѣдить мятежниковъ къ покорности. Но всѣ увѣщанія и митрополита Петербургскаго и генералъ-губернатора, графа Милорадовича, остались безуспѣшны. Послѣдній былъ даже убитъ въ первыя же минуты его появленія на площади. Глубоко огор-

ченный такимъ упорствомъ и смертію такого вѣрнаго подданнаго, какимъ былъ графъ Милорадовичъ, Николай Павловичъ увидѣлъ необходимость дѣйствовать силою и приказалъ полкамъ итти противъ мятежниковъ. Когда и эти полки, предводительствуемые самимъ государемъ, встрѣчены были выстрѣлами, не оставалось другаго средства къ усмиренію, какъ дѣйствіе артиллеріи: картечные выстрѣлы заставили, наконецъ, мятежниковъ разбѣжаться, и все утихло въ вечеръ того-же 14-го декабря.

Тяжело было молодому императору начать свое царствованіе пролитіемъ крови своихъ подданныхъ, но еще тяжелѣе потомъ, когда Верховная Слѣдственная Коммисія, назначенная для изслѣдованія всего, что́ касалось до заговора, и тайныхъ обществъ, руководившихъ имъ, раскрыло, что въ числѣ мятежниковъ были люди, довольно высоко стоявшіе въ обществѣ и даже пользовавшіеся довѣренностію покойнаго государя. Какъ участники заговора, имѣвшаго цѣлію разрушеніе общественнаго порядка, они не могли быть помилованы и подверглись различнымъ наказаніямъ по мѣрѣ различныхъ преступленій ихъ. Смертная казнь совершена была только надъ пятерыми главными руководителями заговора. Большая часть солдатъ гвардейскихъ полковъ, увлеченные къ мятежу обманомъ, получили прощеніе.

II.

Войны съ Персіею и Турціею.

(1826—1830).

Твердость духа и неустрашимость, показанныя императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ первый день его царствованія, были качествами, всегда отличавшими его. Новыя доказательства тому представляли въ особенности событія первыхъ пяти лѣтъ его правленія.

Прежде всего это было война въ 1826 году съ Персіею— за границы. Еще въ 1813 году заключенъ былъ съ Персіей въ Гюлистанѣ миръ, по которому границею между обоими государствами назначено было ханство Карабахское; но прежде нежели проведена была линія границы, Персіяне присвоили себѣ часть этого ханства и споръ и переговоры объ этомъ продолжались до самой кончины императора Александра. Узнавъ о ней и желая воспользоваться тѣми смутами въ Россіи, о которыхъ невѣрные слухи разнеслись въ сосѣднихъ государствахъ, Персіяне рѣшились вторгнуться въ наши предѣлы и уже перешли Араксъ. Аббасъ-Мирза, сынъ шаха, предводительствовалъ персидскою арміею. Возмутивъ нѣсколько подвластныхъ Россіи ханствъ, онъ намѣревался вторгнуться и въ Грузію, и завладѣть Тифлисомъ. Но всѣ эти смѣлые замыслы Аббаса-Мирзы были уничтожены храброю арміею Кавказскою, которая, подъ начальствомъ знаменитаго еще въ 1812 году генерала Ермолова, хорошо знала образъ войны съ азіятскими народами, потому что вела почти безпрерывную борьбу съ кавказкими горцами. Ермоловъ, принялъ начальство надъ этимъ войскомъ въ самое трудное время (1816), когда оно состояло еще изъ небольшихъ отрядовъ, назначенныхъ для защиты Грузіи, поступившей въ концѣ XVIII вѣка въ подданство наше, но онъ умѣлъ довести его до того, что оно сдѣлалось страшнымъ для дикихъ племенъ горцевъ. Однакоже этого войска было недостаточно для войны съ Персіею, и потому Ермоловъ просилъ у Государя подкрѣпленій, которыя и были посланы ему съ генералъ-адъютантомъ Паскевичемъ. Отправляясь изъ Петербурга Паскевичъ получилъ и передалъ Ермолову предписаніе государя не класть оружія до тѣхъ поръ, пока всѣ возмущенныя ханства не будутъ усмирены и Персіяне изгнаны изъ предѣловъ Россіи.

Оба генерала съ обыкновеннымъ усердіемъ Русскихъ стремились исполнить волю императора: 13-го сентября 1826 года Паскевичъ еще по распоряженію Ермолова разбилъ на-голову близъ Елизаветполя многочисленную армію Аббаса-Мирзы,

который въ страхѣ убѣжалъ назадъ за Араксъ; весною же 1827 года, сдѣлавшись уже главнокомандующимъ кавказскихъ войскъ вмѣсто Ермолова, вышедшаго въ отставку Паскевичъ явился у стѣнъ сильной персидской крѣпости Эривани. Русское войско показало тутъ чудеса храбрости: оно должно было проходить по высокимъ горамъ, почти, непроходимымъ, перевезти съ собой осадныя орудія и наконецъ побѣдить всѣ силы Аббаса-Мирзы, собранныя у этой крѣпости, считавшейся лучшею защитою Персіи. Все это было сдѣлано и черезъ 6 мѣсяцевъ, 1-го октября, Эривань сдалась Паскевичу, который не остановился на этой побѣдѣ, но, преслѣдуя Аббаса-Мирзу, перешелъ за Араксъ и въ концѣ того же октября принудилъ Персіянъ къ миру. Прежде нежели условія этого мира были подписаны, шахъ услыхалъ, что Турція собирается объявлять войну Россіи, и это извѣстіе снова оживило бодрость его и онъ началъ медлить заключеніемъ мирнаго договора; тогда и Паскевичъ снова объявилъ походъ войску и вскорѣ по дорогѣ къ Техерану завладѣлъ однимъ изъ богатыхъ городовъ персидскихъ. Шахъ увидѣлъ необходимость покориться и въ февралѣ 1828 года заключенъ былъ миръ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ для Россіи: она получила въ свое владѣніе два ханства—Эриванское и Нахичеванское и 20,000,000 руб. сер, контрибуціи. Государь щедро наградилъ Паскевича: онъ возведенъ былъ въ графское достоинство съ названіемъ *Эриванскаго* и получилъ милліонъ рублей изъ суммы контрибуціи. Но съ окончаніемъ войны персидской заслуги новаго графа не кончились; вскорѣ открылось новое поприще для его военной дѣятельности.

Мы знаемъ, что во время кончины императора Александра, судьба Грековъ, возстававшихъ противъ своихъ вѣковыхъ утѣснителей—Турокъ, еще не была устроена. Главныя изъ западныхъ державъ, Англія и Франція, боясь, что Россія, такъ высоко поставленная побѣдами Александра надъ непобѣдимымъ до того Наполеономъ, сдѣлается еще могуществен-

нѣе побѣдами надъ Турціей, удерживали своимъ посредничествомъ императора Александра Павловича въ послѣднее время его жизни отъ великодушнаго и справедливаго желанія его помочь несчастному единовѣрному съ нимъ народу. Преемникъ его торжественно объявившій при вступленіи на престолъ намѣреніе свое: «царствовать, какъ царствовалъ Александръ Благословенный», не могъ не раздѣлять его сочувствія къ Грекамъ. Онъ не только раздѣлялъ его, но и съ такою энергіею возставалъ противъ неистовствъ, совершавшихся надъ несчастными Греками и другими христіанскими подданными Турціи, что и западныя державы должны были наконецъ внять его великодушному вызову и вмѣстѣ съ нимъ вступиться за права человѣчества. Эскадры русская, англійская и французская явились около береговъ Мореи и острововъ Архипелажскихъ, которые по повелѣнію султана назначены были на совершенное разореніе. Это повелѣніе со всею жестокостію уже исполнялось главнокомандующимъ турецкою арміею Ибрагимомъ, сыномъ Мегмеда Али, паши Египетскаго, и остановить его, не смотря на всѣ представленія трехъ дворовъ, не было другаго средства, какъ сдѣлать нападеніе на владѣнія Турціи. Союзные адмиралы такъ и сдѣлали: они вошли въ Наваринскую гавань и чрезъ 4 часа жестокой битвы и пальбы изъ 2000 орудій—турецкій флотъ былъ уничтоженъ. Однакоже жестокость султана и послѣ того не только не уменьшилась, но казалось еще болѣе усилилась, такъ что Англичане и Французы, не надѣясь поколебать твердость его, отстранили себя отъ участія въ дѣлахъ Грековъ, и единственнымъ защитникомъ ихъ явился одинъ молодой государь Россіи, за что̀ на него одного и обрушилась вся ненависть султана. Онъ объявилъ своимъ подданнымъ, что Россія возбудила противъ нихъ сначала Грековъ, а потомъ Англичанъ и Французовъ, что она замышляетъ уничтожить Турцію, и потому онъ не намѣренъ исполнять условій, возложенныхъ на него прежними трактатами съ Россіей въ пользу Греціи.

Такое всенародное, оскорбительное для Россіи, объявленіе равнялось вызову на войну. Императоръ Николай не могъ отвѣчать оскорбителю иначе, какъ разоблаченіемъ клеветы, взводимой на его правительство и вступленіемъ войскъ нашихъ въ Турцію въ началѣ 1828 года. По плану, составленному самимъ государемъ, война началась въ одно время почти со всѣхъ сторонъ турецкихъ владѣній. Фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ съ главною арміею вступилъ въ Молдавію и Валахію, гдѣ жители встрѣтили Русскихъ какъ избавителей отъ жестокостей Турокъ; Черноморскій флотъ нашъ подъ начальствомъ адмирала Грейга дѣйствовалъ противъ приморскихъ крѣпостей Турціи на восточныхъ берегахъ Чернаго моря; эскадрѣ нашей, находившейся въ Архипелагѣ подъ начальствомъ адмирала Гейдена и отличившейся при битвѣ Наваринской, поручено было стоять при Дарданеллахъ, чтобы препятствовать подвозу съѣстныхъ припасовъ въ Константинополь; наконецъ, графъ Паскевичъ Эриванскій напалъ съ своимъ Кавказскимъ корпусомъ на азіятскія владѣнія Турціи, что̀ и необходимо было сдѣлать, потому что султанъ въ это время уже началъ подстрекать шаха персидскаго нарушить только-что утвержденный миръ съ Русскими и слѣдовательно вмѣстѣ съ нимъ могъ сдѣлать нападеніе на наши области.

Этотъ искусный планъ былъ какъ нельзя лучше исполненъ храбрыми начальниками и войскомъ, одушевленными личнымъ присутствіемъ при арміи самого государя и великаго князя Михаила Павловича. Кромѣ Молдавіи и Валахіи покорены были въ Европѣ крѣпости: Анапа, Браиловъ, Варна, въ Азіи—Карсъ и Ахалцыхъ. Взятіе этихъ послѣднихъ двухъ крѣпостей, отчаянно защищаемыхъ многочисленною арміею Турецкою, снова прославило графа Паскевича-Эриванскаго. Но эти побѣды еще не усмирили гордость и злобу султана: онъ не соглашался на умѣренныя и справедливыя требованія Россіи прекратить гоненія на христіанскихъ подданныхъ его и продолжалъ войну и въ 1829 году. Этотъ

годъ также не принесъ ему счастья: за болѣзнію графа Витгенштейна, назначенъ былъ новый главнокомандующій графъ Дибичъ, который съ первымъ появленіемъ своимъ въ арміи въ маѣ 1829 разбилъ главнаго начальника войскъ Турецкихъ, великаго визиря; потомъ покорилъ Силистрію, перешелъ Балканы и 8-го августа взялъ Адріанополь, городъ считающійся вторымъ по Константинополѣ. Такіе быстрые успѣхи русскихъ войскъ побѣдили наконецъ султана, который незадолго до взятія Адріанополя уже пораженъ былъ извѣстіемъ, что въ азіятскихъ владѣніяхъ его графъ Паскевичъ уже овладѣлъ столицею Турецкой Арменіи—Эрзерумомъ. Убѣжденный въ невозможности противиться болѣе, Махмудъ II согласился на миръ, который и заключенъ былъ въ Адріанополѣ 2-го сентября. Императоръ Николай Павловичъ, не смотря на совершенное пораженіе султана, не предписалъ ему—хотя бы легко могъ—другихъ условій мира, кромѣ тѣхъ, какія объявилъ при самомъ началѣ войны, т. е. прекращеніе гоненій на христіанскихъ подданныхъ его и лучшее устройство судьбы ихъ. Вслѣдствіе этого Молдавія, Валахія и Сербія получали новыя права и признаны были состоящими подъ покровительствомъ Россіи. Греція же признана была совершенно независимою отъ Турціи, и по соглашенію трехъ державъ: Россіи, Франціи и Англіи преобразована въ королевство, на престолъ котораго избранъ былъ въ маѣ 1832 года молодой баварскій принцъ Оттонъ.

Предоставивъ такимъ образомъ единовѣрнымъ намъ народамъ воспользоваться плодами побѣдъ своихъ, великодушный императоръ Николай въ вознагражденіе за всѣ убытки, причиненные государству его войною, оставилъ за собою только нѣсколько крѣпостей въ Азіятской Турціи, изъ которыхъ главною была Ахалцыхъ, и обязалъ султана предоставить свободное плаваніе по Дунаю и Дарданелламъ всѣмъ торговымъ судамъ какъ русскимъ, такъ и другихъ державъ, дружественныхъ съ Россіею.

III.

Мятежъ польскій и холера.

(*1830—1831*).

Но прежде нежели подписаны были всѣ условія мира съ Турціей, предъ молодымъ императоромъ открылось новое поле для трудовъ и подвиговъ: Польша, возведенная великодушіемъ императора Александра Павловича изъ ничтожнаго герцогства Варшавскаго въ *царство Польское* съ особенною отдѣльною отъ Россіи либеральною конституціей, съ своимъ собственнымъ войскомъ, Польша, обогащенная во всѣхъ отношеніяхъ щедрыми пособіями Русскаго императора, обратилась съ прежнею неблагодарностію къ Россіи и 17 ноября 1830 г. возстала противъ правительства, возвеличившаго ее. Еще при жизни императора Александра Поляки уже не однажды показывали стремленіе расширить данныя имъ права и возвратить прежнюю самостоятельность своего государства, но эти стремленія сдерживались благоразуміемъ лучшихъ людей ихъ, которые сознавали невозможность борьбы своего небольшаго государства съ громадною Россіею,—сдерживались до тѣхъ поръ, пока духъ революцій, распространявшійся въ это время по всей Европѣ и по обыкновенію съ особенною силою дѣйствовавшій во Франціи, обратившейся въ 1830 году уже въ республику, не возбудилъ безумныхъ надеждъ легкомысленыхъ Поляковъ. Уже не обращая вниманія на увѣщанія лучшихъ изъ своихъ соотечественниковъ, и слѣдуя только внушеніямъ самыхъ ничтожныхъ тайныхъ обществъ, состоявшихъ по большой части изъ молодыхъ офицеровъ и студентовъ, они возымѣли нелѣпую мысль возстановить Польшу и такимъ образомъ ночью 17 ноября толпа этой молодежи ворвалась во дворецъ Бельведерскій, гдѣ жилъ великій князь Константинъ Павловичъ, съ цѣлью умертвить его.

къ счастію, великій князь успѣлъ спастись, и можетъ быть ему удалось бы утушить этотъ безразсудный мятежъ при самомъ началѣ его: всѣ поляки знали его искреннюю привязанность къ нимъ, и потому онъ пользовался всеобщею любовію, особливо послѣ женитьбы его на полькѣ, но принадлежавшій къ тайнымъ заговорщикамъ адъютантъ его, графъ Замойскій коварно увѣрилъ его, что возмущеніе произошло отъ ложнаго слуха, распространившагося въ народѣ—будто Русскіе хотятъ умертвить всѣхъ Поляковъ, и что потому для великаго князя всего лучше разувѣрить въ этомъ народъ своимъ удаленіемъ изъ Варшавы вмѣстѣ съ полками русскими. Великій князь послѣдовалъ этому совѣту и на другой же день выступилъ изъ Варшавы какъ съ русскими полками, такъ и съ тѣми изъ польскихъ, которые остались ему *вѣрными*, и тогда-то въ Варшавѣ мятежъ разыгрался во всей своей силѣ и съ самыми несбыточными планами не только на счетъ прежней самостоятельности Польши, но даже и на счетъ отторженія отъ Россіи возвращенныхъ ей въ 1772 году родныхъ областей ея. Главными руководителями революціи явно явились теперь тайные и настоящіе дѣятели ея въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ работавшіе надъ извращеніемъ понятій польскаго юношества: *князь Адамъ Черторыйскій*, бывшій любимецъ императора Александра и попечитель Виленскаго учебнаго округа; *Лелевель*, профессоръ Виленскаго университета, и графъ *Чацкій*, визитаторъ училищъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній. Лучшими помощниками ихъ были ксендзы, безсовѣстно клеветавшіе на Русскихъ и тѣмъ возбуждавшіе ненависть къ нимъ Поляковъ. Подъ вліяніемъ такихъ руководителей неудивительно было, что всѣ внушенія благоразумной партіи были отвергнуты и нѣкоторыя лица, принадлежавшія къ ней, какъ-то: графъ Потоцкій, начальникъ всей польской пѣхоты, графъ Гауке, военный министръ, генералы: Трембицкій и Блюмеръ, были даже умерщвлены, и Варшавскій Сеймъ, имѣвшій право собираться только разъ

въ два года и по повелѣнію императора и царя Польскаго, — самовольно собравшись, отправилъ къ Государю князя Любецкаго и графа Езерскаго съ просьбою о забвеніи всего прошедшаго и о присоединіи къ Польшѣ западныхъ губерній нашихъ. Такіе дерзкія требованія не могли не возбудить сильнаго негодованія въ императорѣ. Не смотря на то, онъ постигалъ, что передъ нимъ виновенъ не весь народъ польскій, но только безумцы, увлекшіеся ложными внушеніями злонамѣренныхъ людей, и потому объявилъ, что если законный порядокъ будетъ возстановленъ въ царствѣ и главные виновники мятежа наказаны, то онъ проститъ всѣхъ другихъ участниковъ; если же Поляки вздумаютъ и на это объявленіе отвѣчать новымъ сопротивленіемъ, то *они сами и ихъ выстрѣлы ниспровергнутъ Польшу*.

Слова императора оправдались: Поляки вмѣсто покорности отвѣчали новыми дерзостями, надѣясь на помощь западныхъ державъ, но въ этой помощи они обманулись, а Государь отправилъ для усмиренія ихъ фельдмаршала Дибича съ 100,000 арміею, которая двумя битвами 1-го января 1831 года при *Аврѣ* и 15-го февраля при *Гроховѣ* заставила Поляковъ отступить за Вислу въ самую Варшаву. Между тѣмъ и другіе отряды войскъ, отправленные фельдмаршаломъ для защиты Волыни и Литвы, съ такимъ же успѣхомъ поражали мятежниковъ, явившихся туда съ цѣлію склонить на свою сторону и русскихъ крестьянъ. Надежды поляковъ и здѣсь не осуществились: крестьяне, по большей части православные, всегда притѣсняемые своими панами-католиками, встрѣтили Русскихъ какъ освободителей изъ самаго тяжкаго рабства, и потому генераламъ нашимъ — Редигеру въ Волынской губерніи и Сакену — въ Литвѣ не трудно было разсѣять отряды польскихъ генераловъ Древницкаго и Гельгуда. Древницкій изъ Волыни убѣжалъ за Австрійскую границу, а Гельгудъ изъ Литвы — за Прусскую, гдѣ и должны были сложить оружіе. Такимъ образомъ Дибичъ вѣроятно въ скоромъ времени окончательно усмирилъ бы мятежниковъ, если

бы случившаяся оттепель не помѣшала нашему войску перейти за Вислу, а распространившаяся въ немъ потомъ холера не остановила совершенно его дѣйствій: 29-го мая скончался отъ нея фельдмаршалъ, а 5-го іюня и цесаревичъ Константинъ Павловичъ сдѣлался жертвою этой болѣзни.

Преемникомъ Дибича назначенъ былъ фельдмаршалъ графъ Паскевичъ-Эриванскій. Съ обыкновенною своею быстротою онъ довершилъ усмиреніе Польши, не смотря на самыя отчаянныя усилія мятежниковъ, защищавшихся съ жесточайшимъ упорствомъ сначала въ селеніи Волѣ, служившемъ оплотомъ для Варшавы, а потомъ въ самой Варшавѣ. Здѣсь надобно сказать, что фельдмаршалъ, прежде нежели приступилъ къ штурму Варшавы, еще разъ напомнилъ Полякамъ милостивое обѣщаніе Государя простить всѣхъ въ случаѣ добровольной покорности, но они и на этотъ разъ отвѣчали съ прежнею дерзостію. Это принудило графа, не откладывая далѣе, начать штурмъ. 25-го августа взята была Воля, а на другой день, послѣ 12-ти часовой отчаянной битвы, сдалась и Варшава на капитуляцію, по которой позволено было сейму и всѣмъ тѣмъ, которые не хотѣли покориться безусловно императору, удалиться въ крѣпость Модлинъ и тамъ ожидать рѣшенія судьбы своей. Но и эти остатки мятежниковъ по своему непреклонному характеру вмѣсто ожиданія, рѣшились еще разъ показать безразсудное сопротивленіе. Оно также кончилось совершеннымъ разстройствомъ сборища ихъ и бѣгствомъ за границу, гдѣ съ того времени эти польскіе бѣглецы принимаютъ дѣятельное участіе во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ населеній противъ правительствъ ихъ и все еще мечтаютъ о возстановленіи Польши, которую сами же безумно довели до уничтоженія: императоръ Николай отмѣнилъ конституцію, преимуществами которой Поляки не умѣли пользоваться, и 14-го февраля 1832 года далъ царству Польскому новое устройство, болѣе согласное съ учрежденіями всей имперіи. Государственный Сеймъ замѣненъ былъ Государственнымъ Совѣтомъ, члены котораго назначались

государемъ. Главнымъ начальникомъ управленія поставленъ былъ въ званіи намѣстника царскаго и съ новымъ титуломъ князя Варшавскаго — фельдмаршалъ Паскевичъ. Будучи столько же искуснымъ администраторомъ, какъ и полководцемъ, князь Варшавскій умѣлъ во время своего управленія примирить Поляковъ съ новымъ порядкомъ вещей и тѣмъ вывести страну на новый путь благоустройства изъ того страшнаго состоянія безпорядка и разоренія, въ которое она была погружена въ теченіе восьмимѣсячнаго мятежа.

Это восьмимѣсячное кровопролитіе было тѣмъ тягостнѣе для Россіи, что въ это же самое время населеніе ея страдало и отъ новаго бѣдствія, доселѣ неизвѣстнаго ему: отъ холеры. Эта страшная болѣзнь, зародившаяся въ Азіи, въ первый разъ появилась въ 1817 году въ Астрахани. Чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ она показалась на границахъ Оренбургской губерніи, а въ 1830 году—въ Новороссійскомъ краѣ, въ Подоліи, Бессарабіи и, наконецъ, въ сентябрѣ того же года и въ Москвѣ. Быстрота, съ которою она гибельно дѣйствовала на народъ, совершенная неопытность медиковъ въ леченіи этой новой болѣзни, страшныя судороги, въ которыхъ умирали больные, все это вмѣстѣ подавало черни поводъ думать, что эта болѣзнь была не дѣйствительная, но напускная врагами Россіи. Вслѣдствіе этого во многихъ мѣстахъ жители показывали явное неисполненіе всѣхъ мѣръ, какія предписывались правительствомъ противъ распространенія болѣзни, и оттого она не только уменьшалась, но еще болѣе усиливалась. Государь, благоразумный и твердый во всѣхъ трудностяхъ, представлявшихся ему, услышавъ о происшествіяхъ въ Москвѣ, тотчасъ рѣшился ѣхать туда. Нѣсколько дней его пребыванія тамъ дали совершенно другое направленіе всему тамошнему обществу, бывшему до пріѣзда его въ паническомъ страхѣ къ болѣзни. Видя государя, такъ смѣло явившагося въ среду зараженнаго города, жители перестали считать холеру столько же опасною, какъ нѣкогда была чума. Явились люди, великодушно предлагавшіе свои

домы подъ больницы; другіе желали служить зараженнымъ и помогать имъ; однимъ словомъ благодѣтельное вліяніе присутствія государя было таково, что болѣзнь вскорѣ ослабѣла и потомъ совсѣмъ прекратилась въ Москвѣ. Въ іюнѣ 1831 года въ самый разгаръ Польскаго мятежа, холера появилась въ Петербургѣ. Ко всѣмъ воображаемымъ опасностямъ, какія придавали этой болѣзни за годъ передъ тѣмъ жители Москвы, прибавилась въ Петербургѣ еще мысль, что это не болѣзнь, но отрава, подсылаемая Поляками для истребленія всѣхъ Русскихъ, и потому всякій человѣкъ, казавшійся по чему-либо подозрительнымъ для простаго народа, принимался имъ за Поляка-отравляльщика и, слѣдовательно, подвергался мщенію толпы. Кромѣ того, народъ подозрѣвалъ, что и доктора, лечившіе холеру, дѣйствуютъ за одно съ Поляками, что и въ больницы, устроенныя для больныхъ холерою, нарочно увозятъ людей для того, чтобы морить ихъ тамъ. Однимъ словомъ, невѣжественное недовѣріе народа ко всѣмъ мѣрамъ правительства для облегченія болѣзни, и сопротивленія этимъ мѣрамъ были такъ велики, что дѣло дошло до настоящаго бунта. И здѣсь появленіе императора на Сѣнной площади, гдѣ больше всего бушевали мятежныя толпы, положило конецъ всѣмъ безпорядкамъ. Нѣсколько словъ, сказанныхъ государемъ къ народу, тотчасъ убѣдили его въ дѣйствительности болѣзни и въ тяжкомъ грѣхѣ, какой дѣлаютъ непокорные безумцы, нападая на людей невинныхъ; зачинщики тутъ же выданы и съ этого дня всѣ другіе покорились тѣмъ мѣрамъ, какія принимало правительство для прекращенія болѣзни.

IV.

Законодательство. Отмѣна уніи. Народное образованіе. *(1831—1848).*

Особенное вниманіе императора Николая почти съ первыхъ же дней его царствованія обратило на себя русское законо-

дательство, для усовершенствованія котораго почти всѣ государи наши со временъ Петра Великаго учреждали коммисіи. Этихъ коммисій до императора Николая было десять, но всѣ онѣ не привели къ желаемымъ результатамъ: число указовъ и актовъ было такъ велико и всѣ они имѣли такъ мало связи, — а въ иныхъ случаяхъ по различію временъ, къ которымъ относились, и такъ много противорѣчій между собою, что трудно было привести ихъ въ систематическій порядокъ, тѣмъ болѣе, что и полныхъ реестровъ ихъ никогда не существовало, а между тѣмъ въ дѣлопроизводствѣ это давало чиновникамъ возможность злоупотреблять законами. Вполнѣ постигая весь вредъ такихъ злоупотребленій, и видя, какъ мало достигаютъ цѣли всѣ труды для составленія Уложенія законовъ, императоръ Николай черезъ полтора мѣсяца послѣ своего вступленія на престолъ (31-го января 1826) объявилъ, что принимаетъ ихъ въ свое непосредственное вѣдѣніе и потому учреждаетъ въ собственной канцеляріи своей особое отдѣленіе для составленія Свода всѣхъ отечественныхъ законовъ. Эта мысль была и у Петра Великаго, когда въ 1700 году онъ учредилъ особую палату изъ бояръ и людей думныхъ для изданія новаго своднаго Уложенія послѣ Уложенія царя Алексѣя Михаиловича, которое было единственнымъ собраніемъ существовавшихъ тогда законовъ, но было уже недостаточно для времени Петра. Въ теченіе 25 лѣтъ—всей остальной жизни своей послѣ 1700 года—великій государь заботился объ изданіи своего своднаго Уложенія и не могъ достичь до того—столько препятствій представлялось уже въ то время этому громадному труду! Такъ же мало успѣха имѣли заботы и слѣдующихъ послѣ Петра I-го восьми государей. Императору Николаю принадлежала честь осуществленія этой завѣтной мысли его предшественниковъ: учрежденное имъ Отдѣленіе собственной канцеляріи, получившее названіе *Втораго отдѣленія* и порученное управленію Сперанскаго, извѣстнаго своею просвѣщенною дѣятельностію еще при императорѣ Александрѣ,

успѣло въ четыре года (1830) издать въ 45-ти томахъ полное собраніе законовъ, начиная съ царствованія Алексѣя Михаиловича до кончины Александра Павловича. Черезъ три года потомъ (1833) совершенъ былъ, подъ тѣмъ же собственнымъ наблюденіемъ государя новый трудъ: извлечены изъ этого «Полнаго собранія» тѣ законы, которые сохраняли до настоящаго времени свою силу и дѣйствіе, распредѣлены по родамъ ихъ и составили такимъ образомъ одно цѣлое, изданное подъ названіемъ «Свода законовъ». Всѣ постановленія и указы, составляющіеся послѣ этого времени, присоединяются къ «Полному собранію» въ томъ же порядкѣ «Свода» и издаются подъ названіемъ «Продолженія» его.

Горячо принимая къ сердцу заботу о законодательствѣ, императоръ Николай Павловичъ не удовольствовался блистательнымъ совершеніемъ дѣла, такъ долго занимавшаго его предшественниковъ: во время самаго составленія «Свода законовъ» онъ видѣлъ необходимость систематическаго усовершенствованія ихъ и изъявилъ желаніе, чтобы оно началось съ законовъ уголовныхъ, какъ наиболѣе важныхъ и наиболѣе нуждавшихся въ исправленіи. Смерть не допустила графа Сперанскаго до занятій этимъ новымъ и важнымъ трудомъ: онъ скончался при самомъ началѣ его и желаніе государя совершено было подъ руководствомъ и надзоромъ столько же опытнаго и свѣдущаго въ законовѣдѣніи графа Блудова, управленію котораго поручено было «Второе отдѣленіе» собственной канцеляріи государя послѣ смерти Сперанскаго. Въ апрѣлѣ 1845 года исправленные законы уголовные были изданы подъ именемъ «Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ».

Около того же времени (1839) совершилось также одно изъ важнѣйшихъ событій царствованія императора Николая: отмѣна уніи и возсоединеніе съ православною церковью болѣе 2.000,000 Русскихъ, отторгнутыхъ отъ нея интригами польскихъ іезуитовъ. Мы знаемъ происхожденіе уніи—этого

изобрѣтенія католиковъ въ концѣ XVI-го вѣка для уловленія въ Русскихъ областяхъ, захваченныхъ Польшею, тѣхъ изъ православныхъ людей, которые ни за какія выгоды не соглашались измѣнить вѣрѣ отцовъ своихъ. Разныя льготы и преимущества, которыя предоставлялись уніятамъ, право оставаться при своихъ православныхъ церковныхъ обрядахъ и при родномъ языкѣ въ богослуженіи—всѣ эти условія, конечно, могли увлечь людей, терпѣвшихъ всѣ возможныя гоненія за свое православіе, и потому многіе изъ нихъ, принимая унію, легко попадали въ эту разставленную имъ сѣть. Въ первое время вѣроятно обманъ и не замѣченъ былъ православными, но когда папа, пользуясь главенствомъ своимъ, началъ мало по малу замѣнять православные церковные обряды латинскими, когда и самые догматы вѣры подверглись такому же измѣненію, то для всѣхъ ясно стало, что такое преобразованіе первоначальной уніи вело къ совершенному слитію съ католичествомъ. Это слитіе вѣроятно и совершилось бы, но съ возвращеніемъ въ 1772 году сѣверозападныхъ областей къ Россіи положеніе уніатовъ, конечно, улучшилось, особенно съ того времени, когда въ царствованіе Александра Павловича учреждена была при Виленскомъ университетѣ главная семинарія для образованія дѣтей уніатскаго духовенства. Въ ней воспитанники уже не подвергались прежнему вліянію католичества. Изъ этой семинаріи вышли дѣятели просвѣщенные истиннымъ понятіемъ о православіи и потому усердно преданные ему. Изъ нихъ замѣчательнѣйшимъ былъ Іосифъ Сѣмашко, сдѣлавшійся въ послѣдствіи митрополитомъ Литовскимъ. Сознавая всю ложь уніи и вполнѣ постигая все коварство интриги, отвлекавшей малообразованныя массы соотечественниковъ его отъ вѣры отцовъ ихъ, Сѣмашко избралъ цѣлію жизни своей возвратить ихъ къ православію. Съ помощію Божіей онъ надѣялся на успѣхъ въ этомъ важномъ дѣлѣ, особенно, когда императоръ Николай Павловичъ при самомъ началѣ своего правленія обратилъ особенно вниманіе на дѣла западнаго края. Сѣмашко тотчасъ же пред-

ставилъ государю проэктъ о необходимости отмѣнить въ уніи всѣ нововведенія католичества и тѣмъ приготовить ее къ возсоединенію съ православіемъ. Императоръ, благосклонно принявъ проэктъ его, поручилъ дать ему надлежащее дѣйствіе одному изъ образованнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей того времени, графу Блудову. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ самыхъ ревностныхъ трудовъ какъ графа, въ званіи главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ вѣроисповѣданій, такъ и другихъ истинно просвѣщенныхъ членовъ Грекоуніатской коллегіи, учрежденной также императоромъ Николаемъ, уніаты увидѣли всѣ ухищренія католичества, какими они были увлечены къ отпаденію отъ православія, и потому неудивительно, что они пожелали возвратиться къ нему. Польскій мятежъ 1831 года послужилъ какъ нельзя лучше къ утвержденію ихъ въ этомъ желаніи: католическое духовенство не только открыто участвовало въ мятежѣ, но даже руководило многими самыми кровавыми дѣйствіями его. Могло ли такое явное забвеніе святости своего призванія не поколебать довѣрія къ католичеству даже и самыхъ необразованныхъ массъ народныхъ, увлеченныхъ имъ, не говоря уже о просвѣщенныхъ людяхъ изъ этого народа, каковыми были уже многіе изъ уніатовъ. Такимъ образомъ стремленіе ихъ къ возсоединенію съ православіемъ все болѣе и болѣе увеличивалось и наконецъ въ февралѣ 1839 года оно выразилось въ составленномъ собравшимися въ Полоцкѣ греко-уніатскими епископами и другимъ духовенствомъ актѣ, въ которомъ они просили у государя дозволенія присоединиться къ прародительской православной церкви. Благочестивый Государь съ благодарностію къ Богу принялъ этотъ актъ и возсоединеніе 2.000,000 уніатовъ всенародно объявлено было Св. Синодомъ въ мартѣ того же года. Латинское духовенство явно и тайно старалось противодѣйствовать этому утѣшительному для православія событію и всевозможныя клеветы его на Русскую церковь хотя и успѣвали увлекать къ предпочтенію католичества нѣкоторыхъ изъ малообразованныхъ уніатовъ, но это были уже отдѣльныя и ни-

чтожныя личности, вліяніе которыхъ не могло быть опасно; что же касается до возсоединеннаго къ православію народа русскаго, то онъ благословлялъ свое возвращеніе въ родную церковь и вслѣдствіе того—свое освобожденіе отъ деспотической власти надъ нимъ католическихъ священниковъ.

Къ числу предметовъ, обращавшихъ на себя особенную заботливость императора Николая, принадлежали также улучшенія по части ученой и учебной. Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра эта часть подъ вѣденіемъ министра народнаго просвѣщенія, князя Голицына, подверглась—по случаю революціоннаго направленія, распространившагося по всей Европѣ,—большому стѣсненію и упадку, и потому императоръ Николай въ 1826 году учредилъ Комитетъ для пересмотра уставовъ всѣхъ учебныхъ заведеній. Чрезъ два года послѣ того изданъ былъ новый уставъ гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, увеличены матеріальныя средства всѣхъ этихъ училищъ, но самыя значительныя улучшенія въ дѣлѣ народнаго образованія начались съ того времени, какъ въ 1833 году министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ былъ графъ Уваровъ. Первыя слова, обращенныя новымъ министромъ къ попечителямъ учебныхъ округовъ, ясно выразили то направленіе, въ которомъ онъ будетъ дѣйствовать: «Общая наша обязанность состоитъ въ томъ, чтобы народное образованіе, согласно съ высочайшимъ намѣреніемъ августѣйшаго монарха, совершалось въ соединенномъ духѣ *православія, самодержавія и народности*». И дѣйствительно, во все время своего управленія графъ Уваровъ дѣйствовалъ въ этомъ направленіи, наиболѣе свойственнымъ народу русскому, и дѣйствовалъ съ такимъ успѣхомъ, что время его министерства считается самымъ блестящимъ періодомъ въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи. Прежде всего вниманіе его обратилось на Западный край, котораго учебныя заведенія, вслѣдствіе продолжительнаго вліянія на нихъ католическаго духовенства, требовали скорѣйшаго преобразованія, и въ основаніи этого преобразованія положено было

условіе, чтобы всѣ предметы преподавались на русскомъ языкѣ. Для женскаго образованія учреждены образцовые пансіоны; для приготовленія учителей приходскихъ основана въ Витебскѣ семинарія. Въ 1833 году учрежденъ въ Кіевѣ университетъ св. Владиміра.

Послѣ преобразованій въ Западномъ краѣ, министръ обратилъ вниманіе на другую окраину нашу—на губерніи Прибалтійскія, гдѣ также училища не имѣли надлежащаго устройства и главный недостатокъ: полнѣйшее незнаніе русскаго языка учениками. Министръ удостовѣрился въ этомъ при личномъ осмотрѣ гимназій и по представленію его въ 1836 году послѣдовало повелѣніе государя, чтобы Дерптскій университетъ никого не удостоивалъ званія дѣйствительнаго студента, кандидата и лекаря безъ достаточнаго знанія русскаго языка.

Въ училищахъ внутреннихъ губерній сдѣланы были также различныя улучшенія; между прочимъ учреждены благородные пансіоны для тѣхъ изъ дворянъ, которые по старинному предразсудку неохотно отдавали своихъ дѣтей въ гимназію, потому что туда имѣли доступъ дѣти всѣхъ сословій. Такихъ пансіоновъ съ 1833 по 1849 годъ устроено до 40. Для промышленныхъ классовъ учреждены были при нѣкоторыхъ гимназіяхъ реальные классы. Въ 1835 году утвержденъ былъ государемъ новый общій уставъ русскихъ университетовъ, по которому средства университетовъ усилены и увеличено число каѳедръ и профессоровъ.

Къ воспитательнымъ учрежденіямъ для женскаго образованія, получившимъ уже столь прочное основаніе при незабвенной покровительницѣ ихъ, императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ прибавлены были въ царствованіе императора Николая Павловича Училища для дѣвицъ духовнаго званія и Дѣтскіе пріюты. Въ тѣхъ и другихъ учрежденіяхъ была настоятельная надобность. Для дочерей священно-и церковно-служителей не существовало никакихъ не только воспитательныхъ, но даже и простыхъ учебныхъ заведеній, кромѣ нѣсколькихъ

небольшихъ школъ при монастыряхъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ. А между тѣмъ эти дѣвицы преимущественно назначались быть женами городскихъ и сельскихъ священниковъ и, слѣдовательно, имѣть вліяніе на ту скромную среду, въ которой призванъ дѣйствовать священникъ и особенно сельскій. На такое, можно сказать, безвыходное положеніе дочерей священническихъ обратила особенное вниманіе великая княгиня Ольга Николаевна (нынѣ королева Виртембергская), и въ ея благотворительномъ сердцѣ возникла первоначально мысль объ основаніи такихъ воспитательныхъ заведеній, гдѣ бы дѣвицы духовнаго званія могли получать образованіе, наиболѣе приличное для будущаго назначенія ихъ. Эти заведенія не могли быть устроены по образцу дѣвичьихъ институтовъ, уже существовавшихъ у насъ: въ нихъ преподавалось многое, полезное только для дѣвушки, живущей въ свѣтскомъ обществѣ, и недоставало также многаго, необходимаго для той уединенной и трудовой жизни, какая ожидала дочь или жену сельскаго священника. Сообразивъ все это, Ея Высочество великая княгиня Ольга Николаевна представила императору Николаю Павловичу записку съ планомъ училища совершенно новаго устройства, принаровленнаго во всѣхъ отношеніяхъ къ быту и состоянію тѣхъ воспитанницъ, для которыхъ оно назначалось. Нѣсколько словъ, взятыхъ изъ этой записки, даютъ понятіе о томъ, съ какимъ знаніемъ дѣла составленъ былъ этотъ планъ: «Цѣль воспи«танія дочерей священниковъ должна заключаться въ томъ, «чтобы приготовить изъ нихъ истинныхъ христіанокъ и та«кихъ женъ, которыя были бы способны доставить пріятное «общество своимъ мужьямъ, помогать имъ въ содержаніи «церковнаго зданія въ приличномъ порядкѣ, приготовлять «лекарства для больныхъ, заниматься воспитаніемъ своихъ «дѣтей и содержать въ лучшемъ видѣ свое домашнее хо«зяйство».

Императоръ Николай Павловичъ вполнѣ одобрилъ этотъ планъ и вскорѣ потомъ доставилъ августѣйшей дочери своей

всѣ средства привести его въ исполненіе: въ октябрѣ 1843 года основано въ Царскомъ Селѣ первое, образцовое училище для дѣвицъ духовнаго званія. Ея Высочество великая княжна Ольга Николаевна была главною попечительницею его до своего бракосочетанія и отъѣзда изъ Россіи въ 1846 году. Съ того времени училище это состоитъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ государыни императрицы Маріи Александровны, такъ какъ и *десять* другихъ, устроенныхъ по образцу Царскосельскаго, въ городахъ: Ярославлѣ, Казани, Иркутскѣ, Вильнѣ, Кіевѣ, Могилевѣ, Витебскѣ, Житомірѣ, Каменецъ-Подольскомъ и Минскѣ. Кромѣ того учреждены при монастыряхъ въ разныхъ епархіяхъ болѣе *двадцати* училищъ съ курсомъ наукъ болѣе ограниченнымъ.

Не менѣе благодѣтельными учрежденіями были и дѣтскіе пріюты, основанные первоначально въ Петербургѣ и Москвѣ въ 1836 году. Это были училища для малолѣтныхъ дѣтей бѣднѣйшихъ классовъ. Родители ихъ, занимаясь по большей части поденною работой, приводили ихъ утромъ въ пріютъ и оставляли тамъ до вечера. Они учились здѣсь закону Божію, чтенію, письму, ариѳметикѣ и разнымъ рукодѣльямъ, какія только по силамъ малолѣтныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Эти занятія пріучали ихъ къ будущимъ работамъ, такъ какъ начальство пріютовъ заботилось, сколько отъ него зависѣло, о томъ, чтобы послѣ 10-ти лѣтняго возраста для мальчиковъ и 12-ти лѣтняго для дѣвочекъ — опредѣлять ихъ въ ученье разнымъ ремесламъ. Въ 1849 году, когда къ общему сожалѣнію графъ Уваровъ оставилъ министерство, а между тѣмъ парижская революція въ февралѣ 1848 года придала новую силу революціонной партіи въ Европѣ, высшее научное образованіе, распространявшееся въ Россіи, подверглось снова стѣсненію: преподаваніе греческаго языка оставлено только въ гимназіяхъ университетскихъ городовъ, во всѣхъ же остальныхъ оно было замѣнено естественными науками, и всѣ учебные округи и университеты подчинены ближайшему наблюденію генералъ-губернаторовъ.

V.

Европейскія революціи и Крымская война.

(1848—1854).

Эти стѣснительныя мѣры казались государю необходимыми, потому что въ европейской революціонной партіи большинство состояло изъ молодыхъ людей, только-что кончившихъ ученье увлекавшихъ за собою даже и тѣхъ, которые еще учились. Сверженіе съ престола въ нѣсколько часовъ Французскаго короля Людовико-Филиппа и провозглашеніе Французской республики въ 1848 году не могли не возбудить надеждъ на подобный же успѣхъ во всѣхъ государствахъ, гдѣ только существовали охотники до возстаній, не говоря уже объ эмигрантахъ польскихъ, разсѣявшихся послѣ усмиренія мятежа въ 1831 году по всѣмъ странамъ Европы и возбуждавшихъ вездѣ ненависть къ Россіи своими клеветами на нее. Такимъ образомъ императоръ Николай видѣлъ необходимость принять на себя, сколько отъ него зависѣло, защиту законныхъ основаній государствъ, которымъ угрожала явная опасность особенно съ того времени, какъ первымъ министромъ Англіи сдѣлался лордъ Пальмерстонъ, отличавшійся покровительствомъ мятежниковъ всѣхъ странъ, снисходительно называвшій преступныя дѣйствія ихъ только простыми стремленіями къ свободѣ, и радушно принимавшій въ Англіи всѣхъ бѣглыхъ и изгнанныхъ изъ отечества агитаторовъ. Имѣя въ виду такое убѣжище и въ случаѣ нужды—такую опору, революціонное движеніе въ Европѣ, конечно, не утихало и вліяніе послѣдней революціи Французской тотчасъ же отозвалось почти по всей Германіи: въ Баденѣ, Гессенъ-Дармштадтѣ, Виртембергѣ, Нассау, Ольденбургѣ, Саксоніи, Ганноверѣ, Баваріи, Австріи. Состоя изъ многихъ различныхъ національностей, правительство Австріи могло ожидать скорѣе

другихъ этого взрыва при общемъ волненіи умовъ, но вовсе не приготовилось къ нему, и потому затрудненія при усмиреніи вспыхнувшаго возстанія были такъ велики, что тогдашній императоръ Фердинандъ II отказался отъ престола и предоставилъ его восемнадцатилѣтнему племяннику своему, эрцгерцогу Францу-Іосифу*). Новый императоръ также не успѣлъ бы въ этомъ усмиреніи, если бы государь Русскій не прислалъ къ нему на помощь 130,000 армію подъ начальствомъ фельдмаршала князя Варшавскаго Паскевича, который чрезъ ущелія Карпатскихъ горъ явился въ Венгрію, сопротивлявшуюся своему государю долѣе всѣхъ другихъ областрй Австріи. Всегда счастливый полководецъ Паскевичъ и здѣсь одержалъ полную побѣду надъ мятежниками: Венгерцы къ августѣ 1849 года покорились русскому войску, и Паскевичъ въ донесеніи своемъ государю писалъ: «Венгрія у ногъ Вашего Величества».

Австрійцы, нѣсколько разъ доказывавшіе намъ свое недоброжелательство, не скрыли его и при этомъ случаѣ: недовольные тѣмъ, что Венгерцы покорились только Русскому государю, они, вмѣсто благодарности къ Русскимъ, явно показывали имъ это неудовольствіе, но молодой императоръ ихъ, повидимому, не раздѣлялъ этого чувства ихъ и вскорѣ послѣ усмиренія мятежа пріѣзжалъ въ Варшаву благодарить императора Николая Павловича за великодушную помощь его. Однакожъ мы увидимъ на слѣдующихъ страницахъ, какъ неискренна была и эта благодарность!.

Французская республика 1848 года, это произведеніе безумныхъ коммунистовъ и соціалистовъ *), была уничтожена

---

*) Нынѣшній Австрійскій императоръ.

*) Французскіе писатели: графъ Сенъ-Симонъ и потомъ Фурье — первые заговорили о возможности равномѣрнаго распредѣленія земныхъ благъ между людьми. Послѣ нихъ, въ 1840 году, Кабе написалъ книгу: Voyage en Icarie. Здѣсь описывалась идеальная республика, въ которой правительство отъ имени communauté беретъ въ свое распоряженіе всю соб-

и потомъ превращена въ имперію французскую смѣлою рукою искуснѣйшаго изъ современныхъ дипломатовъ: принца изгнанника Людовика Наполеона, племянника Наполеона I-го. Подъ обаяніемъ этого имени, великаго во мнѣніи Французовъ, племянникъ исполнилъ въ совершенствѣ тотъ же самый планъ, по которому шелъ и дядя къ завоеванію Франціи. Сначала такое же приведеніе въ порядокъ той страшной безурядицы, которую оставила въ несчастномъ государствѣ при дядѣ первая революція 1789 года,—при племянникѣ—послѣдняя, 1848 г. Какъ Наполеонъ I возстановилъ уничтоженную религію въ безумной Франціи первой революціи, такъ Наполеонъ III—уваженіемъ къ религіозной партіи своего государства, защитою папы противъ враговъ его, положилъ также предѣлы распространившемуся невѣрію Французовъ. Этимъ онъ привлекъ къ себѣ многочисленныхъ сторонниковъ изъ людей, отчаянно смотрѣвшихъ на возраставшую безнравственность общества. Какъ Наполеонъ I зналъ, что военною славою можно всего скорѣе ослѣпить глаза легкомысленныхъ Французовъ, и вслѣдствіе того водилъ ихъ отъ одного завоеванія къ другому, такъ и Наполеонъ III вскорѣ послѣ возшествія своего на престолъ замыслилъ начать такую войну, которая возвысила бы его не только въ глазахъ его подданныхъ, но и въ глазахъ другихъ народовъ европейскихъ: это была война съ Россіею, на которую

ственность, какая есть у ея гражданъ, и доходы съ нея распредѣляетъ между ними по ровнымъ частямъ: отсюда — *коммунизмъ* и *коммунисты*. Наконецъ, четвертый французъ — Прудонъ довелъ эту идею до того, что уже всякую собственность называетъ *кражей*. Нѣсколько благоразумнѣе разсуждалъ объ этомъ дѣлѣ Луи-Бланъ, который въ своемъ сочиненіи „Организація труда" находилъ необходимымъ, чтобы государство давало занятіе каждому человѣку, желающему трудиться, и для того онъ предлагалъ устроить національныя мастерскія и тѣмъ облегчить состояніе рабочихъ и бѣдняковъ, находившихся въ совершенной зависимости отъ богачей и спекуляторовъ. Люди, сочувствовавшіе этимъ идеямъ и отвергавшіе коммунизмъ, называли себя *соціалистами*.

многіе смотрѣли съ завистью и недоброжелательствомъ. Но чтобы начать войну, надобно имѣть предлогъ къ ней—императоръ Французовъ съ свойственнымъ ему умѣньемъ вести дѣла свои началъ издалека. Всѣ греческіе христіане на востокѣ, въ теченіе вѣковъ живущіе подъ гнетомъ Турецкаго султана, и даже тѣ православные народы, которые подвластны Австріи, пользовались всегда особеннымъ покровительствомъ единовѣрныхъ имъ государей русскихъ и съ надеждою смотрѣли на нихъ, какъ на своихъ природныхъ и сильныхъ защитниковъ. Государи русскіе, съ своей стороны, считали своимъ долгомъ помогать единовѣрнымъ съ ними народамъ и защищать ихъ, сколько могли, предъ угнетавшими ихъ правительствами властителей ихъ. Они считали эту защиту и покровительство, какъ бы обязанностію той короны, которую носили, и благодаря могуществу такихъ защитниковъ и богатымъ дарамъ, которые посылались изъ Россіи бѣднымъ церквамъ греческимъ, православные христіане пользовались въ глазахъ магометанъ въ Іерусалимѣ и на всемъ востокѣ бо́льшимъ значеніемъ въ сравненіи съ христіанами другихъ исповѣданій. Поколебать это значеніе—было тоже, что нанести оскорбленіе Русскимъ, и Людовикъ-Наполеонъ, еще будучи президентомъ республики французской, уже началъ ходатайствовать у Турецкаго султана о томъ, чтобы права и преимущества католиковъ въ святыхъ мѣстахъ Іерусалима были не только сравнены съ правами христіанъ православныхъ, но во многихъ случаяхъ еще превосходили ихъ. Ходатайство французское имѣло у султана полный успѣхъ, тѣмъ болѣе, что президентъ республики вскорѣ сдѣлался императоромъ и, защищая еще съ бо́льшею настойчивостію выгоды своихъ подданныхъ, добился у султана даже того, что ключи отъ главныхъ дверей Виѳлеемскаго храма были взяты отъ духовенства православнаго и переданы римско-католическому. Такими дѣйствіями Порты нарушались договоры ея съ Россіей, что́, конечно, не могло не возбудить негодованія въ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Онъ отпра-

вилъ въ Константинополь посланника своего, князя Меньшикова, напомнить объ этомъ нарушеніи и требовать, чтобы права православныхъ христіанъ и покровительство имъ Россіи, утвержденныя мирными договорами Кучукъ-Кайнарджійскимъ и Адріанопольскимъ, были возстановлены. Какъ ни справедливы были эти требованія, но султанъ, настроенный посланниками Франціи и Англіи, желавшей также уничтожить преобладающее вліяніе Россіи на востокѣ, отвѣчалъ отказомъ на требованіе императора Русскаго и въ тоже время обнародовалъ фирманъ, въ которомъ подтверждалъ всѣ права своихъ христіанскихъ подданныхъ, желая тѣмъ заявить Россіи, что ея протекторатъ этимъ христіанамъ уже не нуженъ. Это заявленіе Турціи было вполнѣ одобрено Франціей и Англіей, которыя прислали даже свои флоты въ Дарданельскій проливъ, чтобы защищать Константинополь, въ случаѣ если бы Русскій флотъ изъ Севастополя вздумалъ напасть на него. Вражда, такъ ясно выраженная, вынудила Русскаго государя занять своими войсками Молдавію и Валахію. Это занятіе было только отвѣтомъ на появленіе въ Дарданеллахъ англо-французскаго флота, тѣмъ болѣе, что въ тоже время императоръ Русскій объявилъ въ своемъ манифестѣ отъ 14-го іюня, что это занятіе продолжится только до тѣхъ поръ, пока возстановлены будутъ права его, а между тѣмъ вся Европа заговорила, что Россія первая начинаетъ войну, что она желаетъ уничтожить Турцію, но что это уничтоженіе противно интересамъ Англіи и Франціи, и потому онѣ должны поддержать ее. Ободряемый такою защитою, султанъ въ сентябрѣ 1853 года объявилъ войну Россіи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ, и именно въ мартѣ 1854 года, Франція и Англія сдѣлали тоже; Австрія же и Пруссія заключили между собою союзъ для нападенія на Россію, въ случаѣ если русскія войска изъ Дунайскихъ княжествъ пойдутъ за Балканы. Неблагодарная Австрія, забывъ всю помощь, какую оказала ей Россія за пять лѣтъ передъ тѣмъ при усмиреніи Венгріи, показала еще болѣе

враждебности: она заключила союзъ и съ Турціей и вслѣдствіе того выставила сильную армію для защиты владѣній турецкихъ отъ русскихъ войскъ. Такимъ образомъ, Россія осталась одна противъ четырехъ державъ, вооружившихся противъ нея. Но она не упала духомъ. Въ манифестѣ о войнѣ въ октябрѣ 1853 года государь ея сказалъ: «Россія вызвана на брань: ей остается, возложивъ упованіе на Бога, прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы понудить Порту къ соблюденію трактатовъ и къ удовлетворенію за тѣ оскорбленія, коими отвѣчала она на самыя умѣренныя наши требованія и на законную заботливость нашу о защитѣ на востокѣ православной вѣры, исповѣдуемой и народомъ русскимъ». Эти слова императора были какъ бы электрическою искрою, которая зажгла въ сердцахъ всѣхъ Русскихъ мужество, не покидавшее ихъ во все продолженіе этой достопамятной борьбы, напомнившей Европѣ славный для Русскихъ 1812 годъ. Разница состояла въ томъ, что тогда непріятель вошелъ въ самую внутренность Россіи, а теперь онъ разорялъ ее во всѣхъ доступныхъ для него окраинахъ ея; но народъ русскій блистательно доказалъ свое мужество во всѣхъ мѣстахъ, куда являлись сильные враги. Славнымъ доказательствомъ этого было почти при самомъ началѣ войны (въ ноябрѣ 1853) сожженіе вице-адмираломъ Нахимовымъ при Синопѣ турецкаго флота, перевозившаго войско и военные припасы въ Азію, гдѣ во владѣніяхъ турецкихъ производилась въ это время та же ожесточенная борьба противъ Россіи. Синопская побѣда сильно взволновала всю Европу; англичане же приняли ее даже за оскорбленіе своего флота и за нарушеніе международнаго права, что было совершенно несправедливо: будучи въ открытой войнѣ съ Турціею, Россія имѣла полное право уничтожать подкрѣпленія непріятельской арміи. Неудовольствіе Англіи было тѣмъ сильнѣе, что собственный флотъ ея оказалъ очень мало успѣховъ на моряхъ русскихъ. Напримѣръ, въ Балтійскомъ морѣ адмиралъ Непиръ, командуя большимъ англо-французскимъ фло-

томъ, не отважился напасть на сильно укрѣпленный Кронштадтъ и удовольствовался только разрушеніемъ укрѣпленныхъ казармъ на одномъ изъ нашихъ Аландскихъ острововъ и сожженіемъ запасовъ лѣса и дегтя въ приморскихъ мѣстностяхъ Финляндіи. На берегахъ Бѣлаго моря и даже на неукрѣпленныхъ берегахъ Камчатки слѣдствія нападеній Англичанъ были тѣ же: одно разореніе прибрежныхъ селеній и прекращеніе торговли. На берегахъ Азовскаго моря, въ сосѣдствѣ трехъ соединенныхъ флотовъ, нападенія союзниковъ были удачнѣе: они сожгли нѣсколько приморскихъ городовъ нашихъ и разрушили до основанія городъ Керчь. Сознавая невозможность проникнуть, по примѣру Наполеона I-го, во внутренность Россіи, Наполеонъ III чувствовалъ въ тоже время необходимость сдѣлать что нибудь болѣе значительное тѣхъ неважныхъ подвиговъ, какими отличался англійскій флотъ въ моряхъ русскихъ. Для нападеній на Россію оставались еще два удобныя мѣста: Закавказье и большая военная гавань въ Крыму — Севастополь. Закавказье представляло слишкомъ мало интересовъ для Французовъ, да кромѣ того, тамъ Русскіе постоянно одерживали побѣды надъ турецкими войсками и въ это самое время взяли крѣпость Баязетъ; Севастополь же былъ ближе и взятіе его во всѣхъ отношеніяхъ было удобнѣе для соединенныхъ силъ трехъ армій, то и рѣшено было въ военномъ совѣтѣ союзниковъ избрать для нападенія Севастополь, и послѣ взятія его проникнуть по рѣкѣ Бугу въ Николаевъ и уничтожить вмѣстѣ съ этимъ городомъ всѣ тамошнія морскія укрѣпленія. Съ этой цѣлію въ сентябрѣ 1854 года союзное войско высадилось на берегъ въ Евпаторіи въ числѣ 60,000 человѣкъ, тогда какъ у главнокомандующаго русскими войсками въ Крыму, князя Меньшикова, было не болѣе 33,000: недостатокъ не только желѣзныхъ дорогъ, но даже и хорошаго сообщенія между Крымомъ и остальною Россіею препятствовалъ скорому подходу вспомогательнаго войска къ князю Меньшикову. Однако же союзники встрѣтили въ немъ

сопротивленіе: Русскіе держались въ крѣпкой позиціи при рѣкѣ Альмѣ, и хотя потомъ они должны были отступить передъ превосходящимъ ихъ числомъ союзныхъ войскъ, но все-таки Меньшиковъ удержался въ горахъ, охраняя тѣмъ входъ во внутренность Россіи; входъ же въ Севастополь съ моря онъ успѣлъ запереть потопленіемъ большихъ кораблей и фрегатовъ. Союзники, убѣдившись, что съ этихъ двухъ сторонъ Севастополь неприступенъ, устремились на его южную сторону. Но и здѣсь встрѣтили ихъ величайшія трудности: инженеръ Тотлебенъ умѣлъ въ самое короткое время окружить городъ такими укрѣпленіями, что самое жаркое бомбардированіе съ суши и съ моря въ октябрѣ 1854 г. нисколько не поколебало знаменитую крѣпость до самаго наступленія зимы, когда военныя дѣйствія должны были прекратиться. Въ это зимнее время союзная армія много пострадала отъ разныхъ болѣзней, причиненныхъ недостаткомъ теплой одежды и хорошаго помѣщенія: солдаты ея умирали тысячами, но въ тоже время и новыя подкрѣпленія подходили, такъ что въ январѣ 1855 года французское войско состояло уже изъ 100,000 человѣкъ, англійское изъ—32,000, турецкое—изъ 28,000 и къ нимъ присоединились еще 15,000 человѣкъ Сардинцевъ, которыхъ король Викторъ-Эммануилъ, заискивая тогда благосклонность Франціи и Англіи, приступилъ къ союзу ихъ противъ Россіи. Такое громадное войско, легко получавшее подкрѣпленіе и продовольствіе моремъ, конечно, превосходило во всѣхъ отношеніяхъ русское, къ которому всѣ подкрѣпленія могли только медленно двигаться по простымъ и неустроеннымъ дорогамъ обширныхъ степей, отдѣляющихъ Крымъ отъ остальной Россіи, и потому съ полною увѣренностію въ успѣхѣ союзники возобновили военныя дѣйствія при самомъ началѣ весны, въ февралѣ 1855 года.

VI.

Кончина императора Николая и миръ Парижскій.

(1855—1856).

Въ это самое время, когда на южной окраинѣ нашей Европа соединенными силами стремилась потрясти могущество Россіи, въ сѣверной столицѣ ея готовился ей по волѣ Провидѣнія сильнѣйшій ударъ, какого могли только пожелать ожесточенные враги ея: императоръ Николай Павловичъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ страдавшій простудою и не обращавшій на нее должнаго вниманія, почувствовалъ въ началѣ февраля 1855 года усиленіе болѣзни, и все-таки продолжалъ свои неутомимыя занятія дѣлами правленія, которымъ со времени Крымской войны посвящалъ не только всѣ дни, но часто и ночи. Несмотря на всѣ представленія докторовъ о необходимости для него не оставлять комнатъ, государь выѣхалъ 9-го февраля для осмотра войскъ, отправлявшихся въ Крымъ, повторилъ свой выѣздъ для той же причины на другой день, 10-го числа, и слегъ 11-го въ постель, съ которой не вставалъ болѣе: отъ этой неосторожности простуда превратилась въ параличъ легкихъ и 18-го февраля онъ скончался съ тою же твердостію духа и съ тою же непоколебимою вѣрою въ Бога, которыя одушевляли его во все продолженіе жизни и которыя доставили ему свѣтлое спокойствіе въ страшныя для каждаго человѣка минуты смерти. Это спокойствіе христіанина такъ благотворно дѣйствовало на умирающаго государя, что даже безпрестанно въ послѣднее время заботившая его мысль о томъ, какъ вывести Россію изъ труднаго положенія ея, перестала тревожить его: онъ, казалось, увѣренъ былъ, что помощь Божія не оставитъ благочестивый народъ его. Эта увѣренность оправда-

лась: при наслѣдникѣ его, нынѣ царствующемъ императорѣ Александрѣ Николаевичѣ, Россія вышла изъ неравной борьбы съ врагами, такъ много превосходившими ее, если не съ побѣдою, то съ такою честію, которая прославила непоколебимое мужество ея войска не менѣе побѣды: одиннадцать мѣсяцевъ продолжалась неслыханно - кровопролитная осада Севастополя и только 27-го августа 1855 года новый главнокомандующій войсками, смѣнившій князя Меншикова, князь Горчаковъ, убѣдился въ невозможности удерживать долѣе почти разрушенный городъ и рѣшился, предоставивъ развалины его непріятелю, перейти съ южной стороны его на сѣверную. Для этого построенъ былъ плавучій мостъ черезъ заливъ, раздѣляющій эти обѣ стороны, и когда взято было самое высокое и надежное изъ укрѣпленій — «Малаховъ курганъ», князь Горчаковъ со всѣмъ войскомъ своимъ перешелъ на сѣверную сторону. Тамъ, на этой сѣверной сторонѣ Севастополя и въ горахъ, лежащихъ къ востоку отъ него, онъ расположилъ войско свое въ такой позиціи, что желанный для непріятеля входъ во внутренность Россіи сдѣлался неприступенъ. Видя невозможность проникнуть туда въ этой мѣстности, испытавъ снова въ 1855 г. подобныя неудачи на моряхъ Балтійскомъ и Восточномъ, у береговъ Камчатки, и между тѣмъ безпрестанно получая извѣстія объ успѣхахъ Русскихъ въ Закавказьѣ, гдѣ 15 ноября генералъ Муравьевъ взялъ у Турокъ знаменитую крѣпость Карсъ, союзники, по распоряженію Наполеона, удовлетвореннаго взятіемъ Севастополя, склонились къ миру. Самолюбіе его получило новое удовлетвореніе въ томъ, что мирный конгресъ собрался въ февралѣ 1856 года по его же назначенію—въ Парижѣ: этимъ онъ доказалъ какъ Французамъ, такъ и всей Европѣ, что первенствующею націею въ ней сдѣлалась теперь Франція. Конгрессъ состоялъ изъ посланниковъ Англіи, Австріи, Сардиніи, Пруссіи и Россіи, и подъ предсѣдательствомъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Валевскаго, но главнымъ распорядителемъ

дѣлъ былъ, конечно, императоръ Наполеонъ. Всѣ переговоры въ теченіе мѣсяца были кончены и миръ состоялся 18 марта 1856. По условіямъ его, выгоднымъ только для Турціи, Россія возвратила крѣпость Карсъ и получила обратно разоренный Севастополь и всѣ завоеванныя западными державами приморскія мѣстечки по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей. Кромѣ того, она уступила Турціи устья Дуная, который, такъ же какъ и Черное море, объявлены свободными для торговыхъ судовъ всѣхъ націй. Исключительное покровительство Россіи христіанамъ на востокѣ замѣнялось общимъ покровительствомъ великихъ европейскихъ державъ, вслѣдствіе того, что Турція обѣщалась уравнять права своихъ христіанскихъ подданныхъ съ правами магометанъ. Неисполнимость такого обѣщанія была какъ нельзя болѣе ясна для всѣхъ, имѣющихъ понятіе о вѣковыхъ страданіяхъ христіанъ, подвластныхъ Турціи, и, конечно, всего болѣе ясна была она для дипломатовъ Парижскаго мира, но при всемъ томъ онъ былъ заключенъ на этомъ главномъ основаніи и судьба этихъ несчастныхъ народовъ была такимъ образомъ еще болѣе подчинена зависимости отъ Турокъ. Между тѣмъ не далѣе, какъ за два года до того, западныя державы показали разительный примѣръ того общаго покровительства своего христіанамъ Турціи, которымъ должно было замѣниться для нихъ покровительство Россіи: когда въ 1854 году Греки, думая воспользоваться временемъ войны Турціи съ Россіей, сдѣлали нѣкоторыя попытки къ освобожденію своихъ единовѣрцевъ въ Ѳессаліи и Македоніи, и съ тѣмъ вмѣстѣ къ расширенію слишкомъ тѣсныхъ границъ своего маленькаго королевства, то это возстаніе какъ въ Греціи, такъ и въ Ѳессаліи и Македоніи, было подавлено и кровопролитно уничтожено тѣми же самыми западными державами, которыя теперь брали на себя защиту ихъ!

Такъ безславно для христіанскаго міра и торжественно для міра магометанскаго окончилась Крымская или Восточная война! Для Россіи она принесла со всѣми своими невыгода-

ми и безчисленыя выгоды: правительство ея убѣдилось во многихъ недостаткахъ какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ учрежденій своихъ, и мысль улучшить все—сдѣлалась завѣтною мыслію молодаго государя, котораго царствованіе составляетъ эпоху новаго возрожденія Россіи.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Отдѣлъ первый. *Отъ основанія государства до принятія христіанской вѣры Св. Владиміромъ.* 862—988 (126 лѣтъ).

1. Первые обитатели земли Русской 1
2. Начало Русскаго государства 3
3. Первые государи Русскіе 6
4. Первое раздѣленіе Руси и крещеніе Владиміра 12

Отдѣлъ второй. *Отъ принятія христіанской вѣры до нашествія Татаръ.* 988—1237 (249 лѣтъ).

1. Владиміръ и сынъ его Ярославъ I. 15
2. Ссоры князей и примиритель ихъ Владиміръ Мономахъ. 23
3. Олеговичи и Мономаховичи и разореніе Кіева 32
4. Междоусобіе князей на сѣверѣ и югѣ и оттого разстройство во всѣхъ областяхъ Руси. 37
5. Нашествіе Татаръ и внутреннее состояніе Руси въ какомъ застало ее это бѣдствіе 46

Отдѣлъ третій. *Отъ нашествія Татаръ до освобожденія отъ ига ихъ при Іоаннѣ III.* 1237—1470 (243 года).

1. Александръ Невскій и Даніилъ Галицкій 57
2. Русь сѣверо-восточная до временъ великаго князя Московскаго Іоанна Калиты. 64
3. Наслѣдники Калиты и битва Куликовская 70
4. Наслѣдники Донскаго и междоусобія ихъ 76
5. Іоаннъ III, самодержецъ всея Руси 84

Отдѣлъ четвертый. *Отъ кончины Іоанна III до избранія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.* 1505—1613 (108 лѣтъ).

1. Василій Іоанновичъ и сынъ его Іоаннъ IV. 95
2. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ Годуновъ 116

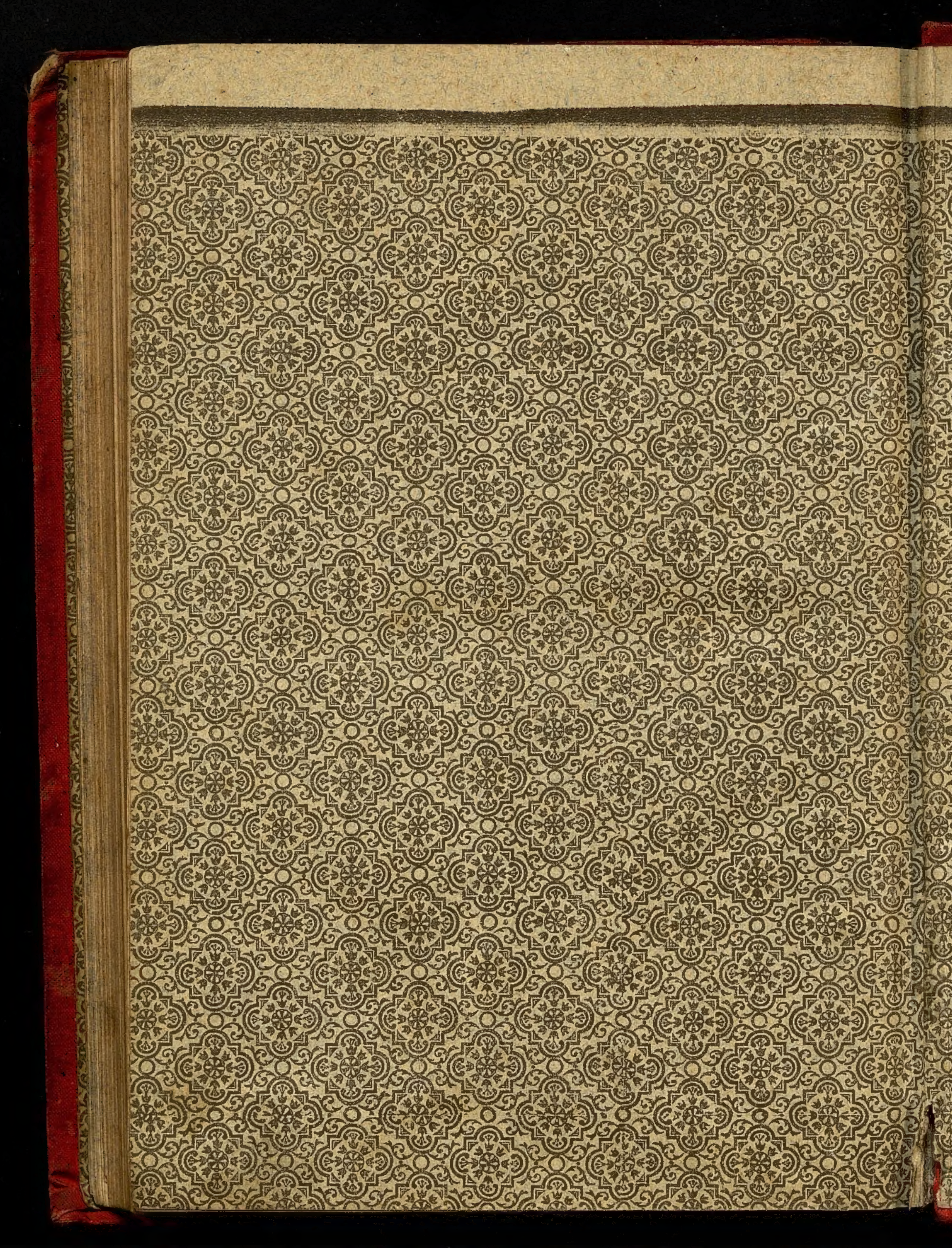
3. Лжедимитрій и Шуйскій 127
4. Междуцарствіе 135

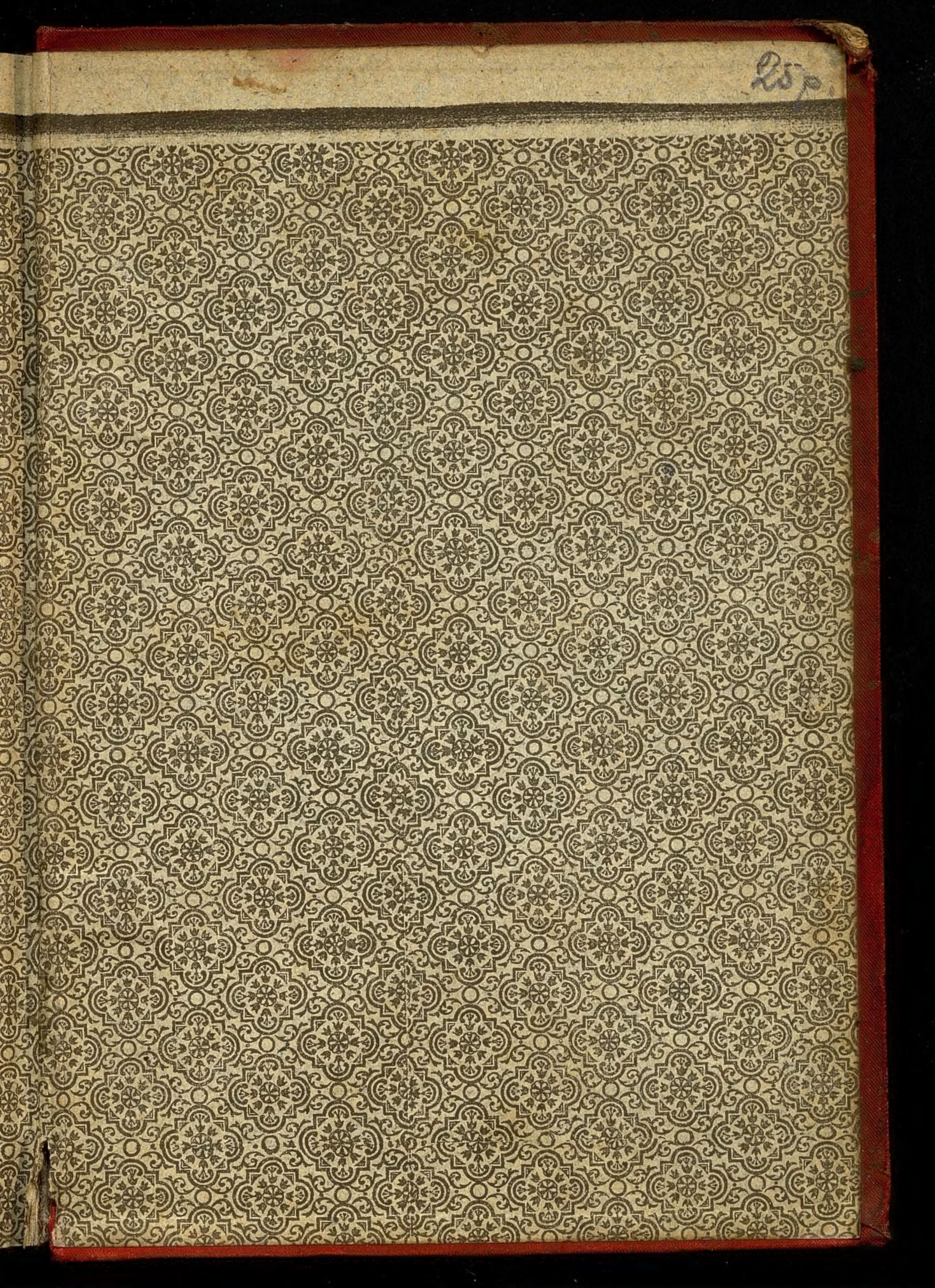
Отдѣлъ пятый. *Отъ избранія Михаила Θеодоровича до Петра Великаго.* 1613—1689 (76 лѣтъ).
1. Михаилъ Θеодоровичъ и патріархъ Филаретъ 144
2. Царствованіе Алексѣя Михаиловича и Западная Русь . 155
3. Дѣти Алексѣя Михаиловича 174
4. Внутреннее состояніе Московскаго государства до единодержавія Петра 192

Отдѣлъ шестой. *Отъ Петра I-го до Екатерины II.* 1689—1762 (73 года).
1. Царствованіе Петра I-го 205
2. Екатерина I и Петръ II 232
3. Анна Іоанновна и Анна Леопольдовна 238
4. Императрица Елизавета 247
5. Императоръ Петръ III 257

Отдѣлъ седьмой. *Отъ Екатерины II до Николая I-го* 1762—1825 63 года).
1. Императрица Екатерина II 261
2. Императоръ Павелъ I 287
3. Императоръ Александръ I 299

Отдѣлъ восьмой. *Царствованіе Императора Николая I-го* 1825—1855 (30 лѣтъ).
1. Возшествіе на престолъ 319
2. Войны съ Персіею и Турціею (1826—1830) 323
3. Мятежъ польскій и холера (1830—1831) 329
4. Законодательство. Отмѣна уніи. Народное образованіе (1831—1848) 334
5. Европейскія революціи и Крымская война (1848—1854 . 343
6. Кончина императора Николая и миръ Парижскій (1855—1856) 351

25p.

